КУЛЬТУРА И НАУКА

Айвазовский

Юлия Андреева

ВИП

ВЕЛИКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРСОНЫ

Айвазовский

Юлия Андреева

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Историю великого художника моря — Ивана Константиновича Айвазовского можно пересказать как сказку, чудесную легенду о мальчике, влюбленном в море, или еще точнее, очарованном морем, юноше, поймавшем водную стихию за волну и заставившем ее перетечь до последней сверкающей капли на свои полотна, о мужчине, мечты которого исполнялись и любовь не оставляла его ни на одно мгновение жизни.

Книга Ю. Андреевой подробно и увлекательно рассказывает о жизни и творчестве выдающегося русского мариниста XIX века.

- Юлия Андреева
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27
  - Глава 28
  - Глава 29
  - Глава 30

    - Глава 31
    - Глава 32
    - Приложения
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34
    - 35
    - 36
    - 37
    - 38
    - 39
    - 40

- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84

- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128

- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172

- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216

- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260

- 261
- 262
- 263
- 264
- 265
- 266
- 267
- 268
- 269
- 270
- 271
- 272
- 273
- 274
- 275
- 276
- 277
- 278
- 279
- 280
- 281
- 282
- 283
- 284
- 285
- 286
- 287
- 288
- 289
- 290
- 291
- 292
- 293
- 294
- 295
- 296
- 297
- 298

Юлия Андреева
АЙВАЗОВСКИЙ

Море — это моя жизнь.

И. К. Айвазовский

Глава 1

Он был, о море, твой певец.

А.С. Пушкин.

Историю великого художника моря — Ивана Константиновича Айвазовского хочется пересказать как сказку, чудесную легенду о мальчике, влюбленном или, еще точнее, очарованном морем, юноше, поймавшем водную стихию за волну и заставившем ее перетечь до последней сверкающей капли на свои полотна, о мужчине, мечты которого исполнялись и любовь не оставляла его ни на одно мгновение жизни.

Но прежде чем говорить о самом Иване Айвазовском, справедливым будет поведать о его родне. Вот как пишет о своей семье сам Иван Константинович: «Родился в Феодосии (в Крыму) 1817 года июля 17 дня. Родители Константин Григорьевич и Рипсиме Айвазовские»[1]. А вот и нет, ошибся художник, а может, и специально приврал. Какие еще Айвазовские? Откуда?

Впрочем, давайте по порядку: жил-был армянин Константин (Геворг) Григорьевич Гайвазовский, человек умный и предприимчивый, в меру смелый и рискованный, но вполне осмотрительный и мудрый купец, или, если кому-то больше нравится, «негоциант». Много бродил он по белому свету, оставил благословенную Польшу, в которой, скорее всего, провел детство и где его армянская фамилия Айвазян превратилась сначала в Гайвазян, а затем и в Гайвазовский. Жил Константин с родителями и братьями недалеко от города Львова. Хорошо жилось ему под отеческим кровом, легко давались цифирная наука и непростое торговое дело, еще лучше шли языки. А как же иначе, когда дома говорили по-армянски и по-польски, кругом белели малоросские хаты, в лавку же что ни день наведывались евреи, русские, малороссы и поляки, время от времени шумным веселым табором приезжали цыгане. Мужчины тут же налаживали переносные кузницы, женщины гадали и плясали на площадях и рынках.

Но однажды умер добрый родитель, похоронили дети отца, и старшему, как в сказке, перешла лавка, среднему… в общем, Константину Григорьевичу из отцовского наследства не досталось даже породистого кота, собрал он в котомку личные вещи да и пошел странствовать по белу свету, счастья искать.

Куда только судьба не заносила смелого купца — жил он в Галиции в Дунайском княжестве (так в те времена называли

территорию, размещенную на нынешней Молдавии и Валахии). Возможно, пришлось кочевать вместе с табором цыган, во всяком случае, Константин Григорьевич по воспоминаниям сыновей знал цыганский. Шли годы, а дорога все не кончалась. Вот уж темные волосы странника покрыл легкий иней седины, на лице прорезались глубокие морщины, а не было у него своего дома, любимой женщины, не бегали рядом веселые детишки.

Так бы, возможно, и закончил свои дни никому не нужный бобыль Константин Гайвазовский или Геворг Айвазян, он назывался и так и эдак, в зависимости от того, где проживал, если бы однажды не услышал новость, изменившую его жизнь. В гостинице, в которой остановился по своим делам негоциант Гайвазовский, люди наперебой обсуждали последние известия. Оказывается, русский государь даровал маленькому городку Феодосия права «порто-франко»,[2] мало этого, город, в котором после войны с турками осталось всего 350 жителей и который медленно, но верно умирал, должен был теперь словно восстать от долгого и тяжелого сна, расправить крылья подобно сказочной птице Феникс и зажить совершенно новой жизнью. Город воскресал из мертвых и нуждался в свежей крови: каменщики, рабочие, купцы, ремесленники приглашались в Феодосию на выгоднейших условиях. Впрочем, Феодосия была готова принять любого, кто желал обосноваться на новом месте, вкладывая в это свой труд или хотя бы капитал. Всем желающим перебраться в Феодосию правительство предоставляло бесплатные земельные участки для постройки жилых домов, а также лавок, амбаров, мастерских и вообще всего, что только могло пригодиться для начала дела на новом месте.

Пока Константин Григорьевич собирался в дорогу, заканчивал дела на старом месте, перевозил свой скромный скарб в Феодосию, в город приехало уже около шести тысяч новых жителей. Повсюду шло активное строительство. Крохотный городишко, расположенный у подножья последних отрогов Крымских гор, задышал, набирая силу, как поднимающийся после долгой болезни человек.

Первым делом правительство конечно же строило порт, снабжая его всем необходимым для встречи и стоянки иностранных судов. Одновременно появилось множество трактиров и гостиниц, способных принимать заезжих гостей. Расширялся рынок. Вскоре у берегов Феодосии действительно появились разнообразные корабли, и город, точно овеянный невидимым духом, вдруг одновременно заговорил на разных языках. Итальянцы, испанцы, греки, турки, русские, малороссы… Всем хватало место на шумном базаре, вина в питейных, кафе и

трактирах, веселых девиц, сплетен и новостей.

В Феодосию везли товары со всего юга огромной России. Мешки, ящики и корзины грузились на корабли для отправки в заморские страны, из Греции купцы доставляли изюм, винные ягоды, маслины, орехи, кофе, сок гранатовых яблок — нардек, сарацинское масло, густо вываренный виноградный сок — беклиз, душистую траву кена (хна), которой модницы красили волосы, чтобы те сверкали оттенками рыжего закатного солнца.

Константин Григорьевич взялся за дело, умная голова и немного удачи. Месяц прошел или полгода, не суть, для начала он обзавелся крошечным домиком на окраине города. Еще немного усилий, и вот уже прекрасная соседка армянка Рипсиме стоит рядом с ним у алтаря. Мечта начала исполняться. Наконец-то судьба заметила Гайвазовского и повернулась к нему своим сияющим ликом. Молодая супруга вскоре отяжелела и через год после свадьбы подарила своему уже немолодому мужу долгожданного первенца Григория,[3] еще через год родился второй сын Саргис[4] (в монашестве принявший имя Гавриил (Габриэль). Казалось, счастью не будет конца, молодая семья начала подумывать о приобретении дома в центре города, и тут началась война. 12 июня 1812 года молодой французский монарх Наполеон I[5] вторгся на территорию России. Первые три сотни блестящих всадников 13-го полка в сопровождении полковых музыкантов под песни и веселую музыку переправились на русский берег. Победоносная армия готовилась взять новые земли голыми руками, получить просторы на тарелочке с голубой каемочкой, принять вместе с павшими знаменами и заслуженным лавром.

В связи с военными расходами правительство лишило Феодосию прав порто-франко, сразу же уменьшился приток товара, пошатнулась торговля. Все это не могло не отразиться на доходах мелкого купца Гайвазовского и как следствие на его семье. Мало того, одновременно с войной на Феодосию и весь Крым обрушилась чума!

Люди болели и умирали, правительство было всецело погружено в военные проблемы, не до чумы, а тут еще Рипсиме родила одну за другой двух дочерей, к сожалению, их имена не сохранились. Казалось бы — собирай вещички, сажай на арбу жену с младенцами и беги куда глаза глядят. Но куда бежать? Вскоре Константин Гайвазовский разорился и был вынужден оставить торговлю, занявшись тяжбенными делами. Понимая, что помощи ждать не от кого, Римсиме принялась за рукоделие. И надо отдать должное матери нашего героя, делала она свою работу виртуозно. Обученная с малолетства искусству

вышивания, теперь она уверенно помогала своей семье, просиживая ночь над пяльцами, а днем возясь с детишками.

Это было очень тяжелое время. Полтора года свирепствовала чума, полтора года чуть ли не каждый день возвращавшийся с работы Константин Григорьевич сообщал любимой жене о смертях их общих знакомых и друзей. Полтора года изнурительного труда и страха за своих крошечных детей.

Уже было продано приданое Рипсиме, часто в доме почти не было еды, но они никогда не теряли надежды выкарабкаться. Чудо, что в это тяжелое время Рипсиме и Константин Григорьевич не заболели и сохранили всех детей. Может быть, как раз повезло, что после рождения Саргиса они не переехали в центр, а остались на окраине. Домик возвышался на продуваемом всеми ветрами холме. Наверное, именно это спасло семью, и чума так и не постучала в их убогое жилище.

17 июля 1817 года у Гайвазовских, или Айвазян, появился третий сын, Ованес, которого весь мир будет знать как Ивана Константиновича Айвазовского. «17 (29) июля 1817 года священник армянской церкви города Феодосии сделал запись о том, что у Константина (Геворга) Гайвазовского и его жены Рипсиме родился «Ованес, сын Геворга Айвазяна». Выходец из южной Польши — Геворг Айвазян писал имя и фамилию на польский лад — Константин Айвазовский», пишет Г. С. Чурак (заведующая отделом живописи второй половины XIX и начала XX века Третьяковской галереи). Но это будет еще не так скоро. А пока крошечный Ованес мирно посапывает в своей колыбельке, рядом тихо играют братья и сестры, а мама любовно вышивает детские вещички. Напевая над ним колыбельную, она то и дело смотрит на ребенка, ласково именуя его, нет, не Иваном, и даже не Ованесом, а Оником, почти ониксом. Так называют камень, в котором словно запечатлены морские волны самого разного цвета. Оникс камень вождей и прорицателей, он приносит радость и защищает от бед. Именно таким будет Ованес Гайвазовский или Иван Айвазовский. Всю жизнь он будет защищать и оказывать помощь тем, кто нуждается в ней, а его картины принесут радость и заставят людей верить в то, что их мечты рано или поздно, но обязательно сбудутся. Он будет строить школы и галереи, устраивать выставки и бесплатно обучать молодых художников.

Все будет именно так, со знанием дела вещаю я из грядущего XXI века, до которого пока ни моему герою, ни его семье нет никакого дела. Говорю я вам, все будет именно так! А пока Онику надо вырасти. Мама устроила его в колыбели, в которой до малыша спали оба старших братика, тюлевый полог надежно

защищает новорожденного от досужей мошкары. Детские пеленки, несмотря на бедность, обшиты кружевами работы самой Рипсиме, голубые кружева напоминают морские волны, голубая лента повязана в роскошный бант над колыбелькой. Когда придет время выносить малыша гулять, его тесно запеленают и перевяжут этой самой роскошной атласной лентой, глядите, сын Гайвазовских на маминых ручках следует к морю. Смотрите и не говорите, что не видели! Рипсиме сама выбирала эту широкую, чем-то напоминающую орденскую, ленту в лавке. Взяла одну, но дорогую, а не две дешевые, как просил Геворг. Ослушалась с умыслом и теперь рада. Над первыми двумя сыновьями болтался в воздухе перевязанный опять же голубой лентой пучок розог — чтобы дети с рождения знали, что за любую провинность их ждет неминуемое наказание. Так Саргиз-озорник возьми однажды, да и дотянись розовой пухлой ручкой до прутьев, чуть глазки себе родимый не выколол. Да и к чему эта показная строгость, когда Константин даже голос на детей не поднимает? Это ведь довести надо такого спокойного отца, чтобы он вдруг взял и выпорол дитятю. А раз нет непременных наказаний, к чему эти никчемные розги?

Каждое утро мальчик просыпается под рокот морских волн, днем из окна своего дома он видит открывающийся перед ним морской простор, впитывая неповторимый запах моря, а ночью засыпает, убаюканный теми же волнами. Вместе со своими друзьями Ованес будет купаться в бухте на Карантине и бегать в порт, любоваться на суда и слушать бесконечные морские истории. В его жизни еще появятся друзья и любимые, дочери, внуки и внучки… но один персонаж будет сопровождать его всегда, ревниво следя за тем, чтобы художник ни на минуту не забывал о нем, этот персонаж — вода. Вода, которую Айвазовский научится понимать с детства, которую будет изучать и любить всю жизнь.

Каждую весну шумными потоками талая вода будет сходить с гор, для того чтобы на короткое время брать город в плен. Вода будет подмигивать художнику солнечными зайчиками в каналах Венеции и вздымать тяжелые седые воды Балтии, готовые обрушиться на военный корабль, на котором юный Айвазовский будет проходить свою первую в жизни практику. Вода зазовет его в Италию, Грецию, Турцию, заставит пространствовать по миру и в своей неистовой любви чуть было не утопит вместе с командой и всеми пассажирами парохода в Бискайской бухте, по дороге из Англии в Испанию. Пресса объявит о гибели корабля, плача о безвременной кончине величайшего певца моря.

Благодаря этому скорбному известию в Париже у продавца

картин г. Рюэлля уйдут по невероятно большой цене все выставленные там картины Айвазовского. После чудом спасшийся из морской пучины художник будет долго еще вспоминать этот анекдот, радуясь, что остался жив, и благодаря судьбу за нежданный барыш.

Впрочем, волны и ветер опять унесли нас слишком далеко вперед. Итак, маленький Ованес Гайвазовский жил в бедной, но дружной семье, в которой, может быть, не было золота и дорогих нарядов, на праздники отец не мог купить детям игрушки, вроде тех, в которые играли соседские ребятишки, но зато их дом был всегда открыт для гостей и даже случайных людей, которые стучались в двери, просясь впустить их переночевать. И пусть угощения, которые ставила перед гостями прекрасная Рипсиме, ничем не напоминали пиры, устраиваемые в домах городничего и знатных горожан, но все было вкусно и сопровождено такой добротой и искренним желанием услужить, что небогатую семью Гайвазовских все любили и уважали.

Не было на рынке человека, который бы не знал Константина Григорьевича, бедняки то и дело просили составить им прошения и жалобы, платя за работу потертыми грошами или вместо денег принося корзинку яблок из собственного сада или старую одежду для детей. Но Гайвазовские никогда не горевали, и дети жили, не ощущая бедности и зная, что они самые счастливые на свете. А раз так, когда вырастут, они так же, как их родители, будут помогать бедным и обездоленным, будут звать к себе бродячих музыкантов и устраивать праздники на радость всей округе.

В 1820 году в Неаполе произошел военный бунт возглавляемый карбонариями (угольщиками), призывавшими народ «очистить лес от волков», то есть изгнать тиранов. Солдаты маршировали по улицам города, украсив свои кокарды лентами трех бунтарских цветов: красного, черного и синего. Австрия делала упорные попытки стереть неаполитанскую армию с лица земли, но на подмогу военным поднялись студенты и пролетарии, водрузившие над цитаделью Турина знамя.

Греческий князь и генерал-майор русской армии Александр Ипсиланти[6] вместе со своим отрядом перешел через Прут, объявив, что покончит с турецким владычеством. Князь был разбит, но его боевое знамя тут же было подхвачено руками восставших вслед за ним греков.

Ованесу было три года, когда греки восстали против Турции. В те дни в доме Гайвазовских собирались люди — бывалые моряки делились своими соображениями относительно судьбы трехцветных героев, пытаясь прикинуть, повлекут ли недавние события за собой перемены в жизни России. Многие

переписывали или заучивали наизусть так созвучное времени стихотворение никому толком еще не известного Вильгельма Кюхельбекера:

Века шагают к славной цели —
Я вижу их, — они идут! —
Уставы власти устарели:
Проснулись, смотрят и встают
Доселе спавшие народы.
О радость! грянул час, веселый час свободы!

Во Франции и Италии люди требовали конституцию. Странное, незнакомое слово, больше похожее на женское имя — кого княгини или богини — отзывалось тревожными волнами в сердце будущего художника.

«Да здравствует конституция!» — услышал однажды на улице русский гравер Федор Иордан[7]. Услышал, да ничего не понял, и от того простодушно осведомился у прохожих, ибо — «этому слову нас никогда не учили», что за «конституция» такая, узнал от какого-то шутника, что это-де «жена великого князя Константина Павловича», и, успокоенный, побрел дальше, глязея по сторонам и не в силах «придумать, что это значит».

Греки, турки… вместе с отцом Ованес часто бывал в лавках и кофейнях, которые держали и те и другие, и теперь пытался разобраться в происходящем, взбудораженный громкими голосами и общим возбуждением.

Узнав о том, что Турция, которую поддерживали египетские войска, жестоко расправилась с восставшими, не щадив ни малого, ни старого, мама разрыдалась. Вместе с ней безутешно плакали сестренки. Брат Григорий, девятилетний гимназист, старался держаться стойко, как настоящий мужчина.

В городе было полно турецких лавочек, которые традиционно кучковались впритирку друг к дружке, там тоже бывали маленькие Гайвазовские с родителями. Они вообще отлично ориентировались на базаре, так как Григория как старшего часто посылали за покупками, а вместе с ним увязывались младшие братья. Теперь же они с удивлением и ужасом открывали, что еще совсем недавно на рынке, где нынче торгуют всякой всячиной, турки продавали рабов!

В то время они, наверное, чувствовали себя властелинами мира, а нынче… нынче, когда Турция враг Российского государства? Хвост поджали. Сидят и ждут, когда им под крышу кто-нибудь запустит по старой памяти красного петуха. Впрочем, куда от домов, от лавок, от семьи, да детишек, от насиженных

мест денешься?

«А ты видел когда-нибудь красного петуха? — стараясь сдерживать волнение, дергал за рукав братца Саргиса любопытный Ованес. — А красные петухи вообще бывают?»

Родители не покупали в турецких лавках, но Ованес часто заглядывался на турок в красных шапочках-фесках, вечно улыбающихся и с поклоном приглашающих к ним за покупками — люди как люди. Один старый добрый турок часто угощал малышей сладостями и рассказал братьям Гайвазовским, что Феодосия переводится с греческого как богом данная. Что стоит этот город, обласканный добрым морем, более двух тысяч лет назад, основанный греками. Именно они нарекли город этим красивым именем. А ведь все знают, каково имя, такова и судьба. Так бы и жила красавица Феодосия, греясь под ласковым солнышком, вся в цветах, украшенная небольшими изящными статуями и красивыми богатыми виллами с мраморными колоннами и мозаичными полами, как это любят богатые греки, когда хорошо городу — и живущим в нем людям весело и привольно. Но однажды позавидовали прекрасной госпоже Феодосии злобные гунны, разрушили они статуи чужих богов, поломали беседки и виллы, разогнали веселые хороводы и утвердили на обломках свою дикую власть. С того времени ушло счастье из Феодосии, а вскоре гуннов сменили татары и генуэзцы, которые нарекли город Кафой.

Рассказывая это, старый турок показывал в сторону генуэзской крепости, куда время от времени водил детей отец. И малыши кивали рассказчику, веря каждому его слову. Уж больно старым казался им торговец сладостями, таким старым, что наверняка сам видел и как построили первый в городе дом, и как красивые девушки и дети в прозрачных хитонах танцевали, славя своих богов, как прыгали по лесам развеселые проказники фавны. Турок был древним, а его сладости — вкусными.

Вот так, не вылезая из сказок, малыши постигали первые уроки истории. Что же до турка, то тот лукавил и, болтая о генуэзцах и гуннах, никогда не опускался до воспоминаний о рынках рабов, не говорил о турецком правлении, да и вообще если и поминал о плохом, то ограничивался событиями глубокой древности.

Глава 2

Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна.

Е. А. Баратынский, «На смерть Гёте»

Когда Ованесу исполнилось восемь лет, он впервые в жизни увидел Александра Пушкина,[8] находившегося в то время в южной ссылке и гостившего в семье генерала Раевского[9] в Феодосии, и начал рисовать. Трудно сказать, связаны ли между собой эти два события, но согласно легенде, в конце сентября 1836 года в Академии художеств Пушкин вспомнит о своем последнем дне в Феодосии, когда стоя на палубе военного брига, увозящего его в Гурзуф, он написал:

Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.

Легенда повествует, что в тот жаркий июньский день — день рождения Ованеса, отец повел его и братьев в порт, где собственно и состоялась знаменательная встреча. Пушкин в компании семьи Николая Николаевича Раевского и Семёна Михайловича Броневского отправился в порт, дабы сесть на ожидавший их бриг. Константин Гайвазовский взял младшего сына на руки, чтобы тот мог разглядеть большие корабли, и в этот момент Маша Раевская заметила красивого смуглого мальчика на руках у отца и кивнула в его сторону Пушкину. «Посмотрите, этот ребенок так похож на вас», — прощебетала красавица, после чего Пушкин обернулся и пристально посмотрел на малыша.

Согласно той же легенде, спустя шестнадцать лет в Петербурге Александр Сергеевич познакомится с молодым феодосийским художником Гайвазовским и вспомнит тот самый день и мальчика на руках у отца.

Сейчас нам трудно сказать, как было на самом деле. Восьмилетний Айвазовский мог запомнить юного Пушкина уже потому, что это был его день рождения, праздник, гуляние с отцом, в тот день за столом ему досталось много вкусного. Отец

принес красивый и весьма дорогой подарок — кораблик с парусами. Первую в его жизни по-настоящему ценную вещь. Такие счастливые дни не забываются. Но вот с чего бы запомнить случайного мальчика Пушкину? Уж скорее можно предположить, что он сохранил в памяти нежный образ Маши Раевской, в которую был влюблен. По одной из версий, стихотворение «Талисман» он написал именно ей, а не Воронцовой, как об этом утверждается повсеместно. Но одно дело вспомнить, а совсем другое разоткровенничаться о былом в присутствии законной супруги…

Вот как рассказывает об этой встрече Айвазовский:

«В настоящее время, — писал Иван Константинович своему знакомому Кузьмину[10], — так много говорят о Пушкине и так немного остается в живых тех, которые знали лично великого поэта, что мне все хотелось написать вам несколько слов из своих личных воспоминаний о встрече с А.С. Пушкиным. В 1837 году, за три месяца до своей смерти, именно в сентябре, Пушкин приехал в академию художеств с женой Натальей Николаевной, на нашу сентябрьскую выставку картин.

Узнав, что Пушкин на выставке и прошел в Античную галерею, мы, ученики, побежали туда и толпой окружили любимого поэта. Он под руку с женой стоял перед картиной художника Лебедева, даровитого пейзажиста, и долго рассматривал и восхищался ею. Наш инспектор академии Крутов, который его сопровождал, искал всюду Лебедева, чтобы представить Пушкину, но Лебедева не оказалось нигде. Тогда, увидев меня, он взял меня за руку и представил Пушкину, как получающего тогда золотую медаль (я оканчивал в тот год академию). Пушкин очень меня ласково встретил и спросил меня, где мои картины. Я указал их. Как теперь помнится, то были «Облака с Ораниенбаумского берега» и другая — «Группа чухонцев». Узнав, что я — крымский уроженец, Пушкин спросил: «А из какого же вы города?» Затем он заинтересовался, давно ли я здесь и не болею ли на севере…

Тогда, во время нашего разговора, я его хорошо рассмотрел, и даже помню, в чем была его красавица жена. На ней было изящное белое платье, бархатный черный корсаж с переплетенными черными тесемками, а на голове большая палевая шляпа. На руках у нее были длинные белые перчатки. Мы, все ученики, проводили дорогих гостей до подъезда. Теперь я могу пересчитать по пальцам тех лиц, которые помнят поэта: их осталось очень немного, а я вдобавок был им любезно принят и приглашен к нему ласковой и любезной красавицей Натальей Николаевной, которая нашла почему-то во мне тогда сходство с

портретами ее славного мужа в молодости».

Вот так — из какого вы города? И не болеете ли на севере? И ничего больше. Впрочем, Айвазовский отличался предельной скромностью и писал он Кузьмину с единственной целью, чтобы тот передал, если получится и если тот посчитает нужным, его свидетельство о встрече с гениальным поэтом в какую-нибудь газетенку. Не о себе — любимом, о Пушкине! Так к чему личные переживания и, с точки зрения автора, неинтересные массовому читателю подробности? Он так и писал: «Если вы найдете, что в настоящее время эта маленькая статья может быть интересной хоть сколько-нибудь, то благоволите отдать напечатать. Сам я, признаюсь, не решаюсь этого сделать».

В своей книге «Повесть о художнике Айвазовском» Лев Арнольдович Вагнер и Надежда Семеновна Григорович вдохновенно описывают эту встречу, полную радости и взаимных восторгов, мне же кажется более значительным в характеристике нашего общего героя одна неброская строчка его письма к Кузьмину: «Сам я, признаюсь, не решаюсь этого сделать», а ведь это пишет художник с мировым именем.

Ованесу было всего десять, когда отец скрепя сердце был вынужден отдать его прислуживать в кофейню к греку Александру. Тяжко, не такой судьбы просил у бога трудолюбивый Константин Гайвазовский, не такой заслуживал добрый, талантливый Ованес, но да что тут поделаешь, когда дома есть нечего? На семейном совете решили так: пусть Оник зиму поработает, а за это время, глядишь, удастся скопить денег на уездное училище. Потянулись тяжелые дни мальчишки на побегушках — этому принеси, за этим убери. Бегай с утра дотемна, да вдыхай удушливый запах кальяна. Тяжело.

Но и это не самое страшное. Можно работать в кафе, а после работы разносить готовые вышивки заказчикам матери. Помогать по дому и не смотреть в сторону лавок со сластями. Все можно выдержать, если знаешь, что вечером вся семья соберется за столом, а ночью можно будет поболтать со старшими братьями. Особенно Оник был дружен с Саргисом. Обсуждая подслушанные в кафе разговоры, планируя очередной поход к крепости в поисках спрятанного там клада — они были лучшими друзьями. Саргис — Друг и вожак, самый близкий на всем свете человек, с которым можно поделиться тайной или заветной мечтой, и надо же, чтобы именно ему выпало уезжать из дома. Надолго ли? Ованес слышал, как ночью на кухне рыдала мама. — Навсегда. — Понял он.

Целыми днями отец ходил хмурым, даже не пытаясь делать веселое лицо, все равно не поверили бы. Умный, начитанный

Саргис — надежда семьи — вынужден уезжать в далекую Венецию, дабы продолжать там обучение в одном из монастырей. У Саргиса никогда не будет жены и детей, он навечно останется там, среди книг и молитв, весь в черном, точно погребенный заживо. Не хочется думать о таком, потому что это глупо, нечестно и недостойно — Саргис как ангел божий будет молиться за семью, и в доме снова поселится счастье. Но какое же счастье без Саргиса?

— Вот увидишь, я вернусь и заберу тебя с собой, — успокаивает младшего братишку будущий послушник. — Мы поедем в далекую Италию, в прекрасную Венецию. Ты увидишь город, в котором нет улиц, а лишь одни сплошные каналы. Представляешь, там вовсе нельзя ездить в каретах, и в телегах тоже никак — потому что вода. И гулять… гулять тоже нельзя. А все только и делают, что плавают в легких лодочках, обтянутых черным бархатом, и поют песни.

Ованес представляет себе город воды, и ему хочется оказаться там, побродить, как Христос, по улицам-рекам или поплавать. Он хорошо плавает, и даже если не будет денег нанять лодку, он все равно не ударит в грязь лицом, не станет ныть и жаловаться, а будет плавать. На базар с большой корзиной на спине, в лавку к сапожнику, да куда нужно будет, туда и поплывет. Главное, чтобы Саргис был доволен и не прогнал его от себя. Главное, чтобы они никогда не расставались.

Мальчик засыпает, и во сне ему видится дивный город, в котором царствует Ее величество вода…

Вода — добрая стихия, для Оника почти что родственная, не случайно же все соседи говорят, что он как рыба может жить в воде. Крым — две стихии — вода и камень, два мира — морской и горный. Каждый по-своему притягателен и любим. Каждый хранит свои истории и сказки. Оник с ребятами много раз находили на берегу после отлива позеленевшие от времени монетки — память о живущих здесь прежде людях. Но история в его голове путается, самовольно перетекая в сказку, или земля тут такая — насквозь пропитанная сказаниями. Феодосию в тех сказках-сказаниях называют по старинке Кафой, как какую-нибудь гордую госпожу — повелительницу крепости, вроде Айше-воительницы.

— Когда-то давно жил в этих местах хан Мамай, — рассказывает отец. — Но ханы не могут жить просто так, им непременно нужно завоевывать другие города и народы. Вот и решил он, чем далеко ходить, взять внезапным приступом нашу Кафу. — Константин делает паузу, вопросительно смотрит на мальчиков, поняли ли? Уразумели, о чем речь идет?

— Да, поняли уже. Давно поняли. — Мальчишки сто раз слышали эту историю и уже давно заготовили верные луки да деревянные мечи, дабы сразиться, кто на стороне зловредного хана, а кто как доблестный защитник Кафы. Жребий решит.

— Хан разработал план действий и рассказал о нем своему первому помощнику, а тот не удержался и ночью поведал услышанное жене. Но все же знают — нельзя доверять тайну болтливой женщине.

— А не болтливой? — Обижается за маму справедливый Саргис.

— И не болтливой, увы, нельзя, — вздыхает отец. — Неболтливая женщина расскажет одной-единственной подруге, под страшным секретом, а та другой… третьей…

В общем, вскоре новость облетела Кафу, народ успел закрыть ворота, вооружиться, и когда начался штурм, на головы осаждающих полетели горячее масло и свинец. Это был жаркий бой. Много народа погибли под стенами нашего города, много полегло защитников.

Сам хан Мамай был вынужден бежать. Забравшись в свой дом, велел он запереть ворота, двери и наглухо закрыть все ставни. Только ничего ему уже не помогло. Люди из Кафы разрушили дом хана Мамая и убили его самого.

— Нет, не так… — перебивает отца Ованес, — мама рассказывала, что его пронзили тысячи стрел, а потом еще тысячи мечей пробила его печень, после чего хан умер.

— Ушли благородные мстители из разрушенного дома Мамая, а ночью туда прокрался слуга покойного хана. Он тайно вывез тело своего господина и похоронил его в том месте, который теперь называется Мамаевой могилой. Помните, в прошлом году дедушка Георгий, что живет в доме с цветными стеклами, бывал в тех краях?

— Помним, помним. — Но дольше слушать невмоготу, в ход идут мечи и стрелы.

— Чур, я хан Мамай, — кричит Саргис, обнажая меч.

— Почему ты? Ты в прошлый раз был. Я хан Мамай, — орет Оник. Вместе они бегут на штурм старой крепости. Позабыв о том, что буквально завтра знакомый купец просто возьмет Саргиса за руку, вместе они взойдут на крошечное купеческое суденышко и…

Боль утраты настигает Оника во сне, и он просыпается в слезах. А наутро брат действительно покидает дом.

Глава 3

Говорят, что в картинах Айвазовского плещутся все воды Мирового океана. Я считаю, что это преувеличение: Океан, конечно, велик, но не безразмерен.

О'Санчес

Почувствовав склонность к рисованию, Ованес израсходовал всю имеющуюся в доме бумагу: корабли, солдаты, герои греческих мифов, все, на что только не упадет взор маленького художника, тут же попадает в его рисованный мир. Но бумага дорого стоит, отец просто не может позволить себе покупку целой пачки, а в розницу выйдет еще дороже, денег едва хватает прокормить семью. Ованес трудится в лавке у грека, но его заработок не следует тратить впустую, скоро ему предстоит пойти в церковно-приходскую школу, и тогда столько всего понадобится. Старший должен закончить учебу и, устроившись на работу, сможет как-то помогать, средний в далекой Венеции. Если так пойдет и дальше, не получится скопить на приданое, и девочек никто не возьмет замуж. Мать бесконечно перешивает и латает старую одежду, а тут еще и эти глупости…

За отсутствием хоть какой-то бумаги мальчик рисует на всем, что подворачивается ему под руку, первыми пострадали деловые бумаги отца, за что Оник впервые был порот, но не сдался. Вместо этого он взял уголь и расписал стены своего дома, а затем дома и беленые заборы соседей.

Получив внушение от отца, маленький живописец вынес из него следующую мораль: подходящие для работы поверхности предстоит искать подальше от родного квартала, где его в два счета вычислят.

На рассвете, когда город еще спит, будущая мировая знаменитость прокрадывается к заранее облюбованной стене, где и предается самозабвенному творчеству. Не правда ли, похоже на наших мальчишек, «украшающих» города граффити? При этом у горожан отношение к раннему творчеству великого маэстро приблизительно такое же, как и у современных нам граждан, с той единственной разницей, что если какой-нибудь озорник изобразил нечто кислотное на стенах жуткой, никогда толком не ремонтированной девятиэтажки в Питере, где я, собственно, и живу, я, скорее всего, пройду мимо, может, полюбопытствую, или

посетую на нерадение полиции. В Феодосии же юный художник расписывал частные дома, которые строжайше предписывалось содержать в чистоте. А следовательно, в любой момент мелкий полицейский чин мог заявиться в дом к ни сном, ни духом не ведавшим, что его забор за ночь превратился в картинную галерею, горожанину, и под угрозой штрафа потребовать закрасить непотребство. А ведь это расходы — купи краску, отыщи свободного от дел «Тома Сойера», на худой конец, покрась сам, а потом еще и следи, когда маленькие наглецы вновь явятся пачкать.

Больше всего доставалось гладким, ровно выбеленным стенам дома почтенной горожанки Кристины Дуранте (последняя сделалась знаменитой исключительно благодаря истории с Айвазовским), которая извелась, вынужденная постоянно закрашивать точно по волшебству появляющиеся рисунки. Было ли ей дело до того, что солдаты на стенах ее дома с каждым днем становились все совершеннее и совершеннее, что немудрено, так как с недавнего времени сам городской архитектор господин Кох соблаговолил взять Ованеса в ученики.

Впрочем, среди невольных зрителей первых «выставок» настенной живописи юного Ованеса были не только критики, но и его яркие почитатели. Одним из них, на счастье мальчику и его семье, оказался сам феодосийский городничий Александр Иванович Казначеев[11]. Новый градоначальник завел себе похвальную привычку чуть ли не ежедневно совершать одинокие прогулки пешие или в коляске по улицам города, высматривая нарушения и строго взыскивая с блюстителей порядка. Это было необычно, но очень даже своевременно. Последние несколько лет генерал-губернатор Новороссии и наместник Бессарабской области Михаил Семенович Воронцов[12] почти перестал выделять средства на благоустройство города, многие казенные дома нуждались в ремонте, мостовые расползлись, к приезду Казначеева неважно выглядели набережная и рынок. У правительства России заметно ослаб интерес к Феодосии, а Воронцов не то что не собирался давать городу еще один шанс, а еще и с особой жестокостью издал приказ о запрещении иностранным судам останавливаться в Феодосии для карантинного очищения. Теперь по приказу генерал-губернатора их направляли для этой цели в Керчь. И естественно, именно в Керчи те брали все необходимые им товары и особенно зерно, которым традиционно торговала Феодосия. Мало этого, коммерческий суд был также переведен из Феодосии в Керчь. Таким образом, один город укреплялся на крови другого, чему было сложно противостоять.

Вот и местные жители повадились захламлять собственные дворы и выливать на улицу помои или просто выбрасывать из окон ненужный мусор. Но и это еще не самое страшное — Феодосия жизненно нуждалась в питьевой воде, а денег на рытье каналов в казне не было.

Перед тем как сесть на городское хозяйство Феодосии, Казначеев служил правителем канцелярии новороссийского и бессарабского наместника графа Воронцова в Одессе. Лично дружил с Пушкином и даже заступался перед его сиятельством, когда, заподозрив поэта в грехах амурного толка, Воронцов распорядился употребить Александра Сергеевича по его прямому назначению, то есть как журналиста, направив его на борьбу с саранчой.

Впрочем, последнее никто не мог знать доподлинно, зато было известно, что во время войны с французами Казначеев был ординарцем при главнокомандующем фельдмаршале князе Голенищеве-Кутузове. Сражался под Бородино, Тарутиным, при осаде Дрездена, под Лейпцигом, во время же второго похода во Францию служил в чине полковника лейб-гвардии Павловского полка в корпусе генерал-адъютанта графа Михаила Семеновича Воронцова. То есть был человеком во всех смыслах заслуженным и уважаемым. А ведь это хорошо, когда городничий привык носить мундир, а не штафирку! И совсем не плохо, если супруга градоначальника Варвара Дмитриевна не какая-нибудь кислая уездная барышня, знающая только свои пяльцы да любовные романы, а, бери выше, образованная дама из рода князей Волконских. Утонченная натура, большой знаток моды. Такой бы покровительствовать художникам и музыкантам, собирать вокруг себя салон не хуже, чем в Петербурге или Одессе. Но только не в забытой богом Феодосии, прости Господи!

Так вот, катался Александр Иванович по городу, наблюдая, как, завидев издалека его модную рессорную коляску, будочники тотчас начинают строжить купцов да громогласно ругаться с извозчиками, выказывая несвойственное им радение по службе. Гулял, гулял, да и заехал на окраину, туда, где волны морские плещут о камень только что укрепленной набережной, а в прибрежных тавернах можно встретить самый разнообразный люд — от чиновника из Петербурга, приехавшего со срочным донесением, до разодетых в живописные лохмотья караимов[13] или слепых певцов бандуристов, цыган и торговцев всякой всячиной.

Из порта он свернул в сторону частных домов, намереваясь проехать мимо приметного забора, из-за которого виднелись недавно расцветшие ветки желтой акации. Но на этот раз по двум

сторонам калитки, вытянувшись во фрунт, стояли солдаты. Казначеев приложил ладонь козырьком к глазам, защищаясь от солнца, но так ничего и не понял. Солдаты у калитки жилого дома, не иначе как произошла какая-то беда. В самых нехороших предчувствиях Александр Иванович попросил человека ехать быстрее. Он почти что поравнялся с ветками акации, когда вдруг произошло чудо — стоявшие на посту и вроде как переговаривающиеся между собой солдаты обратились в искусно выполненные рисунки. Ну, конечно. Углем по белым стенам, как же он сразу не заметил, что в одежде служивых не наблюдалось никаких цветов, что изображение плоское?! Хотя какое же оно плоское? Написавший солдат неведомый художник явно не понаслышке знал о перспективе и был незаурядно талантлив. Оставалось только узнать, кто он. Срочно познакомиться, пригласить к себе, получить разъяснения относительно столь странного месторасположения его произведений. Да, главное — во всем разобраться. Понять, что это — новое ли модное веяние, протест против действия властей, необычная прихоть хозяев дома или, быть может… но в этот момент к городничему подошел жирный с красным лоснящимся от пота лицом будочник.

— Виноват. Не мог знать. Мы его — мазилку этого паскудного, того, в смысле на соседней улице ждали. Стену он там одну повадился пачкать. Хозяева сначала на свои средства закрашивали, а с неделю назад не выдержали такой напасти и пожаловались. Вот мы и караулим теперь посменно. Потому как безобразника этого явно привлекает вид белой ровной стены. Так получается, что пока мы его ждали там, он, мерзавец, уже здесь успел насвинячить.

— Есть какие-нибудь предположения, кто это мог быть? — сдвинув брови, задал вопрос Казначеев.

— Детишки балуются, — будочник развел ручищами, — кто же еще? Может, из гимназии или из церковно-приходской школы, тут рядом при армянской церкви. Детишки… это уж всем известно. Хорошо, если он один такой — мазилка-то. А что, коли их целая артель трудится? Один с чистыми руками ходит, проверяет, нет ли рядом кого, а другой тем временем надписи бранные или рисунки срамные малюет. По опыту могу сказать, ловить таких шалунов не простое дело, потому как нельзя же всех, у кого руки от угля черные, арестовывать. Таким макаром мы ведь грязнуль со всего города в невиданном количестве соберем. А выследить сложно — потому как никогда заранее не знаешь, где они пачкуны эти пошалить решат. Вот и приходится, пока не поймали, за счет городской казны замалевывать.

— Все понял, ты ни в чем не виноват, братец. — Казначеев

задумался. — Только вот тебе с сегодняшнего дня задание лично от меня. Все дела чтобы оставил и только пачкуна этого мне сыскал. Не тех, кто паскудными надписями или рисунками стены в нашем городе поганят, мне бы вот с этим, что вот такие рисунки делает, потолковать. Там ведь, где ты засаду устроил, такие же художества? Я правильно понял? Сделаешь?

— Не извольте беспокоиться. Споймаю, — расплылся в улыбке будочник. — Из кожи вот вылезу, а поймаю.

В то время Ованес Гайвазовский уже оставил свою работу в кофейне. Отец досрочно определил его в армянскую приходскую школу. Несколько раз в неделю мальчик бывал у городского архитектора Коха, а в свободное от уроков время самозабвенно рисовал на всем, что только подворачивалось под руки, и играл на скрипке.

Появление в бедном доме Гайвазовских скрипки — чудо. Снова кто-то одарил младшего сына Константина Григорьевича, не оставив, как это случается в добрых сказках, даже памяти о себе. Не иначе добрый ангел постарался.

Зачем музыкальный инструмент ребенку, который ни на чем не играет? Мальчику, родители которого не могут нанять учителя? Ованес обошелся без наставников и нот. Азы показали ему на базаре уличные музыканты рапсоды, во всяком случае, по многочисленным свидетельствам современников, скрипку он держал на восточный манер, уперев ее в левое колено. Таким образом, он мог одновременно играть и петь, мелодии Гайвазовский подбирал по слуху.

Родители были довольны успехами своего младшего сына, скрипка тоже дело хорошее — ив компании всегда развеселить сможет, а тяжко придется, хотя бы в трактире станет играть. С художеством сложнее — все ведь знают, что без образования можно быть талантливым-расталантливым, а все одно в люди не выбиться. Кто ему будет заказы давать? Портреты семейства, когда его и не знает-то никто? А посему нужно учиться, и не здесь. В Риме или Петербурге. Учиться, совершенствоваться, полезные знакомства заводить. А иначе же как?

Похожие мысли тревожили Якова Христиановича Коха.

«Мальчику уже двенадцать, — расхаживая по мастерской, рассуждал про себя феодосский архитектор. — Еще несколько лет, и будет поздно обращаться с ходатайством в Академию художеств, где нынче берут с четырнадцати. Да и возможно ли обратиться, не будучи человеком сколько-нибудь известным в столице? Кто станет рассматривать протекцию всеми забытого архитектора из крохотного города в Крыму? А значит, пиши я или не пиши, никто из тамошних светил палец о палец не ударит. Мы

же с Оником будем ждать год, два, пять… пока родители не пристроят мальчишку в какую-нибудь лавку, как уже определяли в кофейню. А там… прощай талант, прощай маленький гений. Загубили!».

Оставалось последнее: пойти на поклон к кому-нибудь из именитых горожан, а то и сразу же к городничему. Для этого дела Яков Христианович собрал в толстую папку все имеющиеся у него работы Гайвазовского, напялил потрепанный на рукавах и потертый до сального блеска на боках сюртучишко и направился к недавно вернувшемуся со своей обязательной прогулки Александру Ивановичу.

Разумеется, Казначеев сразу опознал манеру Гайвазовского, нашел и эскизы замеченных сегодня солдат. Кинув на кожаные подушки коляски папку и усадив рядом весьма удивленного такой поспешностью архитектора, велел показывать дорогу к дому маленького художника.

Обычно мальчишек, пойманных или уличенных в расписывании чужих стен, отдают на суд родителей, с предписанием как следует высечь негодников. Кроме того, семье вменяется в обязанность произвести необходимый ремонт на свой счет.

На том и делу конец. Но в истории с Айвазовским, или извините, тогда еще Гайвазовским самое плохое волшебным образом преобразуется в прекрасное. И познакомившись с родителями Ованеса, добрейший Александр Иванович сначала пригласил их вместе с юным художником к себе, где Ованес, или, как тут же стал называть его Казначеев, Ваня Гайвазовский, был представлен супруге градоначальника, величавой, точно каменная греческая богиня, Варваре Дмитриевне и их сыну Саше. По счастью, мальчики оказались одногодками и сразу же сдружились. Прощаясь с Оником и его растроганными родителями, Казначеевы вручили мальчику огромную коробку с красками, кисти и бумагу с просьбой не оставлять рисования и бывать у них как можно чаще.

Дальше Казначеев сначала начинает приглашать Ваню Гайвазовского по определенным дням, потом оставлять его у себя на праздники. Градоначальник переводит его из приходской школы в уездное училище, где мальчик попадает в класс, в котором уже учится Саша. После занятий Ваня и Саша проводят время с мусье, который гуляет с ребятами по городу, следя за их поведением и забавляя интересными историями. С родителями он видится по выходным, стараясь принести им гостинец со стола своих благодетелей или просто поговорить, погулять где-нибудь вместе. Проходит еще немного времени, и вот уже к мальчикам

нанят учитель рисования — то, что больше всего на свете сейчас нужно Онику. Одновременно Варвара Дмитриевна следит за тем, чтобы пришлого мальчика можно было показывать в свете, не краснея за его плебейские манеры.

Казначеев берет на себя полное содержание юного художника, воспитывая его точно родственника. Вообще, Александру Ивановичу Оник нравился — наконец-то его прежде постоянно жалующийся на скуку сын обрел друга. И не только друга, любознательного, доброго товарища, от которого он мог многое узнать. С которым он делился своими переживаниями, радостями и первыми разочарованиями.

Даже чопорная Варвара Дмитриевна относилась к Онику с понятной снисходительностью, беря его с собой в гости или вызывая в гостиную, когда приезжали к ним. В этом случае Гайвазовский вез с собой скрипку и играл для знакомых и незнакомых людей, находя в этом для себя высшую радость.

К слову, при всей скромности и природной доброте и благодарности мальчика, Варвару Дмитриевну не могли не настораживать его странные привычки, приобретенные за время, проведенное Оником в бедняцком квартале. Так, мальчик мог вдруг исчезнуть неведомо куда и пропадать целый день, немало не заботясь о том, что его обыскались. Он любил подолгу оставаться в одиночестве, запираясь в своей комнате или найдя себе покойное место на чердаке или в глубине сада. Но самое досадное, он не оставлял прежних знакомств и словно в пику ей то и дело норовил познакомить Сашу с портовыми грузчиками или вечно пьяными моряками. Оголец явно был своим человеком на рынке. Во всяком случае, приставленный к Саше мусье неоднократно докладывал госпоже о том, что, де Ованес общался со слепыми бандуристами и мальчиками, проводниками, болтал с каким-то подозрительным жидом, на вопрос о роде занятий которого ответил коротким и непонятным словом «шемес».[14] Не объяснил, а мусье постеснялся переспрашивать. Мог вдруг убежать в полуразрушенную крепость. А там кто его знает, ну провалился бы куда-нибудь или ноги поломал. А им потом за него ответ держать. Один раз даже Сашу туда таскал, хорошо, учитель рисования вовремя тайный сговор обнаружил и с ними пошел. И еще неизвестно, чем бы там все закончилось. А ведь у нее один-единственный ребенок, может ли она так рисковать Сашей?

В общем, Гайвазовский вел себя как вполне нормальный художник-интроверт, которому время от времени необходимы свобода и одиночество, или, с точки зрения заботливой госпожи Казначеевой и, я полагаю, большинства женщин, как законченный

эгоист.

Отчего-то принято считать, будто бы Варвара Дмитриевна была излишне строга с юным художником, не любя его, а единственно стараясь в будущем погреться в лучах его славы. Лично мне эта версия кажется данью, которую писатели и историки СССР были вынуждены платить правящей партии. Напиши они, что Иван Айвазовский искренне любил семью Казначеевых, а те считали его чуть ли не сыном — книга не была бы пропущена цензурой. А так — художник тяготился своей ролью приживалки, хозяйка вздорная баба, которой нужно было только покрасоваться, какая она замечательная — дала стол и кров талантливому мальчику. Да сколько их было, талантливых? Сколько еще будет? Можно вкладывать миллионы в воспитания будущих гениев, а кто из них действительно хоть чего-то добьется — неизвестно. Можно усыновить или стать покровителем целого детского дома, благодаря чему наживешь себе не только головную боль, но и язву, да вот только будет ли хоть какой-нибудь толк? Бог знает, но он предусмотрительно не делится имеющейся у него информацией.

Сам Айвазовский до конца своих дней был благодарен этой семье.

В 1829 году Казначеева назначают Таврическим губернатором. Для исправления этой должности 17 августа он переезжает вместе с семьей и воспитанником Иваном Гайвазовским в город Симферополь. С этого дня заканчиваются воскресные отлучки домой, родители вынуждены смириться с длительной разлукой. Впрочем, все идет на пользу. Мальчик одет, обут, всегда хорошо покормлен. Он живет в богатом доме у самого губернатора, учится в Таврической гимназии, и, быть может, в самом скором времени сбудется его сокровенная мечта стать художником.

Симферополь очаровывает Оника — дома с роскошными садами, ухоженные аккуратные улицы, прогулки в коляске и верхом, новые знакомства: Наталья Федоровна Нарышкина[15] — уважаемая губернская дама, в загородный дом которой они часто наведывались всей семьей. Там же архитектор Тончи смотрит рисунки Гайвазовского, лишний раз подтверждая, что губернаторская семья благодетельствует юному гению и будущей большой знаменитости. Не иначе. Родная внучка полководца Суворова Варвара Аркадьевна Башмакова,[16] урожденная Суворова-Рымникская — умная, не любившая мешкать да откладывать дело в долгий ящик дама. Все эти люди принимают активное участие в судьбе юного художника. Каждый по-своему, но в результате Тончи составляет прошение на имя министра

императорского Двора князя Петра Михайловича Волконского,[17] в котором, ссылаясь на письмо жены действительного статского советника Нарышкиной, ходатайствует об отправке Ивана Гайвазовского для обучения живописи ни много ни мало в Рим!

Получив означенное послание и прилагаемые к нему весьма талантливые рисунки, Волконский сразу же берется за дело. Тончи не простой художник, а коллежский советник, к мнению которого нельзя не прислушаться. Петр Михайлович пишет в свою очередь запрос на имя президента Академии художеств Оленина[18] «О целесообразности принятия И. К. Гайвазовского в ученики Академии».[19] В котором всеподданнейшее излагает прошение Тончи и интересуется относительно возможности взять Ивана Гайвазовского в Академию. И то верно, к чему посылать ребенка в Рим, когда у себя в отечестве есть прекрасная школа?

Переписка была недолгой, и вскоре определенный по высочайшему повелению в число пенсионеров императорской Академии художеств на счет Кабинета его величества[20]13-летний Ованес был принят в класс профессора Максима Никифоровича Воробьева.[21] Вот так без лишней канители, бесконечных экзаменов и нервотрепки.

В Петербург юного художника привезла все та же Варвара Аркадьевна Башмакова, устроившая его у себя на первое время. Согласно донесению президента Оленина министру Двора, Ованес прибыл в Академию 23 августа 1833 года.[22]

Приблизительно с этого времени в документах феодосийского художника происходит еще одно изменение — его измененная в Польше фамилия «Гайвазовский» время от времени пишется как «Айвазовский». Позже родные Ивана Константиновича также поменяют свою фамилию.

Вообще, писать историю Айвазовского и не поминать счастливую звезду, ангелов хранителей, случай или попросту чудо — необыкновенно сложно. Потому что этого художника всю жизнь сопровождали самые настоящие чудеса. Ладно, дорогая скрипка и явно посланный свыше благодетель Казначеев. — Скажем прямо, бывает. Но посмотрите на само поступление художника в престижную Академию и заодно сравните с поступлением в оную сегодня. Для того чтобы зачислить тринадцатилетнего безродного и безденежного мальчика на государственный счет, потребовалось: 1. Письмо госпожи Нарышкиной архитектору Тончи. 2. Письмо Тончи к князю Волконскому. 3. Запрос Волконского президенту Академии Оленину. 4. Ответ Оленина с согласием принять Айвазовского. 5. Оленин сообщает о том, что Айвазовский явился в Академию.

«Раз, два, три, четыре, пять — будет мальчик рисовать!» —

весело выкрикнул неведомый нам добрый чародей и взмахнул своей волшебной палочкой. Не правда ли, не верится, что в бюрократической царской России, все могло быть так просто и прозрачно? Но все было именно так. Конечно, на Оленина произвели впечатления рисунки феодосийского мальчика, и огромное спасибо семейству Казначеевых, неравнодушной госпоже Нарышкиной и вообще всем, кто принял участие в судьбе талантливого подростка, ведь если бы не они, вряд ли талант художника мог бы проявиться, а скорее всего, сгинул, изживая сам себя, как это случается с сотнями и тысячами не открытых вовремя талантливых детей.

Глава 4

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой…

А.С. Пушкин

Петербург, о котором Ованес слышал как о северном, холодном и недружелюбном городе, встречал юного крымского художника неожиданно приятной погодой, почему бы и нет — август месяц — лето! В первый же день мальчик сбежал из дома своей благодетельницы и гулял, гулял, гулял, пока хватило сил и дневного света, разглядывая дома и любуясь на воду в каналах. Его платье было сшито по моде, в карманах позвякивали какие-то деньги. Он шел, машинально подмечая красивые виды и планируя непременно нарисовать их такими, как увидел в день приезда. Петербург сразу полюбился Айвазовскому, а значит, и он рано или поздно должен был понравиться этому величественному, прекрасному городу. Дома у Башмаковой у него хранился специальный ларец с рекомендательными письмами от Казначеева, благодаря которым мальчик должен был познакомиться с людьми, которые помогут ему в будущем. Ведь все знают, как важно отыскать друзей и покровителей. Как это поистине необходимо будущему художнику.

Хотелось всего и сразу — познакомиться с известными художниками и зодчими, непременно произвести приятное впечатление на учителей академии и друзей Казначеева, еще нужно было выделиться среди других академистов, заставить общество заговорить о его рисунках, обратить на себя внимание журналистов. Без заказов — никак. Государь обещал оплачивать обучение, Ованес будет жить при академии, его накормят и дадут какую-то одежду, но этого все равно мало. Оник просто обязан пересылать деньги родным. Раньше думали, вот Саргис подрастет и будут они вместе с Григорием работать в какой-нибудь лавке и приносить деньги в дом, а теперь Саргис ничего уже не пришлет с чужбины, а Григорий, того и гляди, женится и тогда уже будет тратиться только на свою семью. Отец писал, что Саргис принял монашество, и теперь его следует называть Габриэл. Губы упорно не желают выводить это скорее ангельское, нежели человеческое имя «Габриэл», про себя Ованес упорно продолжает называть брата Саргисом. По всему выходило, что именно он — Ованес —

теперь обязан содержать семью. Неслучайно же он оказался в этом прекрасном городе. В городе, к которому стремятся все тонко чувствующие люди, к городу, в котором сбываются мечты!

Исаакиевский собор — еще недостроенный, но уже со всеми своими сорока восьми колоннами весом в сто тонн каждая. Казначеев рассказывал, что на зрелище установки колонн приезжали смотреть как на величайшее чудо архитекторы со всего мира. Первую колонну подняли в 1828 году, последнюю установили в 1830-м. Одну колонну навострились поднимать за 40–45 минут! Невероятная скорость! Волшебник Монферран,[23] никак иначе. Казначеев что за два года установки колонн в Петербург несколько раз наведывался, и на диво-дивное смотреть изволил, и радовался. Тем не менее про архитекторский дар Огюста Монферрана много чего нехорошего наговорил. Мол, и многие недовольны, что в таком хмуром, холодном городе такую громаду темную ставят, а надо бы по-русски — белокаменный храм с золотыми куполами, что подобно цветочкам к солнышку тянутся. Что архитекторы на француза косятся, и мастера ропщут, мол, все у того вкривь да вкось, против правил великого зодчества, да и несообразно со вкусом. Но да государь любит Монферрана-счастливчика и все ему позволяет. Впрочем, колонны уже возведены, стены тоже подросли чуть выше уровня колонн, а проекты до сих пор дорабатывают и за безграмотного французика переделывают всей Академией художеств. Так что годы пролетают. А каким быть собору, никто толком не знает.

Впрочем, Ованес не усмотрел в недостроенном здании собора ничего безвкусного, разве что удивился, что начатое в мраморе продолжалось кирпичом. Впрочем, это уже детали, многое в Петербурге той поры, начатое в прежние времена в мраморе, нынче достраивали кирпичом. Собор в строительных лесах напоминал величественную гору, а горы он любил.

Медный Петр, как на картинках в магазине Дациаро,[24] вздыбив коня, застыл с простертой дланью над пропастью. Вокруг памятника чугунная оградка с вызолоченными остриями и натертыми множеством рук шишечками. На этом месте когда-то стояла церковь преподобного Исаакия Далматского. Святой, почитаемый Петром, день рождение которого пришлось на день поминовения преподобного. Церковь возводилась при Петре Алексеевиче. Хорошо, что Казначеев все это рассказал, добавив, что петербуржские жители в массе своей давно привыкли ходить мимо окружающих их чудес, и будут рады, коли он, прогуливаясь со своими новыми друзьями, вдруг возьмет да и блеснет знаниями.

Впрочем, отчего Казначеев считал, будто местные жители не

замечают красоты? Возле медного всадника полно разнообразного люда. И млад и стар, и чиновник и нищий, и гувернантка с детьми, и не пойми кто, подходят, смотрят. Притягивает их медный царь, что ли, иначе почему они такие хороводы вокруг него водят?

Солнце уже садилось, когда, проходя мимо Петропавловской крепости, Оник увидел, как река вдруг обернулась сплошным золотом. Прекрасным праздничным покрывалом, расшитым миллионами сверкающих алмазов, она текла мимо мальчика, предвещая ему только хорошее.

Невольно это зрелище напомнило ему Крым, а точнее одну старую легенду, услышанную в далекой и любимой Феодосии. Легенду о золотом береге.

Когда-то в старые времена Крым находился во власти турок. Правитель города Ялта жадный толстый Амет-ага накопил огромные сокровища, каждодневно посылая своих верных слуг бродить по городу и отнимать все сколько-нибудь стоящее у беззащитных перед ним мирных людей.

Однажды русский царь услышал о несчастиях, творившихся в Крыму, и послал туда своих солдат. (Вспоминая о русских войсках, Оник с благодарностью поглядел на красные стены крепости.) Услышав о приближении русских, Амет-ага так испугался, что погрузил все свои сундуки на большой корабль и дал деру. Но не тут-то было: вдруг неведомо откуда налетел ветер, поднялась буря, ударила молния, и в следующее мгновение, обернувшись грозным чудовищем, Черное море поглотило корабль Амет-аги вместе со всеми награбленными им сокровищами.

На следующий день люди пришли на берег и увидели, что за ночь песок сделался золотым.

«Это море отобрало у проклятого турка наши деньги и, разбив их на мельчайшие частички, усеяло берег, сделав его драгоценным», — объяснил собравшимся произошедшее чудным образом затесавшийся в толпу горожан незнакомый старец с трезубцем в руках.

Золотые закатные волны — цвет которых столь несвойствен в этих северных широтах ласковым напоминанием о Крыме — навсегда остался в памяти художника.

Есть легенда, будто бы гуляя в первый день по улицам Петербурга, Айвазовский случайно познакомился со странным пожилым господином, который, узнав, что юноша играет на скрипке, уговорил его продемонстрировать свое умение. После чего вместе они отправились сначала на квартиру к Башмако-вой за инструментом, а потом незнакомец повез его в нанятой карете

в незнакомый дом, рядом с которым на набережной разлеглись фивские сфинксы. Ованес самозабвенно играл песни своей далекой родины, а прослезившийся профессор Воробьев внимал юному дарованию. В конце импровизированного концерта они догадались представиться друг другу, и тут выяснилось еще одно чудо, что сразу же приехав в Петербург, Ованес познакомился со своим будущим учителем, а тот обрел в юном музыканте своего лучшего ученика. Здание же, в котором феодосийский художник играл на скрипке, как вы уже несомненно догадались, было Академией художеств, где Ованесу суждено будет прозаниматься несколько лет. Красивая легенда. Но к сожалению, это только легенда. Как мы уже говорили, Ованес прибыл в академию 23 августа 1833 года, о чем свидетельствует записка Оленина. Сфинксы же обрели постоянную прописку на набережной летом 1834 года. То есть в то время Академия художеств не ассоциировалась зданием, рядом с которым находятся сфинксы. Факт подобной встречи учителя и ученика не отражен нигде, кроме как в книге писателей Л. Вагнера и Н. Григорович «Повесть о художнике Айвазовском». Единственной правдой этой красивой истории остается тот факт, что и Воробьев и Айвазовский оба играли на скрипках, и что феодосийский художник действительно был определен в класс профессора Воробьева.

Потянулась череда тяжелых, похожих один на другой, дней в святая святых российской живописи — Академии художеств. Ранние подъемы, построение на обязательную молитву, занятия в классах. Холодно, по коридорам гуляют похожие на незримые духи сквозняки, озноб сковывает руки в классах, холод забивается под просторную, изрядно забрызганную краской куртку, ему тоже хочется погреться. Ноги зябнут в неудобных туфлях. Самое время купить обувку попросторнее да потеплее. Учитель перетягивает спину пуховым платком. Другой платок на шее, на голове ермолка. Но попробуй так же одеться ученик — сразу начнут ругаться. В столовой тоже холодно, а еды мало. Нальют чуть тепленький настой шалфея вместо чая, и еще издеваются, мол, на строительстве и того не получите, кипяток с медовой патокой да кусок хлеба — и твори задравши голову или скрючившись в три погибели. Но здесь и этому были бы рады.

Ночью тоже холодно, хоть ложись полностью одетым, хоть накрывайся с головой проточенным молью жестким одеялом — не спасает. Под одеялом стучишь зубами, пока не начинаешь задыхаться, высунешься, положишь голову на ледяную подушку — и тут же мерзнут уши. Купи на последние гроши газету и накройся ею поверх одеяла — теплее. Только тогда уж и лежи точно труп, боясь лишний раз шелохнуться или закашляться.

Газета непременно упадет на пол.

Гайвазовский постоянно мучается от холода, страдает частыми простудами, для него, южанина, холод почти невыносим. Спасает одно — ночью он засыпает, вспоминая звуки моря. Ах, как же хорошо, наверное, теперь в родной Феодосии, теперь-то он понимает, что зима на юге это совсем не то, что зима на севере. Сейчас бы он гулял и гулял по берегу, читая волнам недавно приобретенный журнал с «Евгением Онегиным», любимая поэма уже вышла книжицей, но его устраивает и такой вариант, тем более что стихи давно уже запали в душу и остались в ней навсегда, как падает с корабля в море веселая золотая монетка. Душа, точно монетка, брошенная в волны… Оник вспоминает, как вместе с другими ребятами помогал рыбакам доставать из сетей рыбу. После работы он мог взять несколько штук домой, и вечером мама жарила добычу на большой сковороде с душистыми травами. Ему не хватает привычной еды, песен, радости и гостеприимства, которым отличаются феодосийцы. Лежа в холодной постели, он подолгу вспоминает, как, гуляя по берегу, искал выброшенные волнами «сокровища». Некоторые горожане специально вставали с солнышком, отправляясь на поиск оставленных морем вещей. Говорили, будто бы кто-то из рыбаков однажды нашел настоящую золотую цепь, и еще в кафе у грека показывали кресты утопленников, которые сердобольные русалки специально выносили со дна морского, дабы вдовы и дети погибших моряков могли опознать их и отслужить заупокойную службу. Сам Оник никогда не находил золота, но зато в изобилии попадались разные другие любопытные вещи — куски старых горшков и ваз, зеленые от времени монетки, куски дерева, еще совсем недавно бывшего частью погибшего корабля. Монетки он относил в музей к доброму господину Броневскому, бывшему градоначальнику и большому знатоку древностей, все же остальное нужно было нести в порт, дабы там бывалые мореходы рассматривали находки, гадая, какой корабль потерпел бедствие на этот раз.

С ужасом и одновременно благоговением Оник смотрит на море — приливы сменяются отливами, море дает, но оно же и отнимает. Бурное и спокойное, ласковое и властное.

«Ты лучше всех в Академии рисуешь воду, — слышится откуда-то из классов голос профессора Воробьева. — это твой кусочек хлеба. У нас мало хороших художников-маринистов. По пальцам сосчитать».

«Только не возгордись. Не перегни палку, — прорывается сквозь ночную дрему голос Саргиса. — Море может и отобрать дар. Каждый день лови его за волну, собирай по капелькам. Вода

протечет сквозь неповоротливые пальцы, и ты останешься с носом».

«Оник, не мог бы ты привезти мне хоть какой-нибудь еды? — раздается вдруг над самым ухом вкрадчивый голос матери. — Твой отец уже старый, у нас совсем нет денег, так можешь или нет? Мы голодаем».

Юноша мгновенно просыпается, не в силах сдерживать рвущееся из груди рыдание. Его сердце сумасшедше стучит. Конечно, это только сон. И там, в далекой Феодосии, мама не одна. Рядом сестры, отец, соседи, наконец. А Оник… да, даже если он будет откладывать половину своей порции, разве есть такая сила, которая бы могла доставлять все это тут же домой?

Ощущение своего ничтожества почти невыносимо. Да, он действительно лучше всех в академии может запечатлеть на рисунке воду, но академия — это еще не весь мир. В этой похвале он ощущает тревогу. Потому что если Воробьеву будет больше нечего дать ему, тогда придется переходить в батальный класс, рисовать корабли и оружие. А воду. Кто после умнейшего Максима Никифоровича сумеет преподать ему, как следует писать воду? Если выяснится, что профессор научил своего талантливого ученика всему, что умел сам? Его что тогда — выгонят из Академии?

Быть лучшим в выпуске, в Академии, и быть лучшим художником моря — суть не одна и таже. Но если здесь он не сумеет отыскать себе новых учителей, сочтут ли господа профессора его достойным отправиться в Рим?

Мысли о жизни, постоянные тревоги о доме не дают покоя, тихий ласковый голос матери, просившей прислать ей хоть какой-нибудь еды, преследует Гайвазовского так, словно он и вправду может что-то сделать, но не хочет этого.

Центральный городской исторический архив Санкт-Петербурга содержит массу писем и прошений от И. К. Айвазовского в Академию художеств с просьбой о пересылке денег на содержание его семьи в Феодосию: «Статья 18. Слушано прошение художника 14 класса Айвазовского № 954. Определено: объявить художнику Ивану Айвазовскому, что правление академии, споспешествуя благому его делу отправления из назначенной на содержание его суммы родительнице его в место жительства по 25 р., в каждую треть на себя принимает».[25]

> «Сей достойный художник не по алчности к деньгам желал бы получить некоторую сумму за его труды, но единственно для большего обеспечения престарелых и беднейших своих родителей, пребывающих в Крыму. Их

участь он по возможности устроил частью насущного своего хлеба.

Вот черта нравственности г. Гайвазовского, которая служит к вящему украшению художнического его таланта!»[26]

Он мало общается со сверстниками, больше читая и изучая живопись по книгам, любезно предоставленным ему другом Казначеева Томиловым.[27] Соученики, которые любили бродить по городу, то и дело заходят в кухмистерские или ренсковые погреба, где можно было посидеть за стаканом вина или пива, невольно отдалялись от задумчивого юноши, или это он невольно терял контакт с ними. Но что он мог поделать? Хорошо погулять по городу с друзьями, побродить в белую ночь, радуясь ее прозрачности и особой поэтичности. Когда же нагулявшись друзья шли в трактир, Айвазовский был вынужден исчезать под каким-то благовидным предлогом. У него не было на это денег, а жить за счет других — стыдно. Академисты получали подарки из дома, куда отправлялись на выходные, возвращались, нагруженные гостинцами. Он же не ждал от родных ничего, кроме разве что теплого письмеца, с новостями о соседях и друзьях, хоть чего-то, что бы напомнило о доме.

Он много болел: «Академист Айвазовский быв переведен несколько лет пред сим в Санкт-Петербург из южного края России и именно из Крыма, с самого [начала] пребывания его здесь всегда чувствовал себя нездоровым и многократно уже пользуем, был мною в академическом лазарете, страдая, как прежде сего, так и ныне, грудною болью, сухим кашлем, одышкою при восхождении по лестницам и сильным биением сердца; все сие должен я приписать геморондам, еще не совершенно образовавшимся. Почитая состояние здоровья его тем более опасным, что сверх всего того имеет он расположенное к чахотке телосложение, могущее весьма легко превратиться в чахотку при неблагоприятных обстоятельствах, в особенности же у лиц, переселившихся из южной страны в здешний климат», — читаем мы в рапорте штаб-лекаря Академии художеств Оверлаха президенту Академии о состоянии здоровья И. К. Айвазовского. От 12 октября 1836 г.

Постоянные простуды, недомогания и кашель провоцируют депрессии. И просто счастье, что именно в это время Айвазовский не брошен на милость судьбы, не оставлен своими друзьями и благодетелями. Вот, казалось бы, устроили Казначеев и его знакомые мальчика в Академию, кормят его там, одевают, учат уму-разуму, чего еще желать? Самое время вымыть руки и

расслабиться, пока он либо закончит Академию и вернется в Феодосию, либо заявится на побывку. Ан нет, не такой человек Александр Иванович Казначеев, чтобы на кого-то полагаться, помните, что вез с собой, пряча в особый ларчик как драгоценный дар, Айвазовский? Правильно — рекомендательные письма, которые, как волшебные ключи, должны были открыть ему дома и сердца, кого бы, вы думали? Алексея Романовича Томилова, в доме которого постоянно собирались известные художники, такие как личные друзья Томилова — Орест Адамович Кипренский,[28] Александр Осипович Орловский,[29] композитор Михаил Глинка[30] и еще много интереснейших людей.

В картинной галереи хозяина дома было немало шедевров Рембрандта,[31] Пуссена,[32] модного и уже весьма знаменитого Карла Брюллова,[33] пейзажиста Сильвестра Щедрина,[34] автора портретов, батальных и жанровых картин Орловского и многих других известных живописцев.

Томилов не запрещал Гайвазовскому хоть целый день проводить среди его картин, следя лишь за тем, чтобы юноша не забывал пообедать. А ведь это очень важно для молодого художника иметь возможность не просто видеть прекрасное, а иметь возможность детально изучить манеру того или иного художника срисовывая, учась. Не менее важно говорить с уже состоявшимися мастерами, задавать им интересующие его вопросы, получать ответы.

Второе не менее важное знакомство, которым Айвазовский также был обязан Казначееву, был князь Александр Аркадьевич Суворов-Рымникский.[35] Его сиятельство был единственным оставшимся в живых внуком Александра Васильевича Суворова и родственником госпожи Башмаковой. Александру Аркадьевичу не было еще и тридцати лет, но он делал военную и придворную карьеру и в дальнейшем мог быть весьма полезен начинающему художнику. Кроме того, дом Суворова-Рымникского славился на весь Петербург великолепной библиотекой, которой Айвазовскому было разрешено пользоваться.

Таким образом, свободные от академии часы и все выходные Айвазовский старался проводить в этих домах, то копируя картины в галерее Томилова, то с увлечением читая в библиотеке Александра Аркадьевича. Другим не менее важным времяпрепровождением стали вечера, устраиваемые в доме Томилова, на которых появлялся композитор Глинка, поэт Нестор Кукольник,[36] граф Матвей Юрьевич Виельгорский,[37] часто гости и хозяева убеждали и самого Гайвазовского взяться за скрипку и поиграть для всеобщего увеселения.

И еще, любитель долгих пеших прогулок — молодой

художник часто и много бродил по пленившему его душу Петербургу. Его поражает гений Монферрана — в первый день он увлекся разглядыванием колонн Исаакиевского собора, после как завороженный ходил смотреть на стоящую в лесах одинокую колонну с ангелом. Любая работа Монферрана — большое событие в жизни города и горожан, потому что кто же откажет себе в удовольствии хотя бы раз съездить да поглядеть, как в ожидании огромного каменного монолита с берегов финского залива будет выстроена специальная пристань возле Дворцовой площади. Для чего же новая? А просто ни одна прежняя не годилась. Очевидцы рассказывали, как оплетенный со всех сторон канатами огромный столп при помощи блоков и кабестанов медленно, но верно подтягивался, приподнимаясь одним концом все выше и выше силами двух тысяч военных, четырехсот рабочих, на глазах у специально приехавших на поднятие колонны гостей, императорской семьи и, разумеется пришедших посмотреть на редкое зрелище зевак. Поставили в вертикальное положение колонну всего за час сорок пять минут. Потрясающее зрелище.

Но установить колонну — это еще полдела, неутомимый Монферран взялся за закрепление на пьедестале барельефных плит и элементов декора, саму же колонну следовало отполировать. В результате сверху колонна, или столп, название дал Александр Сергеевич Пушкин в своем стихотворении «Памятник», увенчалась бронзовой капителью дорического ордена с прямоугольной абакой из кирпичной кладки с бронзовой облицовкой для установки на ней пьедестала. В то же время велись работы над статуей, рассматривались несколько вариантов: так, изначально предполагалось, что колонну будет завершать крест, обвиваемый змеей, которая служила бы декорацией крепежа. Скульпторы Академии художеств предложили несколько вариантов фигур ангелов и добродетелей с крестом. Был предложен также проект статуи святого князя Александра Невского, но всех победила статуя скульптора Бориса Ивановича Орловского,[38] которого в городе больше знали под его истинной фамилией Смирнов. Памятник, посвященный победе в войне 1812 года, должен венчать ангел протягивающий крест и как бы говорящий «Сим победиши!» — решение было принято чуть ли не единогласно, и ангел воспарил над Дворцовой. «Сим победиши» — по преданию, фраза, которую видел на небе во время трех сражений римский император Константин Великий, надпись была начертана на кресте. Расшифровав послание буквально, Константин поручил своей матери Елене поехать в Иерусалим и отыскать тот самый крест.

Крест, на котором страдал и умер Спаситель. Елена взялась отыскать крест и выполнила свое обещание.

Взяв себе в привычку гулять вблизи Дворцовой площади, Ованес видел столп в похожих на высокий шалаш лесах, по которым достаточно быстро поднимался пятидесятилетний плотный и неизменно краснолицый Монферран. Взойти на высоту сорок метров и смотреть оттуда подобно завоевателю на покорившийся ему город, то ли упираясь рукой в бок колонны, то ли поглаживая ее. В народе сей памятник давно уже перекрестили в «Монферранову колонну». Как называл ее сам скульптор — оставалось загадкой.

Два года ушло только на отделку памятника. И только в 1834 году состоялось открытие Александрийской колонны. Запланированная церемония была более чем величественная — присутствовали император с семейством, дипломатический корпус, был устроен военный парад — 86 пехотных батальонов, 106 эскадронов конницы и 248 орудий артиллерии, торжественное богослужение. Адмиралтейский бульвар был запружен пришедшим на праздник народом, все крыши оказались занятыми зрителями, рассевшимися там на манер птиц. В одиннадцать три орудийных выстрела возвестили о начале церемонии. Государь командовал парадом, сидя на гнедом жеребце, государыня, свита, двор, духовенство разместились на специально построенном по такому случаю балконе. Начался молебен. В определенный момент император и войска обнажили головы и почти что одновременно опустились на колени. В этот момент с шелестом слетел покров, укутывающий колонну, и зрители разразились криками восторга, которые соединялись с громовыми раскатами «Ура!» крестный ход обошел памятник, окропляя его святой водой, дальше начался парад войск, который длился без малого два часа. К вечеру произошло еще одно приятное событие: весь Зимний дворец вдруг засверкал множеством огней специально приготовленной по этому случаю иллюминации. И до поздней ночи звучала военная музыка.

Приблизительно в это время газеты вдруг разразились сообщениями об обнаруженных в Риме останках Рафаэля, которые перед повторным захоронением для чего-то были выставлены на всеобщее обозрение. Зачем? В кругу Томилова ведется горячее обсуждение: необходимо или нет находящимся в Вечном городе художникам идти на поклон этим мощам. Дамы закатывают глазки, нюхают флакончики с солью, разумеется, они не могли бы смотреть на кости. Известные своей смелостью и решительностью мужчины все как один желали бы увидеть скелет великого художника. Зачем? Не понимает Ованес — для чего живым

смотреть на мертвое? Сколько Рафаэль[39] оставил после себя живых картин? Смотрели бы на них, вот окажись он сейчас в Риме, уж нашел бы на что поглазеть.

Лето. Первые каникулы в Академии художеств Гайвазовский провел в поместье Томилова в селе Успенское, что на берегу Волхова, близ Старой Ладоги. Это было более чем кстати, ибо, как напишет Ф. М. Достоевский:[40] «На улице жара стояла страшная, к тому же духота, толкотня, всюду известка, леса, кирпич и та особенная летняя вонь, столь известная каждому петербуржцу, не имеющему возможности нанять дачу». Вот из этой жары, пыли и вони на простор, чистый воздух и вызволил своего юного приятеля Томилов. Вовремя. Айвазовский уже порядком настрадался от постоянных сквозняков, четкого расписания занятий, а главное — несвободы. Теперь он мог по желанию валяться в постели, пропуская завтрак, или наоборот, подниматься чуть свет, дабы купаться, пока его не позовут за стол. Мог уйти на целую ночь — Томилов уважал стремление художника к одиночеству и особенно не препятствовал юноше жить, как тот сам считает нужным: ходил ли он в гости к местным крестьянам, ловилли рыбу или вдруг проявлял интерес к каким-нибудь ремеслам. В семействе Томилова все любили смуглого, застенчивого Ованеса, который окончательно и бесповоротно был принят в лоно новой семьи. Он же, что ни день, старался сделать своим благодетелям приятное — показать этюд, а то и законченную картину, сыграть на скрипке, рассказать очередную восхитительную историю Крыма или Кавказа, да хотя бы, возвращаясь с гуляния, собрать огромный букет полевых цветов. И еще юноша обладал отменной памятью и знал наизусть множество стихов, особенно нравился ему Александр Сергеевич Пушкин. Читая строки поэта, Ованес чувствовал такой душевный подъем, что вдруг хватался за скрипку и начинал импровизировать на радость домочадцам и слугам.

Впрочем, семейство Томиловых нечасто было на долгое время предоставлено самому себе, в течение лета к ним то и дело заезжали погостить Кипренский, Орловский, а то и целая компания развеселых знакомых, которых нужно было спешно вести в баню, на реку или просто гулять, гулять, гулять, выветривая въевшийся запах столичных строгостей.

За зиму Ованес отощал на казенных харчах и теперь с наслаждением ублажал себя вкусностями с хозяйского стола. Четыре раза в день огромный стол в обеденной комнате накрывался белой накрахмаленной скатертью, во время приезда гостей на него ставились золоченые канделябры с русалками в пять свечей каждый, отчего на душе сразу делалось весело и

торжественно. После того как гости и хозяева справлялись с французским супом или ухой из свежей, выловленной буквально утром рыбы, слуги вносили подносы с индейками и пулярками, запеченные корочки которых сверху были украшены зеленью. По краю блюда выкладывались поджаренные картофелины, тут же выставлялись соусники с разнообразными соусами на все возможные вкусы. Хорошо!

Замечательно посидеть вместе с друзьями за обильным столом, после обеда вкусить пирогов с чаем, к которому специально подают топленые сливки, розово-желтые, точно небо на рассвете. Поговорить, послушать заезжего виолончелиста одного из гостей Томиловых, его сиятельство графа Матвея Юрьевича Виельгорского, о котором итальянцы еще будут говорить, что тот играет так, как должны играть ангелы в раю. Но еще лучше другое, то, что молоко, пироги, масло и все, что осталось от обеда, можно в неограниченном количестве потреблять в течение всего дня. Как же стосковался Ованес по этой пищевой свободе. Как просто было под крылом родимой матушки и как тяжело, когда тебя вроде как и кормят, да только встал из-за стола, а словно не ел. Живот урчит и требует занять его хоть чем-то. Другие идут в кухмистерскую, кабак, кафе, надираются до полного изумления, а он только и может, что заставлять себя думать о чем-нибудь отвлеченном. Как хорошо, что не нужно ни у кого ничего просить, а можно просто собрать себе в узелок свежего хлеба да прихватить бутылку парного молока. Заметит кухарка — так не осерчает, а даже наоборот, еще и пирога в дорогу завернет. Опять молодой барин будет рисовать часа четыре — не оторвешь, а до следующей трапезы еще столько времени…

Здесь в Успенском Айвазовский впервые увидал настоящую русскую природу, начал чувствовать краски воды и северного неба, свет, не свойственный привычному ему югу. Это было удивительно и вместе с тем незабываемо. Вдруг поймать неповторимый колорит, утащить его на свой холст серые, почти что стальные волны или непривычно низкое, иногда давящее небо.

Ованес много купался, катался в лодке, много ходил и рисовал. Томилов приметил, что Айвазовскому вовсе не необходимо подобно другим художникам-пейзажистам подолгу стоять с мольбертом возле выбранного им вида. Потрясающая зрительная память и знание перспективы помогали художнику запоминать мельчайшие подробности пейзажа, так что он делал какие-то заметки на холсте и потом беззаботно бежал окунуться в речку или поиграть в лапту с деревенскими мальчишками.

Начатое произведение он спокойно заканчивал где-нибудь к вечеру, так больше ни разу и не взглянув на избранную натуру.

Зрительная память, так восхищавшая многих знакомых Айвазовского, вскоре сыграет недобрую службу художнику, когда и знатоки живописи и простые зрители начнут находить в его работах торопливость и преступное невнимание к деталям. В 1839 году А. Р. Томилов напишет Ованесу длинное письмо, в котором самым детальным образом разберет пять его картин: «Картина, которая изображает, как говорят, восхождение луны, по моему взгляду, по моим чувствам, не представляет ничего другого, как хорошую кисть и личный вкус художника, натуры же в ней, или часа, никак постичь не можно. Солнечный стог луны и отсвет ее в воде прекрасно напоминает глазу теплоту восхода солнца, теплота эта в первую минуту идет по душе, но сильные, по-видимому, лучи этого животворного светила не разливают никакой жизни на прочие предметы, представляемые в картине, отсветов нет! В сердце моем живо теплое утро, а в картине тихая холодная ночь, чувства мои разнородны с картиною, я не могу гулять в ней». И так придирчиво, внимательно и вместе с тем предельно деликатно разобраны все пять картин, ради которых Томилов был вынужден специально приехать к Григоровичу.[41]

В наше время к художникам уже не предъявляют, мне кажется, требований предельного копирования природы, на это, как говорят многие, есть фотоаппараты. Тогда же от художников-пейзажистов требовали предельной верности в передаче деталей, «…картина должна быть зеркалом природы, или лучше сказать, должна быть слепком тех ощущений, какие природа произвела на чувствие художника», — пишет в том же письме Томилов. У Айвазовского же на картинах, как замечают многие критики того времени, в итальянском пейзаже угадывается Гурзуф, а сквозь турецкий берег вдруг начинает просвечивать Феодосия.

«Ствол удаленного дерева столько же занимает места, как и ствол приближенного, — пишет А. Р. Томилов о картине «Кейф турка, — но увидя вместо Урий двух мужичков за дальним стволом и таких, которые похожи на кукол в сравнении с деревом, я не мог остановиться на этой догадке, и так ничего не разгадал. Зачем окружать предмет своего рассказа такими околичностями, которых не видел тогда, ниже прежде, и которых не хочется выполнить хоть немножко согласно с натурою. Так Кипрянской погубил прекраснейшую свою картину «Анакрюновой пляски», представя в плохом пейзаже и под открытым небом фигуры, которые отлично написал с натуры, в темной мастерской. Грешно портить грезами такую хорошую фигуру, как этот турок!»

Айвазовский правильно воспримет критику со стороны своего друга и благодетеля и сделается более внимательным к своей работе. Но все это будет многим позже, когда он вкусит плодов первой славы и начнет свой уверенный полет.

Теперь же ему необходимо учиться у этой воды, лесов и полей, у тонких теней и непривычно-близкого тяжелого неба. Он должен, просто обязан написать за это дарованное ему лето несколько картин — пусть не для выставки, профессора, скорее всего, сочтут это несвоевременным, в подарок Алексею Романовичу, и… и еще ему не терпится начать получать со своих работ хоть какие-нибудь деньги. Средства, в которых остро нуждается оставленная в Феодосии семья. Мысли о тяжелом положении родителей и особенно матери мучают Ованеса, но именно они помогают сосредоточиться на работе.

Гайвазовский запрещает себе мечтать о чем-то ином, нежели стать известным художником и наконец получать за свои работы деньги. Друзья гуляют по трактирам, тратятся на веселых девиц — понятное дело — молодость и темперамент, душа горит, природа требует чего-то эдакого. Ованес — трудолюбие и экономия. Если театр — то либо с семьей Томиловых, либо скромное место в райке. От вина лучше вообще отказаться — он видит, к чему приводит пьянство, и совершенно не расположен утопить свою жизнь в грязным заляпанном жирными пальцами стакане. Не для того же столько чудесных событий одно за другим, тайных знаков — парусник, Пушкин, скрипка, Казначеев и наконец Академия, Томилов, Суворов-Рымникский. Определенно, по жизни его ведет добрый, мудрый ангел, который не позволит сбиться с пути. Гайвазовский серьезен не по годам, ревнив до всего, что имеет хотя бы косвенное отношение к избранному пути, его же единственным удовольствием было, есть и остается рисование. Все, кто знал Ивана Константиновича, отмечают, с какой быстротой и легкостью он всегда работал. Только с кистью в руках он по-настоящему счастлив. Скорее всего, он не ведает о муках творчества, разве что читал или слышал о них, но никогда не испытывал. Его творчество — захлестывающая радость, любовь, счастье. А когда человек находит счастье в работе, самые трудные задания для него идут в охотку. В Феодосии и затем в Симферополе его хвалили. Приняли в Академию — хорошо, но сколько в этой самой Академии было выпускников и сколько из них по-настоящему известны? Если нет заказов, приходится мыкаться по частным урокам, нужно хотя бы раз выехать за границу. Рим, Венеция, Париж. Иначе ты можешь быть талантливым, можешь гениальным, но если тебя не знают, то и не покупают. В России же знаменит прежде всего тот, кого

назвали маэстро в Италии, мастером во Франции… Нет продаж — ни один купец не возьмет к себе в магазин твою мазню. Нет заказов — соси лапу, точно медведь зимой. Если же ты решил работать на себя любимого в надежде на то, что когда-нибудь твои усилия оценят, либо обзаведись сначала богатыми родственниками, именьем, с которого можно жить, рудниками, или женись на богатой. Нет, Ованесу непременно нужно, необходимо стать знаменитым, получать заказы, смотреть мир, учась у природы, у неба и воды. Феодосия — это прекрасно. Когда-нибудь Айвазовский вернется в свой любимый город для того, чтобы дышать морским воздухом и беседовать на базаре со слепыми бандуристами, он вернется, чтобы скрасить старость своих любимых родителей и завести семью. Но все это будет после того, как он получит настоящее признание. Признание не ради тщеславия, а единственно ради возможности быть свободным, заниматься любимым делом и содержать себя и свою семью.

В усадьбе Томилова он делает множество рисунков с натуры: рыбаки, крестьянские дворики, развалины древней крепости… Не так как в Эрмитаже у Венецианова, где крестьяне в красивых праздничных костюмах искусно позируют знаменитому художнику. Пейзане и пейзанки с полотен модных художников. В работах Айвазовского нет показной красивости, но отчего-то они завораживают. Акварель «Крестьянский двор» была показана в семействе Томилова и снискала своих первых горячих поклонников. А. Р. Томилов сразу же заверил своего юного друга, что если юноша и в дальнейшем будет писать столь совершенные картины, то он в свою очередь обязуется время от времени приобретать их для коллекции, а также рекомендовать знакомым. После чего Айвазовского буквально прорвало.

Разбирая достоинства произведения, Алексей Романович не обращал внимания на сам сюжет, на повод, побудивший Ованеса написать «Крестьянский двор», зато его живо интересовали правильные четкие линии и оправданность световых мазков. Ну и бог-то с ним. Найдутся и другие, те, кто, вглядевшись в морщинистое, изможденное лицо крестьянина, хотя бы на минуту задумается о его незавидной участи. Сейчас это было не важно.

В селе Успенское Айвазовским был создан ряд акварельных и карандашных работ, большинство из которых, к сожалению, не сохранилось. Акварель «Крестьянский двор» находится в Государственной Третьяковской галерее. Кроме того, в собрании Томилова числилась копия, сделанная Айвазовским с картины Сильвестра Щедрина «Вид Амальфи близ Неаполя», последняя ныне в Тверской картинной галерее. Из письма самого И. К.

Айвазовского А. Р. Томилову, в котором художник просит прислать свои рисунки для показа французскому живописцу Ф. Таннеру,[42] от 8 января 1835 года мы узнаем, что за лето он успел действительно много: «Так прошу Вас, Алексей Романович, прислать с сим подателем записки натурные мои рисунки с папкой, и даже, если можно, рисунки, которые в Вашем альбоме, особливо последнюю бурю, чем Вы меня весьма обрадуете».

Айвазовскому исполнилось шестнадцать, когда Карл Брюллов в Италии закончил «Последний день Помпеи», картину, которая сразу же стала знаменитой на весь мир. Поговаривали, что после успеха в Италии государь бесспорно вызовет Карла Павловича в Петербург, чтобы тот взял себе учеников. Учиться у Великого Карла, прозванного так с легкой руки пиита Жуковского,[43] было заветной мечтой многих академистов. Хотя бы познакомиться с Карлом Павловичем, поговорить с ним, иметь возможность бывать в его мастерской, по слухам, художник мог работать при любом стечении народа — признак человека, уверенного в своих силах. Эта мечта не обошла стороной и Айвазовского, который старался не пропускать ни одной статьи о «Помпее», ни одного устного отзыва. По высочайшему повелению все вышедшие о картине статьи переводил с итальянского Валериан Платонович Аангер.[44] Эти статьи читались вслух на вечерах в гостиных, передавались друзьям, хранились в специальных папках и альбомах. Аангер тоже рисовал, но еще он числился государственным цензором, человеком, для которого честь была главным словом его жизни. А значит, все знали, что то, что перевел Валериан Платонович — это тот самый текст, который читали в Италии, он не стал бы вычеркивать абзацы или сгущать краски в угоду императору, как это сделало бы подавляющее большинство царедворцев.

Постоянно соприкасаясь с высшим обществом, Ованес с удивлением для себя узнает, сколько всего должны знать жители столицы, как чутко следить не только за модой, а за постоянно поступающими странными, больше похожими на горячечный бред, нежели на осмысленные приказы, указаниями. Вдруг всем повсеместно запрещают короткие локоны и высокие воротники. Потом требуют отказаться от стеганых шапок. А что ты будешь делать зимой, когда только что купил именно такую, на другую денег нет, и купец-шельма отказывается принимать «запрещенный» товар обратно. Однажды он пришел к Томилову, у которого планировался вечер с танцами, а большая половина приглашенных гостей не явилась. Причина — вдруг отменили фраки, а чем конкретно следует заменить их, не сказали. Пропал вечер, и дамы напрасно надевали свои сшитые по последней

парижской моде туалеты. Запретили танцевать вальс — объясняя, что этот танец, мол, есть верх непристойности. Наложили запрет на большие голландские пряжки на туфлях, хорошо хоть не сами туфли — ножом аккуратно срежь пряжку, заверни ее родимую в тряпицу, и пусть лежит в какой-нибудь дальней коробке, ждет, когда амнистия ей выйдет. Иногда вдруг ни к селу ни к городу запрещалось употребление некоторых совершенно обыкновенных слов…

Ованес не один раз возблагодарил Бога, что вынужден ходить в казенном. Что дано начальством — не запретят, а запретят, значит, предоставят что-то на замену.

Глава 5

Человек, не одаренный памятью, сохраняющей впечатления живой природы, может быть отличным копировальщиком, живым фотографическим аппаратом, но истинным художником — никогда.

И. К. Айвазовский

Меж тем в Петербург прибыла «Помпея», царственно расположилась в Академии художеств. Узнав, что картина выставлена для всеобщего обозрения, Томилов везет Ованеса в город. Август, жара, на улицах народу кот наплакал, но около Академии художеств выстроились множество экипажей. Говорят, в первый день вообще было не протолкнуться, и это летом, когда господа разъехались по своим имениям! Ан нет, воротились специально на чудо Брюллова поглазеть, да не просто так, а с женами, детишками. Что тут скажешь, Карл Павлович нынче в моде, о его «Помпее» столько уже писали, в статьях подробнейшим образом указано расположение фигур, так что к моменту, когда Демидов преподнес государю картину, каждый в голове уже свою собственную «Помпею» нарисовал. Но в том-то и чудо, что брюлловская все прочие «Помпеи» затмила. «И стал «Последний день Помпеи» для русской кисти первым днем!» — напишет Е. А. Баратынский.[45]

Картину устроили в Античном зале, предусмотрительно отделив от зрителей решеткой. Впечатление, произведенное «Помпеей» на юного художника, было ошеломляющим, в какой-то момент Ованесу пришлось отступить к лестнице, словно спасаясь от настигающего его ужаса.

Везувий зев открыл — дым хлынул клубом — пламя
Широко развилось, как боевое знамя,
Земля волнуется — с шатнувшихся колонн
Кумиры падают!..
Народ, гонимый страхом
Под каменным дождем, под воспаленным прахом
Толпами, стар и млад, бежит из града вон…

— опишет картину А.С. Пушкин.

На следующий день Айвазовский снова стоял перед «Помпеей», теперь уже изучая ее детально. Есть произведения, в которые хочется уйти как в манящий тебя мир, Ованесу нравилась картина, она поражала, покоряла, против воли втягивала в себя. Но оказаться там? Среди стонов и криков о помощи? А вот Брюллов не просто сжился с этим кошмаром, он еще и поместил в ней себя, навсегда заключив свою живую душу в этом рушащемся, горящем, разрывающемся на куски аде. Позже он узнает, что не только себя, а и любимую женщину Юлию Павловну Самойлову и ее детей! Страшное — непостижимое действие, вот чего бы он не сделал никогда в жизни. Все знают, как легко притянуть черную судьбу, всего лишь неправильно поведя кистью. Отчего же Брюллов вот так страшно, на разрыв?! Вопросы не находили ответов. Единственное, что он понял или, возможно, предвидел — свою неминуемую дружбу с Великим Карлом, который на какое-то время станет его учителем.

Несколько раз Ованес приходил к картине и стоял то в одном, то в другом углу, то приблизившись к ней, то отходя в самый конец зала. Вот казалось бы, он запомнил ее во всех мыслимых и немыслимых деталях, и тут она открывала перед молодым художником новые, прежде незамечанные темы, подробности, сюжеты. Однажды вечером, перед закрытием выставки, Ованес сделался свидетелем странного зрелища, несколько старших учеников несли кресло, в котором сидел худой, бледный, безудержно кашляющий подросток, в котором Айвазовский не сразу признал Ваню Брюлло — младшего брата Великого Карла, из-за своей болезни вынужденного почти постоянно пребывать в лазарете Академии. Об успехах Вани ходили легенды, в частности, считалось, что дай ему бог больше телесной мощи, он мог бы затмить старших братьев. Мальчик умирал, медленно уходил из жизни, так и не посягнув на лавры Федора, Александра и Карла. Ованес так и не успел познакомиться с Ваней, сказать ему что-то ободряющее, утешить. Хотя какие тут могут быть утешения? Ваня знал, что умирает. Знал и не противился судьбе.

Кто-то дотронулся до плеча Айвазовского, и тот понял, что его просят покинуть зал. Картина была полностью отдана умирающему мальчику, который должен был запомнить ее в мельчайших подробностей с тем, чтобы унести с собой в лучший мир. Возможно, в лучшем мире тоже иногда не хватает красоты, спасающей миры.

«Не нужно другого Брюллова», — тихо прошептал Ваня, Ованеса потянули вон из зала, кто-то упорно толкал его в спину. Уйти немедленно, бежать. Но ноги отчего-то не слушались,

Гайвазовский был поглощен ощущением блаженства, исходящим от младшего Брюллова. От подростка, который уже никогда не станет мужчиной, не полюбит, не создаст ни единой картины. И этот умирающий мальчик мог быть счастливым, греясь в лучах картины своего брата и не измысливая личной грядущей славы.

Уже в дверях Ованес с удивлением для себя понял, что за все время, что маленький Брюлло рассматривал «Помпею», он так ни разу и не кашлянул, не поменял позы, отчего казалось, что тот умер.

Все ждали Карла в Петербурге, но тот поехал в Болонию, где, по слухам, собирался остаться навсегда, — горе для мечтавших получить хотя бы несколько уроков у мастера учащихся Академии. Но едва друзья Брюллова в России как-то свыклись с его решением, журнал «Библиотека для чтения» опроверг слух, сообщив между прочим, что «по возвращении г. Брюллов думает начать огромную картину «Падение Пскова». И будто бы сам он об этом поведал журналисту из Петербурга. Только возрадовались, поднимая бокалы за будущего академика и профессора, новая весть — почетный вольный общник Владимир Петрович Давыдов[46] решил позабавиться путешествием по Греции, Турции, Малой Азии с посещением святых мест, и не придумал ничего более своевременного, как соблазнить поехать с собой Брюллова. Как будто бы Давыдов не сотрудник Академии художеств, не служит при русском посольстве в Риме и не знает, что Карла Павловича заждались уже в Петербурге!

Впрочем, действительно не знает, потому как приказ К. Брюллову явиться в Петербург для исправления профессорской должности в Академии не застанет художника в Риме, и приказ затем отправляется за ним из города в город, из страны в страну, чтобы догнать Брюллова только в Константинополе, где он безмятежно проводит время в компании своего давнего приятеля и ученика Г. Г. Гагарина.[47]

Что же — приказ есть приказ, и 17 декабря 1835 года пароход «Император Николай» действительно причалит у южных берегов Российской империи, а именно в Одессе, где К. Брюллов снова задержится.

Глава 6

Те картины, в которых главная сила — свет солнца… надо считать лучшими.

И. К. Айвазовский

Отдохнув в усадьбе Томилова, с новыми силами Айвазовский приступил к очередному учебному году. По заданию Академии следовало написать картину на библейский или евангельский сюжет. Ованес выбрал «Предательство Иуды»[48] — лунная ночь, богатый южный пейзаж, напряженная, динамичная сцена. Только находящиеся рядом с Айвазовским академисты могли видеть, как он работал над рисунком, для остальных «Предательство Иуды» оказалось полной неожиданностью. Поговаривали даже, будто бы часто бывающий в галерее у известного коллекционера Томилова Ованес попросту удачно снял копию с какой-то хранящейся там малоизвестной картины. Но, разумеется, это было не так. Академисты походили, поглазели на картину, пошушукались, да и разошлись, их ли дело расследование проводить? Зато на Айвазовского обратил внимание президент Академии Оленин, который, поздравив юношу с удачей, пригласил к себе в гости.

Дружба с президентом Академии — это уже удача. Сколько академистов в Академии? Много. А скольких Алексей Николаевич в лицо знает? Не то чтобы к себе на Фонтанку или в Приютино приглашать. А ведь все прекрасно понимают — такое знакомство это и протекция, и особое внимание. Кстати, о Приютино — тоже знаменитое место. Летняя дача семьи Олениных — место, куда то и дело наведываются литераторы и художники, актеры, певцы и музыканты. Как мы бы сейчас сказали, весь бомонд.

С открытою душою
И лаской на устах,
За трапезой простою
На бархатных лугах,
Без дальнего наряда,
В свой маленький приют
Друзей из Петрограда
На праздник сельский ждут.

Славил Приютино Батюшков.[49] Ованесу снова повезло — у

Оленина бывает Пушкин, там наверное можно встретить Крылова, [50] Кукольника, князь Гагарин приводит несравненную Семенову, [51] и по слухам, та не отказывается петь или декламировать… Ах, Семенова — у нее профиль богини Геры, а талант… поискать — не сыщись.

Я видел красоту, достойную венца,
Дочь добродетельну, печальну Антигону,
Опору слабую несчастного слепца…

— славил актрису все тот же поэт Батюшков. А она плыла над всеми гордая, как ледяная гора, с точеным прямым носом и осанкой богини.

В общем дом Оленина, это еще одна возможность для феодосийского художника пустить корни на петербуржской почве, подружиться, стать своим.

С того дня Алексей Николаевич Оленин действительно начал думать, какому еще учителю поручить дальнейшую шлифовку лучшего в академии ученика — этого крымского самородка — Вани Гайвазовского. Потому как Воробьев — конечно хорошо, да только, судя по всему, перерос его уже мальчишка. А раз так, его, Оленина, первейшая задача передать парня новому мастеру, который, быть может, довершит его образование как художника. Легко сказать, да трудно сделать. На всю Россию хороших маринистов раз-два и обчелся. Но и тех юный художник давно уже обскакал. Неожиданно выбор пал на француза Филиппа Таннера, прославленного мариниста и пейзажиста, находящегося в это время по высочайшему приглашению в Петербурге. Тот, в свою очередь, много работал над заказами и нуждался в помощнике. О чем и просил лично государя, обещая обучить юношу живописи, передав свое умение. Никто не умел писать воду так, как это делал Таннер, а император, в свою очередь, поручил Оленину найти достойного этой чести среди академистов.

На ловца, как говорится, и зверь бежит. Обрадовавшись, что его пожелание найти Гайвазовскому лучшего учителя неожиданно начало сбываться, Оленин тут же предложил кандидатуру феодосийского художника, и государь велел не мешкая отправить того к Таннеру.

Казалось бы, Айвазовскому снова крупно повезло, но не все было так гладко, и вместо доброго, мягкого профессора Воробьева, старающегося как можно лучше преподать, объяснить, растолковать, юноша оказался в мастерской грубого и заносчивого художника, который был не столько настроен

обучать незнакомого парня, сколько надеялся найти в Айвазовском расторопного слугу. Целыми днями юноша приготавливал для Таннера краски, чистил палитру, бегал по его поручениям или рисовал те или иные виды, которые в дальнейшем Ф. Таннер использовал для своих картин. Учил ли он Айвазовского? Скорее всего, все же учил. Во всяком случае, вот как пишет об этом Оленин в письме к профессору А. И. Зауервейду:[52] «…господин Гайвазовский превосходно схватил манеру писать воду и воздух последнего его наставника живописца Таннера, успев сею манеру усовершенствовать отличным подражанием натуре!»

Тем не менее Таннер и Айвазовский так и не нашли общего языка, в конце концов Ованес заболел, как с ним это часто случалось в Петербурге. Несмотря на недомогание, в свой единственный выходной — воскресенье он отправился в гости к Оленину в Приютино, где его свалила жестокая лихорадка.

«Вот до чего довел тебя проклятый француз!» — Разозлился Алексей Николаевич, велев послушному юноше не вставать с постели хотя бы несколько дней. А после, переведя его сначала в академический лазарет, а затем убедил вообще не возвращаться к Таннеру. Это была стратегическая ошибка. Ибо не получивший никаких разъяснений по поводу исчезновения своего подмастерья Филипп Таннер затаил в сердце вполне объяснимую обиду, которая прорвалась точно гнойный пузырь, когда на осенней выставке в Академии, по его сведениям, больной Гайвазовский вдруг представил целых пять картин! Неслыханно. В то время как Таннер ждал возвращения своего ученика и подмастерья, не прося прислать замену и все делая один, тот за его спиной, даже не спросив разрешения, не посоветовавшись… Это было неприкрытое нарушение субординации. По правилам, работы учеников для выставки отбирались непосредственно их наставниками — в тот момент учителем Гайвазовского был Таннер, назначенный государем Николаем I и непосредственно президентом Академии Олениным. Не умалял вины и тот факт, что за свою картину «Этюд воздуха над морем»[53]«наглый Гайвазовский получил серебряную медаль!» Надо же — мало того, что без разрешения отдал картину на суд публике, так еще и не удосужился пригласить на выставку своего непосредственного наставника!

Таннер расценил произошедшее как явное оскорбление себе и в тот же день доложил о произошедшем государю, а тот, как человек превыше всего чтящий дисциплину и требовавший от подчиненных исполнения воли их непосредственных начальников, приказал снять с выставки картины Гайвазовского.

Оленин сделал попытку протянуть время, ссылаясь на то, что в приказе не указано, одну ли, получившую серебряную медаль, картину следует убрать с выставки, или такой же участи должны подвергнуться и остальные четыре выставленные произведения автора. На это министр Двора князь Волконский лаконично ответил: «По высочайшему повелению покорнейше прошу Ваше высокопревосходительство приказать снять с выставки Академии художеств все картины, писанные бывшим больным учеником живописца Таннера».

В этой коротенькой записочке четко читается причина, повлекшая за собой это решение: «писанные бывшим больным учеником живописца Таннера».

Оленин просчитался, надеясь, что, покрутясь некоторое время без подмастерья, Таннер найдет себе кого-нибудь другого, понадеялся, так сказать, на русский авось, а в результате его любимый ученик Айвазовский претерпел мгновенный взлет и последующее за ним стремительное падение.

Короче говоря, схлестнулись между собой президент Академии Оленин и заезжая знаменитость Таннер, а в результате, как обычно, досталось ни в чем не повинному Айвазовскому, который хоть и сам должен был, по определению, думать о своем проступке, но с другой стороны, даже если бы Ованес и решил вернуться к Таннеру и продолжать тянуть лямку, мог ли он противиться воле самого президента?! Может ли солдат не подчиниться генералу по причине, что капрал ему другое приказал?! Конечно же нет.

Тем не менее монаршая немилость не просто больно ранит юного художника, а буквально сбивает его с ног. На какое-то время юноша перестает бывать в гостях, понимая, что само его присутствие там, скорее всего, нежелательно. Он продолжал прилежно учиться и только больше замыкается. Кажется, его не радуют даже передаваемые ему разговоры, подслушанные другими учениками в домах Олениных, Одоевских, Томиловых. Особенно опечалился Оник, узнав, что сам Василий Андреевич Жуковский пытался заступаться за него перед государем, но получил неожиданно жесткий отказ.

Это было печально, ведь кто его знает — великого Жуковского, вдруг после такого он озлобится на безвинного художника, сочтя того виновником своих бед.

В это же время чуть ли не единственным местом, где отваживается бывать Ованес, становится армянская церковь. Мы узнаем это из адреса, который на пятидесятилетием юбилее творческой деятельности преподнесут Айвазовскому армяне столицы. «С.-Петербургское армянское общество, видя Вас почти

ежегодно в числе прихожан своей церкви со времени обучения Вашего в императорской академии художеств и до наших дней, было ближайшим свидетелем и Ваших трудов и Вашей славы».

Опала давила на впечатлительного и мнительного молодого человека тяжким грузом, заставляя его думать, что жизнь его как художника закончилась, и не сегодня завтра ему будет указано на порог. При этом юный и неопытный в таких делах Айвазовский еще не знал, что даже монаршая немилость порой реально помогает человеку возвыситься, собирая вокруг него толпы сочувствующих. В то время, разумеется, не было понятия «черного пиара», но в случае с Ованесом по-другому и не скажешь. Наябедничал на своего непослушного ученика Таннер, а мог бы и смолчать. И еще неизвестно, что принесло бы больше пользы. Потому как, кто такой этот самый Филипп Таннер? Знаменитый маринист с чинами, наградами да монаршей милостью, допустим, но для не желающих признавать вообще никаких авторитетов студентов — Таннер прежде всего француз, перетягивающий на себя заказы, деньги и награды, которые вполне могли бы достаться русским художникам. Кто такой Айвазовский? Он наш! А такой клич как: «Наших бьют» — во все времена заставлял самых кротких подниматься, хватая все, что попалось под руку, и идя на супостата.

Кто-нибудь заметит, что Айвазовский не русский, а как раз армянин, что он выходец из Крыма. Но только в то время все было не так — страна огромная, и все, кто в этой стране, даже те, кто не по своей воле, — наши. Когда Айвазовский, Брюллов, Гоголь[54] выезжали за границу — там они были не армянином, немцем и малороссом — их называли русскими.

Поэтому в склоке между Айвазовским и Таннером просвещенная общественность однозначно встала на сторону нашего художника, которого за яркий талант злобный фразцузик хотел заморить в своих подмастерьях, не дав возможности хотя бы показать свои творения публике. Добавила масла в огонь крайняя непопулярность среди артистической братии самого Николая I, странные прихоти которого, а именно постоянный догляд за делами Академии, требование введения в ряды деятелей искусства чуть ли не воинской дисциплины, не давали художникам спокойно работать. Он уже отправил в отставку добрейшего профессора А. И. Иванова и выставил полным дураком любимого всеми А. Е. Егорова.

Кроме того, а последнее давно уже вышло из разряда голословных слухов, по словам многих профессоров, бывавших в загородных дворцах, Николай I[55] мнил себя не только знатоком живописи, но и отменным художником. В свободное от

государственных дел время он с энтузиазмом пририсовывал к старинным пейзажам, хранящимся в этих резиденциях, целые группы пехотинцев и кавалеристов. Все это непотребство проделывалось под присмотром профессора Зауервейда, который был вынужден благосклонно кивать портящему шедевры вандалу, а затем рассказывал о произошедшем в кругу своих не менее словоохотливых и общительных друзей.

Оленин молчал, но вот то один, то другой придворный начали жаловаться государю на зазнавшегося француза. Этому он цену загнул, тому отказался писать картину, еще кому-то нахамил… потянулся ручеек, перерастающий в реку. Потом, на одной из выставок, куда среди профессоров и академиков Академии художеств приехал Таннер, заявилась толпа учеников, которые при появлении француза начали шикать и свистеть, так что тот был принужден в конце концов удалиться, опасаясь если не за свою жизнь, то по всей видимости полагая, что с находящейся в столь буйном состоянии молодежью лучше не связываться.

Ошикивание Таннера организовал друг и однокашник Айвазовского Василий Штернберг.[56] Узнав о проделках приятелей, Оник мог только за голову схватиться. Ведь если француз опять пожалуется государю, ребят могут наказать. Но на этот раз обошлось без жалоб и доносов. Таннер жил в России последние месяцы, может быть, недели или даже дни, прекрасно понимая, что сам вырыл себе яму, он не решился беспокоить монарха, сваливая на того свои проблемы.

Благодаря скандалу о Ване Айвазовском заговорил весь город, и однажды в Академию, специально желая познакомиться с ним, приехал сам Иван Андреевич Крылов!

Крылов — классик из классиков! Небожитель! Случай поистине небывалый. Всеобщий дедушка, патриарх отечественной литературы нисходит со своего заоблачного пьедестала на Олимпе единственно для того, чтобы поддержать опального художника, учащегося академии!

Если бы местные журналисты прознали о планах великого баснописца и осветили его визит в прессе, Айвазовскому уже в годы его ученичества была бы уготовлена слава борца и мученика. Но и студенты, и сочувствующие Онику профессора разнесли эту благую весть почище современных нам дешевых газетенок вкупе с телевидением. Теперь уже никто не сомневался — правда на стороне нашего художника.

Прошла зима, и весной произошло то, чего уже давно ждали друзья Айвазовского и он сам: жалобы на Таннера перевесили хорошее отношение к последнему государя, и тот повелел

французу удалиться из России.

Но свергнуть Таннера одно — а обелить честное имя Айвазовского совсем другое. На этот раз за дело взялся профессор Академии художеств Александр Иванович Зауервейд, дававший уроки живописи детям царя, а, следовательно, имевший возможность напроситься на аудиенцию у самого Николая.

С глазу на глаз Зауервейд и сообщил государю о невиновности Айвазовского, обосновав свое заявление тем, что получивший приказ от президента академии писать для выставки рядовой учащийся не имел морального права ослушаться.

Сам Оленин ничего не объяснял, ожидая, что все как-нибудь разрешится и о конфликте забудут. Уяснив, что на самом деле Айвазовский не нарушил субординации и был прав, подчинившись главному начальнику, Николай сменил гнев на милость и потребовал привезти во дворец снятую ранее с выставки картину.

Собственно, к чести монарха можно сказать следующее — если бы изначально Оленин или тот же Зауервейд решились заступиться за юношу и объяснить, как все было на самом деле, Гайвазовский не попал бы в немилость. Впрочем, уже хорошо, что того не выгнали из Академии и он, несмотря ни на что, продолжал обучение.

Посмотрев картину и признав ее достойной, государь повелел выплатить художнику денежное вознаграждение, в котором тот так нуждался. Александр Иванович Зауэрвейд сделался на какое-то время героем среди студентов и людей, сочувствующих Гайвазовскому. Расчувствовавшись, великая княжна Мария Николаевна поцеловала своего почтенного учителя в лоб, чем вызвала слезы умиления на лицах, присутствовавших на аудиенции придворных.

Сам же Ованес удостоился дружеских объятий президента Оленина, который во всеуслышание снова просил юношу запросто бывать у него дома. Это был знак для академического начальства перестать сторожить молодого человека, дав ему чуть больше свободы. И действительно, с того дня лучшему ученику академии и всеобщему любимцу Ване Гайвазовскому, а он снова сделался таковым, неофициально были разрешены незначительные вольности. Решил ли он погулять под ласковым весенним солнышком, пропустив пару часов в натурном классе, проспал утреннее занятие или остался ночевать в доме кого-то из своих высокопоставленных друзей, — все знали, юноша вовремя сдаст работу, и там, где другой едва одолеет одно произведение, Гайвазовский предоставит пять, причем таких, какие самые взыскательные судьи без возражений сразу же определят на

ближайшую выставку.

Несмотря на то что история с Таннером закончилась вполне удачно для него, Оник дал себе зарок постараться в дальнейшем построить свою жизнь так, чтобы жить и работать как можно дальше от двора с его милостями и опалами, наезжая в Петербург время от времени на выставки или повидаться с друзьями.

Глава 7

Пора: перо покоя просит;
Я девять песен написал;
На берег радостно выносит
Мою ладью девятый вал…

А.С. Пушкин

После невыносимо холодной тревожной зимы весна 1836 года кажется ослепительной. Гайвазовского снова зовут во все знакомые дома, то и дело с ним знакомятся, жмут руки, куда-то приглашают, интересуются его работами. Это волнует и радует.

19 апреля в Александрийском театре состоялась премьера комедии Гоголя «Ревизор».

А в мае в Петербург пожаловал наконец Карл Павлович Брюллов. Прославленный художник, возвращаясь из Италии, побыл некоторое время в Одессе и затем сильно задержался в гостеприимной Москве. Так загостился, что в пору за ним во второй раз гонцов посылать. Но Великий явился сам. Тихо, без шумихи выбрался однажды из дилижанса, огляделся по сторонам и… не заметив встречающих, подозвал первого попавшегося извозчика.

Квартира, выделенная Брюллову при Академии, еще не была готова, так что привычный к походным условиям жизни Карл Павлович устроился на первых порах у своего друга Соболевского на Невском, недалеко от Малой Морской.

Официальное празднество по случаю возвращения Брюллова было назначено на 11 июня, так что в преддверии этого дня в Академии пыль стояла столбом. Хор спешно разучивал написанную в честь Брюллова кантату, сочинялись и бесконечно редактировались праздничные речи.

Вскоре после приезда знаменитого Брюллова в Петербург в дневнике Аполлона Мокрицкого[57] появилась следующая запись:

«Выходя из ворот Академии, я повстречал двух мужчин, закутанных в плащи. Физиономия одного меня чрезвычайно заинтересовала. Я воротился и спросил у подворотника: «Кто эти господа?» И он, в один такт с моим сердцем, отвечал: «Это Александр Брюллов[58] с братом, приехавшим из Италии».

Мокрицкий тоже спал и видел, как попадет в ученики к Великому, впрочем, эта мечта была не менее популярна в тот год, чем картины парадов, а также красочные пейзажи и портретные

миниатюры, на которые всегда находились охотники.

И вот наступил долгожданный день. Вопреки предположению учеников Академии, Брюллова так никто и не подстерег в стенах Академии до официального праздника. Хотя, а это было доподлинно известно, Карл Павлович появлялся у своего любимого профессора Иванова. Старик был отстранен от дел по приказу самого, так что визит Брюллова, тем более первый визит, можно было расценивать как некий акт мужества и протеста против произвола власти.

Айвазовский был зачислен петь вместе с другими способными к музыке академистами. Поэтому он пропустил момент, когда к зданию Академии подъехала карета с Брюлловым. Не видел, и как хрупкий Оленин встречал бывшего выпускника, часто кланяясь тому и все время стараясь пропускать вперед себя, в то время как Карл Павлович норовил идти рядом, по дороге расспрашивая о последних новостях и рассказывая об Италии, ломая тем самым заранее прописанный ритуал.

Всех собрали в актовом зале. «Последний день Помпеи» занял главное и самое заметное место, под ним располагался огромный щедро заставленный разнообразными блюдами стол. Все, даже явившиеся по случаю приезда русского гения Жуковский и Крылов, аплодировали Брюллову стоя.

Согласно заранее составленному протоколу приема, первый тост должен был произноситься за государя, второй за Карла Павловича, третий за здравие начальства, но Брюллов смёл, разорвал, раскурочил тщательно выстроенную церемонию, предложив тост за дорогих своих наставников Иванова и Егорова. Старики сидели в дальнем конце стола, и Брюллов с бокалом шампанского отправился разыскивать их и, обнаружив, нежно обнял, поцеловав обоих в губы.

В конце торжеств конференц-секретать Григорович подвел к Брюллову учащегося Академии Аполлона Макрицкого, которому покровительствовал, официально предложив земляка в ученики Карлу Павловичу.

В тот день в своем дневнике Мокрицкий отметил: «День торжества Брюллова был и для меня счастливейшим днем в жизни, в этот день положено основание моей будущности…»

В тот день Гайвазовский также был представлен Брюллову и тот пригласил молодого человека к себе. Пройдет совсем немного времени, и Ованес узнает, что Академия направляет его на летнюю практику, которая будет проходить на военных кораблях Балтийского флота! Что может быть лучше для художника, желающего посвятить свою жизнь теме моря?

Еще немного, и он увидит настоящие корабли, не просто

увидит, а будет жить на этих самых судах, изучая их вдоль и поперек. Он увидит море, в которое влюблен, чтобы окончательно сродниться с ним. Днем и ночью, в бурю и штиль художник будет впитывать в себя великую водную стихию, пока не постигнет всех ее тайн. Он будет самозабвенно писать закат и восход солнца, и может быть, примет участие в учебном бою или… а кто его знает, чем может обернуться подобное приключение? Сколько счастья сразу!

Разумеется, благодарить стоило профессора Зауервейда, который, видя, как Гайвазовский навострился рисовать воду, решил, что теперь тому необходимо сделаться морским баталистом. Что есть более перспективное в морском городе? В стране со столь славным морским флотом и знаменитыми традициями?

Но морские баталии — дело непростое, тут мало уметь рисовать высокие волны и отраженный от воды свет. Айвазовский должен знать в деталях, как выглядит военный корабль, как стреляют корабельные пушки, что происходит с водой, когда в нее попадает снаряд, много всего должен знать.

Целое лето Ованес ходил по морю на военном корабле, находящимся в составе эскадры. Дружил с матросами и офицерами, учился не только передавать красками тончайшие оттенки, присущие водам Балтии, но старался не упустить вообще ничего. Он изучал устройство кораблей, не гнушаясь любой работой, не страшась штормов и опасности.

В свободное время он играл морякам на скрипке, с восторгом рассказывая о родном Крыме.

Давным-давно жил на земле-матушке богатырь, хранивший страшное оружие богов — огненную стрелу. И была такая сила у этой чудесной стрелы, что куда ни попадала она, воздух начинал гореть, а земля и камень плавиться, и все живое вокруг умирало. Хорошо, что умным был тот богатырь и никогда не пытался ради удали своей молодецкой испытать доверенное ему оружие. Впрочем, недолог век человеческий. Понял однажды богатырь, что скоро умрет, меж тем стрелу передать некому. Дети взбалмошны и драчливы. Не удержатся от соблазна испытывать оружие — погубят себя и других. Долго думал думу богатырь-хранитель и, в конце концов, повелел сыновьям отправиться к самому глубокому морю — что зовется Черным, и бросить стрелу в него. Пусть уж лучше хранится оружие богов в пучине.

Только сыновья решили ослушаться отца. Жалко им было расставаться с огненной стрелой. Спрятали они ее в пещере на берегу и к отцу вернулись. Но едва увидел ослушников отец, рассердился, разорался: «Не получите вы моего отеческого

благословения! А ну бегите и, пока не утопите стрелу, не возвращайтесь».

Делать нечего. Пришлось сыновьям бросить стрелу в море. Разобиделось прежде спокойное Черное море, стало оно вздымать тяжелые волны, выть, рычать да свирепо накатываться на берег, пытаясь избавиться от неприятного подарка. Да только глубоко погрузилась на дно морское стрела, не выбросить ее морю, не избавиться.

От того, старики говорят, что с того дня изменился характер у Черного моря и стало оно бурным да буйным, часто случаются на нем бури и ураганы, гибнут люди.

За летнюю практику Айвазовский создал семь картин, которые были выставлены на осенней академической выставке.

Выставку 1836 года, говорят, смотрел весь Петербург — и было на что посмотреть. Семь новых работ уже известного в столице академиста Гайвазовского висели рядом с маринами Таннера. Высочайше было приказано ругать и всячески высмеивать последнего. Огромное полотно Федора Бруни[59] «Медный змий», почему-то расцененное знатоками, как ответ «Последнему дню Помпеи» Брюллова, вызывал множество толков и споров. Возле картины разгорались нешуточные страсти. Толпившиеся среди знатоков и критиков академисты с упоением вслушивались в доказательства обеих сторон, дабы потом блеснуть «свежими» взглядами перед своими менее удачными однокашниками. И правда интересно, кто кого переборит — Брюллов Бруни или Бруни Брюллова. Критики единодушно признавали, что оба полотна совершенны, но если картина Бруни говорила только о смерти, Брюллов прославлял нравственный подвиг своих персонажей. Благодаря чему Карл Павлович был признан победителем. Ему жали руки, хлопали по плечам, словно он выиграл бог весть какое сражение. Сам Брюллов в спорах не участвовал и со своим давним приятелем Фиделем, или, как его здесь называли Федором Антоновичем, ни в чем соревноваться не собирался, тем не менее сразу же после выставки забрав с собой еще пару знакомцев, отправился в гости к скульптору Клодту викторию праздновать.

Вообще выставка получилась более чем удачная. Брюллов водил своих почитателей поглядеть на скульптуры Ставассера,[60] Рамазанова,[61] среди портретов выделялись работы Кипренского, Плюшара,[62] пейзажи Воробьева,[63] Штернберга, Зауервейда и др. В какой-то момент толпа расступилась, и в зал вошли Пушкин с супругой, возле великого поэта сразу же образовался водоворотик любопытствующих. Всем было интересно, кого отметит Александр Сергеевич. Дамы старались незаметно

придвинуться к поэту или его жене, дабы не пропустить ни одного слова, ведь все, что скажет Пушкин, можно будет потом пересказывать знакомым. Академисты старались хотя бы на долю секунды попасть в поле зрения поэта, дотронуться до его рукава, просто поглазеть.

Александр Сергеевич же был увлечен пейзажами Лебедева.[64] Послали разыскать последнего, но того нигде не было. И тогда инспектор Академии художеств Крутов заметил стоявшего поблизости и не решавшегося приблизиться Ованеса и, взяв его за руку, подвел к поэту, представив Гайвазовского как лучшего и самого на сегодняшний день перспективного ученика Академии. После чего они подошли к стене, на которой висели марины юного художника. Сбылась еще одна мечта феодосийского мальчика — познакомиться с прославленным пиитом, чьи стихи он любил и многие знал наизусть.

Среди работ Гайвазовского Пушкин выделил «Облака с ораниенбаумского берега моря» и «Группа чухонцев на берегу Финского залива». Гайвазовский же во все глаза смотрел на поэта, стремясь сохранить его черты в своей памяти. В голове как бы сам собой созрел план картины: Пушкин прощается с Черным морем.

На следующий день Айвазовский и Штернберг отправились в гости к Карлу Павловичу Брюллову, повод — его личное приглашение. К слову, в гостеприимной мастерской при Академии художеств уже по меньшей мере полгорода побывало, так отчего же реально приглашенным конфузиться?

Зашли. Брюлловский слуга Лукьян не пустил юношей к Карлу Павловичу, где, судя по шуму и смеху, давно уже пьянствовала веселая Кукольникова братия. Гайвазовский хотел уже ретироваться, дабы зайти позже, но тут к ним навстречу вышел сам Карл Павлович в восточных туфлях с загнутыми носами и в роскошном красном халате. После краткого приветствия Брюллов увлек молодых людей за собой, сразу же усадив их к роскошному столу. Некоторых из гостей Айвазовский уже знал — литератор и издатель петербургской «Художественной газеты» Нестор Кукольник время от времени захаживал на выставки, проводимые Академией. Вот и вчера был на открытии, да не просто был, а клятвенно обещал разместить статью. Говорили, будто бы сам Пушкин нацарапал ему несколько стихотворных строк о понравившихся скульптурах.[65] Ованес сам не видел, как Александр Сергеевич писал на выставке стихи, но почему бы тому и не написать? У Пушкина замечательно легкое перо. Повезет тому, кого отметит в своей статье Нестор Кукольник или сам Александр Сергеевич. Напротив молодых людей восседал господин потрепанного вида с сизым носом и живописно

торчащими во все стороны кудрями. «Пьяненко», — представил незнакомца Карл Павлович.

«Это художник Яненко Яков Феодиинович,[66] — заплетающимся языком объяснил опешившему было Онику сидящий рядом толстяк, — а мы его по-дружески кличим Пьяненко. Ибо сие верно». Своего имени полный господин не назвал, и Ованес не знал, прилично ли будет спросить, но в этот момент послышались звуки гитары и из-за стола навстречу музыке поднялся певец Лоди.

— Вот вчера мы смотрели ваши картины, милейший Иван… — Карл Павлович запнулся. И Штернберг тот час шепнул на ухо Брюллову:

— Константинович.

— Иван Константинович. И вот что я вам всем скажу, то, что вы уже сумели — необыкновенно. Но почти все это дано вам от природы — вы писали Феодосию, будучи в Петербурге, — Феодосию по памяти. Я склонен поверить, что память ваша совершенна, что это дар свыше. Я не был в тех местах и не смею подвергать сомнению точность передачи деталей, но вот на что мне хотелось бы обратить ваше внимание, милейший Иван Константинович, в ваших произведениях я почувствовал память детства, вы необыкновенно точно передаете собственное ощущение от увиденного тогда. Сохраните этот дар, развейте его, и вы добьетесь всего, чего только пожелаете в живописи.

И вот кстати, Нестор Васильевич, вы собираетесь писать о выставке, так отчего бы не сделать статью о нашем юном друге? Готов поспорить на что угодно, его ждет бессмертная слава, и вы будите первым болваном, если не объявите о нем в ближайшем же номере!

Сказано — сделано. Кукольник пообещал представить своему читателю нового гения, разумеется, ссылаясь на мнение всеми уважаемого Карла Брюллова. Брюллов же со своей стороны предложил Гайвазовскому зайти как-нибудь к нему в мастерскую, дабы в спокойной обстановке и без свидетелей, если тот, конечно, пожелает, обсудить его картины и высказать два-три незначительных замечания.

Некоторые учителя специально стараются оградить своих воспитанников от ранней славы и похвал, услышав которые молодые люди подчас норовят зазнаться и перестают серьезно работать. Гайвазовский воспринял похвалу Великого Карла, как если бы Брюллов вдруг подарил ему крылья. Крылья мудрого Нимфолиса из крымской легенды о скалах-близнецах.

Всю жизнь Айвазовский был человеком из сказки — наивным, впечатлительным, свято верящим в чудо. Самое замечательное,

что чудеса в него, похоже, тоже верили и старались как можно чаще появляться на пути художника.

Одним из таких чудес был Карл Павлович Брюллов, человек, который хоть и не был учителем Айвазовского в строгом смысле этого слова, но всегда старался помогать и поддерживать молодого художника, о котором благодаря последней выставке живописи и статье Кукольника заговорили как о восходящей звезде.

Глинка писал оперу «Иван Сусанин», переименованную позже в «Жизнь за царя», весной в Александринке состоялась премьера «Ревизора» Гоголя. Айвазовский не был еще знаком с Николаем Васильевичем, но сразу же почувствовал нечто родное, то, что делало литератора Гоголя — самым любимым писателем, разговоры с которым юный художник представлял ночью засыпая в своей скромной комнатке в Академии. В доме Виельгорских, где подавали ароматный кофе и всегда дивно пахло ванилью и сахарной пудрой, о Гоголе говорили много, но, пожалуй, еще больше умалчивали. Известно, что писатель дружил с Иосифом Виельгорским,[67] что писал время от времени чуть ли не всем членам семьи, так что там знали о его работе и творческих планах.

Гоголь в Италии. Пишет там «Мертвые души», сюжет которых позаимствовал у Пушкина, рассказавшего собрату по пиру, как во время своей кишинёвской ссылки он сделался свидетелем странного явления: в местечке Бендеры вот уже много лет никто не умирал. Это было странно и удивительно. Но разрешилось с самой неожиданной стороны. Оказалось, что в начале XIX века в Бессарабию бежало много крестьян из Центральной России. Этих беженцев полиция должна была вылавливать и возвращать их господам, но сделать сие было трудно, так как беглецы принимали имена умерших, как бы занимая их место. Эту историю подтверждал полковник Липранди, который знал Пушкина. Он же свидетельствовал о том, что Николай Васильевич в его присутствии расспрашивал Александра Сергеевича о бессарабских долгожителях, и они вместе потом пили и веселились.

Гоголь в Италии, все едут в Италию, чтобы обрести в ней новую судьбу и стать кем-то. Карл Брюллов вернулся из Рима и опять стремится туда. В Италии умер замечательный пейзажист Сильвестр Щедрин. Все художники должны пройти через Италию, заново родиться там. Зачем в Италию поехал Гоголь? За славой или все же за любовью? Почему-то хочется думать, что за любовью.

Уезжая в Рим, Гоголь нанес визит Брюллову, спрашивал у

него адреса и рекомендательные письма. Версия очень странная, если учесть, что до Италии уже докатилась слава Николая Васильевича: «…Во время моего пребывания в Риме туда приехал наша знаменитость Николай Васильевич Гоголь, — пишет в своих записках гравер Ф. И. Иордан, — люди, знавшие его и читавшие его сочинения, были вне себя от восторга и искали случая увидать его за обедом или за ужином, но его несообщительная натура и неразговорчивость помаленьку охладили этот восторг. Только мы трое: Александр Андреевич Иванов,[68] гораздо позже Федор Антонович Моллер[69] и я остались вечерними посетителями Гоголя, которые были обречены на этих ежедневных вечерах сидеть и смотреть на него, как на оракула, и ожидать, когда отверзутся его уста. Иной раз они и отверзались, но не изрекали ничего особенно интересного».

Если бы Гоголь ехал в Италию ради итальянских красот, как это делают художники, он не писал бы там «Мертвые души», а работал с местной темой, что более естественно. Молодежь и особенно студенты с восторгом принимали новые, остросовременные произведения Гоголя, ждали его самого.

В «Современнике» напечатали новую повесть Александра Сергеевича Пушкина «Капитанская дочка», а ближе к зиме прогремела опера «Жизнь за царя».

В моду входила русская тема — остросовременная, сатирическая, либо патриотическая, Карл Брюллов готовился написать «Осаду Пскова». А меж тем газеты начали грызню вокруг «мужицкой музыки» Глинки.

Глинка делал вид, будто бы не обижается на злобные выпады в свой адрес, но ему было больно. С памятной выставки в Академии Айвазовский зачастил к Брюллову, где часто бывал и Глинка. Вместе они радовались хвалебной статье Владимира Федоровича Одоевского,[70] провозгласившего оперу началом нового периода в музыке, вместе негодовали на ругательную статью Фаддея Булгарина.[71]

Осенью 1836 года из Италии сообщили о смерти Ореста Кипренского. Это известие подкосило Брюллова. Сперва Сильвестр Щедрин, а вот теперь Кипренский.

Карл Павлович тяжело переносил любые неприятности, холод, непризнание, заслуженные и незаслуженные попреки, смерти же друзей буквально валили его с ног, заставляя надолго погружаться в хандру и печаль. Если его не останавливали, прославленный художник мог запросто, позабыв обо всем, отправиться по петербургским трактирам в поисках сомнительных компаний и новых охочих до выпивки друзей. После таких приключений он мучился похмельем, удивляясь на

то, что Ованес не склонен справлять юбилеи достославного господина штофа и ведет крайне трезвый образ жизни.

«Не любит вина?! Чтобы парень, родившийся в Крыму, не любил хорошего вина?! Странно…»

На что Айвазовский вежливо отвечал, мол, не приучен, всякий раз зарекаясь про себя когда-нибудь перенять эту ужасную привычку от своего учителя.

Впрочем, Брюллова можно было отвлечь от горестных дум, часами читая ему какую-нибудь занимательную книжку, какую он выбирал сам, Айвазовский играл ему на скрипке или рассказывал о своем ненаглядном Крыме.

Матушка рассказывала, будто в давние времена в деревне Мисхор жил крестьянин Абий-ака с красавицей дочкой Арзы. Все соседи любили приветливую и хорошенькую Арзы, был у нее и жених. Как красивой девушке без жениха? Но рядом крутился и старый турок Али-баба, о котором ходили слухи, будто бы вместе с пиратами он крадет красивых девушек, чтобы продать их затем в гарем к султану. Все обожали очаровательную Арзы, она же больше всего на свете любила сидеть подле старого фонтана и мечтать.

Однажды, когда сидела Арзы у фонтана, ее выследили морские разбойники. Они схватили девушку, заткнули ей рот платком и быстро отнесли на корабль.

Через несколько дней Али-баба и его шайка доставили Арзы во дворец султана в Константинополь, где за нее отвалили много золота.

Вся деревня поначалу печалилась о судьбе Арзы, а потом решили, мол, стерпится — слюбится. Привыкнет наша красавица ходить в шелковых платьях, носить золото. Привыкнет и к султану. Будет поживать и добра наживать.

Но Арзы так и не смирилась со своей участью. Меньше чем через год родила она сына, но и он был ей не в радость. Мрачной тучей бродила наложница султана по его роскошному сералю, понимая, что живой ей отсюда не выбраться.

И вот однажды поднялась она вместе с ребенком на угловую башню султанского дворца и бросилась в пучину Босфора. Было это ровно через год после того, как ее похитили из родной деревни.

Погибла несчастная Арзы, но в тот же день к крымскому берегу подплыла русалка с младенцем на руках. Морская дева вышла из воды.

С того дня каждый год день в день русалка выходит из моря и сидит возле своего фонтана. Люди ее там часто видят.

Брюллов слушает сказку, думая о чем-то своем, история явно

не задевает его сердца. И это чувствуется.

— О чем вы думаете?

— О Кипренском, — Карл Павлович на мгновение затихает и затем, вдруг просветлев лицом, поднимается на ноги. — Хотите, я расскажу вам, любезный Ваня, Иван Константинович, как в Риме провожали нашего дорогого Ореста Адамовича? — Он лукаво заглядывает в лицо окончательно сбитого с толка молодого человека, а тут есть от чего растеряться, Кипренский-то помер в Риме, а Карл Павлович сидит в Петербурге, никаких похорон видом не видывал, а еще и рвется рассказывать. Очевидец — тоже мне!

Но Брюллова уже не остановить:

— Видите ли, дорогой мой Иван Константинович, мне не обязательно видеть похороны Кипренского, чтобы поведать в деталях, как они проходили, потому что в то время, когда мой друг отдал Богу душу, в Риме праздновали карнавал. А значит, его покрытый черным покрывалом гроб должен был двигаться через толпу разодетых в костюмы и маски людей. Представьте: гитары, флейты, волынки, мандолины и все варианты барабанов, плюс колокольчики, браслеты на руках и ногах танцовщиц, трескучие кастаньеты… все звенит, бренчит, вот прямо тут под окном танцует прехорошенькая цыганочка, а в нескольких метрах от нее бьет каблуками черная как головешка испанка в красной юбке с воланами и цветком в смоляных волосах. Над площадью протянут канат, по которому ходит мальчик-жонглер. Разноцветные шары, нет, горящие факелы летят в небо. Огненные колеса плюются золотыми искрами, вино льется рекой. Маски, веера, потешные бои, огромные куклы, и среди всего этого плывет черный гроб с белым крестом. Вот кто-то налетел спиной на идущих впереди носильщиков, гроб покачнулся, изменил траекторию движения, но все же удержался, когда его пихнули теперь уже в хвост. Со всех сторон напирают жонглеры и шуты, визжат одетые герцогинями девки, горделивые испанцы, а если еще точнее, люди в испанских костюмах затевают потешную дуэль на шпагах, отчего несущие гроб художники вынуждены посторониться, резко взяв в сторону. Гроб прижимается к домам, кто-то обливает его вином, тут же откуда-то сверху из окна или, скорее всего, с деревянных подмостков падает хохочущая шлюха, гроб косится и наконец падает на мощеную мостовую, раскрывается и бледный, но живой Кипренский хватает пытающуюся ускользнуть негодяйку за юбку…

Нет, пожалуй, это уже перебор. Брюллов надевает просторную куртку, и больше уже ничего не рассказывая и не пытаясь сдерживать слез, идет работать. Картина «Вознесение

Божьей матери на небо» заказана государем для Казанского собора.

Однажды Ованес хотел, как обычно, заскочить к Карлу Павловичу. Брюллов всегда был рад юноше. Огромные окна мастерской как обычно светились алым закатным солнышком — любимый цвет Брюллова. Ованес приблизился к парадной и только тут понял, что у Карла Павловича, по всей видимости, гости. Во всяком случае, он разглядел тени на красных шторах и замедлил шаг. Удобно ли будет зайти сейчас? Одно дело, когда Брюллов один или в обществе учеников, но сегодня что-то подсказывало, что у художника важные гости. Конечно, Карл Павлович примет его, снова усадит за стол, заставит хорошенько покушать, поднимет тост. Будет шумно и весело, но разве за этим приходит Айвазовский? Нет. Он желает говорить с Брюлловым, и только с ним. К чему нужны эти попойки, в которых зачастую даже толком не успеваешь осознать, с кем пил, о чем говорил?

Мимо пронеслись раскрашенные самым праздничным образом сани, ветер донес женский смех и звуки гитары.

Айвазовский развернулся и прошел мимо ярко освещенных окон мастерской. В тот день Александр Сергеевич Пушкин и Василий Иванович Жуковский заглянули к Брюллову. Рассматривали папку с выполненными еще заграницей акварельками. Особенно понравились зарисовки из турецкой жизни. Пушкин хохотал как ребенок. Каждая новая извлеченная волшебником Карлом из папки акварель встречалась друзьями аплодисментами и взрывом смеха. Самую замечательную «Съезд на бал к посланнику в Смирне» Брюллов припрятал и показал последней. Толстый смирненский полицмейстер спит, развалясь прямо посреди улицы, рядом с ним два его помощника — оба тощие и замученные, охраняют покой любимого начальника. Пушкин долго смеялся, а потом вдруг опустился на колени и утирая слезы принялся буквально умолять Брюллова подарить ему на память полюбившуюся картинку. Обычно щедрый с друзьями и даже мало знакомыми людьми, художник вдруг ни с того ни с сего отказал поэту, соврав, будто бы рисунок давно уже продан и деньги пропиты.

Брюллов будет сожалеть о своем решении долгие годы, а Айвазовский не один раз вспомнит о том, как постеснялся зайти в тот роковой день в мастерскую, где ему всегда были рады. Через неделю Александра Сергеевича Пушкина не станет.

Вечер выдался на редкость снежным, но теплым и приятным, Айвазовский гулял, наблюдая за кружением в свете фонаря крупных снежных хлопьев. Неожиданно ему навстречу вышли двое: Александр Сергеевич Пушкин и Василий Андреевич

Жуковский словно соткались из крупных снежинок. Пушкин кутал лицо в высокий воротник, на голове его возвышался цилиндр. Жуковский был одет в теплый плащ и меховую фуражку. Их появление было настолько неожиданным и внезапным, что Айвазовский так и застыл с раскрытым ртом.

— Иван Константинович! Вы? А мы как раз от Брюллова. — Первым протянул руку Александр Сергеевич. — Что же вы не заходите к нам? Наталья Николаевна уж спрашивала. Заходите непременно. Будем очень рады. — Они сели в остановившийся экипаж, а Айвазовский так и остался стоять, смотря вслед удаляющимся поэтам. Снег падал и падал, так что вскоре их следы сделались почти незаметны. И была ли эта встреча взаправду, или, гуляя по городу, Айвазовский увидел сон наяву, осталось загадкой.

Во всяком случае, он сам не сможет это объяснить. Вот, казалось бы, Крещение, праздничные катания, дети и взрослые на коньках, снег, смех, два сотканных из снежинок поэта и буквально через неделю Пушкин дерется на дуэли, смертельно ранен. Страдает…

К дому Александра Сергеевича на Мойке пришлось продираться сквозь толпу стоящих на морозе в ожидании хоть каких-то новостей людей. Несколько раз по дороге Айвазовский натыкался на конных жандармов, которые патрулировали улицы с рассвета до заката.

Кто-то поносил последними словами, грозя всеми карами небесными, посла Голландии в Петербурге барона Геккерена, чей приемный сын Дантес[72] совершил роковой выстрел.

Айвазовский воспринял известие о ранении поэта как личное горе. Но стояние под окнами на Мойке ничего не дало, кроме того, что он продрог и с окоченевшими руками и уже ничего не чувствующими ногами вернулся домой, чтобы плакать, зарывшись лицом в подушку, или вскакивать, зажигать свечу и пытаться написать карандашом портрет Александра Сергеевича. Утром он снова был у дома поэта, искренне надеясь на чудо, но чудо не произошло, и еще через день, 29 января, Пушкина не стало.

Не только друзья поэта, казалось, все русские люди погрузились в глубокий траур.

Пушкин был у Брюллова в понедельник, на следующий день написал Геккерну, в среду стрелялся. А еще через два дня бледный, словно умер он, а не Пушкин, скульптор Самуил Иванович Гальберг[73] явился в дом на Мойке снять посмертную маску. За Самуилом Ивановичем шел молчаливый литейщик Балин ни с кого-нибудь, с самого Пушкина маску снимать. Чуть

что не так и… Самуил Иванович взял помощника.

Пушкин лежит в кабинете с грошиками на закрытых глазах. Душно. У одра несколько чахлых свечек, лампа на столе — а все равно света, считай, нет. А тут еще и народ — прислуга местная набежала, родственники, друзья. Самуил Иванович узнал Жуковского, кивнул. Все как один, мол, «не надо ли чего помочь»? Не надо. Гальберг выставил всех за дверь. Не разбирал. Кивнул помощнику, тот извлек из мешка ковшик и начал разводить алебастр, перемешивая и подсыпая дополнительные порции.

Сама операция была до боли знакомой, Гальберг с кем другим мог бы проделать ее, наверное, с закрытыми глазами, но сейчас он вдруг реально чувствовал страх. А вдруг что-то не так, бывало же, что маска прилипала к волосам и бровям и ее приходилось отдирать, уродуя покойника. Его передернуло.

За спиной Балин уже справился с алебастром и, достав коробку с помадой, ждал дальнейших приказаний.

Вздохнув и перекрестившись, Самуил Иванович начал обрабатывать роскошные бакенбарды поэта помадой, губы, брови.

«Когда форма будет готова, придется просить остальных заказчиков немного обождать, первым делом он слепит бюст Александра Сергеевича», — подумал про себя Гальберг.

«Не придется просить. Все и так все понимают», — ответила ему пустота.

Накладывая алебастр, Самуил Иванович явственно чувствовал, как его обычно такие послушные, умелые руки заметно дрожат.

Занервничал, не уследил — грошик залип в форме, да так там и остался.

Смерть Пушкина рикошетом ударила по Брюллову, он снова запил, но на этот раз предпочитал сидеть у братьев Кукольников. Привыкший везде и всюду появляться со свитой, Карл Павлович брал с собой своих учеников Мокрицкого, Железнякова,[74] Федотова[75] или Айвазовского. Двое последних, строго говоря, его учениками не значились, но да он все равно их любил и, пожалуй, почитал превыше тех, что достались ему по списку.

Хороший дом, отменное общество, полезные знакомства, возможность быть в компании любимого учителя и друга. Что еще нужно молодому человеку? Часто к Кукольникам захаживал композитор Михаил Глинка — большой друг Брюллова, на которого молодежь того времени только что не молилась после его «Сусанина». Несмотря на то что официальное название оперы было «Смерть за царя», между собой ее продолжали называть «Иван Сусанин».

После памятной статьи Нестора Васильевича об Айвазовском Ованес относился к писателю с понятной благодарностью. Хотя бы упоминание в «Художественной газете» дорогого стоило, что же говорить о развернутой статье?

Нестор тоже выделял Айвазовского, чувствуя его несомненный талант и понимая, что без внимания и поддержки даже такой волшебник моря, как нахлынувший на чопорный Петербург феодосийский юноша с его невероятными южными красками, теплым морем и неунывающим дарящим свет и тепло солнцем, может зачахнуть и, скорее всего, погибнет.

Кроме того, Айвазовского открыто поддерживали такие господа, как президент Академии Оленин, художник Брюллов, коллекционер Томилин, его работы уже начали покупать, и выставки с участием молодого человека проходили очень хорошо. «Дай нам, Господи, многие лета, да узрим исполнение наших надежд, которыми не обинуясь делимся с читателями», — писал Нестор Кукольник в своей статье.

Когда Брюллов привел Ованеса в дом к Кукольникам в первый раз, Карл Павлович многозначительно покосился в сторону стоящего поодаль мрачного господина с темными волосами и широким носом и, весело кланяясь тому, шепотом произнес: «Остерегайся второго Кукольника. Платон[76] мало пьянеет и только и ждет, когда можно будет что-то стащить.

У Глинки ноты, у нас с тобой рисунки. Все это он продает затем в журналы, а ты хвать-похвать, а в заветной папочке-то ничего и нет. А все он — черный ворон Платон Кукольник», — после этого более чем странного представления Брюллов направился прямиком к «черному ворону Платону», дабы заключить его в дружеские объятия. Немало удивленный подобным поведением, Айвазовский разумно воздержался от комментариев. Другой странной фигурой в окружении Брюллова был некто Аполлон Мокрицкий — художник из городка Пирятино, что где-то в Полтавщине, над которым Карл Павлович откровенно потешался и, как казалось, в грош не ставил. Бедный же Аполлон, которому Брюллов давно уже, должно быть по пьяному делу, обещался нарисовать его портрет, да в результате на одну только карикатуру и сподобился, как тень ходил за Великим, прислуживая ему днем и ночью. Да, именно так, потому что капризный Карл Павлович запросто мог поднять Аполлона ночью с постели, всучить тому какую-нибудь книжицу и заставить себе читать. Другие ученики тоже по очереди читали Брюллову, тот любил работать, слушая об астрономии, биологии, или вдруг ему остро требовались стихи… читал и Айвазовский. Что тут такого? Но над Аполлоном Брюллов откровенно измывался. О

чем сам Мокрицкий частенько жаловался новому приятелю. Вот ведь злой гений — Карл Павлович, заставляет его бедненького вести дневник, записывая туда впечатления от встреч с прославленными художниками, хотел, чтобы он стал русским Джорджо Вазари,[77] того, что создал свою бессмертнию книгу: «Жизнеописание наиболее знаменитых живописцев, скульпторов и архитекторов». Потому как «Жизнеописания» эти не просто великий труд и подвижничество — книга о художниках для художников, книга на все времена!

Только не близок этот труд Мокрицкому, не так он жизнь и судьбу свою видел: «…22 ноября (1836 г.). Вчера, по случаю именин дочери графа Толстого, был я у него на вечере. Вообразив себе, что и дочь Катер [ины] Вас[ильевны] Галаган именинница, отправился я к ней часам к восьми вечера, но ошибся, был у Муррей. […] В десять часов отправился я к графу и пробыл там до пяти часов утра. Было очень весело. Здесь я первый раз увидел названных […] красавицами трех сестер Кусовых. Воробьев и Рамазанов увеселяли общество своими милыми и забавными плясками. […] Встав с свежею головою […], я был обрадован приходом Ивана Маркевича, […], пошли мы к «Помпее» и наслаждались с полчаса этим гениальным произведением. […] Обедал я у Венециановых […]. Прекрасное семейство! В обществе Ивана Захаровича Постникова мы имели случай помирать со смеху. […] От Венециановых пошел я к Брюллову, застал его одного за чтением р[омана] «Ледяной дом» Лажечникова. Я уселся подле него, он читал вслух. Когда он кончил первую книжку, я поднялся со стула и хотел идти, было уже десять часов, он удержал меня еще на полчаса. Спустя это время, я опять за шапку, он стал удерживать меня и, когда я, объясняя ему, отговаривался усталостью от вчерашнего вечера и опасением не потерять завтрашнего дня, то он напустил на меня всю силу своего красноречия, упрекая меня в страсти к развлечениям, к хождениям по гостям, к танцам. В самых ужасных видах изображал мою леность и любовь к искусству, потерю времени на пустые удовольствия и прочее][78]».

В общем, Мокрицкий предпочитал ходить по гостям, а Брюллов заставлял его работать и не собирался хвалить лишь за красивые глаза: «Святая. 2 апреля (1839 г). Воскресенье. Сегодня в девять часов поутру шлет за мной Брюллов. Он встречает меня с насмешливою гримасою и вопросом: «Что, нездоров? Голова болит! Зачем вы не работаете. Долго ли будет торчать здесь ваша работа?» (Надо заметить, что в картине околичность еще сыра, а фигур[ы] не могу писать я без натурщика.) Слова эти были сказаны самым грубым тоном, как будто перед ним стоял самый

негодный [человек], что, хотя я попривык к подобным встречам, но каждый раз ошеломит меня такое обращение, вовсе не свойственное человеку с таким умом и таким талантом. Я отвечал ему, что сегодня займусь я дома, мне нужно окончить два рисунка, а завтра придет натурщик, и я начну оканчивать фигуру. «Увидим, — сказал он с сердцем, — если завтра вы не будете прилежно работать, то я выброшу вашу картину из мастерской. Мне не нужно здесь лишних холстов!» После этого я ушел молча».

Из всей компании Брюллова Айвазовский более-менее сходится с композитором Глинкой, с которым не раз музицировал на вечерах у Кукольников. Вечно пьяный Яненко, братья Кукольники, ученик Брюллова, грубоватый, матирюжный Григорий Михайлов…[79] всех этих людей Айвазовский воспринимал как некоторую данность, с которой невозможно ничего поделать, так как их любит Брюллов. Сам же он не собирался дружить с подобной компанией. Впрочем, рядом с Великим Карлом были и другие: его брат — неутомимый труженик Александр Павлович,[80] скульптор Петр Карлович Клодт,[81] композитор Михаил Глинка, певец Аоди…[82]

К Айвазовскому относились с добротой и понятной нежностью, за привычку рассказывать о Крыме называли его в шутку «крымчиком» или «крамчонком». Но это было не обидно, все в Кукольниковой братии рано или поздно обретали прозвища. Сам Нестор звался Клюквенником, а скульптор Яненко — Пьяненко. Несмотря на то что Ованес был здесь чуть ли не младшим, его все любили за незлобивый характер и не склонность капризничать, когда кто-то из друзей просил его сыграть на скрипке и спеть. Мало кто из Кукольниковой братии мог похвастаться столь разнообразными талантами. Часто Айвазовский украшал вечера песнями, аккомпанируя себе на скрипке. Однажды, когда он вот так пел и играл для друзей и гостей братьев Кукольников, ему вдруг начал аккомпанировать на пианино нежданно появившийся на вечере Глинка. Так они наконец-то познакомились и сошлись. Прежде Гайвазовский наблюдал за композитором со стороны, не представляя, как обратить на себя его внимание.

Михаил Иванович знал и любил народную музыку. Во время пребывания в Пятигорске на летнем празднике байрам в каком-то ауле он уже слышал подобные песни, заметив для себя, что в черкесской лезгинке явственно слышатся отзвуки малороссийского казачка, и шуточной малороссийской песни «Кисель», которую он записал в селе под Харьковым. И Гайвазовский и Глинка остались довольными знакомством. Ованес любил музыку Глинки, а тот прежде уже видел картины

Гайвазовского, представленные на двух последних выставках в Академии художеств, и читал восторженные отзывы. Кроме того, оба любили Александра Сергеевича Пушкина и еще не до конца оправились после его кончины. Оба хотели рассказать, поделиться воспоминаниями, просто поговорить. Так бывает: общее горе сроднило этих двух талантливых людей. Айвазовский жалел о том, что так и не сыграл и не спел Пушкину песни, которым научился в Крыму. Ведь Пушкину так нравился Крым, эти мелодии могли хотя бы ненадолго вернуть поэта в то время, когда он был моложе и, возможно, счастливее. Глинка вспоминал Пушкина таким, каким он знал его и любил. Встреча была предопределена судьбой и запомнилась обоим.

Позже Михаил Глинка включит мотив лезгинки, услышанной от Гайвазовского, в сцену Ратмира в третьем акте «Руслана и Людмилы».

После знакомства с Глинкой Гайвазовский заметно ожил, он снова подолгу пропадает у Томилова и Суворова-Рымникского, где изучает живопись, читает книги по искусству и все свободное время посвящает копиям с картин старых мастеров. Идея проста — изучить, вжиться, повторить, что называется, один в один. Все равно — пейзаж, портрет, батальную сцену. Удалось — значит, сравнялся, встал на одну ступеньку. Смогли они, смог и я. Его умение, которое профессор Воробьев назовет даром переимчивости, будет поражать соучеников и вызывать священный ужас у людей, понимающих в таком деле, как копирование. Ему будут сулить высот в этой области, обещать завалить заказами, но Айвазовский с той же легкостью как взял в руки кисти, начиная копировать, теперь отложит их. Хватит, этап пройден. Пора переходить к следующему.

В марте 1837 года в Академию художеств на имя президента А. Н. Оленина пришло предписание о причислении И. К. Айвазовского к классу батальной живописи профессора А. И. Зауервейда: «Государь император высочайше повелеть соизволил художника Айвазовского причислить к классу батальной живописи для занятия его под руководством профессора Зауервейда морскою военною живописью и представить ему по сему случаю мастерскую, устроенную подле мастерской художника Пиратского.[83] Сию высочайшую волю я объявляю Вашему высокопревосходительству для надлежащего распоряжения». Подписано: Министр императорского Двора князь Волконский.

Все более чем закономерно. К кому же еще, если не к добрейшему, благороднейшему Зауервейду? Который и перед императором защищал, и летнюю практику на военных судах

организовал? Только к нему. Тем более что профессора Воробьева Ованес давным-давно уже обошел, так что тот уже и не знает, чему юношу обучать. И не пора ли у него самого уроки брать?

Меж тем Айвазовский, словно очнувшись, выбравшись из заколдованного сада чужих картин, принялся писать свою. В картине «Берег моря ночью. У маяка»[84] явственно чувствуются уроки Воробьева, уделявшего особое вниманию мистическому свету ночного светила. Твердою рукою Ованес пишет корабли — спасибо Зауервейду, своевременно отправил на флот. Польза очевидна. Теперь писать их стало куда как проще. Потому что, ведь одно дело, если видишь корабль на расстоянии и пишешь его как своеобразного натурщика, и совсем другое, когда знаешь предмет, что называется, изнутри, так сказать, анатомически, когда облазил его родимого вдоль и поперек, видел и ночью и днем, и во время бури и в штиль, когда можешь с закрытыми глазами на ощупь найти все, что нужно. Словом, спасибо учителям! Спасибо Кронштадту, куда выезжал время от времени молодой художник писать море. А еще спасибо Брюллову, который никого и ничего не боится, спасибо Глинке за его музыку, спасибо Пушкину за мечту написать когда-нибудь поэта, читающего морю свои стихи. Айвазовский несколькими штрихами нарисовал вдалеке тонкую фигуру — то ли мальчик, то ли юноша — не разобрать. Поэт, который не прячется от бури, а протягивает к ней руки, точно к возлюбленной. Зарок себе дал, когда-нибудь изобразить поэта таким, каким врос он в память.

Исчез, оплаканный свободой,
Оставя миру свой венец.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.[85]

И еще до боли хотелось, чтобы зрители, что любуются его крымскими картинами, непременно слышали эти стихи. Самому, что ли, читать?

Кто видел край, где роскошью природы
Оживлены дубравы и луга,
Где весело шумят и блещут воды
И мирные ласкают берега,
Где на холмы под лавровые своды
Не смеют лечь угрюмые снега?[86]

Брюллов высоко оценил новую картину Айвазовского, Карл

Павлович как никто другой умел радоваться успеху своих друзей, а Ивана Айвазовского он давно уже полюбил и другом считал. Необычное имя Ованес Карл Павлович никак запомнить не мог, да и во всех академических документах с самого начала было вписано Иван Константинович. Так представили при первой встрече, так и запало в память.

Вскоре за картиной «Берег моря ночью. У маяка»[87] с присущей Айвазовскому легкостью появились еще несколько марин: «Море при заходящем солнце»,[88] «Два корабля, освещенные солнцем»,[89] «Мрачная ночь с горящим судном на море», «Тихое море и на берегу судно с матросами»,[90] «Часть Кронштадта с разными судами», «Кораблекрушение».[91] После того как Зауервейд пригласил Брюллова посмотреть на последние достижения их ученика, Карл Павлович не откладывая дело в долгий ящик, выступил перед академическим начальством с предложением о сокращении срока обучения Айвазовского на два года, с тем, чтобы тот начал уже работать самостоятельно, не скованный ничем. Но просто взять и отпустить ученика, что называется, на вольные хлеба, было невозможно по уставу Академии, да и что бы он делал, оставшись совсем один? Впрочем, Айвазовский уже начал свое уверенное восхождение, его новые работы и написанная ранее марина «Штиль» украсили очередную сентябрьскую выставку и принесли художнику Золотую медаль первой степени, а вместе с ней и право поездки за границу для усовершенствования в живописи.

Друзья и покровители Айвазовского радовались за молодого художника, гадая только об одном, будет ли послан Иван Константинович сразу же к берегам прекрасной Италии, или сначала поедет в Германию или Францию, но совет Академии художеств неожиданно заменил поездку за границу, отправив его на два лета в Крым.

> «Академист 1 степени Айвазовский за написанные три морских вида и в особенности за превосходную картину «Штиль», причем положено Айвазовского отправить для усовершенствования на первые два лета в Крым, на Черное море в качестве пенсионера с содержанием за границею находящихся художников и затем куда по усмотрению Академии признано будет за полезное».[92]

Гайвазовский был вне себя от счастья, да, ему хотелось увидеть Венецию и Рим, прогуляться по улицам Флоренции и, быть может, заглянуть в Испанию, Грецию… да мало ли куда еще. Нигде не был. Везде интересно. Но еще больше он жаждал

оказаться снова дома. Обнять родителей и друзей, снова прогуляться по улицам Феодосии, вдохнуть полной грудью пьянящий запах моря. Крым манил его, являясь во снах прекрасных и пленительных воспоминанием о золотом детстве. Детстве, где все было прекрасно, и свисающие из-за оград домов цветущие заросли: малиновые, желтые, розовые, белые, красные… прозрачный воздух. Серебрилась, играя на солнце драгоценной чешуей, крупная рыба. Он совсем забыл о том, как тяжело было таскать большие плетеные корзины с уловом, стер из памяти окрики в кофейне. Все в родной Феодосии казалось ему теперь сказочно-прекрасным. Как же давно он там не был, как соскучился!

Содержание одного пенсионера обладателя заветной Золотой медали обходилось в 3000 рублей, из этих денег следовало, конечно, потратиться на дорогу туда и обратно, но все равно оставалось немало. Тем более, если переложить это на цены в Крыму! Невероятная удача!

Но тут дело немного подпортил вездесущий А. И. Зауервейд, который, не разобравшись, решил помочь своему любимому ученику, упросив государя приобрести шесть картин Айвазовского на общую сумму 3000 рублей, с тем, чтобы затем благородно подарить их Академии. Николай послушался учителя, но с тем непременным условием, что Айвазовский отправится на эти деньги в Крым на один год. Пусть пишет там новые картины, которые по возвращении, он должен будет представить на высочайшее рассмотрение. То есть командировка сократилась на целый год, и денег тоже получилось вдвое меньше против ранее обещанного.

«Таким образом, Айвазовский был бы послан в Крым с содержанием от казны (3000 за 1838 и 3000 за 1839 год в сумме 6000), а деньги, которые мог бы он получить за картины, были бы его приобретением в пользу собственную или семейства отца его, как слышу, человека весьма недостаточного».[93]

Впрочем, даже это не омрачило радостного настроения молодого художника; в ожидании официального разрешения тронуться в путь он купил подарки для домашних, нанес прощальные визиты Зауервейду, Брюллову, Томилову, Оленину и Воробьеву. Друзья устроили ему шумные проводы, клянясь в вечной дружбе и планируя новые встречи ни в Италии, так в Петербурге.

Наконец Ованес получил долгожданный билет, удостоверяющий право художника на поездку в Крым для натурных работ.

«Предъявитель сего, императорской Академии художеств академист 1-й степени Иван Айвазовский, с высочайшего его императорского величества соизволения, отправляется в Крым для писания видов с натуры сроком от нижеписанного числа на один год, т. е. по 1-е марта 1839-го года, с тем, чтобы написанные им там картины, по возвращении его, Айвазовского, были представлены на высочайшее государя императора воззрение; во уверение чего и для свободного его г. Айвазовского проезда в Крым и обратно, а равно для беспрепятственного занятия его писанием видов в пути и на всем Крымском полуострове, где пожелает и для оказания ему в случае нужных содействий и пособий от местных начальств дан ему, г. Айвазовскому, сей билет из императорской Академии художеств с приложением меньшей ее печати.

Императорской Академии художества президент, Государственного совета член, действительный тайный советник и разных орденов кавалер А. Оленин»

О, прекрасное море. Как можно не кинуться в твои объятия, не припасть губами к любимым волнам, чтобы вновь ощутить привычный с детства вкус соли? Море заключило Айвазовского в свои объятия, подняло и понесло, покачивая и бережно подбрасывая точно любимое дитя. А он резвился, барахтался, играл с волнами, а то вдруг устремлялся куда-то вдаль, работая руками и ногами до полного изнеможения, чтобы перевернуться на спину на время передышки, прикидываясь морской звездой. Дочери морского царя должны были кружить вокруг своего возмужавшего за время разлуки избранника. Рыбы ласкать его своими хвостами, и подводные жители по законам всех на свете сказок должны были принести Ованесу собранную на дне дань. Жемчужины, кораллы, сокровища служащих у морской знати пиратов… Но в тот самый первый день Айвазовский мог видеть только ослепительное солнце, на небе, солнце щедро рассыпанное по теплым волнам, солнце, с новой силой проснувшееся в нем самом.

В Петербурге никогда не было и не будет такого ослепляющего света. Но он исправит это, привезет друзьям свое крымское, феодосийское солнце. Солнце и море. Пусть они скинут сюртуки, мундиры и фраки, и плещутся в этом море, в этом свете. Пусть греются на этом солнце, утоляя жажду сладким вином и фруктами.

Всю свою жизнь Айвазовский будет искать свет, стараясь сохранить его в картинах. На своей выставке в Париже (1843 г.) он с удивлением услышит, как, разглядывая его полотна, зрители будут судачить, не умудрился ли этот молодой русский каким-нибудь хитрым образом спрятать за холстом горящую свечу.

Маленькие домики соседей, да, после Петербурга они кажутся ему крошечными, почти игрушечными, он разглядывает их, здороваясь, как со старыми знакомыми, вдруг понимая, как сильно любит каждый в отдельности и все вместе. Сделался гуще дикий виноград на стене, из окна которого смотрела на звезды любившая помечтать дочка зеленщика, зацвели вишни в соседском саду, и ветер колышет розово-белое море душистых лепестков. Айвазовский петляет по узким улочкам города, пытаясь забыться, потеряться в нем, но неизменно выходит к морю, которое тоже вовлечено в эту игру.

Волна за волной, весна за весной. В Петербурге еще не сошел снег, здесь цветут сады. Тепло как летом, и даже вода в бухте «На карантине» прогрелась. Ованес подолгу гуляет по берегу, выискивая цветные камушки — подарки его друга Моря. На ум приходят новые и новые сюжеты, один занимательнее другого. Райский сад… нет, не сад, а скорее уж берег вечного как вселенная океана, океана времени. Море встретило первых людей и облизало их, как добрая теплая корова облизывает шершавым языком своих новорожденных телят. Море, разлучающее любимых, — можно написать корабль и девушку, машущую с пристани белым платком, море властное и жестокое, в котором погибали отдельные корабли и целые флотилии, и конечно ласковое, спокойное, может быть, даже сонное море. С чего же начать?

Он снова живет в родительском доме, спит на своей кровати, подолгу смотрит в окно, из которого видно его море. Иногда гуляет всю ночь, считая звезды, или, закутавшись в теплую куртку, сидит у моря, выспрашивая Бога о своей дальнейшей судьбе, утром мама запрещает домашним будить ее дорогого мальчика. Стараясь с вечера выспросить, что бы тому желалось поесть на следующий день, она с раннего утра бежала на базар и быстро готовила что-нибудь эдакое: нежную слоеную пахлаву, такую сладкую, что просто тает на языке. Ованес всегда любил пахлаву, но не с этого надо начинать, потому что отец попросил приготовить бастурму и соленые бохи. И еще козий сыр, молоко, слоеные пирожки с сыром, лепешки в сладком сиропе… хорошо бы магалепи с кофе. Если на столе будет много еды — отец не будет в претензии, а Оник, он так вытянулся и похудел, ее ненаглядный Оник, Ованес… ее дивный мальчик, кроха,

спеленутый в белоснежные пеленки с большим голубым бантом в виде цветка пиона. Красивый, как маленький ангелочек, в вышитой сорочке семенящий за старшими братиками на нетвердых ножках. Ее прекрасный сын — художник, слава которого скоро прогремит на весь мир. Нет, перечисленных блюд явно маловато для драгоценного сыночка. Нужно послать кого-нибудь в лавку за яблочным джемом, прикупить на завтра соленые виноградные листья. И главное, не забыть про чихиртму. Хотя это уже, наверное, завтра. Сколько времени ребенка не было дома, и вот же — его совсем нечем принять! Того и гляди, уедет в Петербург, да и откажется возвращаться. А что ему делать в нищей Феодосии, где даже покормить-то толком с дороги не могут?

Глава 8

…С тех пор я знаю, что стать Айвазовским непросто, что художник Главного морского штаба имел в кармане мундира секрет, при помощи которого умел делать на полотне воду мокрой…

В. В. Конецкий

Через неделю к дому семьи Ованеса подъехала коляска Казначеева. Айвазовский выбежал из дома и сразу же повис на шее своего второго отца. Они обнялись, и Константин Григорьевич радушно пригласил Александра Ивановича в дом. Последние несколько лет Ованес начал присылать родителям деньги, так что было что на стол поставить, причем было в избытке.

Дома сестры уже суетились, выставляя на стол хлеб да оливки, орехи и зелень. Гость в дом — счастье в дом. Обнаружилась нехватка вина: в доме Константина Гайвазовского не держали хмельного. Казначеев попытался уговорить хозяев, что зашел ненадолго и вполне может обойтись без вина, но его тут же усадили на почетное место, рядом со светящимся счастьем Ованесом. Прикладывая руку к груди, Казначеев сообщил, что и ел и пил, да разве их уговоришь? «Ах, спорить с вами»! — его снова усадили, рядом на стол водрузили большую глиняную миску с виноградом.

А из кухни уже доносятся аппетитнейшие запахи: томится мясо в ароматных травах, варится рыба, того и гляди, сейчас сестры-невесты начнут метать на стол миски да тарелки. Эка напасть!

«Ну уж нет, — со смехом отгораживает руками ближе к себе часть стола Александр Иванович. — Бог свидетель, ни крошки в рот не возьму, пока Ваня мне свои новые работы не покажет. Стосковался. Сил нет».

И пока смущенный и радостный, ну просто улыбка до ушей, юноша раскладывает перед гостем листы, Александр Иванович любуется своим названным сыном, Иваном Константиновичем Айвазовским — мальчиком, превратившимся в юношу, лебеденком научившимся летать и ставшим прекрасным белым лебедем.

На следующий день Казначеев забирает Ваню с собой.

Рипсиме бы не отпустила, сколько времени она слезы лила, днем и ночью за своего мальчика бога молила, но муж говорит — надо, значит, надо. Да и Ованес не навсегда, поди, улетит с этим господином. Не может она относиться к бывшему градоначальнику так же тепло, как это делает ее сынок. Не по чину ей, что бы Оник ни говорил. Не может, хотя и понимает, если бы не градоначальник, ее сын, пожалуй, до сих пор бы мел полы в грязной забегаловке у грека, или, того хуже, грузил мешки в порту. Мать понимает, что до конца дней своих будет она молиться за раба божия Александра, а ведь не отмолит всего, что тот сделал для ее ребенка. Тем не менее — это для Ованеса Казначеев друг, благодетель, а пожалуй, и второй отец, а для нее он прежде всего господин Казначеев. И ничего с этим не поделать. Не сможет она породниться с бывшим губернатором и его женой, что из княжеского рода, даже ради сына не посмеет.

А Ованес уже летит за Казначеевым, прихватив свою столичную одежонку и художественные принадлежности, ибо поманил его великий волшебник неземными красотами, которые просто обязан увидеть молодой художник: Ялта, Гурзуф, Симферополь… Крым.

Упорхнул золотой птахой необыкновенный птенец гнезда Гайвазовских, на комоде денег оставил — много. Столько и не нужно было. Кинулись было догнать, да разве ж их догонишь? Далека дорога, змеится, петляет то вниз, то вверх, над ней синее небо, а внизу бескрайнее море — сверкает, блестит, аж глаза слепит. И солнце… такое солнце, что смотреть невозможно. Теплое, нежное, доброе.

Айвазовский откидывается на подушки открытой коляски, и кажется ему, будто бы летит он над этим прекраснейшим миром. Как же хочется объять необъятное, впустить в себя и разноцветные просторы, и ветер, и песню, что доносится откуда-то.

И вот уже перед путниками цветущая Ялта с ее горами в золотистой легкой дымке, море, ласковое и нежное — купайся или сразу начинай рисовать. Да, прилежный художник должен был бы поселиться здесь на долгие годы, но даже прожив жизнь, не сумел бы, пожалуй, запечатлеть всего достойного быть перенесенным на холсты, сохраненным для вечности.

Провести вечность у этого моря! Срастись с нагретыми на солнце камнями, ничего не делать, просто лежать на песке, с восторгом вглядываясь в голубое небо! У Айвазовского определенно впереди целая вечность. Но у Александра Ивановича никакой вечности нет, и он торопится. Айвазовский делает множество зарисовок днем, а ночью в полном изнеможении

смотрит на огромные южные звезды, которые в свою очередь смотрят на художника, недоумевая, отчего тот не хватается за кисти и не спешит запечатлеть одну из них.

После Ялты путь лежит в Гурзуф. Место, где жил Пушкин — знаковое для Айвазовского место. Не отдыхая, они отправляются на первую прогулку к дому Ришелье, где восемнадцать лет назад жил поэт. Возле кипариса Ованес стоит какое-то время, представляя, как на его месте когда-то стоял Пушкин, что поэт видел это самое дерево, судя по возрасту, кипарис, предположение выглядит вполне реалистично. Ованес здоровается с деревом, отвешивая ему легкий дружелюбный поклон. «Наверное, так делал и Пушкин», — подумалось.

Все время пребывания в Гурзуфе Айвазовский приходил к дому Ришелье поговорить с пушкинским кипарисом.

«В Юрзуфе (Гурзуфе) жил я сиднем, купался в море и объедался виноградом; я тотчас привык к полуденной природе и наслаждался ею со всем равнодушием и беспечностью неаполитанского lazzarone.[94] Я любил, проснувшись ночью, слушать шум моря — и заслушивался целые часы. В двух шагах от дома рос молодой кипарис; каждое утро я навещал его и к нему привязался чувством, похожим на дружество. Вот все, что пребывание в Юрзуфе (Гурзуфе) оставило у меня в памяти».[95]

Это было необыкновенное время, чуть ли не каждый день Ованес отправлялся рисовать на природу, Казначеев же старался не мешать, время от времени увлекая юношу прогулками и собранными им сказаниями об этих местах:

— Старики говорят, что когда-то на вершине Медведь-горы красовался великолепный замок, в котором жили братья-близнецы, молодые князья Петр и Георгий и их старый учитель и маг, а может быть и бог — великий Нимфолис.

Он был при братьях всю их жизнь, уча сражаться на мечах, управлять конями и колесницами, метко стрелять из лука. Когда же юноши выросли, Нимфолис покинул их, одарив на прощание двумя перламутровыми ларцами и наказав никогда не пользоваться его дарами ради недостойной цели, нечестного дела, ради и во имя зла. В первом ларце был жезл, по приказу которого расступалось море, в другом крылья, которые могли поднять в воздух человека, его коня или даже целый дом. Но только всем этим можно было пользоваться в целях познания и созидания. Братья горячо поблагодарили любимого учителя и принялись изучать дно морское или подниматься в небо, оглядывая оттуда землю. Долго ли, коротко ли радовались новым возможностям близнецы, да только однажды прознали они, что у кого-то из соседних князей, — знаешь, Ваня, много их здесь —

князьев-то, — подросли красавицы дочери, и тоже близняшки.

Обрадовались братья и решили при помощи своих подарков похитить девушек. В общем, дурость задумали по малолетству да тугодумству. Поди, отец-князь подобру уступил бы двум хозяевам Медведь-горы своих красавиц, явись к нему братья с лаской да дорогими подарками. Да и девушки полюбили бы ладных и смелых князей и добровольно пошли бы за них.

В общем, сказано — сделано. Украли девиц, привезли их в замок на гору, быстро свадебку сыграли, а может, и без свадьбы так… день живут, два, неделю. Да только что ни ночь, воротят от них свои хорошенькие личики жены-невольницы. Не по нраву гордым княжнам грубое обращение, насилие породило ненависть. Хуже турок проклятых возненавидели они своих молодых, красивых мужей. Слезы льют, лица руками закрывают, страшные слова в тишине бормочут, не сегодня завтра вообще зарежут во сне.

Есть о чем задуматься, да только не повернуть время вспять. Так что либо убивай любимых жен, либо ищи способ с ними как-то поладить. Тогда и решили братья покорить сердца своих княгинь, показав им чудо-подарки. Рассудили так покатают сестер по небу, до самого солнца домчатся. Женщинам ведь — дорогие подарки во все времена приятны были, ласковые слова, да чтобы мужчины в их честь совершали подвиги. В общем, женщину нужно поразить. А кто больше для любимой женщины сделает, если не братья с их ларцами-подарками? Расступятся воды морские, пройдут они по дну как посуху. Удивятся, испугаются, а затем будут восторгаться красавицы, не проклинать, а славить судьбу свою, что с такими удальцами их связала.

Одного только не поняли братья: можно напугать, можно заставить восхищаться, но нельзя купить любовь. И те, кто это совершают, творят зло. А значит, недоволен будет старый Нимфолис, а он то ли маг, то ли бог. ив том, и в другом случае лучше не гневить.

На следующий день выбрал Григорий самого здоровенного коня, уселись на него братья, усадили своих жен, конь странный, необычный в этих краях, с серебряными крыльями, тут же в небо их понес. Но невысоко поднялись супруги. Вдруг услышал Григорий голос учителя среди облаков: стоят оба бледные, от страха зуб на зуб не попадает.

«А ну назад!»

Испугался, вниз коня направил. Опустились на зеленый луг, а жены им в лицо смеются. «Что же вы нас до солнышка-то не довезли. Или кишка тонка?»

В общем, неудачно получилось. И особенно обидно, что жены голоса страшного Нимфолиса не слышали, а значит, не понимали причины возвращения.

На другой день приготовил Петр колесницу, запряженную резвыми конями, снова сели вчетвером, Петр впереди всех, как к морю подкатили, так он жезлом приказал волнам расступиться. Точно невидимым ножом разрезало море. Дорога открылась, по обеим сторонам две стены из зеленой воды стоят, и рыбы в них плещутся. Погнал Петр колесницу. Сколько-то проехали. И тут голос учителя как заорет в самое ухо вознице: «Назад!» Стиснул зубы Петр, не подчинился приказу. Тогда возник перед ним царь подводный и поразил трезубцем братьев и их жен. Сомкнулось море над их головами.

Только местные говорят, что не погибли они полностью, потому как тел их никто тогда не выловил.

В море скалы-близнецы Адалары торчат из воды как вечное напоминание о тех, у которых было все, но они встали на путь недостойный, пытаясь добиться любви силой.

Глава 9

Я видел море, я измерил
Очами жадными его;
Я силы духа моего
Перед лицом его поверил.

А. И. Полежаев

Только в июле Айвазовский вернулся в Феодосию, привезя с собой этюды, некоторые из которых должны были в дальнейшем превратиться в картины.

Теперь для Ованеса мало просто написать море, чтобы оно выглядело похожим. Он ставит перед собой новую задачу — передать через живописные образы свои собственные ощущения. Солнце должно сиять и слепить, если изображен яркий день — зритель должен ощущать идущее от картины тепло.

Написать солнце — в Академии его учили писать солнце в дымке, солнце, пробивающееся из-за облаков или ветвей деревьев, только свет солнца без изображения самого светила. Нарисовать солнце по-другому, не так, как видели его старые мастера — было в определенном смысле вызовом, но он не боялся брать на себя столь сложную задачу.

Он устраивает себе мастерскую дома и каждый день напряженно работает, стремясь к выбранной цели. Казначеев заваливает его приглашениями приехать в Симферополь, но теперь Гайвазовский вынужден огорчать отказами своего второго отца. Он не может отказаться от работы, его солнце — то самое солнце, которое светило над маленьким Оником, солнце, о котором он грезил в далеком и теперь похожем на странный сон Петербурге, его солнце упорно не желает освещать новые картины молодого мастера. В Академии учат копировать природу, но разве можно написать один в один солнце? Гайвазовский запирается у себя, не желая видеть ни прежних друзей, ни соседей. Он упорно отклоняет все приглашения, и только устав и измучившись, ходит к морю, где подолгу сидит на песке или прибрежном камне, уставившись в даль. Время от времени знакомые рыбаки зовут его с собой в море. С борта лодки он снова всматривается в волны и солнце, пытаясь разгадать загадку, раскрыть тайну, из-за которой почему-то не может изобразить солнце таким, как видят его глаза.

Желающий достичь солнца свободно парящий в небесах Икар

разбивается об землю, которую неосторожно покинул, устремившись за мечтой. Быть может, и его — Ивана Гайвазовского — погубит его южное солнце?

Впрочем, нельзя сказать, что поездка с Казначеевым не принесла вообще никаких плодов, как раз наоборот. Уже готова «Лунная ночь в Крыму. Гурзуф»[96] — нежная поэтичная картина с тем самым кипарисом, с которым художник здоровался и разговаривал о Пушкине. Вот как отзывается о проделанной работе сам художник в письме к Оленину: «По прибытии в Крым, после кратковременного свидания с родными, я немедля отправился, как Вам известно, с благодетелем моим А. И. Казначеевым на южный берег, где роскошная природа, величественное море и живописные горы представляют художнику столько предметов высокой поэзии в лицах. Там пробыл я до июля месяца 1838 и сделал несколько удачных эскизов; оттуда возвратился в Симферополь и в короткое время нарисовал множество татар с натуры, потом устроил свою мастерскую на родине моей в Феодосии, где есть и моя любимая стихия. Тут отделал я пять картин и отправил их месяца три тому назад к Александру Ивановичу Зауервейду, прося представить их по принадлежности; о сем тогда же донесено мною и В. И. Григоровичу.

К сожалению, до сих пор не имею я никакого известия об участи посланных картин. Вероятно, Вы уже благоволили их видеть. Кроме сих, я приготовил шесть сюжетов, из которых три — отделаны и к выставке будут представлены Вашему высокопревосходительству. Одна представляет лунную ночь, во второй — ясный день на южном берегу, в третьей буря. Сверх того, сделал я еще несколько новых опытов и эскизов, думал уже приступить к отделке всего, чтобы привезти с собою в Петербург, не пропуская данного мне срока».

Лунная ночь в Крыму. Гурзуф. 1839 г. Холст, масло. 101 * 136,5 см. Сумский художественный музей.

Одновременно с летом закончились выданные Академией деньги, и Гайвазовский вынужден просить выдать ему хоть сколько-нибудь на продолжение работы. Проклятая нищета, вот, казалось бы, совсем недавно вернулся из Петербурга с карманами, полными денег, и что же, они покинули его, точно перелетные птицы. Предатели деньги!

Впрочем, рано предаваться панике, Гайвазовский на хорошем счету, учителя за него горой, академическое начальство знает — этот не подведет, не обманет. «Вследствие словесно представленной мною просьбы Вашей к Академии, в письме на мое имя Вами изъясненной, об оказании Вам денежного пособия

для пребывания в Крыму и спокойного продолжения занятий Ваших живописью с натуры, по уважению к тому, что Вы употребили уже почти всю сумму, пожалованную Вам государем императором за картины, на заготовление художественных потребностей к путешествию, собственную экипировку, проезд в Крым и переезды в Крыму, а также на пособие родным Вашим, Правление императорской Академии художеств, приняв во внимание эти обстоятельства, а равно известное трудолюбие Ваше и хорошую нравственность, с согласия его высокопревосходительства г. президента определило: назначить Вам в пособие 1000 руб., которые при сем к Вам и посылаются, но с тем, чтобы Вы взамен оных, представили по возвращении Вашем какую-либо картину в собственность Академии».[97]

За зимой пришла и новая весна. Время, неизменно значимое и полное сюрпризов для художника. На этот раз к дому Гайвазовских подъехала рессорная бричка, из которой вышел сам начальник Черноморской береговой линии, знаменитый, легендарный генерал Раевский, среди прочих подвигов и славных дел которого, в частности, значился эпизод двадцатого года, когда во время войны с французами боевой генерал не только шел в авангарде войск, на передней линии, а плечом к плечу с ним бились его юные тогда сыновья. Как написал о генерале восторженный Жуковский:

Раевский, слава наших дней,
Хвала! Перед рядами
Он первый, грудь против мечей,
С отважными сынами.

Айвазовский прекрасно знал современную поэзию, а Николай Николаевич Раевский был ко всему прочему интересен ему дружбой с Пушкиным, который, а из этого не делалось секрета, посвятил Раевскому поэму «Кавказский пленник».

Прими с улыбкою, мой друг,
Свободной музы приношенье:
Тебе я посвятил изгнанной лиры пенье
И вдохновенный свой досуг.

Поэтому можно себе представить гамму чувств, которая охватила молодого человека при виде кумира своего детства.

Николай Николаевич много слышал о талантливом феодосийском художнике, читал о нем, кроме того, о «морском

волчонке», как прозвали Ованеса моряки-балтийцы, ему прожужжали все уши на его собственном корабле. И вот теперь Раевский лично заехал познакомиться с Гайвазовским, а заодно сделать ему заманчивое предложение.

Сам Николай Николаевич держал путь на Кавказ, дабы руководить высадкой десанта.

Целый день они провели вместе, Айвазовский показывал Раевскому самые прекрасные места Феодосии, Николай Николаевич рассказывал ему об Александре Сергеевиче. Последние работы художника вдруг словно вернули Раевского в дни его молодости, в то время, когда Пушкин читал ему свои стихи и стихи Байрона,[98] а рядом плескалось теплое море. Рядом были дети — вся семья в сборе.

Раевский рассказывал о том, как вместе с Пушкиным они поднялись на Ай-Петри, чтобы увидеть оттуда восход солнца, и художник немедленно попросил проводить его на то же самое место. «Восход солнца с вершины Ай-Петри, откуда Пушкин любуется им» — хорошее название для картины, несколько длинновато, но почему нет? Хотелось написать Пушкина, стоящего над бурным морем, чтобы небо было темным от туч, а волны пенились, грозя неминуемой бедой. Поэт, читающий стихи бушующей стихии или просто вглядывающийся в даль. Впрочем, отчего не написать несколько картин?

Айвазовский законспектировал рассказ Раевского и тут же не удержался и приписал название запланированных картин: «Пушкин у гурзуфских скал», «Семья Раевских и Пушкин», ну и разумеется, «Восход солнца с вершины Ай-Петри, откуда Пушкин любуется им».

Знакомство с Н.Н. Раевским само по себе подарок судьбы, но великолепный генерал приехал отнюдь не из праздного любопытства, в его силах пригласить художника отправиться с ним на Кавказ, где можно будет наблюдать настоящие боевые действия флота, а заодно порисовать виды восточных берегов Черного моря! Добавим — порисовать берега, в то время еще малоизученные и неизвестные русскому зрителю.

Небывалая удача, подарок, от которого молодой маринист просто не имеет права отказаться, но как же тогда приказ государя? Что произойдет, нарушь он приказ вернуться в установленный срок? Ованес уже знает, как несладко попасть в немилость. Но Раевский, Кавказ, самая настоящая высадка десанта…

Не в силах отказаться от предложения Николая Николаевича, Гайвазовский пишет письмо президенту Академии художеств, в котором просит продлить срок командировки и разрешить ему

участвовать в военных маневрах русской эскадры у кавказских берегов: «…генерал Раевский, начальник прибрежной кавказской линии, проезжая через Феодосию к своей должности для совершения военных подвигов при занятии мест на восточных берегах Менгрелии, был у меня в мастерской и настоятельно убеждал меня поехать с ним, дабы обозреть красоты природы малоизвестных восточных берегов Черного моря и присутствовать при высадке на оные войск, назначенных к боевому занятию означенных береговых мест.

Долго не решался я на это без испрошения позволения Вашего, но, с одной стороны, убеждения генерала Раевкого и принятые им на себя ходатайства в испрошении мне сего позволения, с другой — желание видеть морское сражение при этакой роскошной природе и мысль, что изображение на полотне военных подвигов наших героев будет угодно его императорскому величеству, наконец, совет доброжелателя моего Александра Ивановича Казначеева — решили меня отправить в поход аргонавтов, тем более, что и сам А. И. Казначеев, давний друг Раевскому, отправился с ним почти для меня». Мы не станем приводить полный текст письма, повторюсь, что Гайвазовский действительно находился в Академии на хорошем счету, добавлю только маленькую подробность, которая, я надеюсь, убедит читателя в том, что Иван Айвазовский или Ованес Гайвазовский, как называли его в Феодосии, был отнюдь не пай-мальчиком. Когда ему было велено вернуться в стены доверяющей ему Академии? 1 марта 1839 года. Письмо же Оленину датировано ни много ни мало 27 апреля 1839 года, то есть без малого после двухмесячного прогула, и пишет его «послушный академист» не из Феодосии, а из местечка Тамань, что по пути на Кавказ. Иными словами — не спрашивая никого и ни о чем, Гайвазовский рванул за Раевским, догадавшись отписать Оленину, упросив его продлить отпуск, уже находясь в дороге.

По здравому разумению, Гайвазовский конечно же понадеялся на то, что и Раевский и присоединившийся к «походу аргонавтов», как окрестил его сам художник, Казначеев найдут способ добиться для него разрешения на оное путешествие. Но и сам бы мог поторопиться. В конце концов страна, в которой жизнь подчинялась военной дисциплине, могла и не простить загулявшего в отпуску художника.

Во всяком случае, разрешение о принятии участия академистом И. К. Гайвазовским в экспедиции генерал-лейтенанта Раевского было официально дано военным министром, после чего тот изложил просьбу министру Двора, а тот уже непосредственно государю: «Начальник Черноморской

прибрежной линии и Командующий действующим там отрядом генерал-лейтенант Раевский, узнав, что с высочайшего соизволения находится в Крыму для снятия морских видов академист Гайвазовский, и полагая, что величественная природа восточных берегов Черного моря, плавание эскадры и военные сцены при занятии десантом неприятельской земли представят предметы, достойные кисти этого художника, предложил ему отправиться в экспедицию».

Выслушав доклад министра Двора, государь император позволил художнику задержаться в Крыму еще на год, повелев выдать еще тысячу рублей ассигнациями, которые тот должен был получить в Керчи.

Из автобиографии Айвазовского мы знаем, что поход состоялся и он: «Находился сначала с Н.Н. Раевским на пароходе «Колхида», потом перешел к М. П. Лазареву на линейный корабль «Силистрия», капитаном которого был П. С. Нахимов…[99]» До нас дошли несколько рисунков и картин Айвазовского этого периода, изображающих Лазарева,[100] Нахимова, Раевского, Корнилова, [101] Панфилова и др.

На военном корабле «Колхида» Айвазовский знакомится с Львом Сергеевичем Пушкиным,[102] младшим братом Александра Сергеевича — человеком безусловно талантливым и незаурядным. Как вспоминает о своих встречах с Львом Пушкиным племянник Антона Дельвига,[103] Андрей Андреевич Дельвиг: «Он был остроумен, писал хорошие стихи, и, не будь он братом такой знаменитости, конечно, его стихи обратили бы в то время на себя общее внимание. Лицо его белое и волосы белокурые, завитые от природы. Его наружность представляла негра, окрашенного белою краскою».

Во время южной ссылки А.С. Пушкина в 1820–1824 годах, Лев Сергеевич постоянно переписывался с братом, выполняя любые его поручения, связанные с издательскими и даже личными делами поэта. Это именно ему были посвящены стихотворения: «Брат милый, отроком расстался ты со мной»(1823), «Послание к Л. Пушкину» (1824) и пр.

Лев Сергеевич обладал редкостным талантом по свидетельствам современников, буквально с одного прочтения он мог запомнить стихи и целые поэмы. По словам П. А. Вяземского: [104] «С ним, можно сказать, погребены многие стихотворения брата его не изданные, может быть даже и не записанные, которые он один знал наизусть».

В кают-компании «Колхиды» офицеры так часто просили Льва Сергеевича читать им наизусть стихи Александра Сергеевича, что тот начал требовать за свое выступление оплату в жидкой валюте.

Нововведение понравилось и сразу же прижилось, офицеры исправно проставляли выпивку, довольный чтец с выражением читал написанное братом, вино текло рекой.

О Льве Пушкине ходил забавный анекдот, что тот будто бы всю жизнь испытывал непонятную и ничем не обоснованную ненависть к питьевой воде, отчего пил исключительно вино, пренебрегая чаем, кофе и никогда не прикасаясь к супу. Вина же он мог потребить сколько угодно. И если поначалу странные требования Льва Сергеевича относительно оплаты его выступлений встречались корабельным начальством с неодобрением, тот факт, что последний мало пьянел и после любого количества выпитого продолжал исполнять свои обязанности, характеризовало младшего Пушкина как человека, безусловно, надежного. Впрочем, его все любили, опасаясь единственно обсуждать с Львом Сергеевичем обстоятельства гибели его брата, так как выпивши, Лев много раз порывался отправиться во Францию, дабы непременно стреляться там с Дантесом.

О смерти брата он узнал, будучи на Кавказе, сохранилось его письмо к другу, написанное вскоре после получения известия о смерти Александра Сергеевича: «Сам я получил только контузию, будучи вечно под пулями; бедный же брат мой погиб в это время от одной, ему обреченной. Несправедлива тут судьба, его жизнь необходима была семейству, полезна отечеству, а моя — лишняя, одинокая и о которой, кроме тебя и бедного отца моего, никто бы и не вздохнул».

В этих строках все — боль и ужас утраты, и признание собственного ничтожества, и загубленной попусту жизни. Думаю, что если бы роком Льву Пушкину выпал шанс погибнуть вместо брата, он без колебания встал бы под пулю Дантеса.

Вот с таким замечательным человеком свела судьба нашего героя. Впрочем, на этом сюрпризы не закончились.

На корабле все было отлажено так, что каждый человек прекрасно знал свое место и что должен делать, так что офицерам не приходилось указывать своим подчиненным, и свободное от вахт время они проводили, куря на верхней палубе или играя в картишки в кают-компании. Не курящий и равнодушный к вину Айвазовский принес на палубу этюдник и занялся привычным занятием принялся переносить на лист медленно проплывающий мимо крымский берег.

Два первых дня были перенасыщены разговорами с моряками, стихами, которые декламировал Лев Пушкин, то и дело мечтательно прикладываясь к бутылке, рядом с его креслом уже валялось несколько опорожненных им сосудов, когда он

уставал, кто-нибудь из офицеров неизменно принимал поэтическую вахту, продолжая чтение, или начинал увлекательный рассказ. Эта спокойная с виду обстановка ничем не напоминала об истинной цели флотилии. Поэтому, когда на третий день пути «Колхида» подошла к устью горной речки «Псезуапе», что в долине Субаши, где должен был высадиться десант, Гайвазовский никак не мог вникнуть в серьезность происходящего. Морские офицеры, которые буквально вчера мирно резались в карты, читали стихи и говорили о женщинах, в один миг сделались серьезнее. Теперь им уже было не до их гостя и попутчика, начиналась обычная военная работа, в которой штатским не было места.

Выйдя на палубу, Гайвазовский насчитал пятнадцать судов черноморской эскадры. Все они дожидались Раевского с его «Колхидой». Впрочем, «Колхида» отнюдь не являлся флагманским кораблем. Узнав о том, что Николай Николаевич собирается перейти на «Силистрию», где его уже дожидались адмирал Михаил Петрович Лазарев и капитан «Силистрии» Павел Степанович Нахимов, художник хотел уже требовать, чтобы его тоже взяли с собой, его ведь пригласили наблюдать за действиями десанта, а с флагманского корабля это было сделать сподручнее, но Раевский и не думал оставлять юношу на «Колхиде», о чем Гайвазовского известили, попросив взять с собой все, что нужно для работы. Поэтому быстро забрав художественные принадлежности, Гайвазовский вместе с Раевским и некоторыми заранее отобранными Николаем Николаевичем офицерами перешел на «Силистрию».

Часть команды «Силистрии» составляли моряки с Балтики, которые познакомились с Ованесом во время его летней практики. Художник с радостью остался бы с ними, но пообщавшись какое-то время наедине с Лазаревым, Раевский забрал своих людей, и в том же составе они вернулись на «Колхиду».

Ночь Гайвазовский провел в своей каюте, а наутро его вдруг вызвали в каюту к Раевскому, где уже сидел адмирал Лазарев. Они познакомились, после чего Михаил Петрович пригласил художника перебираться на флагманский корабль.

Это было как исполнение мечты, сначала он подумал, что Раевский перейдет на «Силистрию» и захватит его с собой, оказалось, приглашали его одного. Должно быть, офицеры с Балтии рассказали Лазареву о молодом художнике, и тот пожелал, чтобы Гайвазовский видел высадку десанта с флагманского корабля. Надо ли говорить, что бредящий морем Гайвазовский боготворил героя флота адмирала Лазарева и с

восторгом побежал бы за ним хоть на «Силистрию», хоть в зубы к морскому черту, помани тот его пальцем, но не обидит ли его уход добрейшего Николая Николаевича Раевского?

С другой стороны, возможно ли отказать Лазареву, не оскорбив его при этом? Раевский и Лазарев наблюдали метания молодого человека. Что в конце концов возьмет верх? Художник-профессионал желающий одного — как можно лучше выполнить поставленную перед ним задачу, или человек, внутренняя интеллигентность и порядочность которого не позволят ему нанести обиду не сделавшему ему ничего плохого человеку? Поняв, что Ованес просто не способен сделать выбор, Раевский сжалился, придя на помощь художнику, приняв собственное и единственно верное решение. Гайвазовский бесспорно должен перейти на флагманский линейный корабль «Силистрия», где ему будет сподручнее запечатлеть происходящие события. Иначе зачем же он здесь?!

Художнику выдали пистолеты, хотя непонятно, как бы он совмещал рисование и стрельбу по движущимся мишеням? Зачем нужен десант, с кем собираются сражаться его новые друзья — этих вопросов попросту не существовало. Художник всецело растворился в готовящемся сражении, так что даже его штатское платье уже не казалось чем-то чужим и неуместным здесь.

Кто враг? Моряки называли их шапсугами[105] — слово, само по себе ничего не говорившее ни Айвазовскому, ни тем более русским морякам. Просто есть приказ, а значит, завтра будет бой и кого-то недосчитаются и на той, и на этой стороне. Такая уж работа, ничего не попишешь. Впрочем, куда больше, чем вопрос «кто прав, кто виноват», Айвазовского интересует его собственная подготовка к десанту. Ведь он должен будет зарисовывать как можно точнее то, что увидят его глаза. Эти рисунки нужны не только ему, они могут пригодиться Раевскому или кому-то из высшего командования — иначе для чего ему позволили продлить отпуск? Он не настолько наивен, чтобы предположить, будто Раевский явился в их крохотный феодосийский одноэтажный домик по воле собственного сердца, а к вам, любезный читатель, просто так часто приходят в гости малознакомые адмиралы? Что строгий, требующий неукоснительной дисциплины и точнейшего выполнения приказа государь вдруг любезно согласился продлить отпуск, к тому же приплатив академисту-прогулыщику целую тысячу рублей ассигнациями.

Кто-то наверху хочет видеть «Десант в Субаши[106]», этот берег действительно малоизучен, изображений его невозможно отыскать, следовательно, тот, кто загодя планировал эту

операцию, рассчитывал на памятливого и уже имеющего практику на флоте феодосийского художника. Иначе почему было не послать Гайвазовского изучать берег Неаполя или каналы Венеции, тем более что он это заслужил? Та же вода, те же корабли и лодки, луна и солнце. Без сомнения, Гайвазовский неслучайно оказался в это время и именно в этом месте.

Высадка десанта началась с восходом солнца, сигналом к началу операции послужил пушечный выстрел с адмиральского корабля. Одновременно с ним моряки заняли свои места на лодках и, дружно взявшись за весла, понеслись к берегу. Зазвучали армейские барабаны, их гул подхватили прибрежные леса, заранее содрогаясь от одного только предчувствия появления черноморцев. На носу первой лодки стоял, не пригибаясь под редкими выстрелами, Раевский. Корабли прикрывали их огнем, обстреливая берег.

Вместе в другими Айвазовский прыгнул в заранее показанную ему лодку, к груди он прижимал портфель с бумагой для рисования и карандашами. Раевский первым спрыгнул на берег, капитан Пушкин поспевал за своим боевым командиром, как разглядел глазастый Гайвазовский, они ехали в одной лодке. Следом за адмиралом начали причаливать и остальные лодки. Русские выпрыгивали из лодок с криком «ура!», тут же устремляясь к лесу, за деревьями которого прятались враги. Сначала шапсуги почти не проявляли себя, несколько ленивых выстрелов по лодкам, и все, возможно, целились по офицерам. Но когда моряки приблизились к лесу, неожиданно оттуда началась пальба. Горцы подпустили врагов поближе и теперь расстреливали их наверняка. При этом самих шапсугов было не видно, так что казалось, будто стреляли деревья и кусты, земля и тени, тени, тени… чем ярче разгоралось солнце, тем яснее, плотнее становились эти самые тени. Рядом с Ованесом вскрикнул и упал, хватаясь за живот, офицер Фредерикс.[107] Художник склонился над раненым, расстегнул мундир, ранение прошло по касательной, но молодой человек мог потерять много крови, Гайвазовский сунул в портфель, не пригодившийся пистолет и поволок офицера к лодке, удивляясь, как это ни одна проносящаяся мимо пуля не догадалась зацепить и его.

Впрочем, на этот раз все обошлось более или менее удачно. Айвазовский положил потерявшего сознание Фредерикса в лодку и, сев на весла, быстро доставил раненого на корабль, где сдал его с рук на руки врачу, после чего не менее поспешно вернулся на берег, где уже затихало сражение.

Ованес шел по берегу, на котором лежало несколько трупов незнакомых ему офицеров, где-то в лесу звучали выстрелы и

слышалось «ура», он пропустил само сражение, но много бы он рассмотрел, прячась со своим портфельчиком за каким-нибудь стволом, ожидая, что в любой момент его подстрелят чужие или свои?

В это время батальоны Тенгинского полка обошли неприятеля с тылу и перешли в штыковую атаку. Горцы отступали известными только им тропами, оставляя на поле боя убитых и раненых.

Оглядевшись вокруг и признав увиденное достойным быть запечатленным для истории, Айвазовский начал рисовать.

Глава 10

Не то, что мните вы,
Природа — не слепок, не бездушный лик.
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык.

Ф. И. Тютчев

Вечером художника отыскал Лев Пушкин, пригласил поужинать, чем бог послал, Ованес не отказался. Вместе они добрались до палатки, где пировала веселая компания. Пенилось в бокалах принесенное по такому случаю с кораблей шампанское, и то и дело кто-то поднимал тосты, славил победителей или просто предлагал выпить во имя дружбы или нового знакомства.

Айвазовского и Пушкина встречали радостными криками, им сразу же нашлось место у импровизированного стола. Разлили вина, рядом с Ованесом оказалось блюдо с мясом и какой-то зеленью.

Весело отрекомендовав собранию своего нового друга, Пушкин опрокинул себе в глотку очередную порцию вина и тут же налил по новой. Не любивший пить Ованес выразительно прикрыл свой бокал рукой.

— Вот те раз — дружишь с Брюлловым, а вина не пьешь?! — откровенно изумился Лев Сергеевич. Все знали, что Карл Павлович был первым по питейной части. Художнику снова налили, требуя, чтобы тот непременно выпил за своего учителя. Айвазовский нехотя подчинился, заметив при этом, как сам Брюллов обычно после попоек мается с головной болью, проклиная на чем свет стоит собственное безрассудство.

Вот и хорошо, что отказался пить, потому что в этот вечер судьба приготовила Гайвазовскому новые сюрпризы, о которых он пока еще не догадывался. Наметанный взор художника скользил по лицам и мундирам, с кем-то он уже встречался на «Колхиде», кого-то видел на «Силистрии», но… что такое? — трое сидящих за столом были в форме рядовых. Ованес присмотрелся, присутствующие офицеры явно держались с этой троицей на равных, если не сказать, более почтительно. Так обычно стараются услужить приехавшему на праздник любимому

учителю, герою сражений, о которых читал до этого. Да и лица… безусловно, эти люди принадлежали к высшему сословию, на мгновение Гайвазовскому показалось, что он узнал весельчака с лихо завитыми гусарскими усиками, прямым римским носом и залысинами. Безусловно, он либо видел его лично, либо его портрет, или на худой конец был знаком с кем-нибудь из его родственников. Таких людей обычно не забываешь, слишком характерная внешность. Его приятель, несколько одутловатый господин с колкими карими глазами и тяжелым подбородком, — тоже был по-своему примечателен.

Что делают рядовые в офицерской компании? Кто они, отчего запросто рассуждают о Брюллове и Кукольнике, Ромазанове, имеют собственное мнение относительно статей Белинского[108] или произведений Гоголя? Вопросы не находили ответа, пока приведший художника в офицерскую палатку Лев Сергеевич не догадался представить странных незнакомцев, столь сильно заинтриговавших своих видом и одеждой Айвазовского.

Перед опешившим от неожиданности художником сидели легендарные участники декабрьского восстания против царя, разжалованные в солдаты и отправленные на неспокойный Кавказ в поисках случайной пули или кинжала какого-нибудь горца, — Александр Иванович Одоевский,[109] Николай Иванович Аорер[110] и Михаил Михайлович Нарышкин.[111]

Они распрощались далеко за полночь, не уставая задавать Гайвазовскому интересующие их вопросы о знакомых и друзьях, о новых художественных выставках и театральных новинках, о Бруни, Виталли, Лоди, Брюллове, новой звезде Лермонтове…

В сопровождении кого-то из офицеров Гайвазовский добрался до своей каюты и рухнул спать, выдохшийся, раздавленный впечатлениями этого насыщенного дня. А с рассветом на палубе корабля он вдохновенно писал портрет адмирала Лазарева.[112] Гайвазовский решил, что будет лучше, если напишет портрет во весь рост, адмирал позволил себя уговорить, но утомился и после двух часов позирования запросил пощады и скрылся в каюте.

Гайвазовский тоже был не прочь немного отдохнуть, но тут его затребовал к себе на корабль Раевский. Не подозревая грозы, Ованес сел в лодку и вскоре стоял перед добрейшим Николаем Николаевичем, понятия не имея, ждет ли его гнев или милость, и заранее соглашаясь с любым решением своего покровителя. А перед Раевским стояла отнюдь не простая задача — с одной стороны, приглашенный лично им участвовать в военной операции штатский художник, да еще, можно сказать, и не художник, а учащийся академии, умудрился свести опасное знакомство сразу с тремя декабристами! И что после всего этого с

ним прикажете делать? С одной стороны — Иван Гайвазовский безусловно виноват, надо же думать, с кем дружить, а от кого и бежать, и чем быстрее, тем лучше. Шпионы повсюду. С другой стороны — вина самого Раевского была не в меньшей, а, пожалуй, и в большей степени. Сам пригласил невинного ребенка, позволил ему перебраться на флагманский корабль, а предупредить, с кем можно общаться, а с кем не следует — и не соизволил. Да и мог ли заранее знать Иван, с кем его познакомят? Вряд ли. Хлопнули по плечу, пригласили зайти в палатку, налили вина, а там уже… не бежать же, в самом деле?.. Так что, по всему выходило, его это вина — опытного, старого, мудрого. Плохо другое — дойдет опасная новость до государя, он — адмирал — ограничится выговором, а вот художник…

Гайвазовскому нужно было исчезнуть, и чем быстрее, тем лучше. При этом Николай Николаевич опасался обидеть, судя по всему, ранимого и впечатлительного юношу, и тем более не собирался объяснять причины, побудившие его вдруг избавиться от гостя, Лазареву. Наконец соломоново решение было найдено. Раевский отправит Айвазовского в Абхазию. Он ведь направлен в Крым — писать, вот пусть и пишет. Только на этот раз под бдительной охраной офицера абхаза по фамилии Звамба,[113] которому для отвода глаз было дано другое задание.

Таким образом, через два дня, закончив портрет адмирала Лазарева, Айвазовский отправился в свое новое путешествие, теперь уже посуху.

Красивые места, приятный собеседник, охрана из матросов-черноморцев, да и с погодкой повезло. Ночью спали в палатках, выставляя посты, а утром завтракали и продвигались дальше. Когда Айвазовский желал запечатлеть понравившийся ему вид, делали привал, кормили животных, варили еду. За время вояжа по береговой линии Айвазовский сделал множество эскизов. На десятый день пути они оказались в окрестностях Пицунды, в так называемом Бзыбском округе, где их настигла настоящая буря. Небо заволокло черными грозовыми тучами, дул ветер, вздымая песок и сердя начавшее волноваться море. Заметно потемнело, и весь окружающий мир в секунды словно утратил свои прежние сочные, яркие краски.

У Звамбы была зрительная труба, которой сразу же попытался овладеть художник, желавший непременно рассмотреть бурю во всех ее подробностях. По морю побежали белые барашки, ветер развивал волосы и то и дело норовил бросить в глаза горсть песка или соленых брызг. Волны начали наскакивать на берег, разбиваясь в белую пену, но не сдаваясь, а, наоборот, с каждой секундой становясь все настойчивее в своих

притязаниях. В это время далеко в открытом море появился силуэт военного корабля из тех, что патрулировали берега Кавказа. Не обращая внимания на погоду, он шел к заранее выбранной цели — пытавшейся прорваться в Турцию черкесской кочерме.

Все это увидел в зрительную трубу и тут же объяснил художнику Звамба, после чего Айвазовского пришлось буквально утаскивать с берега. Так как тот сразу же решил, что сюжет погони в открытом море во время шторма, безусловно, достоин картины маслом, и посему непременно желал разглядеть все в подробностях, нимало не заботясь о собственной жизни и безопасности, а также не реагируя на приказы Звамбы.

За их спинами раскачивались вековые сосны, бушевал ветер, и море все больше и настырнее налезало на берег. Звамба был вынужден чуть ли не силой увести своего подопечного переждать бурю в уже поставленной служивыми палатке.

К великому сожалению художника, он так и не увидел, чем закончилась погоня в море, догнал ли корабль кочерму? Через несколько часов, когда буря стихла и море понемногу успокоилась, Айвазовский и Звамба бросились на берег и увидели приближающуюся шлюпку. Айвазовский поздоровался с оказавшимся первым на берег офицером Фредериксом, которого несколько дней назад доставлял раненным на корабль. Звамба помог одному из моряков вынести из лодки укутанную в покрывало женщину. Вторая, завернутая, точно кукла, в расшитый платок, самостоятельно выбралась из лодки не позволяя, дотронуться до себя.

Гайвазовский был заинтригован происходящим. Впрочем, никто не собирался держать его слишком долго в неведении. Все вместе они направились в сторону лагеря, где моряки уже разложили костер и готовили завтрак. Оказалось, черкесы выкрали из ближайшего абхазского села двух девушек, надеясь продать их на турецком рынке. Погоня была недолгой, но успешной. Фредерикс не распространялся относительно участи похитителей, пленниц же было приказано доставить домой. Гайвазовский смотрел на перепуганных девиц и невольно проникался их переживаниями. Всю жизнь прожить в деревне, и потом вдруг похищение, утлое суденышко в море, сражение, и наконец они в руках у бог знает кого. Девушек пытались покормить, но никто, включая Ованеса, не мог объяснить им, что происходит, куда везут их новые хозяева. Фредерикс старался обращаться к ним ласковым голосом, чем вызвал новый приступ ужаса. Наконец объяснить, что их отведут к родителям, взялся знавший язык Звамба. Вскоре девушки начали кивать и даже о

чем-то спрашивать добровольного переводчика.

— Они живут за этим холмом, — показал в сторону леска Звамба. — Мы могли бы сдать их на руки родственникам и заодно пополнить наши припасы. Гайвазовский не возражал.

Звамба собирал сказания и песни абхазцев, надеясь когда-нибудь сделать из этого материала книгу, поэтому он сразу же и предложил Фредериксу доставить пленниц. К слову, просто так явиться в деревню или прийти туда спасителями местных девушек — суть не одно и тоже.

Позже уже в Италии Иван Константинович Айвазовский посвятит картину теме спасения пленниц «Буря у берегов Абхазии».

Путешествие со Звамба затянулось на целый месяц, но едва художник добрался до родной Феодосии, как его вызвали запечатлеть второй и затем третий десант русских войск на берегах Кавказа. Раевский уверовал в талант молодого художника и требовал, чтобы тот непременно был при нем, Айвазовскому же нужно было подумать и о себе. Необходимо представить картины на очередную осеннюю выставку, кроме того, император ждал картину десанта в Субаши. Впервые Гайвазовский получил заказ такого уровня, и тут нужно было не ударить в грязь лицом. Понимая, что может не успеть отослать новые картины, Гайвазовский просит конференц-секретаря Академии художеств В. И. Григоровича выставить написанные ранее «Ялту», «Греки», «Пурга», «Утро» и «Ночь». Письмо датировано 13 августа 1839 года, художник уже получил письмо, а по сути, приказ Раевского явиться для встречи с ним в Керчь, с тем чтобы запечатлеть третий десант. «Милостивый государь Василий Иванович! Второй вояж с Н.Н. Раевским к Абхазским берегам помешал докончить все картины, которые я назначил было к выставке, и потому, возвратившись со второго десанта, — я занялся окончанием картин, но не много успел, как видите — одну картину, которую посылаю с этой же почтой»,[114] — пишет он Григоровичу.

В это время художник приходит к идее не то чтобы оправдаться за кажущуюся небрежность в своих картинах, скорее всего, он впервые пытается объяснить, выстроить некоторую концепцию того, как, по его мнению, идеальный зритель должен рассматривать его полотна: «Я предвижу, что про это также найдутся некоторые, которые скажут, что не довольно окончено. Это зависит от того, как зритель захочет смотреть, — пишет И. К. Айвазовский. — Если он станет перед картиной, например, «Лунная ночь», и обратит главное внимание на луну и постепенно, придерживаясь интересной точки картины, взглянет на прочие части картины мимоходом, так назову, и сверх этого,

не забывая, что это ночь, которая нас лишает всяких рефлексий, то подобный зритель найдет, что эта картина более окончена, нежели как следует». Это очень важный момент, разумеется, художник не может заставить зрителя смотреть картину таким образом, как запланировал он, но руководствуясь этой несложной техникой, мы имеем возможность увидеть работы Айвазовского так, как смотрел на них он сам!

И еще одно — художник заранее предвидит непонимание петербургской профессуры изображения луны на его работах, так как он пишет огромную, яркую луну южного неба, которую неминуемо будут сравнивать с тусклой и более холодной и мистичной луной северной. В доказательство своей правоты, Айвазовский вспоминает хранившуюся в Эрмитаже картину голландского художника Берхема Класа,[115] на которой тоже изображена южная луна. «Я знаю, что и на этой моей картине луна-полтинник, да спрятать не за что было. Да кто написал не только луну, но даже свет луны так сильно, как она есть в натуре? Вся живопись слабое подражание природе».

Глава 11

Так ныне, океан, я жажду бурь твоих — Волнуйся, восставай на каменные грани, Он веселит меня, твой грозный, дикий рев, Как зов давно желанной брани.

Е. А. Баратынский

Практика затянулась до глубокой осени и обогатила Гайвазовского новыми этюдами. Он закончил портрет адмирала Лазарева, «Десант в Субаше»,[116] «Севастополь». По заказу графа Воронцова написал вид его имения на южном берегу. 23 сентября 1839 года Санкт-Петербургская императорская Академия художеств в силу своего устава, властью, от монарха ей данною, возвела Ивана Гайвазовского (в аттестате его опять именуют Гайвазовским) в звание художника 14 класса, наградив его при этом заочно шпагою.

Это означало, что срок обучения Гайвазовского в Академии подошел к концу. Профессора не могут больше ничему научить своего бывшего ученика, так что учить его будет жизнь.

Пришло время возвращаться в Петербург, дабы подвести итоги, и услышать о своей дальнейшей судьбе. Сам Ованес запланировал десятое или пятнадцатое июля, и тут же встал вопрос о пересылке законченных картин. «Некоторые мои картины будут гораздо позже в Петербурге, ибо их не берут на почту, слишком длинен ящик. Я глупо очень сделал, что написал в большом размере», — пишет он 25 июня 1840 года В. И. Григоровичу. Теперь придется обременять добрейшего Раевского, и только его. Три запечатленных с натуры десанта являются пока государственной тайной. Во всяком случае, художник не хочет или Н.Н. Раевский запретил ему демонстрировать кому-либо виды малоизвестных берегов, боевые корабли, а также эпизоды, связанные с недавней операцией. Раевский прекрасно понимает, как Гайвазовскому не терпится поскорее продемонстрировать учителям и друзьям свои новые достижения, поэтому он берет на себя неблагодарную миссию доставить написанные на его глазах работы со своим человеком. «Вас попрошу оставить их, как получите, закрытыми до моего приезда, а там я сам распоряжусь, — в том же письме пишет Гайвазовский Григоровичу. — И даже, чтобы никто не знал о них, кроме Вас. Вы, верно, догадываетесь, почему эта осторожность, приеду и

расскажу Вам все». Как видите, секретность секретностью, а мальчишеский азарт, желание похвастаться, поведать о событиях, которым он стал свидетелем, все же превалируют над здравым смыслом. Впрочем, если бы Раевский не доверял Григоровичу, скорее всего, не отправлял к тому ценные ящики.

Ованес уехал на одно лето, но провел в Крыму целых два, он повзрослел, набрался опыта, за спиной остались уроки в Академии, мастерская Таннера. Теперь он художник 14 класса, художник с именем, может брать заказы, ходить по урокам, содержать пожилых родителей, но Гайвазовский не собирается останавливаться на достигнутом. Следующий этап — отправиться за границу, как делали это до него Брюллов и Щедрин, Кипренский и многие, многие другие ныне известные, выдающиеся художники.

3 июля 1840 года начинает сбываться и эта мечта, на руках бывшего академика особо ценная бумага: «Свидетельство от Академии художеств о командировании за границу для усовершенствования И. К. Айвазовского и других учеников Академии». Еще точнее, такое разрешение выдано Николаю Бенуа,[117] Михаилу Шурупову[118], Сократу Воробьеву, Ивану Айвазовскому и Василию Штернбергу «…в том, что они, во исполнение высочайшего его императорского величества повеления, ныне отправляются за границу для дальнейшего усовершенствования в художествах пенсионерами Академии. Во уверение чего и дано сие свидетельство от Академии с приложением меньшей печати ее». Все вышеперечисленные бывшие академисты, а ныне пенсионеры Академии с содержанием, художники 14 класса, получили за свои картины золотые медали с правом выезда на казенный счет и с непременным содержанием.

Остается заметить, что Николай Леонтьевич Бенуа, Михаил Арефьевич Шурупов, Сократ Максимович Воробьев уехали в Италию раньше Айвазовского. Ованес и его друг Штернберг задержатся в столице до 20 июля 1840 года. Нужно было спешно решить финансовые проблемы: Гайвазовский вынужден обратиться в Правление академии с прошением о выдаче денежного пособия в счет ожидаемого вознаграждения за взятую у него картину. 9 июля 1840 г. на заседании Правления этот вопрос рассматривается особо. Ованес, или, как его здесь все зовут, Иван, не может уехать за границу, не обеспечив при этом свою мать. Выплачивать денежное пособие из суммы, причитающейся молодому художнику на его личные нужды, берется Академия. Кроме этого, ему будет выдано вперед из тех денег, которые государь заплатит за картину. На самом деле

император выберет себе две картины: «Взятие Субаши» и «Вид Севастопольского рейда с военными судами», но об этом станет известно лишь на следующий день после заседания. Оба произведения не дошли до нас. «Его величество картинами Айвазовского, изображающими взятие Субаши и вид Севастополя, очень доволен был, наипаче десантом, которую отлично хорошо исполненною нашел и хотя насчет воды некоторые замечания сделаны были, государь обе картины себе взял», читаем мы письмо профессора А. И. Зауервейда президенту Академии А. Н. Оленину, от 10 июля 1840 года.

Как обычно, Зауервейд излишне эмоционален, говоря современным языком, «его заносит», уже один раз по милости добрейшего Александра Ивановича Айвазовский лишился части денег на поездку в Крым, и вот снова: «я присовокупить должен, что если бы государь пожелал иметь картины, изображающие вышеупомянутые предметы, надлежало бы на иностранца более 20 000 рублей истратить». Это тонкий намек на то, что Оленин должен выторговать сумму не меньшую — на самом деле совершенно невозможную и фантастическую, но что примечательно, именно так оценил заслуги своего ученика профессор, поручив ему лично доставить конверт Оленину. Наверное, надеялся, что либо незамедлительно помчится вместе с молодым художником к императору, либо наградит его от собственных щедрот.

Поспешность и неумеренная пылкость Зауервейда должна была войти в поговорку, во всяком случае, в Академии. В этой связи особенно удивляет мягкость Оленина, у которого, несмотря на всю его природную сдержанность и дипломатичность, уже явно сдают нервы: «В ответ на письмо г. профессора Зауервейда от 10-го сего июня месяца (доставленное президенту Императорской академии художеств г. художником Айвазовским) президент ничего другого сказать не может, как только крайне сожалеть, что г. профессор Зауервейд при личном его ходатайстве у самого государя императора в пользу г. Гайвазовского (вследствие чего и две картины сего молодого и достойного художника были всемилостивейше взяты его величеством) не мог испросить приличной награды г. Гайвазовскому за достойные его труды!

Сие самое обстоятельство воспрещает президенту входить к кому следует с представлением о пожаловании г. Гайвазовскому денежной награды за его работу, хотя и не в таком огромном количестве, как намекает г. профессор Зауервейд (20 000 р.), но, по крайней мере, в пять или четыре тысячи рублей ассигнациями за оба произведения, как сам г. Гайвазовский по настоятельному требованию президента объявил».

Меж тем время идет, дата отъезда давно назначена, а Айвазовский все не может собрать необходимую родителям сумму. Он снова обращается в Академию, снова просит и умоляет как можно скорее решить эту проблему и выдать ему на руки четыре тысячи рублей ассигнациями, без которых он просто не может пускаться в путешествие. Зауервейд обещал ему сумму многим большую, но Айвазовский трезво оценивает свои шансы. И понимает, что времени почти что не остается, и скорее всего, деньги от государя придут уже, когда он будет в пути, «…не имея столько времени, чтобы ждать исполнения этого, я прошу всепокорнейше правление Академии снабдить меня ныне четырьмя тысячами рублей, весьма мне нужными и в возврат получить сию сумму из денег, сколько угодно будет государю императору пожаловать за мои труды; недостающее же количество Академия может вычитать из имеющих получаться на мое содержание в чужих краях денег, сколько, когда ей угодно будет».[119]

Время до отъезда уже меньше недели, Айвазовский в отчаянии, он говорил с Зауервейдом и Олениным и догадался, что профессор опять поторопился представлять картины царю, из-за чего, при всем своем хорошем отношении к Айвазовскому, Оленин просто не имеет право обратиться с повторным ходатайством, не унизив при этом своего подчиненного. Теперь господа президент и профессор будут раскланиваться друг перед другом, он же, как обычно, останется крайним.

Нервы Оленина не выдерживают первыми. И 15 июля 1840 года, за пять дней до отъезда Айвазовского и Штернберга, он пишет «Представление президента Академии министру Двора о вознаграждении И. К. Айвазовского за картины, приобретенные царем», прикладывая к письму копию крайне эмоционального послания Зауервейда и свой ответ оному. Поступок не благородный, так как Оленин выставляет Зауервейда дураком, но по-другому невозможно сдвинуть эту проблему с мертвой точки. В своем письме Оленин высмеивает поспешную оценку картин в двадцать тысяч и предлагает заплатить за них от двух до трех тысяч за каждую, добавляя, что деньги нужны очень спешно. Собственно для отправки молодого художника за границу, а также для пересылки в Феодосию родителям, дабы устроить их там хотя бы до возвращения молодого художника.

Ходатайство возымело действие, и Айвазовский получил три тысячи рублей, кроме того, в скором времени ему будет выплачена еще тысяча, которую он в прошении от 19 июля 1840 года, то есть за один день до отъезда, просит отослать на адрес А. И. Казначеева в Симферополь, с тем, чтобы тот нашел

возможность передать их родителям.

Я специально так подробно описываю последние дни Айвазовского в России, чтобы показать, насколько напряженными и полными волнений они для него были. Легче поступить в Академию, не столь сложно рисовать десант под пулями врага. Впрочем, все это в прошлом, теперь же Айвазовский выдерживает реальную бюрократическую битву и выходит из нее победителем.

Только убедившись, что семья будет обеспечена в его отсутствие, он пускается в дальний путь!

Глава 12

«Сюжет слагается у меня в памяти, как сюжет стихотворения у поэта, я приступаю к работе и до тех пор не отхожу от полотна, пока не выскажусь на нём моею кистью».

И. К. Айвазовский

Айвазовский и Штернберг должны были посетить Берлин, Дрезден, Вену, Триест и только после этого оказаться в Венеции.

Венеция — слово из детства, город ее величества воды, похитивший любимого брата, который обещал забрать Оника с собой в дивный мир, сотканный из блестящих каналов, где они будут жить, плавая на лодках к зеленщику и мяснику, где будут по праздникам гулять в обитой черным бархатом гондоле и слушать песни гондольеров, где увидят и, возможно, примут участие в великолепном карнавале, на котором среди гостей ходят рука об руку смерть и любовь.

И вот через много лет Ованес оказался в этом дивном городе. Он ходит по улицам, плавает на нанятой лодочке, любуется великолепными дворцами, но брата тут нет, брат принял сан и обосновался в монастыре лазаритов, где какое-то время жил поэт Байрон.

Художник любуется этим чудом — Венецией, где вода из каналов нежно ласкает ступеньки подъездов жилых домов, и торговцы, плавая на своих неказистых лодочках, громко оповещают хозяек о наличествующих у них товарах. Какое-нибудь окно раскрывается, и две пухленькие ручки в изящных кружевных манжетах-оборочках аккуратно спускают на веревке плетеную корзину с мелочью. Весело кланяясь хозяйке, торговец укладывает покупки, добавляя от себя букетик фиалок или пучок петрушки.

Венеция — город ста островов, главной магистралью которого является Большой Канал, по обоим сторонам которого красуются беломраморные дворцы-палаццо, богато украшенные позолоченной лепниной, мозаикой, разноцветным мрамором. Путников встречает яркое итальянское солнце, которое слепит, куда ни посмотри. А смотреть как раз хочется. Вот и палаццо любуются на свои отражения в водах Большого канала, а по отражениям, на краткий миг изменяя их очертания, весело снуют черные гондолы. У каждого дворца обязательно возвышаются

деревянные столбы, к которым можно привязать лодку. Без этого никак.

Свет, певучая итальянская речь, летающие над самой водой чайки, песни гондольеров, все эти рослые, красивые юноши — отменные певцы, причем поют они на радость своим пассажирам арии из самых любимых и модных опер! Разодетые в красивые платья дамы с кружевными пелеринками на высоких прическах и тяжелыми веерами, сидят на украшенных цветами балкончиках, точно в театральных ложах, наблюдая ежедневный спектакль. И мимо всего этого великолепия проплывает лодочка будущего великого мариниста и его закадычного друга Васи Штернберга. Куда плывут они? Да так просто, гуляют. Впрочем, проплывая около одного приметного палаццо, Гайвазовский внимательно всматривается в тонкие занавески, за которыми угадывается изящный женский силуэт. Он даже кивнул в сторону приглянувшихся ему окон, сняв широкополую шляпу, и втайне от друга послал воздушный поцелуй. Что же это за дворец? И кто его таинственная хозяйка? Впрочем, лодочка уже проплыла мимо, и мы временно оставим тему незнакомки.

На что смотрит? Чьи хоромы, чьи палаццо видит? — Да откуда ему знать? Поток мыслей неожиданно разрывает не менее взбудораженный, взъерошенный Штернберг. Он-де уже разобрался, что тут к чему, и раз уж ты, друг дорогой, добрался до ее величества Венеции, будь добр первым делом выпить крепкий, сладкий кофе в одном из небольших кофейных домов, желательно напротив Дворца дожей. Там как раз и столики из кафе вынесли. На улице, поди, дешевле, да и погода такая, что грешно, ей-богу, по кофейням от света белого прятаться.

Сели, к кофе принесли крошечные печенюшки на тарелочке, трудно сказать, как итальянцу, а уж русскому точно, что на один зубок. Ладно, одно дело вроде сделали. Сели, где хотели, и сидят. Штернберг с удовольствием затягивается сигарным дымом, лениво откидывается в плетеном кресле, тычет сигарой в сторону дворца. Вот туда-то мы первым делом и пойдем.

«Первым делом надо бы к брату», — но искушение слишком велико, да и квартиру они, что называется, не искали. Зашли в первый попавшийся дом, да там и остались. Рядом с кофейными столиками прогуливается цветочница с корзинкой на руке, мальчишки-торговцы разной деревянной мелочовкой, косясь на хозяина кофейного дома, предлагают свой нехитрый товар. Тут же сыскался и сносно говорящий на французском плохо одетый молодой человек, который обещал за скромную плату поводить друзей по дворцу. Тоже хорошее дело. Правда, проводник оказался дрянь, а не экскурсовод, да и французский ему давался с

трудом, зато он забавно жестикулировал и гримасничал, так что вскоре ему были прощены и его дурацкий французский, и никуда не годная лекция.

Посетителей во дворце мало, ходят от стены к стене, теряются в бесконечных коридорах — не люди — призраки. Посидели в креслах, в которых до них сиживали дожи, посмотрели портреты… Айвазовский заметил прекрасный вид из окна, но так и не решив, хочет ли его запечатлеть, оставил на другой раз. Штернберг решается покрутиться еще вокруг дворца, то ли цветочница понравилась, то ли и вправду придумал в первый же день рисовать городские сценки. Оглушенный, взволнованный Венецией Ованес бросается на поиск армянской церкви, о месте нахождения которой выяснил еще дома. Оттуда в монастырь святого Лазаря — повидаться с братом. Дорога не долгая. Теперь уже не долгая, они не виделись несколько лет. К ночи художник добирается до стен монастыря, стучится у ворот. В некоторых монастырях строгий устав не позволяет впускать путников, приехавших в неурочное время. Он не знает, придется ли ночевать на улице или в келье.

На счастье, едва услышав имя брата, перед Ованесом раскрывается крошечная дверка, и старик в монашеской одежде любезно просит его пройти. Келья брата — узкое ложе, рабочий стол, заваленный книгами в добротных кожаных переплетах, скудно и печально. Привыкший к ярким краскам, очарованный и оглушенный Венецией, художник не может понять, отчего брат, обрек себя на годы одиночества в этом утлом жилище. Ему жалко брата тратившего свою молодость, а по большому счету и жизнь на монастырь с его скучными богословскими трактатами…

Брат устало улыбается в бороду. Для него очевидно — они похожи. Ованесу уже 23 года, меж тем у него нет ни жены, ни подруги, ни планов завести в ближайшее время собственную семью. В Петербурге он брезговал посещать публичные дома, и, казалось бы, все его мысли отданы высокому искусству. Сначала в Феодосии и Симферополе он был еще очень юн, затем учеба и безденежье. Постоянные мысли о доме, о том, как раздобыть денег, лето на Балтике, морские десанты в компании с Раевским и моряками черноморцами, теперь вот Италия…

Он монах не в меньшей, а может быть, даже в большей степени, нежели его брат, потому что легко сохранять чистоту, находясь под замком, но трудно, живя среди грешных людей, соблазнов и искусов.

На ночь художника поместили в комнате Байрона. Здесь жил, писал и обучался армянскому языку великий поэт. Здесь он просиживал часы в богатейшей, собранной монахами, библиотеке

и даже составил небольшой англо-армянский словарь.

В память о Байроне его комната осталась такой, какой помнила поэта, иногда настоятель разрешал кому-нибудь из гостей монастыря посидеть некоторое время там, где любил сидеть поэт, посмотреть в окно из его кельи. Айвазовскому выпала неслыханная честь — поселиться в комнате Байрона. Позже, когда Иван Константинович будет заезжать в монастырь Святого Лазаря, его всегда будет ждать именно эта комната.

Такое отношение к молодому художнику не случайность. Его брат Гавриил Константинович Айвазовский (Габриэль Айвазян, как называют его в монастыре) в 1836 году уже опубликовал свое важнейшее сочинение «Очерк истории России»(на армянском языке) и теперь прилежно готовит второй том книги «История оттоманского государства» (тоже по-армянски, которая выйдет в 1841 году здесь же в Венеции в двух томах). Уехав из родной Феодосии, он получил научное образование в Мхитаристском монастыре Святого Лазаря в Венеции, где позже начал преподавать восточные языки. Пройдет еще немного времени, и брат вместе со своими единомышленниками-учеными удивит мир большим армянским словарем Аухера. Пройдет еще несколько лет, и в 1848 году брат художника Айвазовского будет назначен директором армянской коллегии Самуила Моората в Париже, где создаст армянскую гренельскую коллегию.

Но все это еще только должно произойти… а пока, будучи прекрасно осведомлен о работе и заслугах Габриэля, настоятель отнесется с должным уважением и к его младшему брату.

Всю ночь художник проворочался с боку на бок, то грезя тайно присутствующим в келье духом Байрона, который предвещал ему жизнь, полную приключений и радостей, то горевал по поводу «несчастного» Саргиса, который точно мертвец проводил жизнь в своей душной и темной каморке, вечно облаченный в траур по самому себе.

В тот раз братья не поняли друг друга, да и как понять? Габриэль привык общаться с учеными монахами на понятные и любимые ими темы, которые мало интересовали Ованеса. Ованес был весь в искусстве, живописи. Он привык слушать хорошую музыку, бывал в операх и на концертах, обожал поэзию и прогулки на свежем воздухе.

Позже они будут еще не раз встречаться, и тогда в неспешной обстановке монах-ученый поймет монаха-художника, а монах-художник хотя бы на расстоянии проникнется светлой миссией своего брата монаха-ученого.

Пока же они говорили о семье, о знакомых в Феодосии, наставительным тоном, плохо скрывающим растерянность и

незнание, как следует себя вести, Габриэль расспрашивал брата о том, как часто тот бывает в церкви и остается ли тверд в вере отцов…

По легенде, именно в монастыре Святого Лазаря Ованес решил окончательно поменять фамилию на Айвазовский. Как я уже писала, в документах он значился то Айвазовским, то Гайвазовским. Это вносило путаницу. Айвазовский — и звучит красивее, и больше напоминает реальную фамилию Айвазян, которую носили их предки. Помните, Ованес при рождении был записан как Айвазян? Я уже цитировала этот документ.

Распрощавшись с братом, Ованес вернулся в Венецию, где ждал его Штернберг. С раннего утра друзья гуляли по городу, стараясь учить язык и делая множество зарисовок. Каналы, набережные, рыбаки и торговцы — все находило свое отражение в рисунках приятелей. Но больше всего Айвазовский полюбил площадь Святого Марка, где сделал массу эскизов. С раннего утра, едва перекусив и выпив кружку молока, художник брал этюдник и шел работать, рисуя, пока горячее солнце не прогоняло его в благодатную тень. Не один раз бронзовые мавры с золочеными молотами в руках на Башне Часов отстукивали рождение нового часа, прежде чем он оставлял работу, отступая сначала в тень небольших портиков, а затем и вовсе сдавая позиции, и нехотя покидал облюбованные места, передвигаясь в сторону ближайшей дешевой траттории, где можно было вкусно и дешево пообедать.

Ручные голуби, любимая приезжими достопримечательность площади Святого Марка, не боясь садились на плечи молодому художнику, курлыча обо всем на свете и выпрашивая моченый горох.

Кулечек можно было приобрести тут же у разгуливающих из конца в конец площади коробейников. На долгие недели птицы площади Святого Марка сделались чуть ли не единственными друзьями художника.

Впрочем, было еще одно тайное место, куда нет-нет, да и наведывался Айвазовский. Изящный, ухоженный домик, или маленькое палацо с большим балконом, за занавеской которого скрывалось счастье и где неизменно пахло ландышами. Проходя или проплывая мимо домика с греческими колоннами, люди вдруг оказывались окруженными нежными звуками пианино или скрипки. Мелодия окутывала, музыкальные фразы весело плескались в канале, играли светотенями по стенам дома, и где-то на балконе за гипюровой занавеской нежно обнимались два силуэта.

Но не будем забегать слишком далеко вперед, уходя от

официальной биографической линии нашего персонажа, продолжим историю Айвазовского в несравненной Италии, а ландыши, скрипка и изящная незнакомка? да никуда они от нас не денутся. Всему свое время, дорогой читатель, и ландыши непременно расцветут еще не один раз. Весной… сейчас же в разгаре лето.

В Венеции Айвазовский познакомился с Николаем Васильевичем Гоголем, который путешествовал в компании Николая Петровича Боткина,[120] очеркиста, литературного критика и переводчика, а также литератора Василия Алексеевича Панова.[121] Спутников писателя Айвазовский знал по собраниям у Кукольника и был душевно рад новой возможности пообщаться.

Встреча была приятна для обоих, так как Гоголь много слышал и как-то видел работы Айвазовского, а тот обожал произведения Николая Васильевича еще в пору своей учебы в Академии.

Недавно оправившись от тяжелой болезни, Гоголь много гулял, расположившись в удобной гондоле в обнимку с пузатой бутылкой недорогого вина. Он мог часами просто глазеть на открывающиеся виды, нанимая гондольера на целый день. Конечно, побывавшие в Венеции XXI века наши современники могут возразить, что гондола удовольствие не из дешевых, но так было не всегда. Во времена Гоголя в Венеции насчитывалось более десяти тысяч гондол, так что этот вид транспорта был отнюдь не дорогим.

Время от времени Айвазовский присоединялся к Гоголю, и тогда они брали гондолу на двоих и катались в свое удовольствие, разговаривая об искусстве или болтая о пустяках.

Вскоре Гоголь сообщил, что в ближайшее время намерен посетить Флоренцию, и пригласил Айвазовского поехать вместе, посмотреть галереи Уффици и Питти.[122] Во Флоренции Гоголя должен был ждать его друг Александр Андреевич Иванов[123] — художник, о котором говорили либо как о бродяге и нищеброде, либо как о новом святом. Иванов презирал работу на заказ, демонстративно отказываясь встречаться с готовыми купить картину или заказать что-либо господами. Он считал, что искусство должно быть для искусства и что порочный человек не может создать нечто по-настоящему стоящее. Уже много лет живя в Риме, Иванов писал картину своей жизни «Явление Христа народу», увидеть которую доводилось лишь избранным. Одним из счастливчиков, допущенных в мастерскую нелюдимого художника, был Николай Васильевич, его Александр Андреевич считал безусловно достойным этой высокой чести. «Гоголь — человек необыкновенный, имеющий высокий ум и верный взгляд

на искусство… Чувства человеческие он изучил и наблюдал их, словом — человек самый интереснейший…», — писал Иванов своему отцу.

Гоголь обожал искусство Иванова и преклонялся перед его мужеством и аскетичной жизнью, Иванов принимал Гоголя, время от времени испрашивая его совета. В общем — они были друзьями, да и в Риме жили в пяти минутах ходьбы друг от Друга.

Вскоре Айвазовский был представлен Иванову и после недолгого общения получил приглашение встретиться как-нибудь в Риме, и может быть даже…

Уффици поражала своим собранием картин: Боттичелли,[124] Рафаэль, Гуго Ван дер Гус…[125] Айвазовский мог бы, наверное, остаться там навечно, но Гоголь и Иванов торопились в Рим, Ованеса же в Неаполе ждал Штернберг. Договорились встретиться в Риме, посидеть как-нибудь в облюбованном русскими кафе Греко, зайти в гости к Гоголю. Это ведь близко, Гоголь жил на улице Феличе (Счастливой[126]) в квартале, облюбованном художниками, в десяти минутах неспешной прогулки в приятной компании. Собственно, он и сам любил рисовать, занимаясь этим регулярно и с большой любовью: «Если бы я был художник, я бы изобразил особенного рода пейзаж. Какие деревья и ландшафты теперь пишут. Все ясно, разобрано, прочтено мастером, а зритель по складам за ним идет. Я бы сцепил дерево с деревом, перепутал ветви, выбросил свет, где никто не ожидает его, вот какие пейзажи надо писать!» — вспоминал о Гоголе его приятель П. В. Анненков в своих воспоминаниях «Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 года».

Прощаясь с Флоренцией, Айвазовский, Гоголь и Иванов посетили в последний раз галерею Питти, мысленно чокнувшись воображаемыми бокалами с портретом Ореста Адамовича Кипренского, хранящегося там вместе с автопортретами величайших художников мира.

Оба художника вполне могли думать в этот момент, а появятся ли когда-нибудь здесь их портреты. Хотя… Брюллову ведь предлагали написать свой автопортрет для Уффици, просили, умоляли, только что коленями пыль не обтирали. И что же? А ничего. Не хотел и не писал. Непостижимый человек!

В Неаполе Штернберг поселился на шумной торговой улице Виа Толедо, где среди ящиков с гнилыми фруктами и рыбой играли чумазые дети, летало множество мух, и торговцы то и дело провозили свои нагруженные овощами или мясными тушами тележки. Тут же мирно цокая копытами по нагретым на солнце плитам мостовой, роняя вонючие орешки и оглашая окрестности громким призывным блеянием, шествовало стадо

коз.

Привыкший к одиночеству и тишине, Айвазовский не смог выдержать здесь и трех дней и вскоре съехал от своего приятеля. Тем не менее это никак не повредило их дальнейшей дружбе, а в дальнейшем Штернберг уступил уговорам Айвазовского, переселившись к нему в более спокойную часть Неаполя.

Часто, устав от работы, они встречались в портовых кабачках, с удовольствием поедая недорогие блюда из морепродуктов, тогда их называли «морские животные», и угощаясь темным Граньяно и светлым Капри Бьянко. Вместе, они ищут дом на набережной Санта Аючия, где когда-то жил Сильвестр Щедрин. Берег набережной облюбовали торговцы, с раннего утра выставляющие на продажу свой товар: устрицы, свежая рыба, странные морские гады, все заботливо уложено на широкие листья каких-то растений. Дешево, шумно, весело. А к концу дня почти что даром. Жара-то какая. Мальчишки разносчики предлагают отведать целебную водицу, отвратительно пахнувшую тухлыми яйцами. Морщишься, да пьешь. Неаполь — сюда со всего мира приезжают лечиться, отчего же не воспользоваться? Хотя, наверное, те, кто живет здесь постоянно, знают этот самый колодец и черпают из него совершенно бесплатно. Но мальчишкам тоже есть надо.

Айвазовского сразу же поразила невероятная синева Неаполитанского залива, напишешь точно скопировав, ну просто капля в каплю это море, так в Петербурге опять придерутся.

А с другой стороны — что поделаешь. Сказано же — как можно ближе к правде.

Они поднимаются на галерею монастыря Сан-Мартино, откуда можно полюбоваться дивным видом на Везувий и залив. Смотрят картины Рафаэля, Тициана,[127] Корреджо,[128] Каналетто,[129] Боттичелли, Беллини.[130] Но самое главное — они непрестанно трудятся, время от времени выезжая из шумного душного города и дни напролет торча на берегу или рисуя деревенские пейзажи и жанровые сцены из жизни итальянцев. В последнем особенно силен Штернберг.

Однажды Айвазовский пошел на залив, как сказал другу, пронаблюдать воду под разным освещением, ушел засветло и не вернулся. Точнее, до залива они прогулялись вдвоем, а там Ованес сел на прибрежный камешек, а Василий отправился в деревню. Штернберг поработал и пообедал в одиночестве, погулял, разминая ноги, снова отправился рисовать, вечером вернулся домой. Айвазовского не было. Настали сумерки, быстро опустилась ночная мгла. Что могло случиться на берегу? Да все, что угодно.

Утром, не обнаружив Айвазовского на месте, Штернберг побежал на берег, где застал приятеля сидящего на том же месте и в той же позе, как он его оставил накануне.

Айвазовский не чувствовал себя уставшим и, похоже, плохо осознавал, что произошло, перед глазами плескалось вечное море, которое изменялось, оставаясь неизменным. Но о чем думал художник, сутки просидевший на берегу? где пребывала при этом его душа? Осталось загадкой.

Он был точно окаменевшим, вспоминал позже В. Штернберг, какое-то время Айвазовский словно не видел ничего вокруг, не узнавал приятеля и был как бы не в себе. Самое странное, что он не мог объяснить, что с ним произошло? Не ведал, что провел на берегу всю ночь, он не желал есть, и Штернберг чуть ли не силой заставил его выпить молока из прихваченной с собой бутылки.

В этой истории было что-то необъяснимо-мистическое, казалось, что не прибеги Штернберг на берег, Айвазовский так и остался бы сидеть, глазея на море, или морские обитатели, загипнотизированные его взглядом, забрали бы его к себе. После этого случая Штернберг принялся тихо опекать своего странного приятеля, то и дело вспоминая, как тот чуть было не оставил его, сгинув где-то на просторах любимого им моря.

Из Неаполя их путь лежал через Сорренто, где они поклонились могиле пейзажиста Сильвестра Щедрина. Айвазовский обожал картины Щедрина, боготворил его, но здесь, в Сорренто, он увидел коленопреклоненных женщин и детей, которые тихо молились на могиле русского художника. Говорили, что после смерти синьор Сильвестро начал исцелять болезни и творить чудеса. Вместе с толпой пришедших помолиться святому Сильвестру, художники поклонились памяти пейзажиста, в первый и последний раз дотронувшись до доски с изображением барельефа самого Щедрина, сидящего с поникшей головой над палитрой и красками.

На берегах Неаполитанского залива Айвазовский писал с натуры виды прибрежных городов и Везузия.[131] В Сорренто он потратил три недели на вид Сорренто. Покинув Сорренто, в маленьком городке Вико Айвазовский по памяти написал две картины — закат и восход солнца.

Глава 13

«.. Дайте мне вашу волшебную воду такою, которая вполне бы передала Ваш бесподобный талант».

Из письма П. М. Третьякова И. К. Айвазовскому

В Риме Гоголь жил на улице Феличе, 26 в так называемом квартале художников, снимая комнату у итальянца Челли, по привычке деля жилище с Пановым. Эти двое прекрасно уживались под одной крышей, более чем довольные приятным, ненавязчивым обществом друг друга, плюс квартирной платой.

Сюда же по определенным дням Гоголь и Панов приглашали гостей. Вечер — понятие растяжимое, тем более для артистической братии, но Гоголь ставил непременное условие, что к нему приходят до половины восьмого, так как чаепитие или винопитие обычно сопровождалось интересными рассказами и нередко музыкой или чтением, которые не хотелось прерывать, ухаживая за опоздавшим гостем. Здесь побывали, наверное, все приехавшие из России художники, играл и пел для гостей Глинка, и вот теперь гости с восхищением слушали музыку Айвазовского.

После импровизированного концерта вся компания по традиции отправилась на ночную прогулку по городу. Николай Васильевич обожал Рим, о чем неоднократно писал в своих письмах друзьям: «Когда въехал в Рим, я в первый раз не мог дать себе ясного отчета. Он показался маленьким. Но чем далее, он мне кажется большим и большим, строения огромнее, виды красивее, небо лучше, а картин, развалин и антиков смотреть на всю жизнь станет. Влюбляешься в Рим очень медленно, понемногу — и уж на всю жизнь», — писал он А.С. Данилевскому 15 апреля 1837 года. «Моя портфель с красками готова, с сегодняшнего дня отправляюсь рисовать на весь день, я думаю, в Колисей. Обед возьму в карман. Дни значительно прибавились. Я вчера пробовал рисовать. Краски ложатся сами собою, так что потом дивишься, как удалось подметить и составить такой-то колорит и оттенок», — сообщал он В. А. Жуковскому в феврале 1839 года.

Гоголь прекрасно знал Рим и его экскурсии были необыкновенно интересны и познавательны. Кроме чисто книжных знаний, он отлично ориентировался в городе и мог провести своих гостей такими закоулками и проулками, о которых мало кто догадывался. Писатель умел равным образом

находить общий язык как в свете, так и в дешевых остериях, в которых его знали как синьора Николо, интересного собеседника и веселого человека.

«Непременно нужно будет познакомить вас с Волконской. У нее кого только не встретишь. Можно завести массу полезных в будущем знакомств, — доверительным тоном сообщал Николай Васильевич своему новому другу. — Вот сейчас мы как раз выйдем к ее дому», — и он действительно сворачивал к Палаццо Поли, где из окон лилась нежная музыка. Бедный Ованес был так поражен огромным фонтаном Треви, что даже не понял, что стена из статуй, уставленная плошками с зажженным маслом, и искрящаяся в этом свете вода есть не что иное, как часть палаццо загадочной Волконской, салон которой, где бы она не жила — в северной Москве или жарком Риме — вызывал ассоциации с Парнасом, на котором обитали боги.

Когда-нибудь это будет самый большой фонтан в Риме, — продолжил за Гоголя кто-то из попутчиков, толкая плечом Ованеса.

— Правда, он еще не достроен, но уже можно представить, что здесь будет. Никола Сальви соединил фонтан с одной из стен Палаццо Поли, с тем, чтобы его детище смотрелось еще грандиознее. Ну вникни, какой размах! Какой мастер! В России, поди, таких днем с огнем не сыскать».

Какое-то время они стояли молча, слушая музыку и плеск воды.

«Скоро господин Сальви разберется с внутренними трубами, и мы увидим, как вот там и там, — Николай Васильевич показал рукой, — польются струи воды».

Ованес во все глаза смотрел на прекрасный, сделанный в стиле барокко, фонтан, с ужасом для себя осознавая, что когда все остальные разглядывали статуи, он видел воду. Воду, которая забьет из фонтана Треви только в 1762 году.

Первый приезд в Рим буквально поразил Ованеса. «Я видел творения Рафаэля и Микеланджело, видел Колизей, церкви Петра и Павла. Смотря на произведения гениев и громады, чувствуешь свое ничтожество! Здесь день стоит года», — писал он. «…Я, как пчела, сосу мед из цветника, чтобы принести благодарную дань царю и матушке России».

В тот первый вечер у Гоголя Айвазовский снова встретился с таинственным Александром Ивановым. Иванов мог целый день проработать в мастерской, не отвлекаясь даже на то, чтобы утолить жажду глотком воды. Гайвазовский сразу же решил во всем подражать великому художнику, что было при его более чем скромном образе жизни несложно. Что значит отказаться от

роскоши для человека, у которого никогда ничего не было? Отказаться от шумных обществ? Но ведь и Иванов бывал у Гоголя, находя беседы с писателем полезными для себя. Иными словами, Айвазовский либо писал в своей мастерской или на природе, либо посещал музеи, изредка обедая в кафе Греко, где можно было поговорить на русском или французском, узнать новости из дома.

Получая письма из Академии с пожеланиями увидеть в его исполнении тот или иной вид, Айвазовский никогда не отказывался выполнять заказы, относясь к ним с понятной серьезностью. Пособие могли и отобрать. При этом академическое начальство особенно настаивало на том, чтобы на картине присутствовало решительно все, что видят глаза художника.

Меж тем приближалась Римская художественная выставка, на которую Айвазовский предоставил несколько своих выполненных в Италии картин, среди них заказанный Академией «Вид Сорренто», на который он честно убил три недели, а также «Восход» и «Закат», писанных на вдохновении за пару дней. Самое смешное, что зрители толпились именно возле этих не требующих особенного труда картин, равнодушно обходя ту, с которой художник работал в поте лица своего. В чем же дело? И если художник пишет для публики, не является ли суд публики — лучшим и истинно верным? А если пришедшие на выставку люди останавливаются возле картин, написанных по воображению, то возможно, им нужно именно это. Ну кто, к слову, будет считать количество кораблей в порту, тщательно рассматривая береговые укрепления? Возможно, моряки или военные. Специалисты, которым необходимо иметь возможность оценить то или иное место с точки зрения их профессии. Обычным же людям хочется, чтобы при виде произведения искусства душа улетала в волшебную страну, чтобы она воспаряла над буднями, ощущала себя в далекой стране, будь то Италия, Франция или цитадель сна. А в этом случае, если художник напишет картину, которая будет затрагивать сокровенное, кому какая разница — берег ли Феодосии изобразил живописец, или это воды Сицилии? Рассматривающий пейзаж зритель невольно погружается в него, ощущая себя в волшебной сказке, а не в каком-то определенном месте на земле.

Теперь он начинает уделять большее внимание настроению, присутствующему в картине, стараясь живо передать свое ощущение. И какая разница, кипарис или тополь торчат рядом с изящным палаццо, в этом месте понадобилась более темная краска, вот он и явил миру свечку кипариса. Кто пойдет считать

эти самые платаны, кипарисы, сосны, проверять, так ли лежат древние камни? Вздор!

Сюжет картины часто рождался как синтез сразу нескольких узнаваемых видов, которые рифмовались между собой, как складываются стихотворные строчки, главное, чтобы перед глазами стоял образ будущего произведения и ничто не отвлекало взгляд. Айвазовский требует, чтобы стены его мастерской были идеально белыми, на них ни картины, ни малейшего эскиза. Пустота, и из пустоты начинает возникать волшебство, льются небесные воды, синева стекает на палитру, небесное смешивается с земным, чтобы перетечь в свою очередь на холст. В пустоте рождается чудо. Новая сказка замечательного мастера.

Теперь, когда цель ясна и техника исполнения понятна, он больше не будет рабски копировать живую изменяющуюся натуру, все равно получается бесполезно и безжизненно. Он пишет с восторгом и вдохновением, не мучается, а радуется, пританцовывая перед своим детищем и подпрыгивая, дотягиваясь быстрыми касаниями кисти до намалеванного им же неба. Маленькие картины — два, максимум три восхитительных дня, большие — дольше.

К очередной Римской выставке Айвазовский написал тринадцать больших картин и огромное количество миниатюр. «Неаполитанская ночь[132]», «Буря», «Хаос»[133] —сразу же сделали его знаменитым. О нем писали во всех газетах, с ним рвались знакомиться римские знаменитости. Его то и дело останавливали на улице, ждали в кафе Греко, где он полюбил бывать, в дверь его ранее такой тихой и покойной мастерской то и дело стучались желающие увидеть знаменитого живописца лично журналисты, заказчики и простые римляне.

Но что началось, когда вдруг Рим облетела новость, будто бы сам папа Григорий XVI[134] вознамерился приобрести картину Айвазовского «Хаос» для картинной галереи Ватикана! Это был уже не просто успех молодого художника — это была гарантированная мировая слава. Так как общеизвестно, что понтифик покупает картины только у крупнейших художников мира!

В. Н. Пилипенко в своей книге «Иван Константинович Айвазовский», вышедшей в издательстве Художник РСФСР (Ленинград), серия «РусскиеживописцыXIXвека», 1991, описывает этот эпизод жизни нашего героя, сообщая, что узнав об этом, Айвазовский принял правильное решение и не продал, а подарил папе приглянувшийся ему «Хаос», за что папа наградил его золотой медалью.

«Исполать тебе, Ваня! Пришел ты, маленький человек, с берегов далекой Невы в Рим и сразу поднял хаос в Ватикане», — написал Айвазовскому Николай Васильевич Гоголь. А Александр Иванов отечески похлопал Ованеса по плечу, шепнув в красное от похвал и смущения лицо: «Приходи завтра ко мне в мастерскую. Поговорим об искусстве».

Это была еще одна ступень признания — оказаться в святая святых Иванова, об этом если кому и сказать, не поверят. Гайвазовский еще более смутился, все знали, что Александр Андреевич терпеть не мог торопливости в работе и часто журил Ованеса за то, что тот слишком быстро оставляет свои полотна, не дорабатывая их. И тут вдруг такое!.. Столько счастья сразу.

Айвазовский посмотрел на сидящих рядом друзей: Штернберг и новый приятель Векки — римлянин и страстный поклонник маринистов, все видели и слышали!

Вообще от Векки, наверное, было бы разумнее держаться подальше, в воздухе и так витали революционные настроения, а Векки еще и открыто высказывал свои антиправительственные мысли, не опасаясь доносчиков и полиции. Позже Векки примкнет к Гарибальди,[135] сделавшись его адьютантом.

Векки был выходцем из Неаполя, его, собственно, потому и привлекли картины Айвазовского, что в них он обнаружил родные места. Потом, как-то общаясь с художниками, узнал, где проживает и работает русский маринист, зашел, прихватив с собой вина и какие-то заедки, неожиданно попал как раз в то время, когда Ованес сделал перерыв в работе и был не против поболтать. Вот так, слово за слово, и подружились. Теперь Векки таскался за Айвазовским и Штернбергом, проникся уважением и любовью к Гоголю, который воистину знал Рим многим лучше, чем римляне. Пообщавшись некоторое время с Айвазовским, Векки написал восторженную статью о художнике, больше похожую на стихотворение в прозе, которую напечатали в одной из газет.

«…Пользуясь дружбой Гайвазовского, я посетил его мастерскую, которую, менее, нежели в месяц, он обогатил пятью картинами. Вдохновенный прелестным цветом нашего неба и нашего моря, он в каждом взмахе своей кисти обличает свой восторг и свое очарование. Игра лунного света, в котором он захотел изобразить Неаполь ночью, полна истины и блеска и приводит в такой восторг, что наблюдатель, очарованный волшебными переливами красок, среди бела дня переносится как бы в ночь, смотря, как луна светит на горизонте и, придавая особый оттенок предметам, блещет на полосе озаряемого ею моря…

Если бы не препятствовали мне условия этого журнала, я желал бы поговорить подробнее о прелести этих картин, теперь же ограничиваюсь повторением тысячи искренних похвал даровитому творцу их, который так полно соответствует искусством своей кисти и пылким гением своим — надежде, внушенной им художеству и своим соотечественникам». (Газета «Одесский вестник» К. А. Векки о картинах Айвазовского.)

Ованес был благодарен своему новому приятелю, но вот только как тот ни просил провести его тишком к знаменитому Иванову, не решился на сей подвиг. Сам каким-то чудом попал, так не будет враз все портить, а то, глядишь, и Векки и его взашей, а потом извиняйся перед Александром Андреевичем, да только тот, говорят, злопамятен и гневлив не в меру.

Мастерская Иванова была заставлена и завешена этюдами, набросками, картонками с написанными мелом и углем фигурами. Иванов напряженно искал и, по всей видимости, уже начал что-то нащупывать, картина жила в его голове, тем не менее конца-края этой титанической работы пока еще не было видно. Шесть лет напряженного труда и… а ведь если Иванов завтра умрет от недоедания или какой-нибудь болезни? Что останется тогда от него? Чертовски мало!

С удивлением для себя Ованес вдруг осознал, что Александр Андреевич больше мучается, нежели радуется, что его картина идет через внутреннюю боль и чудовищное напряжение, усугубляющееся еще и тем, что детально копируя выбранный им берег, срисовывая каждый камень, каждый кустарник, он делал это в Италии, а не в Палестине. Иванов колесил по всей стране, выискивая определенные типы людей, которых он приглашал позировать для своей картины. Адова работа!

Однажды решив прогуляться в городок Субиако, что в сорока верстах от Рима в Сабинских горах для написания этюдов, Иванов пригласил с собой Айвазовского, с которым уже успел немного подружиться. Скалы, ивы, речка, тополя… отличные места. Оба художника спокойно расположатся там со своими этюдниками и мешать друг другу не будут. Добравшись до места, они устроились в недорогой гостинице, взяли с собой хлеба и молока и отправились работать.

Они сразу же договорились, что будут жить независимо друг от друга, уходить работать на рассвете — самое лучшее время для работы, возвращаться старались на закате, если, конечно, одному из них не требовалось писать в ночное время.

Дороги, проложенные когда-то древними римлянами, прямые и ровные, хоть на телегах по ним мотайся туда-сюда, хоть в каретах. Надежные дороги, в местечке же Субиако тропинка

змеилась и кривилась, то взбираясь на холмик, то сваливаясь с него, так, точно протаптывали ее исключительно пьяные художники. Лес… поражал воображение вековечными дубами в три обхвата, а городок на каменистых склонах показался путникам ласточкиными гнездами.

Остановка в первой попавшейся остерии, хозяин мрачный итальянец с длинными как у запорожцев усами и зеркальной лысиной, не дожидаясь заказа, спешит водрузить на стол глиняный кувшин с холодным, наверное, из самого погреба, белым, чуть отдающим земельной сыростью вином. Подали корзиночку с хлебом, сыр. Как говорится, чем богаты. Тем временем трактирный слуга уже распряг и устроил в конюшнях лошадок. Вслед за художниками в остерию зашел старик угольщик, молча глянул на утоляющих жажду незнакомцев, на хозяина. И перед ним тотчас образовался точно такой же ассортимент. Неужто хозяин забегаловки мысли читает? Да ни в коем случае, просто ничего другого у него в заведении похоже, отродясь не водилось. Разве что зеленщик петрушку да лук завезет. Гости не привередливы.

Получив скромную плату, трактирщик налил себе глиняную кружку вина, отломил кусок хлеба и сел за соседний столик, ожидая, когда его услуги понадобятся еще кому-нибудь.

До гостиницы не более часа пути, но полдень — жара. В такую погоду приличный хозяин остерии не выкинет из заведения даже неимущих гостей. Куда?

За трапезой разговаривали о Риме, Иванов жил рядом с Гоголем, недалеко от того места, где художники на улице Кондотти торгуют своими полотнами.

«Теперь многие взялись изучать древности, да только в Риме с этим делом не все благополучно, — глубокомысленно изрекал Александр Андреевич, покуривая дешевую и оттого, должно быть, невыносимо вонючую сигару. — Возьмите, к примеру, Форо-Романо, — ну, мы гуляли там на прошлой неделе. Когда-то там праздновались триумфы, а ныне пасутся коровы и козы. Плати хозяйке пару монет, и она подоит Пеструшку прямо под древней колонной, усевшись на обломок чей-то статуи. Вот вы нарочно спросите кого-нибудь из местных, где знаменитое Форо-Романо, и они, убей бог, не скажут. Потому что нет больше Форо-Романо, а есть Кампо Ваккино — коровье поле по-нашему. И бродят там буренки, щиплют травку среди обломков колон и статуй».

В гостинице Субиако художники были не редкостью, все стены здесь были буквально испещрены рисунками и разноязыкими приписками под ними. Тут хорошо знали Иванова и всегда старались отводить ему его любимые комнаты.

Впрочем, буквально с первых минут совместного поселения выяснилось, насколько Иванов и Айвазовский не подходят друг другу. В то время когда Иванов корпел над многочасовым изображением какого-нибудь тополиного листа, который должен был выглядеть совершенно идентично настоящему, Айвазовский успел обойти все вокруг, набрав целую пачку молниеносных зарисовок. Столкнулись две стихии — камень и воздух. Два образа жизни — каторжный труд и легкое любование жизнью. Разумеется, Иванов не мог одобрить манеру своего молодого друга. Иванов едва удержался, чтобы не назвать Айвазовского халтурщиком, подсовывающим публике не отражение подлинной природы, а картину невыстраданную, несделанную, лишенную глубинной правды. Ованес же реально недоумевал, как можно скопировать порыв ветра, движение волны, легкую игру теней на земле. В своих эскизах он изображал контуры будущей картины, все остальное писал по памяти в мастерской.

Они поспорили. Уязвленный обидными упреками, Айвазовский теперь слушал Иванова, понимая, что тот борется с желанием наговорить ему гадостей. Больше всего обидело его наблюдение Александра Ивановича, углядевшего в его неаполитанских видах феодосийские или кавказские мотивы. «Ты давно уже не пишешь нового, а лишь бесконечно копируешь сам себя на потребу богатым заказчикам!» — разорялся Александр Андреевич.

И наконец, удар в самое чувствительное место — Иванов заметил, что у Айвазовского здесь, в Италии, нет достойной конкуренции в плане морской живописи, а следовательно, он востребован не потому что талантлив, а потому что коли понадобился на стену морской вид, то и спросить по-хорошему некого. Либо бери Айвазовского, либо под Айвазовского.

Ованес был поражен услышать сразу столько, должно быть, накопившегося негатива, и в то же время понимал, что во многом Иванов безусловно прав. После успехов он перестал заботиться о тщательности, что-то упускал, оставлял на «так сойдет». Надо серьезнее работать, а то уйдет талант, и не останется после художника Айвазовского по-настоящему серьезных талантливых картин. Но и обидно было еще, как то Иванов привечал его, ничем не выражая своего недовольства, когда Ованеса хвалили друзья и пресса, а то вдруг в один раз вылил всю свою черную вонючую желчь.

На следующий день Айвазовский уехал.

Кто был прав в этом конфликте, а кто нет? Мне кажется, правда была на стороне Иванова, хотя его излишняя принципиальность и нетерпимость не вызывает к нему симпатии.

Во всяком случае, известен факт, что когда Карл Брюллов вернулся в Италию, дабы умереть там, единственным его желанием было увидеть картину Иванова, о которой столько говорили. Александр Андреевич назначил встречу в кафе Греко, они мило болтали несколько часов, после чего Иванов отказался открывать перед Брюлловым двери своей мастерской. Отказал в последней просьбе умирающему! «Его разговор умен и занимателен, — писал Иванов о Брюллове Гоголю, — но сердце то же, все так же испорчено…»

Стал ли после этого случая Айвазовский более внимательно относиться к своей живописи? Скажем честно, не всегда. В Италии к художнику пришла настоящая слава, и он был искренне рад этой, более чем желанной, гостье. Наконец-то у него появились собственные деньги, за которые не нужно было ни перед кем отчитываться, он стал знаменит, а это означает, что теперь ему с гарантией будут давать заказы, а следовательно, он и его семья не пропадут, «…одну картину, представляющую флот неаполитанский у Везувия, пожелал купить король, и уже она давно у него во дворце», — пишет Айвазовский В. И. Григоровичу 30 апреля 1841 года из Неаполя. Он уже знает о том, что вышедшие о нем в Италии статьи переводятся и издаются в России. Вот, например, отрывок из статьи, помещенной в «Художественной газете» за номером 11,1841. Эта газета была переправлена в Рим и ее читали вслух и передавали друг другу в кафе Греко.

«…В Риме на художественной выставке картины Гайвазовского признаны первыми. «Неаполитанская ночь», «Буря» и «Хаос» наделали столько шуму в столице изящных искусств, что залы вельмож, общественные сборища и притоны артистов оглашались славою новороссийского пейзажиста; газеты гремели ему восторженными похвалами, и все единодушно говорили и писали, что до Гайвазовского никто еще не изображал так верно и живо света, воздуха и воды. Папа купил его картину «Хаос» и поставил ее в Ватикане, куда удостаиваются быть помещенными только произведения первейших в мире художников».

На выставке в Риме вокруг полотен Айвазовского развернулся настоящий ажиотаж: «На каждую картину было по несколько охотников, небольшие все продал, но «Ночь неаполитанскую» и «День» я никак не хотел уступить иностранцам.

Англичане давали мне 5000 рублей за две, но все не хотелось уступить им, а отдал князю Горчакову[136] за 2000 рублей «Ночь» с тем, чтобы он по приезде послал бы в Академию. Он мне обещал это сделать. «День» оставил у себя я пока, что-нибудь еще напишу, чтобы [нрзб] только послать к Вам. Прочие небольшие

две купили англичане в Лондон; две небольшие купил граф Энглафштейн[137] в Берлин, а остальные две граф Чиач в Гамбург».

Айвазовский расписался, встал на крыло и теперь может только парить над полюбившейся ему Италией. И то верно, зачем корпеть и мучиться, если можно петь и танцевать? К чему нужны муки творчества, когда все так божественно просто — есть прекрасный вид, луна ли вышла из-за кружевного облака, солнце ли разлилось по прелестным водам — да мало ли иных поводов. Твори, люби, создавай!

Есть деньги — очень важное обстоятельство, теперь можно не экономить. Недавно пришло письмо из Академии, в котором сообщили о том, что родители получили 500 рублей. Значит, и они тоже продержатся еще какое-то время. Тем не менее Айвазовский напоминает о том, что Академия обещала регулярно отсылать деньги домой: «Прошу еще приказать вовремя выслать домой, они терпели нужду, пока получили деньги».[138]

Айвазовский, Штернберг и решивший присоединиться к компании Монигетти[139] добрались вместе из Рима в Неаполь, и теперь каждый спешит к тому, что ближе его сердцу и настроению. «…Я в Кастельмаро и по прочим окрестностям, — пишет Григоровичу Айвазовский, — Штернберг у своих грязных ла-царони,[140] а Монигетти — к развалинам Помпеи».

Впрочем, Ованес просто не мог упустить возможности увидеть своими глазами развалины древней Помпеи. Картину Брюллова он запомнил в деталях, Карл Павлович настаивал на том, что в своей работе руководился подлинными фактами, в частности, расположением скелетов, Айвазовский ведет уже бывавшего несколько раз в Помпеи Монигетти, безошибочно угадывая направление. От Геркуланских ворот по улице, названия которой он не знает, дорога вымощена крупными глыбами лавы. Айвазовский движется сначала подобно сомнамбуле, доходит до перекрестка, останавливается на мгновение у гробницы, далее ориентируется на конус Везувия. Он хорошо помнит, под каким углом нарисовал Брюллов знаменитый вулкан. Еще шаг, второй. Все. Пришел. «Последний день Помпеи» нарисовалась в его голове поверх реального пейзажа. За пару минут воображение и память художника справляются с полотном, над которым его творец трудился целых три года.

Вообще в то время выставки проходили редко, поэтому сам факт представить на них свои произведения уже повод испытывать некоторую гордость. Что же говорить о тех, чьи произведения не просто занимали стенки, а были отмечены прессой?

О тех, кто нашел и теперь уже, скорее всего, с гарантией будет находить своих покупателей?

Моллер,[141] Тиранов,[142] Пименов,[143] братья Чернецовы,[144] Шамшин[145] — одновременно с Айвазовским выставляли свои произведения, в той или иной степени добившись успеха, но все же им далеко до Айвазовского, чьи произведения признаны первыми!

Удрученные слишком быстрыми успехами Айвазовского за границей, обиженные невниманием к себе, русские художники начинают в свою очередь специально приходить туда, где выставляется знаменитость, дабы отыскать в его произведениях недоработки: «Говорят между вздорами (и похожее на дело обвинение), что Айвазовский пишет слишком проворно и небрежно и что картины его больше декорации, нежели картины. Этого не имею уже силы опровергать, а досадую только и говорю: «По крайней мере, согласитесь, что декорация прелестна».[146]

Чего же хотят от Айвазовского профессора, академики и просто заслуженные, но менее известные художники его времени? Это мы также можем почерпать из письма А. Р. Томилова: «… земля, но самые люди, т. е. фигуры, не должны пропадать в эффекте, который хоть очень приятно поражает глаза и чувства, но в той же мере возбуждает любопытство зрячим знать, где он. В какой земле видит он этот эффект природы? Какие люди вместе с ним дышат этим воздухом? Что они делают, населяют ее? А в картинах, что видим на выставке, интерес разжег этот вопрос, но он вовсе не удовлетворен. Фигуры пожертвованы до такой степени эффекту, что не распознать: на первом плане мужчины это или женщины. Самые берега служат только, отметим, чтобы не глядеть на них, а любоваться только как помощью противоположности, что они делают мутностью и темнотою своей, красуется воздух и вода». Томилов описывает здесь картину «Лазоревый грот». Неаполь — 1841 год. Но это не столь важно. Зритель хочет увидеть реалистичную картинку, разглядеть во всех подробностях место, где, возможно, никогда ему не суждено быть, или, наоборот, место, знакомое и родное, Айвазовский же рисует картину, запечатленную в его душе, он гениально передает настроение, которое возникло у автора, когда он увидел тот или иной пейзаж. Но при этом, если Айвазовский пишет, к примеру, лунную дорожку — все остальное словно меркнет в ее свете. Помните, как сам художник рекомендовал разглядывать его полотна? Идти от самой яркой точки — например, источника света. Впрочем, когда мы любуемся луной, разве остальное имеет значение? Луна — облака рядом, море, в котором эта же луна отражается. Все остальное тает, исчезает. В

картинах Айвазовского на первом месте — свет, и вокруг света он выстраивает все остальное. Фигуры людей не прописываются уже потому, что они не более чем декорация или статисты, в то время как главный персонаж здесь не они!

Что же победит, сказка или реальность? В случае с Айвазовским, конечно же, сказка, которую этот волшебник каким-то чудом сумел перенести в повседневную жизнь.

30 апреля 1842 года Айвазовский отсылает в Петербург на очередную выставку четыре картины: «Остров Капри при луне», [147] «Остров Искияпри закате солнца», «Часть Неаполя», «Штиль» (картина уже принадлежит княгине Изабелле Адамовне Гагариной). Кроме того, он прикладывает к посылке свой портрет работы А. Тыранова (1841 г.). И оповещает Академию о своем решении посетить Голландию и Англию.

Он не просит оплачивать путешествие, появились деньги, а вместе с ними независимость.

Собственно, в письме всего две просьбы, первая: после выставки передать все картины Григоровичу, который заранее уведомлен, как с ними поступить, и второе: переслать половину его содержания матери в Феодосию.

Да и захоти Оленин остановить слишком бойкого пенсионера Академии, куда там. До Петербурга уже дошла подтвержденная информация относительно того, что, неслыханная честь, Папа Римский наградил Айвазовского золотой медалью! Король Неаполя взял в свою коллекцию картины Айвазовского и ведь еще возьмет. Вчерашний феодосийский мальчик входит в моду, а, следовательно, если что его примут при любом дворе. С другой стороны, при всех своих нынешних регалиях Айвазовский остается почтительным и трудолюбивым. Он не кичится своими заслугами и готов выслушать критику, не пьет, мало интересуется политикой, и либо вообще не имеет до сих пор любовницы, либо не распространяется на этот счет. Что уже говорит о благоразумии и хорошем воспитании. Тоже весьма похвальная черта. Все, что он делает, пойдет к славе отечества, куда после своих странствий по свету он неминуемо вернется. А следовательно, Айвазовский, каким бы он ни был гением, — наш! И за него следует скорее радоваться, нежели выискивать огрехи в его творчестве и затем поласкать грязное белье соотечественника при сторонних наблюдателях. «Обратимся сначала к Айвазовскому. Картины его производят особенное впечатление: он глубоко чувствует природу, превосходно улавливает игру и перелив ее тонов. Это талант необыкновенный. Айвазовский чувствует море страстно, всем существом своим», — пишет журнал «Отечественные записки»). (1842, т. 25, стр. 25, статья

«Выставка Академии художеств).

Великий Джозеф Маллорд Вильям Тёрнер,[148] художник, член Королевской Академии, посвятил стихи картине Айвазовского «Неаполитанская ночь»: «На картине этой вижу луну с ее золотом и серебром, стоящую над морем и в нем отражающуюся… Поверхность моря, на которую легкий ветерок нагоняет трепетную зыбь, кажется полем искорок или множеством металлических блесток на мантии великого царя!.. Прости мне, великий художник, если я ошибся (приняв картину за действительность), но работа твоя очаровала меня, и восторг овладел мною. Искусство твое высоко и могущественно, потому что тебя вдохновляет гений!»

Это было на той самой знаменитой выставке в Риме, где Айвазовского ждал первый оглушительный успех за границей. Шестидесятисемилетний британский художник впервые увидел картины русского художника Ивана Айвазовского, которые привели его в восторг. Он сразу же захотел познакомиться с маринистом, но того как на зло не было в это время в зале. Опершись о руку также разглядывающего картины маэстро Камуччини, он направился в мастерскую молодого художника.

Камуччини знал, наверное, всех художников в Риме, точнее, это они знали прославленного мастера, авторитет которого был так высок, что если русский пенсионер писал в Петербург, будто маэстро Камуччини-де советовал ему сделать то-то или отсоветовал выполнять прямой заказ Академии, его начальники автоматически соглашались с мнением прославленного живописца, рекомендуя и впредь держаться его точки зрения, ни в чем не противясь знаменитости. Сам факт быть допущенным в мастерскую великого маэстро — был пропуском в мастера, во всяком случае, устная похвала Камуччини воспринималась равнозначной рекомендательному письму от высокопоставленного лица или даже диплому о присвоении квалификации.

Но так уж получилось, что Камуччини знал, где обосновался Айвазовский, и на следующее утро, как раз когда пастухи гонят стадо коз по улицам вечного города и торговки овощами и фруктами только начинают выкладывать на прилавок разноцветными горками свой товар, он уверенно повел к Ованесу своего английского друга. Но неожиданно дорогу в мастерскую преградила полная, симпатичная дама лет пятидесяти, у которой Айвазовский снимал комнату. Утренние часы — священные для художника часы… Домовладелица узнала Камуччини, присев перед ним в глубоком реверансе, но… последнее время сеньор русский маэстро постоянно сетует на приходящих в неурочный

час посетителей. Мало того что жалуется, а еще и строго-настрого наказал не пускать к нему ни черта, ни дьявола, ни светлейшего герцога, ни даже посланца с его далекой родины. Так что ей пришлось поклясться мадонной, что в случае чего она лично встанет у двери и не пустит даже Господа Бога, коли тот пожелает войти к Айвазовскому, прикрывая своего любимого художника и постояльца собственной обширной грудью.

Камуччини попытался объяснить, кто такой Тёрнер, но хозяйка была неумолима, так что, в конце концов, два прославленных маэстро, чьей благосклонности добивались и молодые и известные своими заслугами художники, были вынуждены ретироваться. Последнее, что успел сделать утонченный англичанин, написать стихотворение, которое и попросил передать Айвазовскому, когда тот закончит работу.

Представляю разочарование молодого художника, когда он понял, что его правильное, по сути, приказание оказалось непреодолимым препятствием между ним и великим художником, с которым Ованес давно мечтал познакомиться.

Впрочем, его отчаяние не было чрезмерным, Айвазовский умылся, прилично оделся и отправился на поиски Тёрнера. К слову, англичанин нисколько не обиделся на русского, даже напротив. Всю свою жизнь он трудился и не любил, когда молодые художники проводят время в лени и потворстве своих низменных желаний. Поэтому когда он понял, что Айвазовский ни под каким предлогом не пропускает часов занятий, так что даже имена знаменитых гостей не подействовали на его квартирную хозяйку, он преисполнился уважением к молодому маэстро.

В тот день старый и молодой художники много разговаривали, гуляя по улицам Рима, но вокруг веселился карнавал, и что бы ни предпринимали Айвазовский и Тёрнер, в какую тратторию не забредали, повсюду гремели гитары, трещали и плевались огнем самодельные фейерверки, танцевали, пели, устраивали потешные бои. Гоголь и Панов лихо отплясывали в костюмах малороссов, зазывая и Айвазовского присоединиться к ним. Еще вчера Ованес, Василий и Векки веселились здесь же в костюмах испанцев, теперь душа художника требовала покоя и уединения, места, где можно было бы спокойно поговорить с Тёрнером, а не перекрикивать друг друга. Поэтому на следующий день англичанин повез его в Кампанью, где некогда творили Николя Пуссен и Клод Лоррен. [149]

Можно ли предположить, что Айвазовский зазнался, что гомон толпы, подобно волнам океана, убаюкал его чутье и

самокритичность? Что теперь, когда у него появились новые друзья, старые побоку? Нет. Да, он мало пишет своим бывшим благодетелям, в чем сам же и признается. Но он ведь по-настоящему много работает. Не гуляет, не тратит время на женщин и вино, а буквально все время трудится. Если не рисует, то смотрит, примечает, учится. И разве можно сказать, что он неблагодарен, что забыл тех, кто помогал ему в самом начале. Вот строчки из его письма А. Р. Томилову от 20/8 июля 1842 года, из Парижа: «…я счастлив тем, что природа одарила меня силой возблагодарить и оправдать себя пред такими доброжелателями, как Вы. Я помню, в первое время еще в Петербурге, какое родное участие принимали Вы во мне, тогда, когда я ничего не значил, это-то меня и трогает».

В 1842 году Айвазовский получает приглашение выставиться в Лувре. Художник дал согласие, сообщив, что будет в Париже ко времени проведения выставки.

Должен ли он просить разрешения Академии на это путешествие? — Теоретически мог обойтись и без оного, он же едет на собственные средства. Но Айвазовский собирается присутствовать на означенной выставке не как частное лицо. Он русский художник и единственный представитель великой державы. Поэтому он действует разумно и официально, Айвазовский пишет прошение на имя начальника общины русских художников в Риме г. Кривцова,[150] и тот в свою очередь отправляет запрос в Петербург. Подписанное министром императорского Двора князем Волконским разрешение датируется 9 октября 1842 года Айвазовскому официально разрешено «выставить несколько больших картин с морскими видами (которые теперь он пишет) на имеющие быть в Париже выставке и самому ему провести там несколько месяцев для дальнейшего усовершенствования в морской живописи». Это означает буквально следующее — стажировка за границей продолжается, пенсионное пособие поступит туда, где художник будет жить. Кроме того, ему разрешено выставлять картины, «которые теперь он пишет» — то есть которые никто еще не видел и ценность их не определил. Иными словами, на свое усмотрение. Он не просто в милости, Айвазовский в явном фаворе. Он будет официально представлять Россию в Париже, и об этом напишут все газеты!

Глава 14

Восстав, в океане неистовость вод
Тяжелыми всплесками бьет до высот,
Под яростный рев строит призраки гор,
И буря — безбрежный, безграничный простор
Одевает, как дым,
Дуновеньем своим.
«Ни с места!» — воскликнул, — палитра в руках, —
Старик чародей, и взмутившийся прах
Покорен, заслышавши гения зов;
И в бурю, безмолвно громады валов
Вот стоят, как во сне,
На его полотне.

Ованес Туманян «Перед картиной Айвазовского» (экспромт). 1893 (Перевод В. Брюсова)

Однако Париж — дело хорошее, но к чему спешить туда загоняя лошадей? Айвазовский рассчитывает путешествие таким образом, чтобы по дороге посетить ряд итальянских городов, останавливаясь в каждом на несколько дней и спокойно работая.

Дольше, чем в других городах, он задержался в особенно поразившей его Генуе, где посещает дом, в котором родился Христофор Колумб.[151] Очередная идея — написать серию картин из жизни отважного мореплавателя — скоро будет реализована в полном объеме. Пока он собирает необходимый в работе материал. Много рисует в самом городе и окрестностях.

Молодой художник не пытается привлечь к себе внимание, у него и так мало времени на посещение тех или иных мест, а если еще и заводить новые знакомства, с умным видом разговаривать

об искусстве, пить вино и ходить по гостям, точно уже будет не до работы. Тем не менее его то и дело узнают, пытаясь заговорить, проследить до гостиницы, попытаться выяснить, с кем он путешествует.

Да не с кем — один как перст. Впрочем, согласно легенде, жизнь Айвазовского той поры освещала первая страстная любовь — балерина Мария Тальони — итальянка по происхождению, на тринадцать лет старше Ованеса. Имела ли место эта связь в реальности — неизвестно. Во всяком случае, не сохранилось никаких писем, дневниковых записей, свидетельств современников. Факт, что они были знакомы, возможно, близко знакомы. Во всяком случае, в 1854 году Айвазовский написал картину «Венеция со стороны Лидо», на которой изобразил себя и Марию в лодке. Сама история их отношений хоть и блуждает из издания в издание, тем не менее больше напоминает красивую сказку, нежели правдивый случай из жизни. К слову, на всех сайтах в Интернете, где поминаются вместе имена Айвазовского и Тальони, эта история пересказана буквально слово в слово, что подтверждает ее происхождение из одного источника: балетная дива Мария Тальони приехала в Петербург осенью 1837 года, спектакли итальянской труппы проходили в Большом (Каменном) театре. Слава Тальони летела перед ней, и все билеты на «Сильфиду» с ее участием были распроданы заранее.

Тальони первая балерина, вставшая на пуанты, первая, отказавшаяся от тяжелых нарядов, первая актриса, которой на русской сцене начали выносить на сцену цветы. Ею восторгались не только мужчины, но и женщины, которые буквально вскакивали со своих мест, аплодируя стоя. До Тальони такое бурное выражение чувств считалось, мягко говоря, вульгарным.

С Тальони сразу же пожелала познакомиться императорская чета, а знатные дамы брали у нее уроки танцев, что было возможно уже потому, что, согласно графика выступлений артистки, она была занята на сцене через день.

О Тальони писали все газеты, она звезда, кумир, мечта. Возникает вопрос, каким образом в толпу великосветского общества мог просочиться почти что нищий учащийся Академии художеств? Было ли приме дело до мало кому известного тогда студента? Тем более, когда в ее поклонниках числился сам Российский самодержец? При невероятно плотном графике работы, уроках и обязательных светских визитах?

Известно, что Тальони была невероятно принципиальна в отношении денег, которые неизменно требовала платить вперед, и однажды, не получив оплаты утром, не вышла на сцену вечером. Директора театров ненавидели итальянку и пытались

отыскать ей замену, но равной Тальони не было.

Впрочем, самое поразительное, что Мария Тальони никогда не была красивой. Некрасивая и неказистая дочь известного балетмейстера, который муштровал ее с утра до вечера и даже придумал особую обувь — пуанты, на которые ножка танцовщицы, словно чуть-чуть касалась пола. Кроме того, пуанты заметно удлиняли ногу, что в случае некрасивой Марии было необходимым.

Вот как пишет о встречах с итальянской балериной писательница и мемуаристка Авдотья Панаева,[152] посещавшая тогда театральную школу: «Приехала в Петербург знаменитая балерина Тальони с своим отцом, маленьким старичком, и являлась с ним в школу упражняться. Директор и другие чиновники очень ухаживали за обоими иностранцами; им подавался в школе отличный завтрак. Тальони днем была очень некрасива, худенькая-прехуденькая, с маленьким желтым лицом в мелких морщинках. Я краснела за воспитанниц, которые после танцев окружали Тальони и, придавая своему голосу умиленное выражение, говорили ей: «Какая ты рожа! какая ты сморщенная!»

Не понимая русского языка, но видя обращенные к ней улыбки, танцовщица благосклонно кивала головой, приговаривая: «Merci, mesenfants!»

Слухи доносят до нас историю о том, что Тальони случайно сбила Айвазовского своей каретой, а затем, подобрав пострадавшего, довезла его до дома, подарив в качестве компенсации билет на «Сильфиду», — история, которая с небольшими искажениями может быть приписана многим популярным любовным романам того времени. Могло такое произойти на самом деле или нет, мы не можем утверждать со всей определенностью. Проще было бы поверить, что Тальони согласилась на эту связь, когда Айвазовский сделался знаменитым. Но… очень многое в жизни Айвазовского происходило точно по мановению волшебной палочки, так отчего же добрый ангел не подарил ему еще в юности связь с самой желанной и знаменитой в Европе женщиной?

Согласно той же легенде, Тальони живет в Петербурге до весны, еще точнее, до начала Великого поста, после чего уезжает на несколько месяцев за границу. Однажды, а именно летом 1840 года, Айвазовский убеждает своих учителей в Академии, что ему необходимо отправиться для усовершенствования мастерства в Венецию, где живет Тальони, и вскоре он уже в объятиях любимой.

Айвазовский действительно отправился в июле 1840 года за границу, но только не вследствие истерики, которую он якобы

учинил профессорам, этого еще не хватало, а потому, что получил Золотую медаль, дающую ему это право, плюс заслужил работой в Крыму на черноморском флоте под началом Н.Н. Раевского.

В случае с Айвазовским все достаточно гладко — Золотая медаль, и как следствие — приказ отправить художника в командировку с полагающимся ему пенсионом. Треволнения же он испытывает единственно из-за постоянных дум о содержании в его отсутствие родителей.

Далее, согласно легенде, они жили какое-то время вместе в Венеции — очень странное заявление, Айвазовский все время снимал квартиру вместе со Штернбергом. Мария же, хотя уже к тому времени несколько лет и не общалась с мужем, от которого у нее были дочь и сын, но тоже вряд ли стала бы рисковать, открыто проживая с молодым человеком, не будучи за ним замужем. Расставаясь, Тальони отказала художнику, преподнеся ему свою туфельку, а он в ответ подарил ей роскошное палаццо — еще одна невероятная вещь, учитывая, что в свой первый приезд в Венецию Айвазовский был, что называется, «гол как сокол». Россия, конечно, же присылала ему положенные деньги, из которых часть он отсылал родителям в Феодосию, продавались некоторые его картины. Но молодому человеку были необходимы деньги на путешествия, одежду, пищу, кроме того, он должен был приобретать художественные принадлежности, которые, судя по темпам работы, у него быстро заканчивались. В общем, когда человек едва сводит концы с концами, ему как минимум не до покупки дворцов.

В общем, история в этой части не выдерживает критики и, скорее всего, была выдумана газетчиками как раз во время триумфа мариниста, когда дамы высшего света мечтали сосватать за него своих дочек. К слову, красивый, талантливый, порядочный, знаменитый, а теперь еще и богатый художник, любимец многих монархов, был завидным женихом, и неслучайно, что то и дело кто-то придумывал новые пикантные истории с его участием.

Но а это уже отличительная черта Айвазовского, к нему, как к какому-то святому, не прилипала грязь.

Что же до Тальони — отказавшись стать женой молодого художника, она подарила ему свою танцевальную туфельку, добавив, что-де «вот эта самая туфелька растоптала мою любовь к вам», а также букетик ландышей, которые она очень любила. Был праздник — вербное воскресенье… в церквях звенели колокола, в первый раз получивший отказ влюбленный художник брел в свою одинокую коморку, не разбирая дороги.

Вот история Айвазовского и Тальони, но самое удивительное, что она не закончилась туфелькой и ландышами, но терпение, пройдет еще несколько лет, и мы вновь ощутим запах этих цветов и вспомним божественную Марию Тальони.

А пока вернемся в Геную, где уже знаменитый художник Айвазовский чуть было не стал героем весьма пикантной истории. Познакомиться с ним решила красивая женщина — австрийская полька графиня Потоцкая. Они якобы случайно встретились в холле гостиницы, где остановился Айвазовский по дороге на выставку в Париж. Впрочем, по дороге художник намеревался увидеть несколько городов, и следующим был Милан. В последнее время художник замечал, что женщины начали на него что-то вроде охоты, но не предавал этому особого значения. Он всегда мог поговорить ни о чем, делая любезное выражение лица и щедро раздавая комплименты, мог откланяться, если беседа начинала надоедать. Ну не будут же его держать силой? В любом случае он всегда сумеет уйти, ничего, не пообещав и ничего не нарушив.

Мелькнув в гостинице перед его взором, графиня вдруг оказалась на соседних сидениях в дилижансе. Красивая женщина в любом случае имеет шанс хотя бы ненадолго увлечь артистическую натуру. Они разговорились, оказалось, что графиня тоже держит путь в Милан. В приятной беседе они оба словно не почувствовали тягот пути. Графиня оказалась хорошо образованной женщиной, она имела свое мнение на ряд интересующих Айвазовского вопросов, много путешествовала, много и видела. По прибытии в Милан оба остановились в гостинице недалеко от Миланского собора. Айвазовский сообщил, что намерен с самого утра гулять по городу и непременно насладиться «Тайной вечерей» Леонардо да Винчи. Любезная графиня пригласила своего попутчика на чашку утреннего кофе, после чего они вместе отправились в Миланский собор.

Несмотря на утро, там уже было много народу, причем много знакомых Потоцкой. Еще бы, прекрасно знавшая город графиня вела по нему ничего не понимающего в ее уловках художника, придерживаясь традиционных маршрутов прогулок горожан. Тут же узнали и Айвазовского. Так что некоторое время их пара сделалась центром внимания. После собора они пообедали вместе в ресторане, затем, сев в наемную карету, совершили вояж в парк у замка Кастелло Сфорцесско, который расписывал Леонардо да Винчи. Айвазовский с жаром рассказывал о расписном потолке, восхищаясь работой художника, графиня откровенно скучала. После, побродив по замку и окрестностям и окончательно утомив не привыкшую к столь длительным экскурсиям польку,

Айвазовский велел отвезти их к монастырю Санта Мария делле Грацие, дабы наконец узреть «Тайную вечерю», но Потоцкая уже устала, и художник отправился туда один. Из Милана графиня поехала в Вену, Айвазовский же должен был следовать в Париж.

Вот, казалось бы, ничего не значащая история. Но в результате Айвазовский чуть было не лишился жизни. Это произошло уже в Париже, когда перед ним вдруг возник поляк Теслецкий, которого он несколько раз до этого встречал в Италии, и недвусмысленно вызвал художника на дуэль.

Пан Теслецкий был смертельно обижен на Айвазовского, и вот почему по версии самого Теслецкого, Айвазовский ни много ни мало увез из Генуи в Милан, а затем, скорее всего и Париж даму его сердца! Женщину, в которую он без памяти влюблен! Вполне обоснованный повод для дуэли.

Что бы сделал любой на месте Айвазовского? — Вздохнул и принял вызов. Ованес поступил более чем странно: он рассмеялся и, подойдя к стоящему за спинами своих мрачных секундантов Теслецкому, откровенно рассказал ему всю историю мнимого увоза. При этом он был настолько искренен, что сердце поляка дрогнуло, и в результате он согласился выпить мировую.

Конечно, Теслецкий мог не поверить Айвазовскому, но рядом с тем уже стоял приехавший в Париж по своим делам Векки, который дал слово, что они с Айвазовским живут в одной гостинице, располагаются в снятых на двоих комнатах, и никакой графини он не видел и о ней даже не слышал.

Решив этот сложный вопрос миром, Айвазовский пригласил всю компанию на открытие выставки в Лувре, тут же вручив им бесплатные входные билеты. Тем дело и кончилось.

Глава 15

«В его буре есть упоение, есть та вечная красота, которая поражает зрителя в живой, настоящей буре. И этого свойства таланта г-на Айвазовского нельзя назвать односторонностью уже и потому, что буря сама по себе бесконечно разнообразна. Заметим только, что, может быть, в изображении бесконечного разнообразия бури никакой эффект не может казаться преувеличенным, и не потому ли зритель не замечает излишних эффектов в бурях г-на Айвазовского?»

Ф. М. Достоевский о картине «Буря под Евпаторией» (1861).[146]

На парижской выставке Айвазовский был представлен тремя картинами: «Море в тихую погоду», «Ночь на берегу Неаполитанского залива» и «Буря у берегов Абхазии». Примечательно, что Айвазовский был здесь единственным русским художником, что также привлекало к нему всеобщее внимание и одновременно напоминало об ответственности.

«Бурю у берегов Абхазии» Айвазовский писал по памяти, это та самая буря, когда он вместе с Звамбой наблюдал, как русский военный корабль преследует черкесскую кочерму, чтобы спасти плененных абхазских девушек.

На выставке французская Академия наградила Айвазовского золотой медалью.

Из Парижа Айвазовский устремился в Марсель и Неаполь — в поисках новой воды и новой игры света. О красотах этих городов рассказали Айвазовскому французские художники, с которыми он познакомился. «Чрез пять дней я еду в Марсель и в Неаполь, заняться серьезно опять и хочу послать сюда на выставку, так просили меня многие французы, вероятно, я не могу здесь иметь первостепенную славу, какую мне дали в Италии, но все-таки пусть критикуют, пока молод, а хочется состязаться с французами», — пишет он А. Р. Томилову в июле 1842 года.

Но «состязание с французами» не сбивает Ованеса с выбранного ритма, Айвазовский серьезно готовится к выставке в Петербурге, направив туда шесть картин и прося скульптора Федора Петровича Толстого[154] и князя Витгенштейна, в коллекции которых находятся несколько его крупных картин, выставить их.

Впрочем, соглашаться или нет — это их личное дело, а пока художник отправляется в странствие, конца-края которому не видит сам. Учась у воздуха, воды и картин известных маринистов, он объезжает города, превратившись в странствующего рыцаря моря. Куда он движется в конечном итоге? Этого Айвазовский не может объяснить даже себе, зная одно — мир огромен, и он еще очень мало видел в нем. В его заграничном паспорте уже некуда ставить штампы о пересечении границ, таможенные служащие начали вшивать и вклеивать новые страницы. Так что когда Айвазовский вернулся домой, он не без удивления для себя обнаружил, что его документ содержит сто тридцать пять виз!

Он путешествовал на кораблях и в дилижансах, брал наемные кареты, а где-то, возможно, переезжал на крестьянских телегах или шел пешком. Лондон, Лиссабон, Мадрид, Гренада, Севилья, Кадикс, Барселона, Малага, Гибралтар, Мальта… Четыре года за границей подарила миру восемьдесят картин, не считая рисунков. Толпы заказчиков стояли перед мастерской, надеясь приобрести хоть что-нибудь кисти великого мастера. Айвазовский же начал устраивать собственные выставки, перебираясь из города в город, в результате он вез с собой целую свиту картин о море, которые украшали его триумфальное шествие.

В декабре 1842 года Айвазовский снова в Париже, где его уже с нетерпением ждут. Он выставляет три картины: «Венеция»*, «Монахи при закате солнца в Венеции», «Венецианская ночь». Пресса благоволит к талантливому маринисту, восторженные статьи в журналах «Искусство», «Литературная Франция», «Артист». Как пишет сам Иван Константинович: «Во всех этих журналах очень хорошо отзываются про картины мои, что меня очень удивило, ибо французы не очень жалуют гостей, особенно русских художников, но как-то вышло напротив, а кроме журнальных похвал и прочего, здешние известные любители, граф Портал и другие члены общества художественного желали иметь мои картины, но так как они уже принадлежат, то я обещался сделать. А что более доказывает мой успех в Париже, это желание купцов картинных, которые просят у меня картины и платят большие суммы, а сами назначили им цены, за которые продают здесь Гюдена картины, одним словом, очень дорожат моими. Все это меня радует, ибо доказывает, что я им известен

очень хорошей стороной».[155]

Да, Айвазовский безусловно празднует свою победу, но победа эта не в наградах и признании прессы, не во внимании к его работам «картинных купцов»: «Однако довольно похвастался, теперь скажу о главном, все эти успехи в свете вздор, меня они минутно радуют и только, а главное мое счастье — это успех в усовершенствовании, что первая цель у меня». Итак, рыцарь моря, отправившийся в свой крестовый поход вслед за блеском волны, наконец начал по-настоящему осознавать, что у него действительно получается. Что его цель хоть и грандиознее всего того, чего может достичь человек за одну жизнь, но она все же не туманное облачко, в котором видится то замок, то сказочная красавица, его цель реальна и до нее можно дотронуться.

И еще одно, бросая взгляд на совсем недавние свои произведения, буквально на картины, которые сам же посылал к прошлой петербургской выставке, Айвазовский вдруг обнаруживает, какая пропасть разделяет его сегодняшнего и его же годичной давности. «Не судите меня по картинам, что вы видели в последней выставке в Петербурге, — пишет он в том же письме А. Р. Томилову, — теперь я оставил все эти утрированные краски, но между тем нужно было тоже их пройти, чтоб сохранить в будущих картинах приятную силу красок и эффектов, что весьма важная статья в морской живописи, впрочем, и во всех родах живописи, можно сказать, а кроме трех моих картин, что на выставке, я написал две большие бури и совсем окончил, надеюсь, что это лучше всего, что я до сих пор сделал».

Письмо в Петербург любезно согласился доставить генерал-адъютант Петр Петрович Ланской,[156] как раз в это время собиравшийся уезжать из Парижа. С Ланским Айвазовский мог быть знаком по Крыму, где у того находилось поместье.

Письма Айвазовского очень однообразны и сухи. Обычно это мини-отчет о проделанной работе. Он сообщает, что успел сделать, над чем работает сейчас, что отправил на ту или иную выставку, что продал, иногда копирует газетные или журнальные заметки. Эти письма не для развлекательного чтения, да и ему, по всей видимости, не приходит в голову, что его собеседники ждут описания музеев, которые посетил художник, и городов, через которые проехал. Для сравнения, в своих письмах к К. П. Брюллову родственники неизменно пеняют художнику на нежелание последнего описать тот или иной собор, в то время как по письмам его старшего брата, А. П. Брюллова, можно водить реальные экскурсии, тут вам и количество ступеней, и впечатление от освещения картин, и наглядное указание: посмотрите на гравюру в столовой с видом Рима, найдите самый

большой купол, поверните направо — вот там мы и обитаем…

Айвазовскому даже не приходит в голову развлекать своих собеседников по переписке, делиться с ними впечатлениями. Ему некогда, да и, по всей видимости, не любит он писать — черта нетипичная для людей этого времени.

Еще одна особенность Айвазовского — прежде чем решиться создать картину, он не делится своими планами, не спрашивает разрешения у Академии, как поступало большинство пенсионеров. Это объясняется тем, что пишет он куда быстрее, чем идут письма в Петербург и обратно, кроме того, он отлично знает, что его полотна не пропадут и он всегда сумеет их пристроить, ну а если не продаст и не отдаст картинным купцам, следовательно, подарит кому-нибудь из новых друзей. Кроме того, Айвазовский всегда пишет по велению сердца, пока не пропадает желание, а значит, он просто не может ждать.

В Париже 1842 года он начал писать очередную свою бурю, сюжет почерпан из газет: «Теперь я предпринимаю большую картину, бурю, случившуюся недавно у африканских берегов далеко от берега (8 человек держались 45 дней на части корабля разбитого, подробности ужасные, и их спас французский бриг, об этом писали в газетах недавно). Теперь я очень занят этим сюжетом и надеюсь Вам показать ее в сентябре в Петербурге».

В Петербурге умирает Президент Академии художеств Алексей Николаевич Оленин, продержавшийся на этом посту с 1817 года, то есть с того самого года, когда в семье купца Константина Айвазяна родился Ованес. Айвазовский живет на этом свете уже 26 лет и столько же трудился в Академии Алексей Николаевич.

Айвазовский тяжело воспринимает такие сообщения, тем более что застают они его на чужбине — так что даже попрощаться толком не получается. Приблизительно в то же время из Феодосии приходит известие о смерти его отца. Горько, тяжело. Но художник давным-давно привык в горе и радости, в болезни и здравии… он работает, находя только в этом смысл и оправдание собственной жизни. Да, и отец и Оленин умерли своей смертью, так желал Господь. Что тут поделаешь? Главное, не предаваться отчаянью, не давать себе поблажки, не искать легких путей, роняя пьяные слезы над грязной кружкой в харчевне. Нельзя уподобляться слабым людям, сколько их встречал на своем веку Иван Айвазовский, тем, для кого жизнь — не вызов, а изнуряющая каторга, тем, кто забывается не искусством, а водкой, плача навзрыд о своей безвинно загубленной жизни.

Сейчас нужно спрятать все свои чувства куда подальше и

продолжать штурмовать свой личный Олимп, еще два года Академия будет оплачивать нахождение своего пенсионера за границей, пересылая деньги его семье, а дальше… а вот как раз это самое дальше он создает в настоящем. И кому какое дело, плачет художник по умершему и похороненному без него родителю или счастлив и весел? Он должен делать то, что должен, вернуться домой со щитом, построить дом, в котором будет жить его заслужившая покоя на старости лет мать и, может быть, даже… Поэтому надо не просто работать, не просто махать кистью, а все свое свободное время тратить на организацию выставок и общение с будущими заказчиками или купцами, закупающими картины для перепродажи. Надо бывать на виду, и желательно, чтобы о тебе время от времени писали в газетах.

Иначе, когда подойдет к концу срок командировки, вместе с ним закончится и вольготная жизнь, уступая место суровой реальности.

На место Президента Академии приходит блистательный Максимилиан Евгений Иосиф Август Наполеон герцог Аейхтенбергский, князь Венецианский,[157] муж великой княжны Марии Николаевны.[158] Дом герцогов Лейхтенбергских происходил от пасынка Наполеона Евгения Богарне[159]. Герцог был красив, умен и образован, увлекался гальванопластикой, гальваническим золочением и серебрением, минералогией и вообще горным делом. Он ставил опыты, развивая идеи о гравировании с гальванопластических досок. Сразу же после женитьбы он устроил себе отдельную небольшую лабораторию в Зимнем Дворце, а затем перенес ее в помещение Главного Штаба Гвардии.

Максимилиан получил от императора титул Императорского Высочества, чин генерал-майора русской службы и вскоре занял место шефа гусарского полка. О необходимости писать в письмах на имя нового Президента «Его Императорскому Высочеству» находящимся за границей пенсионерам указывалось особо.

Впрочем, быстро выяснилось, что Максимилиан Лейхтенбергский хоть и был настоящим вертопрахом и волокитой, но нрав имел не вредный, да и его близость ко Двору давала некоторую надежду на то, что он сумеет донести до государя нужды и чаяния Академии. Последнее радовало.

Из Парижа Айвазовский направляется в Бельгию и Голландию. Бельгийская школа произвела сильное впечатление на Ивана Константиновича не только своими картинами, но и дружеским отношением художников друг к другу: «Здесь еще надобно дать справедливость, что все артисты живут между собой как следует: ни мелкой зависти, ни сплетни, напротив, один

другого достоинство старается выставить перед иностранцем», — пишет он В. И. Штернбергу 10 июня 1844 года из Антверпена. Вообще Айвазовский не любит или не считает нужным жаловаться ни на судьбу, ни на окружающих его людей. Он всем доволен, ко всем внимателен. Но само упоминание о зависти и сплетнях наводят опытного читателя на мысль о том, что Иван Константинович чаще, чем этого хотел, вращался в обществе людей злых, желающих порочить честног художника, распуская про него небылицы. В письме к Штернбергу Айвазовский определяет свое творческое кредо как жертвенность во имя искусства. Редкий случай, когда мастер высказывается столь прямо: «Я знаю, что большая жертва — Италию заменить на Бельгию, но художество должно быть везде первое утешение и всем [надо] жертвовать для этого».

Теперь понятно, отчего нет заслуживающих доверия упоминаний о связях Айвазовского с женщинами, он жертвует своей жизнью во имя творчества, подобно тому, как его старший брат пожертвовал своей ради науки и служения богу.

Из Бельгии Айвазовский держит путь в Голландию, затем в Гамбург и, наконец, в Петербург. Не оставляют в покое мысли об овдовевшей матери. Кто теперь поможет ей? Старший брат — да, он остался в Феодосии, но, судя по всему, характер этого человека не допускает мысли о нем, как о нежном утешителе. Сестры — одна из них вышла замуж за господина Мазирова, их сын и племянник Айвазовского Левон,[160] когда подрастет, станет помогать дядюшке, организуя его выставки и даже представляя великого мариниста за границей. У замужней женщины свои обязанности, если и забежит к матери, то на какую-нибудь минуточку. Что со второй сестрой, мы точно не знаем. Саргис в монастыре. Получается, что единственный, кто может и должен быть рядом с матерью, это он — младший и любимый сын, художник Айвазовский.

В Гамбурге Иван Константинович останавливается в недорогой, но опрятной гостинице, на улице, дома которой плотно прижимаются друг к дружке. Желая почувствовать себя жителем города, он ездит на штульвагене (так называют общественный экипаж) или берет извозчика и едет куда-нибудь за город, туда, где заканчивается мостовая и начинается более приятная мягкая дорога. Художник любуется на поля, владельцы которых отмечают границы территорий полосой кустарника. Мимо экипажа проплывают многочисленные фермы, деревни, крестьянки в этих землях не показываются на улицу не подпоясанные фартуком, все в изящных соломенных шляпках, грациозные пейзанки. Никто не таскает в руках ведра с водой, не

носит кувшинов на плечах, как это часто наблюдал Иван Константинович на своей родине. Нужно доставить в дом воду — берут коромысло. Живописные пейзажи с мельницами, рядом с которыми неизменно стоят телеги, заваленные мешками с зерном, повсюду много птицы и скотины. На лицах благостное выражение довольства.

Чтобы понять искусство страны — необходимо в этой стране хотя бы побывать. Айвазовский свято придерживался этого правила.

На самом деле он вернется в Россию на два года раньше намеченного срока, вдруг прервав свой блистательный вояж вслед за шумом волн, чтобы вернуться в родную Феодосию и сделать то, что должен. Вот что пишет сам Иван Константинович в своей автобиографии: «В начале 1844 г. я вторично отправился в Париж, но поездка эта была невольной причиной ускорения возврата моего на родину. В одной из газет, вскоре по моем приезде, была напечатана статья, в которой какой-то непрошеный доброжелатель заметил, что меня привлекли в столицу Франции радушие, ласки и внимательность парижан и что я, по-видимому, намерен возвратиться в Париж на все время пребывания моего в чужих краях. Это… побудило меня сократить время пребывания моего за границей на два года».

Говоря проще, произошло следующее: парижские газетчики распространили слух о том, что Айвазовский решил окончательно переехать в Париж, что разрывало бы его отношения с Родиной. Скользкая фраза «на все время пребывания моего в чужих краях» — может означать как срок командировки, так и время нахождения за границей вообще.

Поняв, что эти слухи, скорее всего, дойдут до Петербурга, художник немедленно вернулся в Россию, чем опроверг их.

Спустя много лет о своей заграничной поездке Айвазовский говорил дословно следующее: «К массе впечатлений, сохранившихся в моей памяти за четырехлетний период пребывания моего за границею, примешивалось, конечно, отрадное сознание в том, что не бесплодно прошли для меня эти счастливейшие годы молодости, что я, по мере сил моих и способностей, оправдал… те ожидания, которые на меня возлагали соотечественники. Рим, Неаполь, Венеция, Париж, Лондон, Амстердам удостоили меня самыми лестными поощрениями, и внутренне я не мог не гордиться моими успехами в чужих краях, предвкушая сочувственный прием и на родине».[161]

Покинув Париж, Иван Айвазовский отправился в Россию, однако не забыв по дороге заглянуть на родину первых

маринистов в Амстердам, где также выставлял свои картины и вновь добился благожелательного отклика в прессе. Снова проявились его необыкновенная трудоспособность и деловой характер, казалось бы — горячая армянская кровь должна была бы заставить его загнать коней, ан нет. Служение художеству — превыше всего. И вместо того, чтобы ехать домой, лично опровергать слухи, он продолжает работать, прославляя отечество.

Глава 16

«На картине нет ничего кроме воды и неба, но вода это океан беспредельный, не бурный, но колыхающийся, суровый, бесконечный, а небо, если возможно, еще бесконечнее. Это одна из самых грандиозных картин, какие я только знаю».

И. Н. Крамской о картине «Черное море»

И вот Айвазовский в Петербурге — уже не подающий надежды юнец, а состоявшийся художник, двадцатисемилетний мужчина с деньгами и положением в обществе.

Друзья встречают Айвазовского веселыми пирушками, он радуется вместе со всеми, наносит визиты учителям, покровителям, друзьям. Обед в честь вернувшегося из дальних странствий друга устраивает в своей мастерской К. П. Брюллов и позже братья Кукольники.

Понимая, что сам Айвазовский не станет просить за себя перед Академией, Брюллов выступает перед академическим начальством с предложением немедленно отметить заслуги Ивана Константиновича, наградив его подобающим образом. В противном случае заграничная пресса заклеймит неблагодарную родину великого Айвазовского несмываемым позором. Шутка ли сказать, Рим, Париж, Лондон, Амстердам удостоили художника высочайших наград и почестей, а Россия?

1 июля 1844 года Иван Айвазовский был высочайше пожалован кавалером ордена святой Анны 3-й степени. Но это еще не все: «по особому всемилостивейшему вниманию к его ходатайству, не в пример другим, высочайше повелено отдать ему (И. К. Айвазовскому. — Прим. автора) на 99 лет в безоброчное содержание 1500 десятин земли из казенного оброчного участка, называемого Ойгуйским в Таврической [губернии]».

4 сентября 1844 года в Совет Академии художеств поступило представление профессора А. И. Зауервейда о присвоении И. К. Айвазовскому звания профессора: «Приобревши себе имя в Италии и в Париже, славу первого художника в Голландии и Англии, объехавши Средиземное море до Мальты, занимавшись в Гибралтаре, Кадиксе и в Гренаде, заслужив похвалу и награды,

как ни один из пенсионеров не имел счастия когда-либо себе приобресть, я себе в обязанность поставлю предложить, во уважение упомянутых достоинств, вознаградить его званием академика», — пишет он.

13 сентября 1844 года Совет Академии художеств единогласно присвоил Айвазовскому звание академика.[162] Но и это еще не все! Отметить заслуги художника перед родиной решило и Морское министерство, причислив художника к Главному Морскому штабу в звании первого живописца и с правом носить мундир Морского министерства «с тем, чтобы звание сие считать почетным…»

Тем не менее — мундир это, конечно, приятно и дамам нравится, но дело здесь в другом: на самом деле причисление Айвазовского к Главному Морскому штабу и звание первого живописца давало следующие привилегии: благодаря новоприобретенному званию Айвазовский делался как бы ближе к морскому флоту и мог требовать помощи в своей работе со стороны Адмиралтейства. Так сам Иван Константинович объяснял пользу своего нового положения: «Когда я писал виды морских сражений, мне давались всевозможные пособия от Адмиралтейства: чертежи кораблей, оснастки судов, вооружение и т. д. Для доставления мне возможности видеть полет ядра рикошетом по водной поверхности, при мне в Кронштадте произведено несколько пушечных выстрелов боевыми зарядами. Для ближайшего ознакомления с движениями военных кораблей во время морских сражений я присутствовал на морских маневрах в Финском заливе».

Позже, 7 января 1845 года в своем сообщении о продлении срока пребывания Айвазовского в Крыму для зарисовок черноморских портов президент Академии пишет Айвазовскому, что: «Начальником главного морского штаба по сношению моему предписано г. г. командирам Черноморских портов, в чем будет нужно, оказывать Вам зависящее содействие при снятии видов». То есть Айвазовского свободно пропускают во все порты и на все корабли, на которые он только укажет. Если нужно, могут помочь и разместиться и предоставят возможность добраться до какого-то малодоступного места.

Он не получал денежного содержания от Морского министерства, так как труды художника вознаграждаются особо — его картины приобретались либо государем или непосредственно Морским министерством, либо он распоряжался ими по своему усмотрению.

Вообще-то удивительно, что ничего подобного не было сделано раньше, во время работы И. К. Айвазовского на военных

кораблях, где, мягко говоря, людям в штатском было не место.

Впрочем, это назначение было не просто еще одной почестью, которой удостоился художник, тут же ему было поручено написать виды портов и приморских городов: Кронштадта, Петербурга, Петергофа, Ревеля, Свеаборга, Гангута. То есть его опять посылали трудиться, не дав даже как следует перевести дух. Но и в этом был особый знак — если посылают именно его, следовательно, считают самым достойным, не могут отыскать другого равного Айвазовскому. И еще одно, Зауервельд как обычно поторопился, и вместо того, чтобы представить своего талантливого ученика к звании академика, перепрыгнул через ступеньку, прося для того сразу же профессора. Поэтому новая командировка являлась и вполне понятным намеком — хочешь дальнейших успехов и наград, выполни то, что тебе поручено, «… его императорское величество наградил его (Айвазовского) орденом Святой Анны 3-й степени и сделал заказ важных работ [просить] его императорское высочество представить к производству ему содержания, которое дает ему возможность произвести труд важный и сложный, достойный звания профессора, и потому полагает возвести его ныне в звание академика».[163]

Одновременно молодого художника начинают заваливать все новыми и новыми заказами: в большом почете морская живопись, считается хорошим тоном украшать стены маринами самого прославленного живописца моря. Картинами Айвазовского, сделанными на заказ, уже украсили свои дома и частные коллекции в России граф Виельгорский, граф Строганов, князь Гагарин,[164] министр юстиции граф Панин[165] и многие, многие другие вельможи. При дворе говорили, что благодарный за картину министр юстиции послал художнику дорогую чайную чашку севрского фарфора и несколько кустов цветущих розанов. Услышав об этом, государь наведался как-то в дом Панина и также был очарован сказкой Амальфи, сетуя на то, что министр опередил его и купил «Лунную ночь в Амальфи», которой впору висеть в Эрмитаже. «Они прелестны! Если бы можно было, то, право, я отнял бы их у Панина», — передавали придворные друг другу слова своего императора.

Айвазовский отправляется в новое плавание, как обычно делает массу эскизов, которые позже дорабатывает в своей новой мастерской. Несколько месяцев — и с заказом Морского министерства покончено. Иван Константинович же отдыхает, ведя светскую жизнь, жуируя по салонам и гостиным. В одном из модных литературных салонов он чувствует себя особенно легко и приятно. Это дом княгини Ольги Степановны Одоевской,[166] с

супругом которой князем Владимиром Федоровичем он дружен. Там он знакомится с Виссарионом Григорьевичем Белинским. Белинского почитали в кружке Брюллова, его статьями зачитывался Гоголь в Риме, его критиковал, но все равно много читал и часто цитировал Нестор Кукольник. К сожалению, Белинский не был расположен хвалить творчество Айвазовского, как раз наоборот, за дивной сказкой итальянских марин лучшего художника моря Белинский усматривает скрытую опасность. Ведь что такое пейзажная живопись — это живопись вне политики, вне философии, вне мысли. Смотрящий на очаровательную картину лунной ночи человек как бы погружается в дивный сон, забывая о тяготах народа. А ведь в той же Италии Айвазовский мог увидеть и изобразить людей, борющихся за свою свободу и независимость. Его картины могли бы пробуждать дух, будить мысль, а они погружают в сон. Слова Белинского подействовали на впечатлительного Айвазовского, он стал искать встреч с Виссарионом Григорьевичем, старался послушать, когда тот рассказывал о предназначении литератора или о народной борьбе.

«…Я точно теперь перед собою вижу его лицо, на которое тяжелая жизненная борьба и веяние смерти наложили свой отпечаток. Когда Белинский сжал мне в последний раз крепко руку, то мне показалось, что за спиной его стоит уже та страшная гостья, которая почти полвека назад отняла его у нас, но душой оставила жить среди нас», — пишет Айвазовский 29 июня 1889 года в письме Н.Н. Кузьмину о своих встречах с В. Г. Белинским. «…Помню, в тот грустный час он после горячей, полной энтузиазма речи, должно быть утомленный длинной беседой со мной, энергичным жестом руки откинул волосы назад и закашлялся. Две крупные капли пота упали со лба на его горящие болезненным румянцем щеки. Он схватился за грудь, и мне показалось, что он задыхается, и, когда он взглянул на меня, то его добрые и глубокие глаза точно устремлены были в бесконечность…»

Тем не менее с Белинским он решался говорить только наедине, ни разу не пытаясь встрять в разговор Виссариона Григорьевича с другими людьми, робея перед великим Белинским, как школьник перед строгим учителей. Впрочем, слова Виссариона Григорьевича, его пламенные речи и критика живописи декоративной подействовали на Айвазовского, который написал после одного из вечеров в обществе Белинского картину «Буря»!

В апреле 1845 года Айвазовский включен в экспедицию адмирала Федора Петровича Литке[167] в Константинополь, куда

он едет по личному приглашению ученика Литке Его императорского высочества великого князя Константина Николаевича.[168] После миссии в Турции они на некоторое время заезжают в Крым. Государю потребовались виды Севастополя, Феодосии, Керчи и Одессы.

Это плавание приносит много новых радостей Ивану Константиновичу, которого живущие в Турции армяне снова называют Ованес Айвазян, или «Айваз-эфенди», как подписал он один из своих рисунков той поры. Путешествие проходило на парусных кораблях, впервые он увидел Константинополь, Хиос, Патмос, Самос, Митилини, Родос, Смирну, Синоп. Посещает развалины древней Трои и многие другие острова Архипелага, любуется пейзажами Леванта и берегами Анатолии.

Вот что пишет об этой поездке он сам: «Вояж мой с его императорским высочеством Константином Николаевичем был чрезвычайно приятный и интересный, везде я успел набросать этюды для картин, особенно в Константинополе, от которого я в восхищении. Вероятно, нет ничего в мире величественнее этого города, там забывается и Неаполь и Венеция.

Возвратившись оттуда на родину свою, я имел счастье по воле его импе[раторского] величества отправиться из Николаева в Севастополь на одном пароходе с его величеством, который все время чрезвычайно был ко мне милостив и много картин заказал во время смотра морского в Севастополе».[169]

Константинополь турки называют Истамбул, название легко произносится и давно уже вошло в обиход среди посольских. Впрочем, не одни только названия перенимают живущие много лет в Турции иностранцы. В русском посольстве — турецкие ковры и мебель, турецкий табак и, естественно, отличнейший крепкий сладкий и горький одновременно кофе. Посольства расположены недалеко от Стамбула в местечке Буюкдере в бывшем дворце, впрочем, посольский дом продолжает быть дворцом роскошным и по-восточному изящным. При посольстве разбит огромный сад, в первый раз ничего не стоит заблудиться среди столетних деревьев-богатырей, образующих тенистые аллеи. С широких террас можно рисовать парк или залив Босфор. Айвазовского ведут именно туда. А впереди еще экскурсии по Стамбулу и прогулки вдоль береговой линии, с обязательным заходом в живописные места и поместья друзей. Что еще прекрасного забыли? Да вот далеко не отходя от русского посольства — посольство Австрии. При чем здесь австрийское посольство? — Но так ведь у них тоже отменный парк, причем с живописными развалинами древнего храма, и еще: туда буквально вчера на специальном корабле доставили отличнейшее

темное портерное пиво! В Петербурге, между прочим, такое можно достать только в английском клубе, да и то по двадцать копеек серебром за бутылку. Господин Айвазовский не откажется от такого удовольствия? Что? Не любит пиво? Какая жалость! Но тогда прогулка к храму при луне, а потом… Художника возят, показывая ему все новые и новые места. Кто-то спешно договаривается о написании картины, кто-то интересуется, не привез ли Айвазовский что-нибудь на продажу. Интерес огромен. С Турцией нужно, просто необходимо дружить, ведь тут мало того, что природа словно сама просится на холст, но и спрос-то каков!

Вид Феодосии в начале 1840-х гг. Литография с акварели К. Боссоли. 1856 г.

И. К. Айвазовский. Портрет Рипсимэ Гайвазовской, матери художника. 1849 г.

И. К. Айвазовский.

Портрет Константина Григорьевича Гайвазовского, отца художника. 1859 г.

Вид на Академию художеств. Литография с оригинала Ф. Перро. 1839–1840 гг.

И. К. Айвазовский. Портрет сенатора Александра Ивановича Казначеева, предводителя дворянства Таврической губернии. 1847 г.

И. К. Айвазовский. Портрет бабушки художника Ашхен, 1858 г.

И. К. Айвазовский. Берег моря ночью. У маяка. 1837 г.

Б. К. Виллевальде.

Портрет А. И. Зауервейда. 1840-е гг.

К. П. Брюллов. Автопортрет. 1830-е гг.

Н.Н. Раевский-младший. Гравюра XIX в.

И. К. Айвазовский. Портрет вице-адмирала М. П. Лазарева. 1839 г.

И. К. Айвазовский. Десант Н.Н. Раевского в Субаши. 1839 г.

И. К. Айвазовский. Художник А.В. Тыранов. 1841 г.

И. К. Айвазовский. Вид на венецианскую лагуну. 1841 г.

И. К. Айвазовский. Сорренто. Морской вид. 1842 г.

В. И. Штернберг. Айвазовский в итальянском костюме. 1842 г.

А.А. Иванов. Портрет Н. В. Гоголя. 1841 г.

А.А. Иванов. Литография П. Бореля с фотографии 1846 г.

А.А. Иванов. Мастерская А.А. Иванова в Риме. Конец 1830-х гг.

И. К. Айвазовский. Вид Венеции со стороны Лидо (в гондоле художник и М. Тальони). 1855 г.

Мария Тальони в балете «Баядерка». Литография 1831 г.

И. К. Айвазовский. Хаос (Сотворение мира). 1841 г.

И. К. Айвазовский. Вид Одессы в лунную ночь. 1846 г.

И. К. Айвазовский. Русская эскадра на севастопольском рейде. 1846 г.

И. К. Айвазовский. Девятый вал. 1850 г.

И. К. Айвазовский. Синопский бой 18 октября 1853 года. 1853 г.

И. К. Айвазовский. Всемирный потоп. 1864 г.

И. К. Айвазовский. Вид из Ливадии. 1861 г.

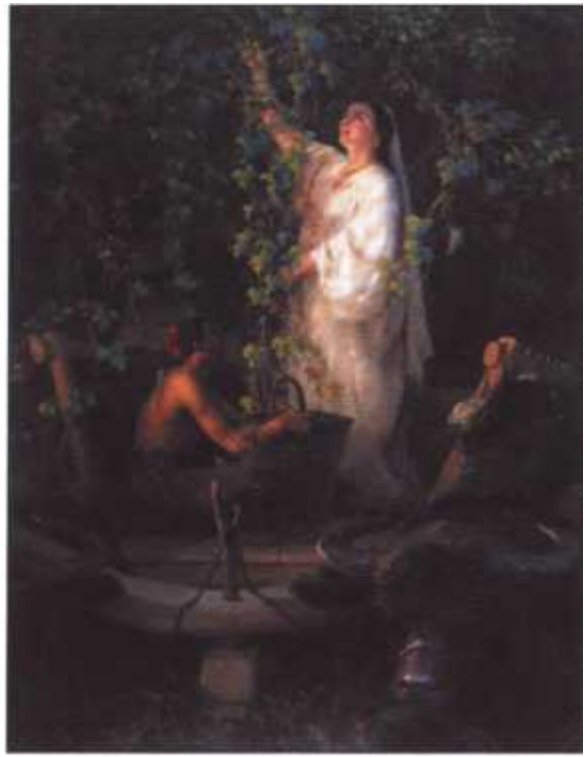
И. К. Айвазовский и Ю. Я. Гревс с дочерьми (слева направо) Александрой, Марией, Еленой, Жанной. Фото 1850-х гг.

И. К. Айвазовский. Вид Тифлиса от Сейд-Абаза. 1868 г.

И. К. Айвазовский. Автопортрет. 1874 г.

И. К. Айвазовский. Портрет жены художника Анны Бурназян.1882 г.

И. К. Айвазовский, И. Е. Репин. Прощание А.С. Пушкина с Черным морем. 1877 г.



И. К. Айвазовский. Сбор фруктов в Крыму. 1882 г.

И. К. Айвазовский. Католикос Хримян Айрик в окрестностях Эчмиадзина. 1895 г.

И. К. Айвазовский рядом со своей картиной. Фото 1898 г

И. К. Айвазовский. Турки армян живыми бросают в Мраморное море. 1897 г.

Встреча И. К. Айвазовского 18 апреля 1900 г. в имении Шейх Мамай с представителями русской интеллигенции

И. К. Айвазовский. Автопортрет в кругу друзей. 1893 г.

Памятник И. К. Айвазовскому в Партените (Крым)

Иван Константинович очень доволен поездкой и приобретенными контактами. В его альбомах и блокнотах рисунки и наброски будущих картин, списки заказов. Теперь домой — и работать. Быть может, как никогда раньше. Потому что работы невероятно много. Придется просить помощи. Племянник Левон разработает способ скорой и надежной доставки картин в Турцию. Хорошо, если через русское посольство, таким образом, работа сразу же приобретет официальный статус. Следовательно, придется отблагодарить. Но да за этим дела не станет. Теперь только не растерять, не растранжирить добытого, а распорядиться с толком и немалой выгодой. Будут новые выставки, которые дадут возможность построить новые гимназии, госпитали, концертные залы или просто помочь сиротам и вдовам. Господь велел делиться.

Потому что, когда твои дела идут в гору, самое время открыть ворота и накрыть столы, время пройтись по соседям с единственной целью выяснить, не требуется ли помощи или иного вмешательства.

После Турции Айвазовский пишет заказанные ему виды Крыма. Переезжая с одного знакомого места на другое, в одной из гостиниц его настигает почтальон с пытавшимся нагнать его уже несколько месяцев конвертом из Италии: «Василий Штернберг скоропостижно скончался». Вася Штернберг — друг юности… веселый попутчик. Сколько вместе они посетили городов, сколько работали плечом к плечу? Двадцать семь лет, что за возраст для мужчины? Ничто. Хочется спрятаться, скрыться от всех и плакать, но вместо этого Айвазовский идет на берег моря, следя за спокойными волнами. Море шепчет ему слова утешения на понятном им обоим языке: «Останься здесь. Пиши, дыши, вдыхай цветочные ароматы и, главное, слушай, слушай сказки седого моря. К чему тебе суетный мир — когда весь мир теперь разливается у твоих ног. Здесь ты бог — морской бог. Так прими свою корону, свое помазание и омовение. Не ищи больше счастья. Оно перед тобой». Айвазовский приходит к выводу, что уже не хочет покидать эту землю. Да, его место здесь. В родной Феодосии на самом берегу моря должен стоять его собственный дом. Такой, о каком он давно мечтал и уже создал в своем воображении. Дом, в котором все будет изначально сделано так, чтобы было удобно жить и работать. Он уже неоднократно рисовал этот дом, долгими путешествиями в дилижансах и на пароходах придумывал задания для строителей. Он уже знал его

до последней досочки и гвоздя. Теперь пришло время воплотить в жизнь и эту мечту.

Итак, в 1845 году Айвазовский вернулся в Феодосию, где на берегу моря купил землю и начал строительство нового просторного дома со светлой мастерской. Проект он разработал и нарисовал заранее, сообразуясь с собственными вкусами, модой и соображениями удобства.

«Всю осень я провел почти на южном берегу Крыма, где я совершенно наслаждался природой, видя одно из лучших мест в Европе. Да вдобавок еще у себя в отечестве, наслаждаясь настоящим, можешь будущность свою также мечтать тут же. И потому я купил маленький фруктовый сад на южном берегу. Удивительное место. Зимой почти все зелено, ибо много кипарису и лавровых деревьев, а месячные розы цветут беспрестанно зимой. Я в восхищении от этой покупки, хотя доходу ни копейки, но зато никакие виллы в Италии не заставят меня завидовать», — пишет он графу Зубову.

Петербург не верил в решение известного художника, обласканного Двором и прессой, добровольно оставить общество. Как проживет он без друзей, театров, балов? Кто будет давать ему заказы? Поэтому все понимали, что Айвазовский не может надолго исчезнуть, похоронив себя в какой-то глуши. Ну, купил землю, выстроил дом, подумаешь, невидаль. Должен же он куда-то вкладывать заработанные деньги. Впрочем, какой смысл что-либо объяснять, достаточно мечтательно воздеть очи к небу и произнести что-то типа: «мне снова нужно видеть море… только оно способно вдохновлять меня для написания картин», и все вопросы тут же сняты. Поедет — попишет, соскучится — вернется. Впрочем, уезжая, он пообещал вернуться не один, а находить талантливых молодых людей в Крыму и бесплатно обучать их живописи. Странная идея, но, с другой стороны, почему бы и нет? Айвазовский академик Академии художеств, его прямой долг передавать свой опыт, взращивая молодые таланты.

Меж тем из Феодосии в Петербург прилетали слухи, что Айвазовский будто бы уже открыл собственную картинную галерею,[170] прямо в новом доме, куда может зайти каждый желающий посмотреть картины и побеседовать с самим художником. Очень даже неплохо, особенно для тех, кто раздумывает, а не посетить ли Крым? А если и посетить, то что там делать, чтобы не умереть со скуки в краю рыбаков и близком соседстве диких горцев? Теперь появляется лишний повод завернуть в Феодосию, Айвазовский по-прежнему в моде и фаворе, а, следовательно, о встрече на берегу его любимого Черного моря можно будет затем рассказывать во всех светских

салонах. Опять же — дом художника открыт для гостей, стало быть, туда время от времени будут заезжать торгующие живописью купцы, и даже реши Иван Константинович просидеть в Феодосии до конца своих дней, его работы все равно будут доступны покупателю. Ничего не потеряно, если не считать, что душка-художник, красавчик холостяк снова вырвался из объятий обожающего его Петербурга неженатым. Обидно, двадцать восемь лет, приятная внешность, академик, кавалер Анны третьей степени, деньги, слава, всеобщее обожание — и все еще не попался в сети Гименея.

Айвазовский же, по всей видимости, и не думает искать себе подругу жизни. Брюллов сказал: «Я женат на искусстве», но при этом Карл Павлович всегда был любвиобилен, Айвазовский же живет как монах. Одна надежда на этот самый дом в Феодосии: когда мужчина начинает строить свой собственный дом — это что-то да значит. Не все еще потеряно, не все пропало. Пусть не в Петербурге, так в Одессе он найдет себе супругу во всех отношениях достойную его.

Жаль только, что сам Айвазовский словно и не думает о женитьбе. Свободно вращаясь в петербургских салонах, он не может не замечать желания великосветских кумушек окрутить его. Но до сих пор ему нравилось выскакивать из их сетей, не поддаваясь ни на уговоры, ни на провокации. Он не против познакомиться с дочерью знакомых, возможно, даже сыграть с ней дуэтом — он на своей скрипке, она на каком-то ином инструменте. Может поправить рисунок или отвечать на вопросы о городах, которые посетил, о туалетах дам, у него прекрасная зрительная память. Но при этом Айвазовский ни разу не давал повода надеяться, его темные глаза южанина, вспыхивающие всякий раз, когда он говорил о живописи или описывал бурю на море, эти большие выразительные глаза оставались подозрительно холодными во время задушевного общения с самыми прославленными красавицами его времени.

Построив дом и поселившись в Феодосии, Айвазовский даже не пытается приглядеться к своим очаровательным соседкам. Кого же он ждет? Уж не гордую ли и своевольную Айше — повелительницу крепости, о которой не раз рассказывал сыновьям старый Константин Гайвазовский?

На Бурунчуке из камней была сложена крепость Кыз-Кюлле, хозяйкой которой была девица по имени Айше. Гордой и жестокой была красавица Айше, никого в целом свете не жалела, не жаловала. Страдали от Айше ее верные слуги, страдали соседи, кому понравиться жить бок о бок с бешеной фурией которой человека убить, что муху прихлопнуть?

Красива была Айше, ослепительно красивой, с черными косами и черными как кипящая смола глазами. Заглядится юноша на красавицу из крепости, да так и сгорит в огне ее испепеляющего взгляда. А как не смотреть, когда хороша?..

Любила Айше скакать на своем бешеном коне, стрелять да драться. Тело ее не знало усталости, а сердце пощады. Видевшие Айше соседки клялись, что нет в ней ничего женственного, а откуда взяться, когда воспитывал хозяйку крепости и обучал тому, что знал сам, старый воин, на попечении которого с малолетства находилась Айше. Да только не правы были кумушки, пусть Айше и носила мужскую одежду и знала любое оружие, и не страшась смотрела на кровь, но внутри она оставалась девушкой, ждущей, когда ее души коснется любовь, и зацветет она небывалым цветом, чтобы изменить все вокруг, чтобы изменить Айше.

И Айше больше всего на свете страшилась любви, запиралась от любви в одинокой своей башне, старалась быть еще грубее и злее, чтобы ни один юноша или мужчина не растопил ее ледяное сердце этой самой любовью.

Долго ли, коротко ли пряталась Айше от любви, а вдруг надоело ей скрываться точно трусихе. Велела она подать себе самое роскошное женское платье, самые изысканные украшения, а как пользоваться всем этим? — Не знает… Пригласила служанок, те одели госпожу. А Айше и как ходить в длинных платьях не знает, изящная обувь ей ноги жмет, украшения давят. В общем, не получилось у нее ничегошеньки. В который раз разобиделась Айше на белый свет, хотела уже велеть сбросить служанок в пропасть, но тут одна из девушек бухнулась на колени перед госпожой и поведала, что внизу в долине есть чудотворный источник, вода в котором может самого крепкого и гневливого человека сделать мягким. Спустись в долину, искупайся в источнике — и твое желание немедленно сбудется.

Обрадовалась Айше, что все так просто, и пошла к волшебному источнику. Ибо любопытно ей было, как это жить женщиной совсем без брони, без оружия, интересно же.

А надо сказать, что напротив источника возвышалась крепость Тепе-Кермен, хозяином которой был юный князь. Как же прекрасен был Тепе-Керменский князь, глаза его — голубые, как два горных озера, волосы белые, как снег в горах, стан изящный и прямой. Ступал он тихо, точно кошка, незаметно подкрадывался к своей жертве и убивал ее. Глаза его — голубые и прекрасные — умели быть острее стали, взглянет злобно хозяин нижней крепости, голову с плеч срежет. Вот она уже катится по лесной дорожке, а прекрасному юноше и дела нет. Перешагнул через

труп и пошел, насвистывая, дальше.

Увидел князь прекрасную Айше у источника и тут же полюбил ее. Быстрым шагом приблизился к ней и хотел уже познакомиться, как вдруг Айше зашипела на него дикой кошкой:

— Уходи, не мешай купаться! — Может, и следовало Айше более вежливой быть, но только она же собиралась раздеться перед омовением, а тут пришел незваный гость и все дело испортить готов.

— С чего это мне уходить со своей земли? — удивился юноша, оглядывая ладную фигурку незнакомки.

— Уходи, мой источник. — Айше выхватила кинжал.

— Не твой, а мой, — возмутился князь. — Сколько хочу, столько и пробуду тут. Не нравится, сама проваливай!

— Да кто ты такой, чтобы мне приказывать? Мне, Айше из Кыз-Кюлле? — взъярилась Айше.

— Я тебе пока не приказывал, а просто просил. Потому что ты знаешь, что я прав. А если не знаешь, сообрази, где Кыз-Кюлле, а где источник?

— Еще вякнешь, и я спалю тебя своими глазами! — выкрикнула Айше и уставилась князю в глаза.

Ничего не произошло с хозяином Тепе-Кермен, кроме одного — запал огненный взгляд воительницы Айше ему в сердце, и юноша в первый раз полюбил.

— Послушай, Айше, я никогда прежде не видел тебя, но теперь полюбил и предлагаю стать моей женой. Давай не будем ссориться из-за воды, а пойдем прямо сейчас в мою крепость, где слуги приготовят все для свадебного пира. Пойдем со мной, и пред Богом и людьми я возьму тебя в законные жены.

— Ты возьмешь?! — заорала Айше. И топнув ногой, убежала вверх по тропинке. — Лучше сам приходи в мою крепость поклониться мне, и тогда я, может быть, возьму тебя себе в мужья!

Вот незадача, не к лицу князю идти в чужую крепость, решил юноша. Пусть любовь изъест мое сердце, но я поступлю как мужчина, слово которого тверже скалы. Сказал, придешь, женюсь. Так и поступлю. И он принялся ждать своевольную Айше.

Айше первой не выдержала разлуки и послала своих слуг напомнить князю Тепе-Кермен о ее предложении, он же в ответ еще раз прислал ей свое.

В гневе стала Айше швырять камни в овраг и забросала его полностью, исчез овраг под камнями, да не исчезла злоба Айше.

А тут видит, идут по камням мальчик и девочка, мальчик беленький, а девочка смуглая, точь-в-точь как Айше и молодой князь, только маленькие. Идут и меж собой говорят:

— Какой великан забросал камнями овраг, там внизу были такие прекрасные цветы, — чуть не плачет девочка.

— И мыши, и барсуки, и лисы, — отвечает ей мальчик.

— Где же теперь мы будем играть? — спрашивает девочка.

— А пойдем в нашу крепость?

— Пойдем.

И взявшись рука об руку, они бегут к Тепе-Кермен.

«Неужели и я вот так пойду в крепость к этому строптивцу?» — спрашивала себя Айше, заранее зная, что если не пойдет, умрет здесь в полном одиночестве.

И пошла. Не сразу, промучившись несколько месяцев, проплакав и исхудав, шла Айше к Тепе-Кермен, прикрывая лицо от стыда руками, то и дело останавливаясь и оглядываясь на родимый дом. Шла она к тому, которого любила и из-за которого тяжко страдала.

А за ней со стены своей крепости наблюдал юный князь. Давно уже он заметил, как одинокая фигурка покинула Кыз-Кюлле и шла пошатываясь к его крепости. Обрадовался князь, вышел встречать присмиревшую Айше.

— Пришла? — сказал он.

— Пришла, — обреченно выдохнула Айше.

— Любишь? — спросил князь.

— Люблю, — эхом ответила ему Айше. И ударила своего любимого кинжалом в самое сердце. — Люблю, — произнесла она в последний раз, целуя еще теплые губы своего избранника.

Вот такую историю рассказывал отец. И Ованес искал среди темноволосых соседок гордый профиль той самой единственной Айше, чтобы тоже посмотреть в ее черные как смоль глаза и наконец полюбить. Гордую, прекрасную Айше искал впечатлительный художник, не осознавая до конца, какую беду может принести взгляд ее прекрасных глаз. Какую муку для сердца принести.

Живя в Феодосии, Иван Константинович часто заходит в гости и к вельможам, и простым феодосийцам, даря роскошные подарки на свадьбы и крестины. Но при этом даже не пытается подольше поговорить с юными красотками, которые обожают его.

Как же, наконец, женить строптивого холостяка? Остается попытаться сойтись с его недавно овдовевшей матерью. Все знают, что Иван Константинович всегда вел себя почтительно по отношению к родительнице и не откажет ей в просьбе остепениться и завести семью. Это ведь нормально, когда престарелая мать просит сына подарить ей долгожданных внуков. Сказано — сделано, соседки устраивают паломничество к старому дому Гайвазовских, предлог для визита может быть любым —

главное, чтобы Рипсиме познакомилась с девушкой и, проникшись ее неоспоримыми достоинствами, позже убедила бы своего знаменитого сына жениться на избраннице.

Гостьи носят подарки, стараются просунуться среди толпы приходящих к Рипсиме Гайвазовской со своими бедами и несчастьями феодосийцев, придумывают несуществующие проблемы. Лишь бы обратить на себя внимание. А Рипсиме действительно то и дело просит сына за того или иного бедняка. Она ведь объективно лучше его знает жизнь в их родной Феодосии, поэтому просит сына помочь соседям. Этим написать прошение или важное письмо, за тех замолвить словечко у нового градоначальника. Раньше люди приходили к Константину Гайвазовскому, теперь обращались с тем же к его сыну. Не читающим газет беднякам что за дело, что молодой Айвазовский сделался большим барином. Для них главное, что он грамотен и что он сын Константина Гайвазовского.

Самое странное, что мягкий от природы Айвазовский относился к таким просьбам с полной серьезностью, стараясь не посрамить память отца.

И Айвазовские (после того как Ованес сделался знаменитостью, вся семья поменяла фамилию) помогают соседям деньгами или вещами, нередко Иван Константинович шел к губернатору, прося его снизойти до просьбы какого-нибудь кожевника или лавочника. Но это еще не все, постепенно Иван Константинович перенял привычку своего приемного отца Казначеева, теперь он тоже гулял по городу, разговаривая с соседями и выясняя, кому и в чем можно помочь.

Но самое поразительное, что Айвазовский умудряется помогать не только тем, кто находится рядом с ним. В Италии у Сомова[171] он оставил вексель на сумму в 600 рублей, которую разрешил в случае нужды передать его другу Василию Штернбергу, который в свою очередь передал деньги более нуждающемуся в ту пору Мокрицкому: «с боязнью приступил к принятию помянутых денег, могу сказать, что ухватился за них, как утопающий хватается за нос другого, и таким образом, спасаясь сам, топит еще и другого[172]».

Только одного не разрешалось ни родственникам, ни друзьям, ни соседям, ни заказчикам Айвазовского — досаждать ему в часы работы. «Для меня жить — значит работать», — любил говаривать он. Впрочем, работы у него действительно было очень много. Кроме задуманных ранее картин, которые он писал по заранее созданным эскизам, художник взялся за картину об основателе русского флота Петре I «Петр I при Красной Горке зажигает костер для подачи сигналов флоту»,[173] — картину,

которую он мыслил послать в Морское министерство.

Впрочем, не в стиле Айвазовского отправляться на почту всего с одним холстом, поэтому, поразмыслив и пересмотрев сделанные ранее рисунки, он создает серию полотен из жизни российского флота.

Глава 17

«Айвазовский свое сделал, он двинул других по новому пути».

В. В. Стасов

Ходят упорные слухи о том, что государь мол осерчал на Айвазовского за то, что тот застрял в Феодосии вместо того, чтобы быть при нем в Петербурге. Айвазовский и сам прекрасно понимает, что формально он приписан к Главному морскому штабу, да и Академия художеств в любой момент может призвать своего академика к преподавательской деятельности, поэтому он очень осторожен в своей переписке. И сколько бы не судачили на его счет любители бунтарских нравов — в Феодосии художник находится с официального разрешения:

> «Прошение И. К. Айвазовского в Главный морской штаб о разрешении ему остаться в Крыму для завершения работы над видами Черноморских портов.
>
> 29 ноября 1845 г.
>
> Светлейший князь, милостивый государь!
>
> Государю императору угодно было всемилостивейше поручить мне составление видов Черноморских портов.
>
> Чтобы удобнее исполнить его высочайшую волю, я бы полагал остаться в Крыму до мая месяца, если на то будет соизволение начальства.
>
> Долгом поставляю довести о сем до сведения Вашей светлости.
>
> С душевным высокопочтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашей светлости покорнейшим слугою.
>
> *Иван Айвазовский».*

Похожее письмо приходит на имя президента Академии художеств. Айвазовский просто обязан защитить себя от нападок. Кто знает, как сложится дальнейшая жизнь, вступать в открытый конфликт с властью он не намерен. Он не свободный художник, а государственный служащий. Впрочем, никто не собирается препятствовать исполнению ясной воли монарха. Ему разрешают задержаться в Крыму до мая 1845 года, с тем, чтобы командиры Черноморских портов оказывали художнику всяческое содействие в работе. Но Айвазовский со свойственной ему легкостью будет

пребывать в Крыму до июля 1846 года. Явное нарушение приказа, но да у нас в России победителей не судят, а из этого путешествия Иван Константинович привезет двенадцать новых картин, которые выставит в Одессе и Феодосии (от того, вероятно, и задержался).

Что касается феодосийской выставки, то о намерении устроить ее своим читателям сообщала газета «Одесский вестник» еще в марте 1846 года. Мало того, феодосийская выставка была примечательна уже потому, что являлась юбилейной. На ней отмечался десятилетний юбилей Айвазовского как художника (ровно 10 лет назад он в первый раз выставился в Петербурге). Все представленные на выставке картины были новыми: «Буря на Керченском рейде», «Феодосия при восходе солнца», «Ночь над приморской частью Одессы», «Константинополь при захождении солнца», «Севастополь перед полуднем во время высочайшего туда приезда», «Захождение солнца над Троей», «Меласс при утреннем солнце», «Сцены общественной жизни в Константинополе. Прогулка турчанок в каюке», «Кофейня», «Бурная ночь на море», «Монастырь Св. Георгия ночью близ Севастополя». 11 картин.

В честь юбилея Айвазовский устроил большой праздник для жителей родного города, на котором в числе почетных гостей находились второй отец Ивана Константиновича А. И. Казначеев, адмирал М. П. Лазарев, командир корабля «Двенадцать апостолов» В. А. Корнилов, Таврический губернатор В. П. Пестель[174] и др.

По сведениям, которые доносит до нас газета «Русская старина», 1878, т. 23, стр. 61: «Из Севастополя, кроме корабля «Двенадцать апостолов», прибыло еще до пяти военных судов.

Музыка гремела на них неумолкаемо, с сумерек реи и снасти были унизаны разноцветными фонарями, и переливчатые их огни по временам бледнели под зажигаемыми по бортам фальшфейерами».

Праздник был поистине грандиозен с танцами на улице, салютом из рыбацких лодок, джигитовкой и обильным угощением. Но не только желание сделать приятное для жителей Крыма, не только надежда как-то отблагодарить Казначеева, которому Айвазовский был обязан, толкнули его на столь затратное дело, как огромный праздник.

С некоторых пор Айвазовский находится в переписке с католикосом всех армян Нерсесом Аштаракеци.[175] Доподлинно неизвестно, где и когда произошло их знакомство. Это могло случиться в 1830–1843 годах, когда Нерсес Аштаракеци был начальником Нахичевано-Бессарабской епархии, в которую

входила и Феодосия, или позже, в 1843–1845 годах, когда он жил в Петербурге. Не суть. Важно другое: в то время Айвазовского беспокоила проблема засилья в Крыму проповедников ордена Иезуитов, которые сеяли вражду между армянами, стремились подчинить их власти папского Рима. «Без всякого сомнения, известно, что удаление католических священников-армян из наших краев принесет нации нашей много пользы». Айвазовский просит католикоса всех армян запретить нахождение на территории Феодосии и Крыма этих «агентов Ватикана», а также ввоз их книг. Написав католикосу, Айвазовский дублирует послание министру Льву Алексеевичу Перовскому. Но и это еще не все, на празднике, устроенном Айвазовским, этот вопрос будет решаться особо, потому как воспользовавшись приглашением, туда прибудут лица, от которых напрямую зависит происходящее в Крыму. «По настоянию образованных людей здешних мест, я согласился устроить двадцать первого мая выставку новых картин своих, исполненных нынешнею зимою, к каковому сроку ожидаю прибытия в Таврическую губернию почтенных лиц, в числе коих будет его высокоблагородие Торос ага Даниелян с семьей».[176]

Новые картины Айвазовского преисполнены будоражащей силы, видно, что родной крымский воздух пошел Ивану Константиновичу на пользу.

Присутствующий на выставке в Санкт-Петербурге композитор А. И. Серов[177] был впечатлен новыми произведениями Айвазовского. В письме к В. В. Стасову[178] он рассказывает о работе Ивана Константиновича: «Айвазовский сам и его знакомые рассказывали мне подробно, как он работает. Воздух он пишет непременно в течение одного утра, как бы велика картина ни была. Этого требует смешение красок. Таким образом, иногда ему приходится не отходить от картины с 6-ти утра до 4-х пополудни. Материальный труд такой донельзя утомителен (не забудь, что иногда он должен чрезвычайно быстро шлепать кистью, даже подскакивая, чтобы придать больше силы), и он в последнее время весь исхудал и побледнел. Впрочем, подумай, с 15 января по 19 мая он сделал эти 5 огромных пейзажей (из которых за одним «Константинополем» работал 21 день, а то и по неделе и менее) и 5 маленьких!» Письмо Серова было опубликовано в журнале «Русская старина» за 1877 г., оно заканчивалось словами: «Вообще я не думаю, чтоб теперь был в Европе художник, который бы превзошел Айвазовского в этом роде живописи…»

Н. В. Кукольник написал биографический очерк об Айвазовском и тот разошелся огромным тиражом. Айвазовскому устраивают выставку в Эрмитаже, а затем сразу же в Академии

художеств. В марте 1847 года «Совет императорской Академии художеств, принимая в уважение, что академик Иван Айвазовский необыкновенными успехами в искусстве и многими истинно превосходными творениями по части живописи морских видов заслуживает возведения его в звание профессора живописи по этому роду художества, единогласно положил: признать его, Айвазовского, профессором живописи морских видов».

Ивану Константиновичу Айвазовскому не было еще тридцати лет!

И вот снова вокруг него кружат неугомонные мамочки, мечтающие пристроить своих юных дочерей, заранее предчувствуя, что куда бы он ни направился, ему непременно будет предложено времяпрепровождение в компании юного создания, которое станет заученно преданно заглядывать ему в рот и стараться угодить, и ему становилось заведомо скучно.

В результате он начал отказываться от приглашения в дома, где заведомо могли поджидать его девушки на выданье. Впрочем, невозможно жить в столице и ни к кому не ходить. Айвазовский бывает в домах Томилова и Одоевского, заранее узнает, куда приглашен Глинка или кто-то из общих знакомых, и спешит туда. В Феодосии царили простые нравы, многие из соседей художника были вообще неграмотными, здесь же он посещал театр, выставки, ему нравилось рассуждать об искусстве или даже просто слушать, что говорят другие.

Как-то в гостях у Одоевского к Айвазовскому подошел друг хозяина дома и вежливо пригласил Ивана Константиновича посетить его семейство. Среди гостей обещался быть Глинка, да не просто так, а с новым романсом. Айвазовский обожал музыку Глинки, поэтому с радостью принял приглашение, пообещав непременно зайти.

Как и следовало ожидать, Айвазовского первым делом подвели к миловидным девицам — дочерям хозяина, как было тут же объявлено со значением, будущим художницам, а ныне, «разумеется», страстным почитательницам его таланта. Девушки тотчас защебетали вычитанные в газетах банальности относительно показанных на последней выставке картин мариниста.

В это время прибыл Глинка, Айвазовский тотчас вскочил, желая первым приветствовать друга, такое его поведение обидело барышень, благоглупости которых он по неосторожности недослушал.

Поняв, что Глинка будет готовиться к выступлению, Айвазовский хотел было уже вернуться к своим скучным обязанностям возле дочерей хозяина, как его окружили дамы,

желающие непременно выяснить что-то об Италии.

Быстро размяв кисти рук, Глинка сел за фортепьяно и начал наигрывать первую вещь. Тут же все позабыли про разговоры, в гостиную вплыла строгая молодая гувернантка в простом, но изящном черным, немного похожем на испанское, платье. За ней, тщетно стараясь держаться как взрослые, вкатились малыши.

Девушка тут же усадила своих подопечных на заранее приготовленные стульчики в первом ряду, незаметно устроившись в уголке. Тонкая девичья фигурка в черном, еще больше подчеркивающем стройность, темные волосы и большие выразительные глаза незнакомки сразу же обратили на себя внимание Айвазовского, которому уже порядком надоели ужимки и улыбки окружающих его разодетых по последней парижской моде дам. «Ты скоро меня позабудешь», — пел Глинка, а Ованес смотрел во все глаза на прекрасную гувернантку, хорошо понимая, что не сможет сегодня ни поговорить с ней, ни пригласить на танец. Вскоре девушка заметила на себе внимательный взгляд Айвазовского и посмотрела на него. Прямой, открытый взгляд прекрасных глаз задел впечатлительного художника за живое, какое-то время он мог видеть только ее одну. Всё, даже прекрасная музыка, словно растворилось, исчезнув в биении его собственного сердца. Не в силах выдержать открытого взгляда, Ованес первым отвел глаза, но теперь он видел ее повсюду. Образ прекрасной незнакомки словно отпечатался на роговице глаза художника, так что, смотрел ли он в расписанный потолок, на большую вазу или спинку соседского кресла — везде и всюду он видел только ее.

Когда пришел черед Айвазовскому сыграть для публики, он с готовностью поднялся, принимая принесенную ему хозяином скрипку, пока играет музыка, дети будут находиться в гостиной, а значит, девушка не уйдет, быстро сообразил он. И еще одно: он не мог представиться гувернантке, не ждал, что кто-нибудь догадается познакомить их, но уже то, что прося его исполнить что-то на свое усмотрение, его невольно еще раз представили благородному собранию, вселяло хоть какую-то надежду. Пусть, по крайней мере, она услышит его имя, а уж он потом как-нибудь исхитрится и выяснит, как зовут ее.

И Айвазовский заиграл, усевшись так, чтобы иметь возможность видеть девушку и петь только для нее. Ованес пел все с большим и большим вдохновением песни, услышанные в далекой и любимой им Италии. Это были нежные песни любви, и хоть он пел по-итальянски, смысл его слов был понятен.

Когда он закончил, его наградили овацией. Дети хлопали, стоя и приплясывая на месте. Так же тихо как пришла,

гувернантка собрала малышей и неслышно, в общем шуме, покинула вместе с ними затянувшийся праздник.

Теперь у Айвазовского была одна цель — познакомиться с девушкой в черном, но это было непросто сделать. В этом доме Иван Константинович был в первый раз, и, наговори он комплиментов хозяину, его непременно пригласили бы еще, но где гарантия, что на следующем вечере появится она?

Будучи среди гостей, он не сможет вдруг отправиться бродить по чужому дому в поисках поразившей его красавицы. Тем не менее следовало решиться хоть на что-то. В конце вечера он подсел к хозяйке и, похвалив малышей, все же умудрился выяснить имя их гувернантки — девушку, в которую так неожиданно для себя влюбился Айвазовский, звали — Юлия Яковлевна Гревс, англичанка, дочь штабс-доктора, прибывшего некоторое время назад в Россию и до самой своей кончины находящегося на русской службе.

Помогло ли ему это знание? Во всяком случае, уже то, что он знает имя своей любимой, доставляло ему немалую радость, заставив сердце биться еще быстрее. Сама Юлия по-прежнему была для него за семью печатями. Можно было, конечно, попытаться выследить, когда она отправлялась гулять с малышами. Но это значит — стоять и ждать как дураку, пока знакомые или случайные прохожие не узнают его по портрету Тыранова. Приходилось действовать осторожнее. Нужно было не просто встретиться с Юлией, а сделать это так, чтобы все выглядело естественно. Юлия Яковлевна была вынуждена работать, и скомпрометируй ее художник, возможно, ей пришлось бы подыскивать себе другую службу. Почему-то Айвазовский был уверен в том, что тоже понравился своей красавице. Вот как описывают в своей книге «Повесть о художнике Айвазовском» Лев Арнольдович Вагнер и Надежда Семеновна Григорович:

«Он велел зажечь свечи в большой люстре и канделябрах. Лихорадочно, по памяти он начал писать портрет молодой гувернантки.

Прошло несколько часов. Айвазовский отложил палитру. С холста на него глядели милые девичьи глаза.

Без помощи слуги художник потушил свечи и поднял шторы.

Стояло на редкость ясное зимнее утро.

Солнце залило комнату и осветило портрет девушки.

Тогда художник вывел на нем крупными буквами надпись — Юлия, жена моя…»

Поняв, что не сможет назначить встречу Юлии Яковлевне, не попав предварительно в дом, где она работала, Айвазовский припомнил, что на памятном вечере хозяин дома расхваливал

художественные способности своих старших дочерей — это было поводом для визита. И вот он уже с деланным вниманием рассматривает художества сестер, хваля их и тут же показывая, как можно исправить, усилить эффект, чтобы картина по настоящему заиграла. Девушки в восторге от красивого внимательного художника, который оказался не таким уж и букой. Первое впечатление обманчиво. Они тотчас влюбились в Ивана Константиновича, поэтому все были в восторге, когда он предложил дать несколько уроков рисования сначала девицам, а затем, заметив походя, что великий Карл Брюллов сызмальства был приучен держать в руках карандаш и краски, усадил за мольберт малышей. Вот тут-то он и увидел во второй раз Юлию, влюбившись в нее еще больше.

Впрочем, толком поговорить не удалось. Обменялись парой малозначительных фраз, но это было только начало. Являясь по заранее оговоренным дням в милое семейство, Айвазовский ждал появления Юлии, и она приходила. Помогала малышам, слушала рассуждение Ивана Константиновича об искусстве, о путешествиях в дальние страны. Иногда он задавал ей вопросы, и тогда они на мгновение встречались глазами. Тем не менее ему не удавалось назначить ей встречу, рассказать о своих чувствах, узнать, как она относится к нему.

Наконец, когда он понял, что топчется на месте, Айвазовский решился на отчаянный шаг — написал Юлии откровенное письмо. Он писал о том, что влюбился в нее с первого взгляда, и просил стать его женой. Если она согласна, она должна дать ему знать, и тогда она бросит работу, и они тотчас обвенчаются. В противном случае он не будет искать дальнейших встреч и перестанет посещать сей дом.

Свое послание он незаметно вложил в руку Юлии во время урока, рассчитывая на следующий день получить ответ. Но что, если она ответит отказом? Снова и снова приходить на уроки, дабы хотя бы издали видеть ее? Немыслимо! Тем более после собственного категоричного признания. А если согласится, но не по любви, а потому что устала жить в нищете? Следить за чужими детьми — дело неблагодарное, и, без сомнения, Юлия достойна большего.

Ночь он провел без сна, едва не опоздав на урок, он влетел в комнату, где ждали его ученицы и она… Забыв про все на свете, про свои обязанности, приличия, наконец, художник, не скрываясь, сразу же подошел к ожидавшей его Юлии и услышал долгожданное: «Я согласна».

В тот же день Юлия Гревс покинула службу. На улице возле дома ее ждал в наемном экипаже Айвазовский. Через несколько

дней новость о скорой женитьбе прославленного художника облетела все петербургские гостиные.

Жениться — надо же… то сторонился женского пола, точно робкий монашек, а теперь вдруг вот так по-гусарски влюбился и сразу же церковь. На ком? На какой-то гувернантке? Да не может такого быть! Вранье и клевета, поклеп, за который мало на дуэль вызвать. Это же надо — чтобы художника, лично знакомого с Папой Римским, с королем Неаполя, да мало ли с кем еще, вот так вдруг обвиняли в связи с черт знает кем! Ну ничего, днями Иван Константинович объявится у знакомых, тогда сам все и опровергнет.

Вскоре Айвазовский действительно показался в салоне княгини Одоевской, где сообщил о своей скорой женитьбе на похитившей его сердце Юлии Гревс.

Айвазовский был счастлив, откровенно посмеиваясь над шумом, поднятым в обществе его скороспелой женитьбой. Ему было забавно раскланиваться с теми, чьи надежды он не оправдал, но вскоре отношение к нему в свете изменилось не в лучшую сторону. Там, где еще вчера его принимали с распростертыми объятиями, нынче он встречал прохладный прием, какие-то двери оказались и вовсе закрытыми для художника.

И это можно понять, ему — человеку неблагородного происхождения — выпал редкий шанс выбрать себе жену из общества, породнившись с какой-нибудь известной дворянской фамилией, он же предпочел найти себе такую же плебейку, как и он сам. Да еще теперь, по всей видимости, пожелает водить ее с собой на приемы, надеясь на то, что бывшую гувернантку посадят пить чай в княжеской гостиной, рассуждая на темы, недоступные людям низкого происхождения. Зачем только было жаловать такому человеку дворянство? К чему, если предел его мечтаний — миловидная служанка без гроша в кармане?!

Что же, Айвазовский всегда писал на вдохновении, был легок на ногу и готов пуститься в новое путешествие или авантюру. Он горяч, порывист и своеволен. Вот как охарактеризовал Айвазовского его внук Александр Айвазовский:[179] «Непокорный, властный, независимый, он при умелом обращении с ним мог быть очень и очень послушным. Но, чтобы разобраться в нем, надо было хорошо его знать». Безусловно ценный совет. Но только вопрос — а кто его хорошо знает на тот момент времени, о котором мы повествуем? Казначеев? — Возможно, но он в Крыму, Штернберг — умер в Италии. Иван Константинович обожал Глинку и тот всегда хорошо относился к Айвазовскому, но можно ли назвать их близкими людьми? Кто вообще близок к

художнику, ведущему полу-монашеский образ жизни? Слуги, квартирные хозяева, владельцы обеденных заведений? — Даже если так, кто, извините, будет их спрашивать?

Вот и получается, что настоящий Айвазовский — это его бури, его солнце, его штиль и его воздух. Он легкий, резкий, страстный, обидчивый, он ураган, весело и жестоко играющий со шхуной, он легкий пронизанный поэзией ветер над Петербургом, он лунная дорожка на теплой воде, в которой так хочется раствориться. Он мальчик, от избытка чувств малюющий на стенах домов корабли и солдат, юноша, потерявший счет времени на берегу… мужчина, долгие годы бегущий от любви и женившийся по первому требованию сердца.

Те, кто не поняли, что Айвазовский все время рисует только себя, не поняли о нем ровным счетом ничего.

Вот и теперь, он мог годами жить бобылем, наблюдая, как опытные охотницы ставят на него сети. Он ждал, приучая тело двигаться на мягких кошачьих лапах, глаза не излучать бушующий в них пламень, чтобы однажды, заметив ту, которая ему действительно необходима, даже не как вода, еще острее — как воздух, броситься в любовь, как, должно быть, не раз кидался в объятия моря.

И вот юная и прекрасная, точно черный лебедь, Юлия призналась, что тоже любит его. А что еще имеет значение? В картине «Последний день Помпеи» К. П. Брюллова Айвазовский был изумлен человеческому мужеству и силе любви, еще сильнее проявленной перед лицом неминуемой смерти. Он много думал об этом, а потом говорил с Великим Карлом. Мать — умоляющая сына спастись одному, и сын, ни за что не желающий покидать свою мать. Семья, несущая на руках парализованного отца. Молящиеся о спасении погибающего города юная мать и ее дочери… Художник пытающийся вынести из обреченного города ящик с красками… И вот теперь он — Айвазовский — оказался в своеобразной Помпее, где рушатся тщательно возведенные им стены благопорядочности и респектабельности, а он стоит посреди погибающего мира, обнимая единственное близкое ему существо. Девушку, которую он непременно вынесет из этой плавно сползающей в ад Помпеи, из не принявшего его выбор ледяного Петербурга.

Радуются за Айвазовского только его собратья по искусству — художники, поэты, музыканты. Поняв, что больше не может оставаться в столице, художник забирает невесту, и они уезжают в Феодосию, где празднуют пышную свадьбу. «Женился 15 августа 1848 года на Джулии, дочери Якова Гревса, англичанина-лютеранина, однако венчался в армянской церкви и с условием,

что дети мои от этого брака тоже будут крещены в армянской святой купели», — сообщает Айвазовский Эчмиадзинскому синоду.[180]

После венчания молодые и их многочисленные гости направились в Шейх-Мамай — недавно приобретенное имение Айвазовского, их ожидал свадебный пир. Празднично украшенные экипажи тихо двигались через лес, когда дорогу им преградил отряд наездников-джигитов. Это были разбойники Алим Азамат-оглу, больше известный как Алимка-разбойник. Гости были напуганы, а статный Алим распахнул дверцу экипажа молодых и, изящно поклонившись, положил на колени Юлии расшитый золотом платок. После чего атаман и его банда с криками и гиканьем покинули свадебный кортеж, не препятствуя им более.

Праздновать свадьбу своего любимого художника в Феодосийскую бухту вошла севастопольская эскадра — шесть кораблей! Молодые шли по коврам из живых цветов, целый день и даже ночью играли музыканты и проходило выступление танцоров со всего Крыма. Днем перед гостями выступили джигиты-наездники, которые дотемна состязались между собой, а ночью с ярко освещенных кораблей производились выстрелы и гремела музыка. «Теперь я спешу сказать вам о моем счастье. Правда, я женился, как истинный артист, то есть влюбился, как никогда. В две недели все было кончено. Теперь… говорю вам, что я счастлив так, что не мог представить и половины этого. Лучшие мои картины те, которые написаны по вдохновению, так, как я женился», — писал Айвазовский.

Через год после женитьбы в июне 1849 года в Петербурге родилась их первая дочка Елена.[181] Супруги были счастливы, и казалось бы, этому счастью не видно конца-края.

Теперь немного о самой Юлии, так как фигура знаменитого мужа неизменно заслоняет его избранницу, превращая в просто жену, женщину, рожавшую ему детей, заботившуюся о нем.

О Юлии Яковлевне мы знаем мало. Англичанка по происхождению, Юлия была дочерью петербургского врача, еще точнее, личного врача Александра I. Теоретически, проживи ее родитель дольше, Юлия была бы зачислена фрейлиной Ея величества или нашла бы себе достойное место, во всяком случае, имела бы приданое. Но, странное дело, отец Юлии пропал без вести в день смерти своего августейшего пациента.

Юлия была хорошо образована, умела вести себя в светском обществе. Хочется заметить, что должность гувернантки, которую она занимала, требовала от нее хороших рекомендаций, знаний, умений, и главное, способности объяснить и передавать эти самые знания. Никто бы не доверил абы кому воспитание своих

детей. А Юлия блестяще справлялась со своей работой. Далее, будучи уже замужем за Айвазовским, она родит ему четырех дочерей, каждую из которых она будет воспитывать сама, и воспитает как истинных леди.

К слову, Феодосия, на момент приезда туда Юлии Яковлевны, представляла собой богом забытую глушь, которую только предстояло как-то облагородить.

Когда Айвазовский вдруг увлекся раскопками курганов в окрестностях Феодосии, Юлия работала рядом с ним. Она сама займется просеиванием земли из гробниц, будет вести учет находкам, она же станет отправлять их в Петербург — то есть она будет заниматься научной работой. Их совместными трудами будет раскопано и изучено восемьдесят курганов. И все это, можно сказать, без отрыва от семейных обязанностей, почти что постоянно будучи либо беременной, либо кормящей матерью.

Теперь о разрыве, который только предстоит между Иваном Константиновичем и Юлией Яковлевной. Разводе, в котором историки почти хором обвиняют Юлию, де, она вышла замуж за известного художника и требовала теперь, чтобы они поселились в блистательном Петербурге или хотя бы в Одессе, где есть светское общество. Мол, она соскучилась по танцам и всю жизнь мечтала появляться в роскошных гостиных под руку со своим прославленным мужем.

Давайте же разберемся, что здесь правда, а что нет. Конечно, сейчас мы не можем прочесть мысли Юлии, тем более что не сохранился ни ее дневник, ни письма, в которых она бы жаловалась на свою жизнь родным. Поэтому чистые факты. Юлия воспитала дочерей, уча их не только навыкам домашнего хозяйства. Ее девочки прекрасно музицировали, знали литературу, кроме того, они могли заниматься финансовыми делами, приносившими прибыль и дававшими возможность содержать себя.

Сама Юлия влюбилась в Айвазовского и доверчиво поехала с ним на край света. С милым, как говорится, и в шалаше рай. Но вот подрастают дочери, и Юлия Яковлевна начинает присматриваться к соседям и детям друзей мужа с одной-единственной целью — решить, за кого выдавать замуж своих прекрасных дочерей. Какая же мать не мечтает о лучшей участи для своих детей? И приходит к простому выводу — здесь не за кого. Либо ее умные, красивые, образованные девочки выйдут замуж за простых, зачастую полуграмотных людей — рыбаков, портовых рабочих — и будут жить в нищете, либо она соберется с силами и уломает мужа вести их в Петербург. Она же умудрилась выйти замуж за приличного человека, будучи бесприданницей, но

это произошло в Петербурге. Испокон веков родители возили своих дочерей на ярмарку невест в Москву и Петербург. Так отчего не поступить и теперь подобным образом?

Юлия знает — женское счастье — удачный брак. Современная, образованная женщина может зарабатывать на жизнь переводами или перепиской, может наняться компаньонкой или гувернанткой, может делать что-то своими руками, но это уже крайний случай. Дочери Айвазовского должны быть обеспечены, и надо ехать туда, где у них появится шанс познакомиться с достойными молодыми людьми. Куда ехать? Город номер один в Российской империи — Санкт-Петербург, на втором месте патриархальная Москва, на третьем молодая, амбициозная Одесса. В то время разрабатывались проекты — сделать из Малороссии вторую Италию, с центром в Одессе. К. П. Брюллова соблазняли перебраться в Одессу, климат которой намного милосерднее петербургского.

Что же сам Айвазовский? Неужто он не понимал справедливые доводы любимой супруги? Или его не трогало счастье дочерей?

Он любил и Юлию и дочек, но при этом искренне считал, что их место в Феодосии. Там, где ему так легко всегда думалось и творилось, где они будут вместе. При этом он был не против поездить по Крыму или вдруг отправиться в Харьков или Одессу. Но жить там?

После того как Айвазовский женился и угнездился в родном городе, в Петербурге при дворе Феодосию начали называть землей Айвазовского. Обласканный царем, Айвазовский не устает ходатайствовать о всевозможных вспоможениях родному городу, бьется за его жителей, не перестает делать подарки, заботиться о благоустройстве. Да и своим возлюбленным дочерям он завещал имения в Крыму (Шейх-Мамай, Баран-Эли, Роман-Эли, Отузы). Если дочери повыходят замуж в Петербурге или Москве, они там и останутся, Айвазовский же привык жить большой семьей и ревностно держал при себе своих близких.

В довершение всего Юлия заболела. Врач категорически запрещал ей жить на берегу моря, особенно в зимнее время, предложив вариант, который, казалось бы, мог устраивать обоих — Одесса. Климат мягкий, Айвазовскому море — рисуй, семье — общество и развлечения!

Я специально так подробно останавливаюсь здесь на личности Юлии Яковлевны Айвазовской. Потому что сам Иван Константинович — герой этого произведения — теперь вновь выдвигается на первое место повествования, что же до Юлии, мы еще не раз встретимся с ней, гуляющей по набережной вместе со

своим мужем и девочками, трясущуюся в дилижансе или читающей книгу на палубе корабля. О самой Юлии нам не говорят ни письма Айвазовского, ни его картины. Поразительно, получается, что за всю их достаточно долгую совместную жизнь Айвазовский ни разу не нарисует своей красавицы жены. Я не считаю того самого первого портрета, написанного Иваном Константиновичем сразу же после того, как он в первый раз увидел свою будущую жену. Этот портрет не сохранился, а может быть, все это не более чем красивая легенда. Отчего же Ованес не писал Юлию? Он, который не расставался с карандашом и красками. Айвазовский несколько раз рисовал своего приемного отца Казначеева, писал моряков и политиков, своих друзей художников, их жен и даже бабушек. Айвазовский будет рисовать свою вторую жену, сохраняя для вечности ее красоту и очарование. Почему он не рисовал ни Юлии, ни дочерей? Неужели ответ кроется в собственном неосторожном признании художника: «В две недели все было кончено».

Многие хорошие истории заканчиваются свадьбой. Здесь же — буря и натиск. Влюбился с первого взгляда, обманом проник в дом в качестве учителя живописи, признался в любви, полное согласие и увоз вопреки мнению света — роман!

Добавим выстроенные самим же Айвазовским декорации — добротный современный дом на берегу моря — чем ни замок, сад, утопающий в розах… казалось бы, счастье достигнуто и теперь уже лучший художник моря будет вечно сидеть на берегу с мольбертом, этюдником, блокнотом. А рядом с ним в покойном плетеном кресле устроится прекраснейшая из женщин, а через год у них появится крошечная дочка, в которой оба не будут души чаять.

Иван Константинович женился на Юлии Гревс 15 августа 1848 года, а уже в сентябре этого же года мы можем наблюдать нашего героя на Московской выставке его картин, торжественное открытие которой произошло 27 сентября, так что сами считайте, сколько времени длился их медовый месяц, с учетом дороги из Крыма. Воистину: «В две недели все было кончено!»

Глава 18

«Едва приехав в Рим, он написал две картины — «Штиль на море» и меньшего размера — «Буря». Потом явилась третья картина — «Морской берег». Эти три картины возбудили всеобщее признание Рима и гостей его. Множество художников начали подражать Айвазовскому… после него в каждой лавчонке красовались виды моря а-ля Айвазовский».

Ф. И. Иордан

«Профессор императорской Академии художеств И. К. Айвазовский (проездом из Крыма в С.-Петербург находящийся в Москве) вознамерился познакомить публику здешней столицы с его произведениями. Выставка картин отечественного художника назначена в залах училища ваяния и живописи (против почтамта на Мясницкой) с 27 сентября по 7 октября от 10 часов утра до 3-х часов пополудни. Совет Московского художественного общества, доводя об этом до всеобщего сведения, имеет честь пригласить гг. почетных и действительных членов своих, художников и прочих любителей искусств на выставку. Вход безденежный, для членов художественного общества без билетов, а для прочих посетителей — с билетами, которые раздаются в самом училище, у комиссионеров в магазине г. Дациаро на Кузнецком мосту»[182].

Неизвестно, поссорился ли Айвазовский со своей юной супругой, или так уж сильно ему требовалось лично присутствовать в белокаменной. Но факты упрямая вещь. Работа для Айвазовского всегда стояла на первом месте, а семья, жена, дети — на всех последующих. Можно ли сказать, что московская выставка была новостью для Айвазовского? Не была. В Центральном городском архиве Петербурга сохранилось «Уведомление Правления Академии в Совет Московского художественного общества о разрешении И. К. Айвазовскому устроить выставку своих работ в Москве». Документ датирован 20 сентября 1848 года. Выставка открылась, повторюсь, 27-го. В Москву Айвазовский ехал из Крыма, намереваясь после добраться до Петербурга, отчего был вынужден просить письменно Президента Академии выслать ему в Москву на десять дней хранящиеся там его картины, которые он обязался по окончании

выставки вернуть.

Приблизительно в то время Иван Константинович познакомился с известным русским полководцем, героем Отечественной войны 1812 года Алексеем Петровичем Ермоловым,[183] которого, так же как и многих привлекала живопись Айвазовского. Что же до Айвазовского, то он был растроган и почти счастлив знакомству с человеком, которому сам Пушкин посвятил следующие строки:

> Смирись, Кавказ: идет Ермолов!
> И смолкнул ярый крик войны.

Ермолов пожелал лично познакомиться с Айвазовским и непременно посмотреть, как тот работает: «Вчера, любезный Иван Константинович, Вы снова бросили меня в ужас бури, но имели великодушие не более трех часов продлить мои страдания. На Ваших часах я замечал время, и из белого полотна явилась картина, которая между произведениями Вашими займет почетное место. Я с намерением упомянул о трех часах времени, ибо каждому покажется удивительным и многим даже невероятным, чтобы так скоро могла быть совершена картина масляными красками. По скромности Вашей Вы не хотели вместо начальной буквы фамилии поставить слова в три часа, которым не помешали ни разговор присутствующих, ни частые обращаемые к Вам рассуждения. Не говорю о похвалах и восторге, к ним давно Вы сделали привычку. С совершенным почтением к высоким талантам знаменитого соотечественника пребываю покорнейший слуга. А. Ермолов».

Айвазовский действительно написал в присутствии своего уважаемого гостя картину «Кавказский вид в Абхазии» и снабдив ее надписью «Дань русского искусства русской военной доблести». Впервые эта картина была выставлена в 1851 году в Москве.

Выставка 1848 года прошла на ура и если и не принесла Ивану Константиновичу денег — так как была безденежной, но добавила славы к его и без того громкому имени. «По окончании выставки И. К. Айвазовский позволил ученикам училища снять копии с его видов, что было исполнено довольно удачно некоторыми из них и содействовало много развитию в них вкуса к пейзажной живописи».[184] Кстати, среди учеников Московского училища живописи и ваяния, писавших тогда копии с картин Айвазовского, был Алексей Кондратьевич Саврасов,[185] в будущем знаменитый художник-пейзажист. За десять дней, которые работала выставка, ее посетило великое множество

зрителей.

Первая дочь Айвазовского Елена родилась в 1849 году, а в 1850-м художник написал одну из своих лучших картин «Девятый вал».[186] Он был на подъеме, впрочем, нельзя сказать, что все шло гладко. Жизнь вздымала перед певцом моря волны одна мощней другой. Черная волна по имени смерть уже погребла под своей мощью неугомонного профессора Зауервейда, во время пребывания Айвазовского за границей не стало Оленина и Крылова. Айвазовский еще помнил то страшное время, когда он черпал полной ложкой горькую опалу, и именно «всеобщий дедушка» явился в Академию утешить его. Нет больше Крылова. Впрочем, баснописец был стар, что называется, следовало ожидать, но Вася?! Драгоценный однокашник, друг с первого дня пребывания Ованеса в Академии. Да, тогда его называли Ованесом, и еще иногда «крымчиком» — не злобно, шутя. Писали, будто бы Вася Штернберг скончался внезапно, будто бы ничем не болел, никто не ожидал, все в ужасе. Впрочем, Василий умер в 1845-м, просто Айвазовский до сих пор вздрагивает, когда слышит это имя. 27 лет! Что за возраст?!

И вот теперь — Белинский!

Смерть Виссариона Григорьевича — тяжкий удар для Айвазовского, неизменно робевшего прежде в его присутствии. Белинский говорил, когда другие подумать трусили.

Письмом из Рима известили, будто бы старый приятель Векки сделался личным адъютантом Гарибальди. Зная неугомонный характер Векки, Айвазовский не колеблясь согласился, что так оно и есть.

В 1851 году у четы Айвазовских появляется вторая дочь, Мария,[187] которую отец будет называть Мариам. Иван Константинович устраивает в Москве совместную выставку с известным русским художником-гравером Федором Ивановичем Иорданом, получившим год назад звание профессора Академии художеств. На выставку Иордан привез гравюру с «Преображения» Рафаэля.

С Иорданом Айвазовского связывала давняя дружба — они познакомились в Италии, Иордан хорошо знал Александра Иванова, дружил с Гоголем и братьями Брюлловыми. Это был необычайно скромный, тихий и трудолюбивый человек, для которого ничто в жизни не доставалось без кропотливого труда.

Айвазовский был рад выставляться вместе со старым другом. Для участия предоставил следующие картины: «Закат солнца в Крыму», «Лунная ночь (нападение корсаров на купеческий корабль у храма Минервы в Греции)», «Мыс Айя (на пути из Одессы в Крым с разных сторон)», «Вид Генуи с моря во время

захода солнца», «Море близ Алиханте в Испании», «Вид Капри», «Афонская гора», «Кавказский вид в Абхазии с берегов Черного моря во время бури», последнюю любезно предоставил ее владелец А. П. Ермолов.

«…Картины эти, «Закат солнца в Крыму», принесли большое удовольствие истинным ценителям таланта и снова подтверждают, что кроме Айвазовского, у нас никто не передает так верно жизни моря, никто не достигает, как он, прозрачности воздуха, и никто, кроме него, не остается более верен воздушной перспективе. Истинный талант, полный жизни, виден и в небольших вещах, составляющих иногда его отдых от более серьезных занятий», — писал скульптор Н. Рамазанов[188] в журнале «Москвитянин», 1854, № 264.

Выставка вызвала большой интерес, после ее закрытия историк, писатель и публицист Михаил Петрович Погодин[189] попросил Айвазовского прислать ему речь, которую Иван Константинович произносил на обеде, устроенном в честь двух художников 19 марта 1851 года. Наивный, он надеялся, что Айвазовский сначала прописал текст ответного слова на бумаге, Айвазовский же, как обычно, импровизировал, отчего произнесенная им речь не была зафиксирована, и в дальнейшем, создавая серию статей для журнала «Москвитянин» об Айвазовском, Погодин мог лишь цитировать ее по памяти или черпать из того скудного материала, который «любезно» предоставил ему Иван Константинович.

Почему я выделяю в кавычки слово «любезно»? Да потому, что Айвазовский написал Погодину не речь, как тот просил, а некоторую отписку, в которой, впрочем, не было злого умысла или нежелания сотрудничать. Обычная спешка, стремление поскорее приступить к запланированной работе, в то время как ему пытаются навязать писания давно произнесенной и уже никому толком не нужной речи. Очень, кстати, знакомое отношение, свойственное скорее персонажам нашего с вами века, но людей достаточно неспешного девятнадцатого такие отписки могли и обескуражить: «Желаете также заметку о том, что я говорил в ответ на обеде. Опишу, сколько помню, но прошу Вас покорнейше намерение мое поняв, дайте должную форму, я не в состоянии», — пишет Айвазовский Погодину. Далее он разбивает свою речь на тезисы, которые в результате профессиональный литератор должен переписать за него. На самом деле неглупое решение, не знаю, был ли благодарен за эту отписку Михаил Петрович, но Айвазовский безусловно прав. Сам он не считает себя писателем и прекрасно понимает, что произносить речь или тост — одно, а записать его после в форме статьи — совсем

другое. Если же он, на беду себе, пропишет речь, Погодин, не дай бог, может разместить ее в журнале не правя. Михаил Петрович не просто публицист и журналист, он придумал и создал означенный журнал, следовательно, вправе поместить текст без чистки, а Айвазовский знает, что его текст, лишенный редакторского вмешательства, будет априори нехорош. Поэтому он намечает краткие тезисы, а уж Погодин придаст им нужную гладкость и легкость. В любом случае получится лучше, чем если бы писал сам художник. «Простите, что я так неясно и нечисто написал. Хлопот много и голова кругом, а написанного не было у меня. Решился послать к Вам потому, что Вы желаете, но прошу еще Вас передать так, как Вы найдете лучше и тем крайне обяжете».

На обеде Айвазовский подарил училищу одну из своих картин, с тем, однако, условием, чтобы те непременно продали ее и отдали вырученные деньги сиротам. В компенсацию же за это доброе дело, он обещал прислать им другую картину, которую напишет специально для училища и которая будет более соответствовать этому месту. «В пользу бедных раздать или как заблагорассудится, для училища же я напишу после что-нибудь более согласное назначению».

Только одна горькая пилюля помешала Айвазовскому получить радость от весенней выставки — не удалось или не успел выпросить у государя картины «Пожар Москвы в 1812 году». Получилось, что обещал, а не привез. Даже Погодину он жалуется в своем письме, прося его вообще не упоминать тему «Пожара». Зачем говорить о неудачах, когда все так славно складывается? Айвазовский не склонен к депрессиям. И вот уже в сентябре он готовит новую выставку в Москве, но теперь уже в списке присутствует та самая картина.

Государь по-настоящему чтил и любил искусство Айвазовского, поэтому ничего удивительного, что после отъезда государыни императрицы из Николаевского дворца Николай I разрешил дать возможность желающим осмотреть находящиеся там картины всеми любимого мариниста. Но поскольку это оказалось неудобным с позиции безопасности, Московский военный генерал-губернатор г. Закревский[190] предложил обер-гофмейстеру барону Боде[191] перенести картины Айвазовского в залы училища ваяния и живописи Московского художественного общества, с тем, чтобы по окончании выставки все произведения были возвращены на прежнее место. Ответственность за транспортировку картин была возложена на купца 1-й гильдии г. Кокарева под наблюдением самого Айвазовского.

Что же это были за особенные картины и почему художник

хотел показать их именно в Москве? Про одну мы слышали — это «Пожар Москвы в 1812 году», в настоящее время находится в Кремле, в Грановитой палате. Вторая же значилась на выставке как «Москва в 1851 году», это может быть «Вид Москвы с храмом Христа Спасителя на первом плане», о котором Айвазовский пишет в «Автобиографии». Впрочем, некоторые историки не согласны с этим определением, считая, что на выставке был представлен вид на Москву со стороны Воробьевых гор, написанный также в 1851 году. Картина находится в Музее Москвы, есть у него и вид Москвы (1848, Русский музей), и вид Москвы со стороны Серпуховской заставы… о последней он писал П. М. Третьякову[192] в 1867 году… так что ничего определенного тут сказать пока не получается. Айвазовскому нравилась белокаменная. «Москва производила на меня всегда сильное впечатление своими оригинальными видами, но никогда не был я поражен ею так живо, как в нынешнее мое пребывание. Это живописнейший город во всей Европе. Отныне я буду изображать ее со всех сторон и года через два, может быть, успею представить что-нибудь достойное вашего внимания…» — это фрагмент ответной речи Айвазовского на их совместной с Ф. Иорданом выставке (Журнал «Московитянин», апрель 1881 г., № 7–8).

1852 год — тяжелое во многих отношениях время — умирает Гоголь, смертельно больной Карл Брюллов в компании своих учеников отбывает в Италию, дабы скончаться там, где он был когда-то счастлив. Страшная потеря. Не желая говорить с журналистами по поводу кончины друзей, Айвазовский спешно отбывает в Феодосию, закрываясь там на некоторое время от мира.

Глава 19

«По легкости, видимой непринужденности движения руки, по довольному выражению лица, можно было смело сказать, что такой труд — истинное наслаждение».

В.С. Кривенко. Впечатления от работы Айвазовского над большим полотном

В марте 1853 года Айвазовский разработал проект учреждения в Крыму художественной школы, который был подан им для утверждения в Академию художеств. Местом новой школы Иван Константинович избирает родной город Феодосию. Тут сразу же несколько плюсов: географическое положение, наличие порта, красивые окрестности, привлечение дополнительного внимания столицы к Феодосии, ну и, разумеется, здесь живет и работает он сам — будущий директор школы. В помощь себе Айвазовский желал бы иметь надзирателя и двух учителей рисования, которые будут находиться в полном ему подчинении. Сама же школа будет состоять под властью и покровительством императорской Академии художеств.

В школе будет сделан уклон на пейзажную живопись, разумеется, живопись морских видов, а также народных сцен. Лучшие работы учеников школы директор намерен посылать в Академию, с тем, чтобы они участвовали в конкурсах наравне с произведениями академистов и получали академические награды, «…т. е. медали, звание художника и учителя рисования. Учащиеся в школе и удостоенные от Академии награды серебряной медали 1-го достоинства могут быть по усмотрению Академии допускаемы к конкурсу с учениками Академии на получение золотых медалей и 2-го и 1-го достоинства, согласно установлениям Академии, и пользуются правами, с получением медалей сих сопряженными, средства же, для исполнения программ необходимые, получают от школы».

Кроме денег, которые пожалует Академия на обустройство новой школы, а Айвазовский оговаривает, что на наем дома для оной, отопление, освещение, приобретение оригиналов для рисования, на жалование директору и двум художникам и наем служителей и натурщиков необходимо будет выдавать 3000 рублей серебром в год. Предполагается привлекать меценатов, а

также директор школы намерен организовывать выставки, на которых произведения учащихся будут продаваться, и часть денег опять же пойдет на нужды школы, а также содержание неимущих учеников школы.

Очень важный пункт: «Школа имеет свою печать с изображением государственного герба и надписью «Художественная школа в Крыму». — Россия и Малороссия погрязли под бумажным валом, без справки, рекомендательного письма, инструкции никуда не сунешься. Наличие собственной печати дает Айвазовскому право такие бумаги выписывать, не обращаясь каждый раз в далекий Петербург.

Число учащихся в школе может быть любым, обучение проходит в двух отделениях — приготовительное и художественное.

Принимаются ученики всех сословий. «Ученики, оказавшие отличные успехи в художестве и удостоенные от Академии серебряной медали 1-го достоинства при возможных средствах, доставленных покровителями и членами школы, могут быть посылаемы в путешествие по России для снятия местностей, замечательных в историческом отношении, с целью составить коллекцию картин, могущих ознакомить публику с разнообразием народного быта и природы Российской империи». — Заметьте, Айвазовский не только печется о людях, не способных заплатить за свою учебу, но и сообщает Академии, что его идея принесет ощутимую пользу.

«Директор школы и два художника считаются в действительной службе и имеют мундир, присваиваемый званию, полученному ими от императорской Академии художеств», — тоже важный пункт. Айвазовский знает, что мундир способен оказывать гипнотическое воздействие на местных чиновников и крымских господ, с которыми ему и учителям неминуемо придется сталкиваться.

О деятельности школы и отчете о потраченных средствах Айвазовский обещает отчитываться ежегодно в то учреждение или тому лицу, которое ему укажут свыше.

Президент Академии одобрил проект открытия школы в Крыму, сочтя начинание полезным, после чего направил в свою очередь запрос в Министерство уделов, с тем, чтобы там приняли решение о возможности реализации этой идеи и довели до сведения государя.

В свою очередь министр уделов доложил императору о проекте, приложив запрос от Президента Академии, «…но государю императору не благоугодно было изъявить соизволения на ассигнование трех тысяч рублей серебром предположенных

для содержания сего училища».[193]

Что делать? Во всяком случае, не время опускать руки, государь не сказал напрямую, что не желает новой художественной школы, или не хочет, чтобы таковая открылась в Крыму. Он всего лишь отказался финансировать проект. Следовательно, остается либо найти меценатов, которые согласятся содержать школу, либо взять и обучение и содержание школы на свой счет. В любом случае Айвазовский не отказывается от проекта, вскоре он выступит с новым предложением, но не будем забегать вперед.

Три тысячи серебром — не сверхбольшая сумма, тем более для российского самодержца, а следовательно, и не повод для отказа. Остается предположить очевидное: реальное неудобство контролировать данное заведение. А Николай I старался вникать во все, что связано с искусством и особенно живописью. Он сам отбирал те или иные произведения на выставки за границу, решал, подходят или нет заказанные образа для новой церкви, давал советы профессорам живописи и академикам, увольнял и штрафовал виновных. Следовательно, само наличие официальной художественной школы где-то на южной окраине Российской империи было бы для него постоянной мукой и причиной волнений.

Поэтому Айвазовскому в его благородном начинании было отказано, и он, недолго погоревав о несбывшейся мечте, решил обождать со своими проектами до лучших времен.

А пока весну и лето 1853 года Айвазовский вместе со своей супругой посвящают новому в их жизни увлечению — археологическим раскопкам в Феодосии. У них в семье снова прибавление, год назад родилась третья дочь Александра, но Юлия не желает отставать от супруга, работая вместе с ним на раскопках, «…открыли пять курганов, в которых ничего не нашли, кроме разбитых кувшинов с углями и золой, но вчера, т. е. в пятом кургане, нашли просто под землей в золе золотую женскую головку самой изящной работы и несколько золотых украшений, как видно, с женского наряда, а также куски прекрасной этрусской вазы», — пишет Иван Константинович министру уделов 6 июня 1853 года (выписка из письма цитируется в книге Н. Барсамова «И. К. Айвазовский», 1962, стр. 80). К письму Иван Константинович прилагал собственно обнаруженные в результате раскопок ценные находки.

В результате до 1856 года с перерывами они с женой раскопали 80 курганов!

«Дальнейшие разыскания доставили для музея Эрмитажа еще значительное число предметов из золота и обработанной глины.

В числе золотых вещей заслуживают особенного внимания: а) серьги филигранной работы; б) ожерелье, плетенное из проволоки, с длинными привесками; в) ожерелье из крупных дутых бус; г) такое же проволочное ожерелье с львиными головками на концах; д) золотая булавка с изображением передней части какого-то мифического животного с львиной головой, бараньими рогами и крыльями; е, ж, з) три перстня; и двое серебряных зарукавьев витых с золотыми концами; и) золотой сфинкс с диадемою на голове; к) пара золотых серег в виде виноградной кисти; л) три головы Медузы, оттиснутые на золоте; м) бычья голова из дутого золота; н) витое кольцо и о) ожерелье из золотых бус с филигранными на них украшениями и с привесками в виде амфор.

Из глиняных вещей попадалось много изображений разных божеств и медальоны с головами Горгон, с изваяниями амазонок, поражающих оленей. Стоит заметить, что в древней Феодосии изображения, кроме красок, покрывались еще позолотою», — пишет в своем отчете об археологических раскопках в Крыму в 1856 году директор керченского музея Люценко. (Печатается по тексту из книги Н. Барсамова «Айвазовский», 1953, стр. 225–226.) «…Главная цепь курганов близ Феодосии тянется по гребню гор, окружающих этот город и его бухту в виде амфитеатра, от монастыря св. Ильи до Лысой горы. Сверх того, несколько второстепенных курганов и насыпей занимают отдельные пункты на скатах гор против означенного монастыря, на крутых берегах моря и на Лысой горе.

Небольшая насыпь, в которой найдена была Айвазовским гробница с золотыми вещами, находится поблизости монастыря св. Ильи, на крутом берегу, несколько выдавшемся в море, между двумя курганами довольно значительной величины…»

Найденные четой Айвазовских экспонаты ныне хранятся в Эрмитаже.

Глава 20

«Каждая победа наших войск на суше или на море, радует меня, как русского в душе, и дает мысль, как художнику, изобразить ее на полотне…»

И. К. Айвазовский

Наверное, горячий по природе Айвазовский учредил бы собственную школу живописи уже в 1853 году, собрав туда учеников, а заодно и приучив их к раскопкам, сам он был весьма увлекающимся человеком и умел заражать своим энтузиазмом других, но в октябре 1853 года Турция объявила войну России. Англия и Франция тут же заявили, что берут страну-зачинщицу под свое покровительство. В подтверждение своих намерений английский и французский флоты появились в Босфоре.

18 ноября в бухте города Синоп произошло знаменитое сражение, русская эскадра под командованием адмирала Нахимова разгромила турецкую эскадру, после чего английская и французская эскадры вышли из Босфора в Черное море. В марте 1854 года обе эти страны официально объявили войну России — так началась Крымская война.

Желая поддержать боевой дух моряков, Айвазовский спешно устраивает выставку в Севастополе.

К картинам было невозможно пробиться, поток желающих увидеть произведения Айвазовского не ослабевал ни утром, ни вечером. Главный акцент выставки был сделан на трех картинах: «Наваринский бой» — морское сражение, произошедшее 20 октября 1827 года. Россия, Англия и Франция заперли турецкий флот в гавани города Наварина (древнего Пилоса), 66 турецких кораблей с 2224 орудиями и сильная береговая артиллерия против 26 русских, английских и французских кораблей. Это была помощь терзаемой Турцией Греции. Флагманский корабль «Азов» под командованием Лазарева бился сразу с пятью неприятельскими кораблями. В результате им было потоплено три турецких корабля, посажен на мель линкор и уничтожен турецкий адмиральский фрегат.

Таким образом, Турция потеряла свой флот, а «Азов» и все, кто были на нем, сделались легендами флота. И вот теперь сражавшиеся на «Азове» плечом к плечу с Лазаревым, лейтенант Нахимов и мичман Корнилов, возглавляли черноморский флот:

Нахимов — старшим из флагманов флота, Корнилов — начальником штаба флота.

Другая картина: «Бриг «Меркурий» — сразившись и выйдя победителем из боя над двумя турецкими судами 110-пушечным линейным и 74-пушечным — встречается с русской эскадрой.

И третья картина — на самую животрепещущую тему: «Синопский бой» — недавняя победа Черноморского флота 18 ноября 1853 года.

Все три картины были актуальны и оттого производили еще большее впечатление на зрителей. Из Севастополя художник возвращался в приподнятом настроении, с ощущением выполненного долга. К сожалению, его радость вскоре омрачилась новыми тревожными событиями. Первое, еще в Севастополе Айвазовский имел встречи с морскими офицерами и знал от них чудовищную правду — Россия не готова к войне. Мало железных дорог, а значит, не получается вовремя доставлять продовольствие и необходимое вооружение. Русский флот до сих пор ходит под парусами, в то время как Франция и Англия не пожалели денег на современный паровой флот. Следовательно, пока русские будут ждать попутного ветра, их несколько раз сумеют обойти с любой стороны.

Русское оружие на начало войны реально устарело. Наши ружья стреляют на триста шагов, а английские и французские на тысячу двести. Французская и английская армии на начало войны насчитывали шестьдесят две тысячи солдат, в два раза больше чем в войсках защитников Крыма.

Но и это еще не все, Севастополь вообще не был укреплен со стороны суши! Об этом многократно докладывали князю Меншикову Нахимов и Корнилов, но тот только отмахивался от них, считая проект несвоевременным и дорогостоящим.

О плачевном положении Севастополя знали не только русские, поэтому ничего удивительного, что в начале сентября 1854 года десант, высадившийся у берегов Евпатории, благополучно добрался берегом моря до Севастополя, рассчитывая на легкую и быструю победу. Восьмого сентября на реке Альма десант был встречен русскими войсками, произошел бой, но в результате противник только сменил направление и, обойдя Севастополь с южной стороны, все равно взял город в кольцо. Укрепление и оборону Севастополя возглавили Корнилов и Нахимов.

Семь нормальных, в хорошем состоянии кораблей пришлось сразу же затопить в бухте, закрывая, таким образом, проход неприятелю. Еще долго из воды будут торчать их мачты. Среди принесенных в жертву судов линейный корабль «Силистрия», на

котором Айвазовский ходил вместе с Раевским рисовать десант в Субаши.

21 сентября неприятель высадил второй десант, но теперь уже в Ялте, город был отдан на разграбление.

Понимая, что теперь нужно думать не о картинах, а спасать семью, Айвазовский забирает жену, троих дочерей и престарелую мать и вывозит их в спокойный Харьков.

Здесь Юлия снова пытается увлечь Айвазовского археологией или выразительными сценками малороссийского быта, но Иван Константинович не может сосредоточиться, непрерывно думая о войне и своих друзьях в Севастополе. Вскоре он не выдерживает и убегает из Харькова, чтобы быть на первом фланге в Севастополе. Он должен писать военные события, делать мгновенные зарисовки, портреты героев. Само присутствие Айвазовского вдохновляет защитников города. Его видят на Малаховом кургане вместе с Нахимовым и Корниловым. Два дня он рисует под непрекращающейся бомбардировкой, не обращая внимания на просьбы и даже приказы. Через два дня пребывания художника в Севастополе Корнилов отдает официальный приказ художнику Айвазовскому покинуть осажденный город. С одной стороны, недисциплинированный художник делает действительно большое дело — оставляет потомкам память о севастопольских событиях, с другой — весьма вероятный исход — смерть самого Айвазовского. Корнилов не желает рисковать жизнью художника, и после препирательств, уговоров, просьб Иван Константинович вынужден вернуться в Харьков. В те дни смерть ходила меж людьми, выбирая, кого бы забрать с собой, Айвазовского или Корнилова. Пятого октября она выбирает Владимира Алексеевича Корнилова. Последние слова, которые произнес на Малаховом кургане этот герой, будет еле слышное «Ура!», которое подхватят защитники осажденного города.

В это же время Айвазовский берется за создание ряда полотен о героической обороне Севастополя. Но самую удачную, по мнению критиков, картину о тех событиях Иван Константинович напишет только в 1859 году — это будет «Осада Севастополя». [194]

В общей сложности о крымской войне и осаде города Севастополь расскажут следующие картины Айвазовского: «Гибель английского флота у Балаклавы», «Буря у Евпатории», «Переход русских войск на Северную сторону», «Оборона Севастополя». Художник будет раз за разом возвращаться к тому героическому времени. В 1892 году он пишет «Малахов курган», то самое место, где погиб Корнилов.[195] На картине два ветерана возле лежащего на земле, точно распростертый воин, креста. Два

седых старика, в одном из которых можно узнать семидесятилетнего Айвазовского, а второй… рядовой солдат, участвующий в обороне Севастополя, с которым Иван Константинович сдружился уже в старости.

Зиму 1853–1854 годов Айвазовский проводит в Крыму, ломая загодя выстроенные планы: «Несмотря на славные наши победы, береговые жители в страхе, и как мы ни стараемся уговаривать — все напрасно, так что и мы перебрались к себе в имение. Кроме этого обстоятельства еще другая причина меня удерживает в Крыму — это заказы [на картины, изображающие] взятие пароходов. Кроме того, я теперь пишу чудное Синодское дело». [196] Имеется в виду «Синопский бой» — большая картина Айвазовского. Ныне она находится в Центральном военно-морском музее в Санкт-Петербурге. Иван Константинович писал ее зимой 1853 года. Для сбора материала ему пришлось ехать в Севастополь. «Мы уже более года жили в Крыму, как в кавказских крепостях», — пишет он в ноябре 1854 года Х. Е. Лазареву.[197]

30 апреля 1854 года в Севастополе открылась выставка картин И. К. Айвазовского: «…Сегодня второй день, как Айвазовский открыл выставку своих картин: двух видов Синодской битвы, двух видов битв «Первас-Бахри» с «Владимиром» и пятый — вход «Владимира» с «Первас-Бахри» на буксире под парами в Севастополь, — пишет мичман Иванов, служащий флаг-офицером у адмирала Панфилова. — Перед этими картинами постоянно куча народа, в особенности из офицерства. Первая картина представляет начало Синодского сражения. Некоторые суда неприятельские только начали гореть, другие выброшены и, наконец, один фрегат взорван. «Картина чрезвычайно верно сделана», — это сказал Нахимов, герой Синопа.

Вторая представляет пожар в городе и судов на рейде ночью. Эта картина так поражает, что трудно оторваться от нее. Флот наш стоит на том же месте, где только сражались. И пароход только что собирается вывозить некоторые корабли сквозь линии».[198]

В том же 1854 году Иван Константинович ведет активную переписку со своим братом Гавриилом (Габриэлем), письма последнего к Айвазовскому не дошли до нас, но из контекста писем Ивана Константиновича можно понять, что находящийся в это время в Париже Гавриил Константинович планирует возвращение в Россию. Об этом он, в частности, пишет в своем послании к почетному попечителю Института восточных языков — Лазаревского института в Москве Христофору Екимовичу Лазареву 17 ноября 1854 года. «Весною, когда возможно будет

ему возвратиться, я готов со своей стороны по возможности помочь», — пишет Иван Константинович, тем не менее в словах его не чувствуется уверенности. Война, необходимость покинуть со всем семейством насиженное место, до этого он просто вывозил домашних в одно из приобретенных в Крыму имений, теперь же ситуация сделалась опасной для жизни: «С душевным прискорбием мы должны были выехать из милого нашего Крыма, оставив все свое состояние, приобретенное своими трудами в продолжение пятнадцати лет. Кроме своего семейства, матушки 70 лет, должен был взять с собой и всех родных, мы и остановились в Харькове, как ближайшем городе к югу и недорогом для скромной жизни».

Устроив родных, Айвазовский не может усидеть на месте, и то и дело выбирается в Крым, дабы продолжать начатую работу. 28 октября он посещает Севастополь, где с риском для жизни успевает зарисовать общий вид Севастополя во время сильной канонады.

В марте 1856 года Айвазовский с семьей в Петербурге. Работает, участвует в разработке проекта о железной дороге в Крыму, особенно в той части пути, которая относится к Феодосии. Во время своего вынужденного странствия художник беспрестанно думает о Крыме, мечтая поскорее вернуться в места, где ему всегда так хорошо писалось: «Ждем мира с нетерпением и, ежели состоится, то мы, крымчане в особенности, будем счастливы и возвратимся восвояси», — пишет он Григорию Ивановичу Бутакову,[199] выдающемуся флотоводцу, командиру русского фрегата «Владимир», одержавшему победу в трехчасовом бою с турецким десятипушечным фрегатом «Парвас-Бахра» в ноябре 1853 года на Черном море. Айвазовский запечатлел вышеозначенный бой в 1855 году в двух картинах под названием «Морской бой».[200] Узнав от художника-иллюстратора Василия Федоровича Тимма,[201] командированного в Крым для писания картин на военно-морскую тему, что прославленный капитан «Владимира» желает заказать Айвазовскому копию, на котором изображен пароход «Владимир» во время боя с «Первас-Бахри», художник делает просимое и посылает Бутакову в подарок, прося его лишь отыскать в Николаеве художника Мешкова, который натянет картину на раму и приведет ее в надлежащий вид.

Айвазовский по-прежнему быстр и вполне уверен в себе. Но вот что удивительно в этом человеке: он может достаточно быстро создать новую картину или сделать точную копию уже написанной, но при этом сам неизменно остается недоволен соделанным. Когда в 1860 году Погодин просит его написать

автобиографию и указать в ней несколько своих основных произведений, он охотно пишет о событиях своей жизни, но при этом отказывается назвать хотя бы несколько самых значительных и любимых из них: «…а указать на лучшие свои произведения, право, не могу по той причине, что вскоре после окончания я вижу в них много недостатков и только тем утешаюсь, что вперед лучше напишу, поэтому-то я и не люблю их иметь долго у себя». В нем уживается легкость доступная гению и одновременно с тем скромность и способность видеть собственные недостатки. Он с радостью организовывает все новые и новые выставки, зная, что его творчество доставляет зрителю удовольствие, и при этом чутко прислушивается ко всему, что говорят у его полотен. Недостатки своих произведений он видит и сам, оттого и не может держать картины при себе, сказывается его вечная неудовлетворенность. Тем не менее он пишет, стараясь правильно воспринимать критику и выискивая возможно скрытые от него самого недостатки, дабы не исправлять их в готовых картинах, а писать следующие с учетом высказанных пожеланий. Если же Айвазовский замечает, что критика в его адрес необоснованна, он не стесняется доказывать правоту. Так поступил он и с капитаном «Владимира», который, по воспоминаниям художника Тимма, заметил неверное расположение труб на своем корабле. В доказательство правильности изображения корабля, Айвазовский указывает в письме к Бутакову, что работал не только с натуры, но и имел во время дальнейшего написания картины чертежи «Владимира», а, следовательно, в этой части любые обвинения, пусть даже и капитана корабля, он считает необоснованными.

В 1855 году под Евпаторией был разгромлен генерал Хрулев, [202] многие считали это предвестником неминуемого поражения в войне. Поэтому, когда вскоре после этого в Петербурге скончался император, прошел слух, будто бы Николай Павлович покончил с собой, предотвратив личный позор и сожаления. Склонные считать покойного государя самоубийцей ссылались на тот факт, что перед смертью Николай Павлович запретил делать вскрытие и бальзамирование своего тела. Считалось, что яд для его величества приготовил лейб-медик Мандт, находящийся много лет при особе государя. Официальная же версия смерти императора гласила — воспаление и отек легкого.

В последний год Крымской войны на Российский престол взошел сын покойного государя — Александр II,[203] впоследствии, в 1861 году удостоенный особого эпитета «Освободитель» в связи с отменой крепостного права.

Глава 21

«Движение живых стихий неуловимо для кисти: писать молнию, порыв ветра, всплеск волны немыслимо с натуры. Для этого художник и должен запомнить их и этими случайностями, равно как и эффектами света и теней, обставлять свою картину… Так я писал сорок лет тому назад, так пишу и теперь…»

И. К. Айвазовский

В 1858 году Айвазовский направляется в Париж на встречу со своим братом, причина встречи и радостная и тревожная одновременно. Гавриил готовится к принятию чина епископа, его брат-художник использует все свое влияние, помогая ему в этом нелегком предприятии. В это время Юлия ждала их с мужем четвертую дочь, Жанну.[204] Девочка родилась в 1858 году, сразу же сделавшись всеобщей любимицей. В 1859 году на пост Президента Академии художеств взошел ученик и друг Брюллова Григорий Гагарин. Давно, еще в 1845 году, скончался от простуды герцог Максимилиан Аейхтенбергский. Инспектируя уральские заводы, большой знаток в литье, Максимилиан старался все делать сам, в поездке занедужил, слег, а вскорости и сгорел от температуры. В память о нем в Екатеринбурге построили храм-колокольню во имя Великомученика Максимилиана, да ученые мужи в Петербурге еще долго разбирали подробные отчеты герцога относительно увиденного им в поездке. На пост президента на срок 1852–1876 годов взошла вдова Максимилиана Великая княгиня Мария Николаевна.

Николай I никогда особо не отличал будущую президентшу Академии художеств, обижаясь на то, что Маша-де не родилась мальчиком. Как писала по этому поводу супруга Николая Павловича Александра Федоровна:[205] «Действительно, я легла и немного задремала; но вскоре наступили серьёзные боли. Императрица, предупреждённая об этом, явилась чрезвычайно скоро, и 6 августа 1819 г., в третьем часу ночи, я родила благополучно дочь. Рождение маленькой Мари было встречено её отцом не с особенной радостью: он ожидал сына; впоследствии он часто упрекал себя за это и, конечно, горячо полюбил дочь». Тем

не менее, когда встал вопрос, кто заменит покойного Максимилиана Иосифа Евгения Августа Наполеона Богарне, он выбрал именно ее.

С 1855 года при Великой княжне появляется князь Григорий Григорьевич Гагарин, художник и человек, сделавший чрезвычайно много для Крыма и Кавказа, который, к восторгу художественной братии, принимает на себя президентские обязанности. В 1858 году император производит Гагарина в генерал-майоры, а в 1859 году Григорий Григорьевич становится уже вице-президентом помянутой Академии. С князем Гагариным Айвазовский встречался на Кавказе и был наслышан о его славных делах. Несмотря на свои должности, он продолжал рисовать, причем делал это действительно хорошо. Его карандашу принадлежат графические портреты «М. К. Орбелиани», «Д. А. Чавчавадзе», написанные в начале 1840 года (оба в настоящее время находятся в Русском музее Санкт-Петербурга). В 1841 году Гагарин участвовал в Чиркеевском походе, за что был награжден орденом Станислава 3-й степени. Через год вошел в экспедицию кн. А. Чернышёва[206] в Дагестан. С 1848 году состоял при князе М. С. Воронцове (командующим Отдельным Кавказским округом и одновременно наместником Кавказского округа) в городе Тифлис, где вскоре построил по собственному проекту театр, позже занялся восстановлением фресок в Сионском соборе и в старых грузинских монастырях, включая Грузинскую Бетанию.[207]

Гагарин иллюстрировал книги, писал этнографические зарисовки. По проектам Григория Григорьевича в ряде кавказских городов были построены соборы в «византийском стиле».

Кроме того, князь Гагарин был большим поклонником творчества Айвазовского и в 1864 году незадолго до получения последним чина тайного советника представил Ивана Константиновича к очередной награде, о чем и сообщил художнику 3 декабря 1864 года.

Интересный факт — Айвазовский был и остается единственным художником в Петербурге и России, имевшим чин тайного советника — равный по табели о рангах адмиралу флота, что давало ему неотъемлемое право носить адмиральский мундир!

Юлия Яковлевна старалась пользоваться мельчайшей возможностью посетить столицу, часто ездила туда с мужем. Последнее время она все чаще задумывалась об участи своих дочек. Когда придет время выдавать их замуж, необходимо, чтобы они с супругом не ударили в грязь лицом. Дочери Айвазовского воспитываются если не как принцессы, то во всяком случае как

английские леди. Сейчас, в 1860 году, старшей одиннадцать лет, в этом возрасте девочка должна чувствовать себя в обществе как рыбка в воде. Еще три, четыре года — и на нее начнут засматриваться молодые люди. Поняв, что муж не желает, чтобы вышедшие замуж дочери покинули его, Юлия Яковлевна смирилась и с этим и, начав приглядываться к знакомым мужа и соседям, неожиданно обнаружила несколько семей, в которых подрастали мальчики подходящих возрастов. Решив дать дочерям возможность завести собственные знакомства под присмотром матери, Юлия Яковлевна завела обыкновение устраивать у себя в феодосийском доме званые вечера и балы. Пусть ее красавицы вращаются в местном «высшем свете», покрасуются в шелковых платьях, потанцуют. Девичий век недолог, зачем же отказывать себе в небольших радостях.

Поначалу все получалось, на праздники к Айвазовским съезжалась вся губернская знать, но вскоре идиллию прервал сам хозяин дома, посчитавший, что гости мешают его работе, требуют его внимания в часы, строго отведенные для рисования, мешают писать письма, готовить приезд любимого брата.

И вот вместо роскошных бальных платьев маленьких принцесс — обычные скромные одежды, вместо веселых кавалеров — не обращающие на них внимания ученики отца, вместо волшебной музыки заунывный дудук, грязные бандуристы с рынка или рапсоды с их надоевшими скрипками. Иван Константинович же словно в протест любимой супруге повадился приводить в дом пропахших рыбой рыбаков, портовых грузчиков или ремесленников.

Вот и попробуй зазвать в дом образованных юношей, когда тут такое общество. Одно утешение — когда Юлия Яковлевна и Иван Константинович серьезно вздорили, обиженная супруга собирала девочек и уезжала с ними в Одессу или Петербург.

1861 год в семье Айвазовских беда. В Петербурге заболели скарлатиной жена Юлия и дочь Александра — болезнь заразная и плохо лечится. Понимая, что самым лучшим для всех будет немедленно отделить больных от здоровых, Иван Константинович забирает остальных троих дочерей, младшей из которых едва ли уже исполнилось три годика, и переезжает с ними в гостиницу, через дорогу от месторасположения больных: «У меня в доме ужасная беда. Одна дочь — третья заболела скарлатиной, и поэтому я с прочими детьми переехал напротив, в гостиницу. Между тем жена моя, полуживая, как Вам известно, оставаясь с больной дочерью, выбилась из сил и вот шесть дней, что опасно больна», — жалуется в письме И. К. Айвазовский А. П. Халибову. [208]

Ухаживать за Юлией и Александрой берутся брат Юлии, специально приехавший для этого в Петербург, и доктор. Сам Иван Константинович хоть и заходит к больным, но старается ни к чему не прикасаться. Страшное дело — заразить остальных детей!

Когда больные пошли на поправку, доктор посоветовал им поехать на лечение в Германию. Сопровождать еще не успевшую как следует оправиться после тяжелой болезни Юлию взялся ее брат. Айвазовский разрывается между желанием отправиться в Крым и поехать навестить супругу и дочерей в Вюрцбург, где они проходят лечение сывороткой. Впрочем, жене с каждым днем все лучше и лучше, девочки тоже чувствуют себя замечательно, лечение и климат явно идут всем на пользу. И успокоенный художник собирается в дорогу. Нет, не в Германию к семье, как это можно было предположить, в начале мая он планирует поездку на Кавказ, где его ждет наместник, с тем, чтобы в июне оказаться в Таганроге у А. П. Халибова.

1862 год — он в непрерывных разъездах, помогает Халибову построить гимназию или занят на строительстве собственного дома. У Айвазовского много встреч, тем не менее, он не оставляет занятий живописью и в один прекрасный день 20 ноября даже пишет князю Долгорукову:[209] «Я в восторге в настоящее время от своей картины «Всемирный потоп». Я ее почти оканчиваю, и она, смело могу сказать, есть лучшее мое произведение» — необыкновенное утверждение для скромного и взыскательного к себе художника. Вообще Айвазовский написал несколько картин на библейские темы. Но, к сожалению, именно это полотно «Всемирный потоп» 1862 года не дошло до нас. В Русском музее Санкт-Петербурга находится картина «Всемирный потоп» 1864 года.[210] Полотно «Ной с животными спускается с вершины Арарата» было подарено Айвазовским Эчмиадзинскому монастырю. Сейчас ее можно отыскать в Государственной картинной галерее Армении. Работая над темой Ноя и животных, художник использовал природу Араратской долины. Интересно, что когда Иван Константинович выставлял эти картины в Париже, он приметил там внимательно изучающего его картины корреспондента журнала «Базмавеп», который затем написал статью («Базмавеп», 1889 г., стр. 176–177): «Я рассматривал картины, когда ко мне подошел художник и сказал: «Вы, вероятно, ищете армянские темы в моих произведениях?» «Да, вы угадали», — ответил я. Он взял меня под руку, повел по залу и, показывая на одну из картин, сказал: «Вот наша Армения». Это была картина «Ной спускается с вершины Арарата».

Работая над произведениями по библейской теме,

Айвазовский консультируется со своим братом и, самое главное для него, пишет природу Араратской долины.

Вообще библейские и античные сюжеты — составляли обычную программу Академии художеств. Тем не менее новое время диктовало новые законы и правила. Входил в моду реализм, в Александринке дают «Грозу» Островского — тяжелую вещь о дикости, мраке и невежестве современного общества, загубившего молодую и жаждущую любви и света Катерину. В моде стихи Некрасова и романы Тургеньева, публика взахлеб читает Гоголя, узнавая среди его героев своих знакомых, часто выставленных в недобром свете. В живописи отдаются предпочтения жанровым сценам из народного быта или из жизни города. Люди хотят, чтобы искусство служило зеркалом реальности, они желают находить в полотнах художников или идущих в театрах спектаклях — самих себя.

Осенью 1863 года в Академии художеств как обычно была заявлена тема конкурсной работы. На этот раз академистам предстояло окунуться в поэзию скальдов, в скандинавские мифы об Одине и его свите. Ничего особенного — с точки зрения заслуженных профессоров Академии, но ученики неожиданно усмотрели в задании насмешку над их желанием писать злободневные картины. В результате произошло то, чего никто не мог предугадать — четырнадцать подающих большие надежды академистов во главе с Иваном Крамским[211] взбунтовались, потребовав дать им свободу в выборе тем. Академическое начальство было вынуждено пойти на крайние меры — все бунтовщики были лишены премий и командировок за границу. Мало этого — их перестали пускать в мастерские Академии. Но вместо того, чтобы повиниться перед начальством и получить прощение, четырнадцать художников демонстративно покинули стены Академии и создали артель художников: «Товарищество передвижных художественных выставок», или попросту «Передвижники», как окрестили их зрители.

Основателями общества по праву считались: И. Н. Крамской, Г. Г. Мясоедов,[212] Н.Н. Ге,[213] В. Г. Перов[214] и И. Е. Репин.[215] В разное время в товарищество входили художники: В. И. Суриков,[216] Н.Н. Дубовской[217], В. Е. Маковский[218], И. М. Прянишников[219], А. К. Саврасов[220], И. И. Шишкин, В. М. Максимов[221], К. А. Савицкий[222], А. М. и В. М. Васнецовы[223], А. И. Куинджи[224], П. И. Келин[225], В. Д. Поленов[226], Н. А. Ярошенко[227], И. И. Левитан,[228] В. А. Серов,[229] А. М. Корин,[230] А. Е. Архипов,[231] В. А. Суренянц Бялыницкий-Бируля, [232] А.В. Моравов[233].

Первое новшество, которое привнесло в жизнь русского

общества новообразованное товарищество, были передвижные выставки картин, устраиваемые в крупнейших городах России. «Общество понимало, что для нашего искусства пришел чудесный момент, и радовалось, смотря на гордый, смелый почин горсточки молодых художников», — писал критик В. В. Стасов. Прежде выставки традиционно проходили в Академии художеств, организовывая собственные выставки, Айвазовский обошел передвижников. Но в отличие от последних все деньги, которые удавалось собрать на входных билетах, Иван Константинович жертвовал тем, кто в них более нуждался: в сиротские приюты, беженцам, людям, пострадавшим во время войны, и т. д. Например, в 1866 году, когда на Крите началось восстание греков против турецкого владычества, Айвазовский написал несколько картин на эту тему, которые выставил в Одессе. Деньги, полученные от продажи входных билетов, ушли на поддержку критского восстания.

Что же до семьи — случилось то, что давно уже должно было произойти. Уставшая от невнимания супруга, Юлия отказалась возвращаться в Феодосию. Вместе с ней остались и дети. Семья распалась.

Глава 22

Однажды Ивана Константиновича спросили, какую из своих картин он считает самой значительной из его работ? «Ту, — не задумываясь, ответил Айвазовский, — что стоит на мольберте в мастерской, которую я сегодня начал писать».

В 1865 году Айвазовскому пожаловали орденский знак Святого Владимира 3-й степени. Очередной орден — это не только повод показаться с ним в обществе, выпить с друзьями, устроить еще одну газетную публикацию. Да, Айвазовский любит свои заслуженные награды, рисует себя в парадном мундире с орденами и медалями, но все они не просто украшения. Владимир 3-й степени открывает перед художником двери в его давнюю еще довоенную мечту — организовать художественную школу для молодых, талантливых художников Крыма. Тогда у царя не нашлось лишних трех тысяч серебром в год, потом началась война, и ни о какой школе уже не заикались. Теперь, кавалер Анны и Владимира, академик и профессор Айвазовский, художник с двадцатипятилетним стажем непрерывной деятельности открывает в Феодосии художественную мастерскую, для чего он намерен осесть в родном городе на долгие годы, лишь время от времени уезжая рисовать в другие города и страны.

Разумеется, и в прежние времена молодые художники, проживающие в разных городах, тянулись к отзывчивому и всегда готовому помочь Ивану Константиновичу, но как можно брать на обучение кого-либо, если ты то и дело переезжаешь с места на место? Захоти Айвазовский преподавать в Петербурге, ему бы тотчас освободили лучшую мастерскую при Академии, а ученики носили бы своего профессора на руках, но Иван Константинович избирает свой родной город, где ему, во-первых, хорошо пишется, и во-вторых, он прекрасно понимает, что мало кто из бедных, но талантливых молодых людей может реально приехать в столицу Российской империи или пусть даже в Москву. Ему самому просто повезло, появился Кох, Казначеев, друзья Казначеева. Без них кем был бы теперь Айвазовский? Да никем. В лучшем случае помогал бы старшему брату Григорию в порту, торговал в лавках или нанялся на работу в порт, рисуя после работы и путешествуя

лишь в собственных мечтах. Таких как Казначеев — чертовски мало, на всех ни за что не хватит. А значит, можно быть талантливым и сверхталантливым, но если тебя вовремя не заметят…

Не получилось открыть собственную школу, но учебное заведение со статусом «художественная мастерская» — это многим лучше чем ничего, учитывая, что преподавать в ней будет непревзойденный мастер моря — сам Айвазовский. Почитай, всю жизнь Ованеса окружают простые люди, а у простых и жизнь без хитростей. Сначала ребенок растет, учится у мастера, затем начинает работать, совершенствоваться, и наконец, передает свой опыт другим пришедшим постичь науку, овладеть мастерством. Казначеев почитает Айвазовского духовным сыном, а теперь у него появятся долгожданные внуки. Следовательно, приемный сын отплатит сторицей, воспитав не одного, а множество талантливых художников.

Да, он научит их всему, что знает сам — дань Воробьеву, Зауервейду, Таннеру. Он сделает даже больше этого, о каждом таланте он будет лично писать в Петербург, с тем, чтобы Академия художеств тоже приняла посильное участие в открытом Айвазовским молодом даровании — поклон Казначееву, Томилову, Башмаковой, всем тем, кто поддерживал его во время творческого становления. Что для этого нужно? Самую малость. Нет, Иван Константинович уже не просит денег на помещение или зарплату. Деньги у него есть. Ему необходим статус реально преподающего в Академии профессора: «Ввиду всех вышеизложенных обстоятельств, Айвазовский полагает, что сфера его деятельности в художественной мастерской будет некоторым образом соответствовать занятиям классных профессоров Академии, а потому считал бы весьма для себя лестным зачисление его на службу при Академии художеств со всеми правами, коими пользуются служащие в Академии профессора, конечно, за исключением жалованья, с тем, однако, чтобы ему предоставлена была полная свобода отлучаться из Феодосии во всякое время внутрь России или за границу без спрашивания на то разрешения Академии, так как по самому роду его занятий ему необходимо делать иногда беспрепятственные разъезды.[234]

В результате, получив просимое, Иван Константинович открыл при своей мастерской собственную художественную школу, которую назвал «Общая мастерская».

Наверное, Айвазовский с его живым открытым характером мог бы сойтись и с передвижником, но он привык вслушиваться в то, что говорили о его картинах, когда же до художника доходили оценки, даваемые его маринам главным передвижником

Крамским, у него на какое-то время опускались руки.

А Иван Николаевич то и дело ругал Айвазовского за то, что тот-де уделяет много времени и внимания заказанным картинам, которые и картинами-то сложно назвать, что ради достижения максимального эффекта готов жертвовать правдой натуры. Крамской ратовал за реальное отражение окружающей жизни и презирал добрые сказки Айвазовского, не понимая, а главное, не желая понять их.

Все это огорчало Ивана Константиновича, который был готов воспринять любую критику, но только не высказанную в грубой, категоричной форме, да еще и во всеуслышание. Нет, с передвижниками у него определенно не получалось, приезжая в Петербург, где жили его друзья, Айвазовский отдыхал за разговорами с ними. С кем-то удавалось строить совместные планы, он ходил в театр, слушал оперу, посещал выставки и мастерские художников. Одно угнетало — все это теперь он был вынужден делать один или в компании со знакомыми и их семьями. Юлия не собиралась возвращаться к мужу, предпочитавшему беседы с волнами или неграмотными рыбаками ее обществу. Втайне она всегда надеялась, что общительному Айвазовскому рано или поздно надоест его холодный одинокий дом и что он потянется к семейному очагу. Она продолжала любить своего пылкого Ованеса, но не собиралась разделять его плебейских наклонностей, которые неминуемо подхватывали их прекрасные девочки. Не желала она и родниться с армянскими семьями, понимая, что если Айвазовский легок на ногу и то и дело вывозит семейство за границу, эта черта скорее редкость, нежели правило среди армян. И вышедшие в Феодосии замуж дочери будут вынуждены всю жизнь просидеть в какой-нибудь деревне, вышивая гладью, рожая детей и проклиная свою скучную, однообразную жизнь.

8 марта 1865 года государь император всемилостивейше пожаловал Айвазовскому чин статского советника, но это уже не радует художника так, как обрадовало бы всего несколько лет назад. Большой дом, построенный по проекту Ивана Константиновича, еще совсем недавно наполненный смехом и голосами его ненаглядных девочек, нынче пуст. Не спасает ни работа, ни ученики, ни друзья. Дом опустел, и вместе с ним жизнь изменилась далеко не в лучшую сторону. Он с головой погружается в работу, пытаясь убедить себя в том, что все происходит как надо, что теперь его уже никто не станет отвлекать от главной цели жизни, что не прибежит вдруг раскрасневшаяся после прогулки дочка Сашка с букетом цветов и сбившейся шляпкой, не бросится ему на шею, пачкая краской свое

любимое платье. Уж лучше бы прибежала. Юлия не станет зудеть под ухо о необходимости весной посетить Париж и купить там хотя бы несколько платьев. Он скучает по этим невинным просьбам. Да и Париж… какой Париж без любимой женщины?!

Он исправно высылает деньги, сам подбирает арендаторов на имение жены, с тем, чтобы та вовремя получала арендную плату. Но как бы было неплохо теперь просто приехать к ней и обнимая девочек, скомандовать прямо с порога: «Собирайте чемоданы. Завтра в путь!»

Да, теперь ему уже никто не будет говорить, куда следует ехать, а куда нет, он свободен и может делать все, что пожелает, но ему все равно не удается убедить себя, будто бы черное это белое, и что ему хорошо в этом огромном для одного человека доме.

Тем не менее он не намерен сдаваться и 30 июля 1866 года пишет представление в Совет Академии художеств о работах своих учеников, своих нынешних «детей» — это своеобразный отчет, показатель того, чего профессор Айвазовский добился всего за год работы. Три ученика: Фесслер,[235] Алтунджи и Кондопуло — работы которых Иван Константинович представил на суд Академии.

Кроме картин своих учеников Айвазовский сообщает об отправке пяти своих новых картин, три из которых, большого размера, отобраны самим художником для участия во Всемирной парижской выставки. Да, Париж в этом году будет снова без Юлии, хотя, возможно, та еще одумается.

Как обычно, Айвазовский не ограничился пятью обещанными картинами и прислал девять. Три Совет Академии определит для Парижа, а остальные оставит для ежегодной выставки в Петербурге (сентябрь 1866 г.).

За доставку картин отвечал племянник Айвазовского, сын его сестры Левон (Леонид) Мазиров, который некоторое время назад начал работать на своего дядю, помогая ему в организации выставок и продаже картин.

9 ноября 1867 года Иван Константинович дарит Морскому музею картину, изображающую крушение корабля «Ингерманланд», о чем и пишет управляющему Морским министерством Н. К. Краббе,[236] обещая создать новое полотно на тему осады Севастополя, которую также намерен передать в дар означенному музею.

29 марта 1868 года он выдвигает проект о сооружении железной дороги от Феодосии до Акманаи, в надежде вдохнуть новые силы в еще не пришедший в себя после войны Крым. После чего решает отправиться в длительное путешествие, дабы собрать

материал для работы и как-то отвлечься от мыслей об утраченной семье.

В «Автобиографии» Иван Константинович пишет, что, выехав из Феодосии осенью 1868 года, он посетил: «Владикавказ, Северный Дагестан, Чечню, Каранайские высоты, Гуниб, Дарьял, Шуру, Сухуми и др. живописные места Кавказа». В ноябре он добрался до Тифлиса, где гостил у Тамамшева[237] — одного из видных армянских общественных деятелей того времени. Здесь он написал одну за другой 15 картин, которые были представлены на выставке Айвазовского: «Вид Гуниба»,[238] «Дарьяльское ущелье»,[239] «Цепь кавказских гор»,[240] «Озеро Севан», «Гора Арарат», «Река Риони», «Берег у Поти», «Вид Тифлиса»,[241] «Берег Сухума», «Снежный обвал у Казбека на военно-грузинской дороге», виды на Шуру с Каранайских высот и Дагестана. Сохранился альбом Ивана Константиновича с эскизами и рисунками, сделанными на Кавказе.

Как обычно, входной сбор пошел на благотворительные нужды. На этот раз в пользу детского приюта. Билеты на выставку шли аж по 200 рублей, в результате он собрал 5000 рублей. На обеде, устроенном в честь знаменитого художника тифлисцами, Ивану Константиновичу был поднесен оправленный в золото заздравный турий рог. Художник тут же велел принести ответный дар — «Вид Петербурга».

Жители Тифлиса отнеслись к художнику с теплотой и вниманием, извозчики перенесли свою стоянку поближе к дому, в котором устроил свою мастерскую Иван Константинович, каждый почитал за счастье подвезти Айвазовского, ссорясь между собой за право подать ему экипаж. Согласно легенде, в один из дней студенты и молодые люди Тифлиса скупили все цветы на рынках города и подарили их Айвазовскому.

В декабре Айвазовский получает письмо от католикоса Геворка IV[242] с благословением от его святейшества и тут же пишет ему в ответ о своем намерении посетить весной Армению:

«Святейший отец и благословенный владыка!

С любовью получив письмо и благословение Вашего святейшества, отвечаю:

Хотя давно я должен был приехать в незабвенную родную землю, дабы вновь возликовать при виде ее, снискать любовь и благословение Вашего святейшества, однако жестокие зимние метели держат меня в Тифлисе. Но по наступлении весны, в апреле, с благословения Вашего святейшества, я непременно исполню обет, данный мною с давних пор.

Остаюсь покорным слугою и сыном Вашего святейшества и Отца всего народа. Оганес Айвазовский».[243]

Айвазовский собирался посетить святую для него землю предков — Армению, но обстоятельства оказались сильнее его — поступил спешный вызов в Петербург. Обещание, данное католикоса Геворку IV о посещении Эчмиадзина осталось не исполненным.

Здесь мы снова коснемся темы имени Айвазовского, так как этих самых имен и фамилий у певца моря уже собралось предостаточно. Поэтому возникает законный вопрос, как следует правильно называть метра, чтобы не обидеть его и сделать все правильно с точки зрения политкорректности, тем более что и сам он в разных случаях подписывается по-разному:

«Эмма Акопян-Гаспарян: Уважаемый господин Айвазовский, ваши некоторые документы и письма подписаны (до 1841 г.) «Иван Гайвазовский». Письма, написанные вами по-армянски различным деятелям Армении, в том числе Католикосам Нерсесу и Геворку IV, подписаны Ованес или Оганес Айвазовский. Почему такое разночтение? Как правильно вас величать?

Иван Константинович Айвазовский: Старший брат мой Габриэл Айвазян, архиепископ, видный ученый и публицист, писал, что отца раньше звали Кайтан Айваз. Переехав из Молдавии в Россию, отец присвоил себе имя Константин-Геворк, а фамилию Айваз, или Гайваз (армянская буква h на русский переводится или «Г», или «А»), счел нужным переделать на Гайвазовский, так писалось до 1840 года, а потом стали писать — Айвазовский. Константин-Геворк Айвазовский и есть наш отец, умерший в 1841 г. Мать — Рипсиме Айвазовская. В письмах на родном языке я всегда писал свое имя Ованес или Оганес (в переводе с армянского на русский — Иван). А фамилию — Айвазовский или Айвазян. В официальных же документах и в среде русских подписываюсь Иваном Константиновичем Айвазовским».[244]

Из Петербурга Айвазовский возвращается ненадолго в Феодосию и затем осенью 1869 года едет на открытие Суэцкого канала в Египет. Надо полагать, что его спешный вызов в столицу был связан как раз с этим событием. Во всяком случае, в страну фараонов и сфинксов был направлен специальный русский пароход, на котором Айвазовский входил в число почетных пассажиров, так как российское правительство направило его в Египет с единственной целью запечатлеть на полотне торжественное открытие канала.

Ну, разумеется, художник не мог ограничить себя присутствием на церемонии, и, сделав несколько эскизов, Айвазовский отправляется в путешествие по этой новой для себя стране, в результате обогатившись впечатлениями и рисунками,

некоторые из которых по возвращении на родину перелились в дивные картины.

Путешествие получилось недолгим, так что уже в декабре 1869 года Айвазовский устраивает новую выставку в Петербурге, на которой представляет картины с видами Кавказа и Крыма. Выставка проходила в залах Академии художеств, с платой за вход в выходные дни по рублю, а в будни по 25 копеек. Все собранные деньги пошли на памятник генералу Котляровскому. [245]

Зимой 1870 года Айвазовский «за неутомимые труды его на художественном поприще и во внимание к отличному таланту[246]» представлен к чину действительного статского советника. А уже летом 10 июня 1870 года Иван Константинович подает прошение на развод в Эчмиадзинский Синод: «Руководствуясь человеческим и христианским долгом, я многие годы терпеливо относился к недостаткам жены, что могут засвидетельствовать не только родные и друзья, но и все знакомые во многих городах России… Перенесенное ею в 1857 г., по свидетельству столичных врачей, неизлечимое нервное заболевание еще более несносным сделало ее характер. Исчезло спокойствие в моем доме… Почти двадцать лет она клеветала на меня, запятнала мою честь и честь моих родных перед нашими детьми и чужими людьми. И это она делает с той целью, чтобы убить меня не физически, а морально, чтобы, незаконно отобрав у меня имение, имущество, оставить без хлеба насущного… Моя жена Юлия, относясь ко мне враждебно, живет в столице за мой счет, часто путешествует в Австрию, Францию, Германию, вовлекая меня в колоссальные расходы… Жизнь в Одессе мотивирует болезнью, хотя на самом деле одесские врачи рекомендуют ей уезжать из города… Юлия Гревс, руководствуясь советами сомнительных лиц, в последнее время обращается к губернатору и другим высоким чинам государства с просьбой забрать мое имущество и имение, хотя я постоянно обеспечиваю жизнь ее, посылая в Одессу ежемесячно по 500–600 рублей… Она восстанавливает дочерей против меня, беря у них подписи, что после развода они будут жить с ней».

Синод Эчмиадзина со своей стороны дает предварительное согласие на развод, но это еще не все, необходимо получить аналогичное разрешение церкви его супруги. Юлия Яковлевна Гревс принадлежала к лютеранской церкви.

Весь следующий год Айвазовский занят новым строительством в Феодосии, это не дом и даже не новая мастерская, в которой могли бы разместиться ученики великого мариниста. Если у него нет семьи, значит, не для кого и копить

деньги. В феодосийском доме вместе с Айвазовским живет его сестра, которой не нужны дорогие наряды и заграничные поездки, пускай же бежавшая супруга поносит его на каждом углу за расточительность. Он не гнал ее из дома, не отбирал куска хлеба от детей. Живи они с ним — возможно, все было бы по-другому. Но теперь он волен тратить деньги так, как считает это нужным. А детьми его будут благодарные ученики. Те, кто станет так же верно служить морю, как служит теперь он!

На собственные средства Айвазовский выстроил часовню и музей в память Котляревского в Феодосии. К сожалению, в годы Великой Отечественной войны здание музея, построенного по проекту Айвазовского в Феодосии, было разрушено.

Огромные вложения денежных средств, кажется, что теперь Айвазовский имеет полное право ожидать новых чинов и наград от государя, признания отчизны, но… единственное, о чем просит художник уже после построения этих двух зданий — аудиенции у императора, на которой он надеется показать написанную по такому случаю картину — вид музея и часовни. Для чего потребовалась личная встреча с государем, зачем писать картину? Этот изящный отчет о проделанной работе необходим с одной-единственной целью — показать государю свой город, рассказать о его насущных нуждах, заинтересовать открывающимися перспективами. Художнику жизненно необходимо продолжать помогать Феодосии, если получится, всему Крыму.

1872 год. Айвазовский снова в дороге. На этот раз цель поездки Ницца, где он устраивает очередную выставку. Модный курорт, дорогие входные билеты — Иван Константинович собирает деньги для сиротского дома. После Ниццы он держит путь во Флоренцию, где не был тридцать лет. Италия — место, где Айвазовский в первый раз вкусил настоящей славы, Италия подняла его много лет назад на гребне огромной волны по имени известность. Теперь художнику предстояло показать итальянцам силу своего возросшего гения, поэтому для этой выставки он отбирает самые лучшие свои картины из тех, что у него были в то время на руках: несколько видов Черного моря, кораблекрушения, «Неаполитанский залив в туманное утро». Выставка проходила во Флорентийской Академии изящных искусств. Огромные толпы флорентийцев часами стояли на улице в надежде прорваться к экспозиции. Итальянские газеты славили Айвазовского, Академия изящных искусств избрала его своим почетным членом. В качестве особой чести художнику было предложено написать автопортрет для галереи дворца Питти. Сбылась давнишняя мечта, когда вместе с Гоголем и Ивановым он бродил по галереям Уффици и Питти, мечтая когда-нибудь украсить музей своим

портретом.

В галерее Питти давно уже висел портрет Ореста Адамовича Кипренского, с которым Айвазовский был знаком в далекой юности, того самого Кипренского, на которого Ованес смотрел с немым обожанием, ловя каждое слово прославленного и умудренного опытом живописца. Теперь на стенах галереи поселились портреты двух русских художников — молодого Кипренского и старого Айвазовского.

Глава 23

«…родной внук Айвазовского — Ганзен является счастливым обладателем семидесяти картин великого мариниста. Среди них есть полотна исполинских размеров, и в общем это… полумиллионное состояние. И крупные западные фирмы, и коллекционеры России предлагали Ганзену купить у него все эти картины. Но внук не желает их продать. В своем собственном доме в Одессе Ганзен хочет устроить галерею картин деда для бесплатного осмотра публикой. Такую симпатичную мысль можно только приветствовать».

(«Биржевые ведомости». 1910 г.)

Как планировалось заранее, Айвазовский старался проводить зимы в Петербурге или за границей, с тем чтобы весной и летом быть в Феодосии.

Зимой 1873 года, устраивая очередную выставку новых картин, Айвазовский сообщает письмом конференц-секретарю Академии П. Ф. Исееву[247] о своем распоряжении пропускать учащихся Академии бесплатно: «Поэтому прошу Ваше превосходительство, если найдете нелишним, дать знать бедным молодым художникам, а им достаточно при входе сказать, что [они] — ученики Академии». Неудивительно, что академисты обожали Ивана Константиновича, даже не будучи лично знакомыми с великим маринистом. Такой щедрый жест не редкость, а скорее норма для Авазовского, взявшего себе за правило отдавать больше, чем получал, дарить, не ожидая ответного дара или хотя бы «спасибо».

Иван Константинович всю свою жизнь будет благодарить судьбу за дарованный ему талант, за любовь и понимание, которое видел в окружающих его людях. Он будет отдавать сторицей за добро и никогда не унизится до мести или сведения счетов. Он даже Феодосию будет благодарить, одаривая, украшая, вкладывая огромные денежные средства в жизнь и процветание

родного города. За что благодарить? Во времена детства и юности художника Феодосия представляла собой довольно-таки унылое зрелище. Талантливому человеку, рожденному мало того что в бедности, а еще и в забытой богом и властями России, скорее уж следовало волком выть, кляня жестокую судьбу. А еще лучше бежать куда глаза глядят, а главное, где смогут разглядеть его самого — увидеть, заметить, помочь встать на ноги. Айвазовский благодарит госпожу Феодосию, прекрасную Кафу за солнце и море! За радость родиться и жить в доброй, дружной семье, в окружении прекрасной природы. Он не сетует на окружающую его нищету и заброшенность, а старается изменить ситуацию и словом и делом. Забегая вперед, хотелось бы заметить, что стараниями Ивана Константиновича о Феодосии наконец заговорят в столице, и очень скоро прекрасная госпожа Кафа поднимется в свой полный рост, приняв еще один титул — «Земля Айвазовского».

Как все-таки много может сделать один человек, когда поступки его руководствуются любовью и благодарностью. Вот и верь после этого трусливой пословице, что, мол, один в поле не воин. Воин — если он похож на нашего героя. Впрочем, я продолжаю.

В октябре 1874 года Айвазовский во второй раз направляется в Константинополь, но теперь уже по личному приглашению турецкого султана Абдул-Азиза.[248] На этой встрече Ивана Константиновича представлял султану работавший в то время в Константинополе известный армянский архитектор Саркис Палян,[249] которого в Турции называли Серкисбеем. Айвазовский долго готовился к этому путешествию, отправив вперед себя двадцать картин и еще пять нарисовав по заказу султана во время своего трехнедельного пребывания в Турции.

И снова Ивана Константиновича закружил хоровод его почитателей и добровольных гидов. Куда везти художника моря? Разумеется, к воде. Но он с удовольствием пишет и городские темы и пейзажи. Значит на те виды, которые хочется заказать. В большую долину — по-турецки Буюкдере. Место примечательно необыкновенным деревом, под которым, согласно легенде отдыхах по пути к гробу Господню сам Готфрид Бульонский.[250] Собственно дерево в буюкдере — не совсем чудо — строго говоря это не одно дерево, а семь сросшихся стволами платанов, которые в незапамятные времена кто-то догадался посадить кружком. Платаны разрослись и сросшись, покрылись общей корой, которая с годами еще и окаменела. В центре дерева огромное дупло, в котором можно посидеть с друзьями за чашечкой кофе. Деловые турки готовят его тут же, предлагая к любимому напитку

сладости и кальян. Размер дупла таков, что в него запросто может въехать всадник на лошади. В общем, место замечательное, да и общество тут собирается самое что ни на есть роскошное. Любят местные господа отдохнуть в пещере платана, поглазеть на арки римского водопровода, да на облака, ночующие на склонах фиолетовых вершин Фракийских гор. А вечером балы, вист и пешие прогулки под луной по какому-нибудь дивно-красивому саду, или морские на лодках каиках или пароходах.

Традиционный отдых в Турции — неспешное попивание кофе в удобном халате среди расшитых подушек. Турки могут при этом часами сидеть, закрыв глаза и погрузившись в размышления. Бесшумно поднимаются клубы трубочного дыма, откуда-то доносится ненавязчивая мелодия, кольцо дыма, глоточек кофе. Мир застыл, исчез, растворился в сладостной дремоте.

В лодках каиках турки сидят совершенно неподвижно, созерцая медленно плывущие мимо них красоты природы, в то время как гребец каикчи орудует веслами. Айвазовский плавает по проливу, восторгаясь изящными, тонкими минаретами и куполами мечетей, иногда опасно нависающими над водой домиками местных рыбаков и яркими, расписанными как драгоценные шкатулки, дворцами знати.

Айвазовский высаживается неподалеку от базара, жестами приказывая гребцу подождать его. Сначала оружейный базар, все знают, что в Турции отменное оружие — можно купить себе или на подарки. Вот кинжалы, наверное, всех возможных форм и размеров, острые, точно бритва, и украшенные на все вкусы. Серебро, золото, кораллы, яшма, изумруды, рубины, жемчуг, серебро и золото… с разрешения продавца он извлекает первый понравившийся ему кинжал из ножен, читая на стали клинка стихи из Корана, на другом какая-то народная мудрость или чей-то, уже неизвестно чей, боевой девиз. Кривые ятаганы, дамасские сабли… сколько тут еще сокровищ! Как бы не опоздать к обеду в посольство. Иван Константинович откладывает понравившийся ему клинок, обещая зайти завтра. Голова кружится от обилия впечатлений. Понимая, что клиент уходит, турок дружелюбно предлагает бесплатно выпить чашечку кофе или отведать холодной родниковой воды, которую только что принес в изящном кувшине мальчик-водонос. Жарко, как не принять приглашение, но долго нельзя рассиживаться, и пообещав вернуться, художник торопится туда, где звучит какая-то музыкальная какофония. Должно быть, одновременно играют разные мелодии приглашенные по случаю музыканты. Невольничий рынок. Его можно узнать по развешенным у самых ворот клеткам, в которых ждут часа освобождения певчие птицы.

Обычай гласит — сторговал себе рабыню — будь человеком, купи и птицу. Девушка обретает комнату с изящной решеткой на окнах, а птица — вот счастливица — птица получает свободу.

Айвазовский покупает несколько птиц и отпускает их в небо.

Многие иностранцы ходят в секретные дома, в которых им за умеренную плату показывают похищенную где-то прекрасную принцессу. Девушка хороша собой и плохо говорит по-турецки. Любовь принцессы — дорогое, но изысканное удовольствие, но художник принципиально не ходит по таким домам. К чему ему принцессы, чья продажная любовь не вызывает в нем ни сочувствия, ни тем более душевного трепета? Для чего невольницы с их страхом, ненавистью и печалью? Тем не менее он ходит по рынку, запоминая, впитывая, зарисовывая в блокнот, пока строгие стражники не начинают гнать его прочь.

Он посещает бани — ни в одной стране мира нет таких бань, как в Турции. Необыкновенное изысканное удовольствие. Его намыливают, разложив на большом мраморном столе, массируя каждую мышцу, каждый суставчик, по телу разливается приятное тепло. Горячая вода сменяется ледяной, потом снова горячей. На ноги ему надевают деревянные котурны, на голову чалму. После мыльной самое время распарить косточки в комнате с паром и благовониями, потом новый массаж с одуряющими дивно пахнущими маслами. Расслабление такое, лежал бы и лежал, но банщики уже снова поднимают его, ведут или, может быть, несут, во всяком случае, он не чувствует ног, на веранду, где бьют фонтанчики и цветут цветы. Кто-то приносит кофе, а он, возрожденный и счастливый, лежит себе не думая больше ни о чем, а только наслаждаясь до этого неизвестными новыми гранями жизни.

Иван Константинович посещает целебные источники, вновь пробуя вонючую воду и вспоминая Италию. Поход к источникам — еще одно развлечение турок. Семейное развлечение. Многие турки берут с собой целый гарем, мирно отдыхая на природе, в то время как их жены ждут в специальных закрытых повозках, лакомясь фруктами и сластями, которые по первому зову приносят им разносчики. Гаремы на выезде охраняют мрачные охранники — ответственный пост. Чуть зазеваешься, как какой-то проходимец вдруг ни с того ни с сего возьмет да и уставится на повозки или, еще хуже, на вышедших размять ножки жен господина. С одной стороны, разглядеть что-либо под темными покровами невозможно, но стыд господину, если на его имущество вот так пялятся. Да и женщины, особенно те, кто уже по несколько лет живут в гареме, обычно не робкого десятка — одна попросила принести себе покурить и теперь тянет

сладковатый дым через жасминовый чубук, нет-нет да и приоткрывая лицо — зараза. Другая решила посидеть в тенечке на специально постеленном для нее ковре, добро бы просто сидела, а она возьми да и попроси принести ей воды, как будто бы в повозке не судьба ту же воду пить. Опять же стыд — с одной стороны, цыкни на нахалку, чтобы хоть отворачивалась, когда чашу к устам сахарным подносит, приподнимая паранджу, ты цыкнешь на нее, даже не цыкнешь, а зыркнешь выразительно, а она потом наговорит, что ей в жару воды испить бедняжке не дали. Третья… на личико чистая мегера, но туда же… а тут еще неведомо откуда взявшийся иностранец пристроился рисовать в блокноте то ли деревья, то ли жен господина. Тяжело охранять гарем.

Очарованный гением Айвазовского, султан пожаловал ему знаки ордена Османье 2-й степени и заказал новые морские виды. Еще заказы поступили от сотрудников посольства и турецкой знати, благодаря чему Айвазовский оказался буквально завален работой, шутка сказать, султан практически выбрал весь имеющийся в наличие запас художника, а надо было еще подготовиться к новой выставке, ожидались заказы от государя. Последняя картина Айвазовского, которую он поднес императору в Ливадии, картина с бомбардировкой Севастополя, Александр Павлович подарил в Севастопольский музей, так что теперь можно было ожидать заказов еще и оттуда.

За зиму художник полностью справляется с заказами султана, сразу по написании отправляя их в Константинополь, и уже 22 декабря Айвазовский шлет две картины для русского посланника в Турции Николая Павловича Игнатьева,[251] с которым сдружился во время своего пребывания в Константинополе. В марте дарит ему же картину с видом Константинопля. И в мае делится с посланником планами — послать ко двору султана пешкеш (дар) от русского художника — две картины: вид Петербурга с Невы летом и вид Москвы зимою. В том же письме Айвазовский делится своим негативным впечатлением, возникшими относительно архитектора Саркиса Паляна (Серкисбея), стараниями которого Иван Константинович был, собственно, принят при дворе султана Абдул-Азиза: «Серкис-бей, хотя и весьма был любезен постоянно, но в некоторых случаях его действия были весьма странные. Как я заметил, картины мои для него были средством в его делах; (он) дарил их не только от своего имени, но и от меня лицам, которых я и не знаю, например, бывшему визиру и другим. Мне было весьма неприятно иметь вид, как бы я заискивал у этих людей. Признаюсь, ежели бы мне пришлось еще раз поехать в Стамбул, то просил бы Ваше

высокопревосходительство приютить меня в посольском доме (какой-нибудь уголок)».

В том же письме Айвазовский намекает на устное приглашение султана приехать еще раз в Константинополь летом и пишет, что не воспользуется этим приглашением, пока не дождется второго. Иными словами, он более чем заинтересован сотрудничать с Турцией. Султан и его приближенные оказались предсказуемо выгодными заказчиками для Айвазовского, одному только Абдул-Азизу за год он написал 25 полотен. Кроме того, природа и архитектура Турции с первого взгляда поразили воображение Айвазовского, ему было просто необходимо запечатлеть намеченные им в прошлые приезды виды, ездить по стране, смотреть и находить новые.

Практически все картины, направляемые ко двору султана или его придворных, Айвазовский пересылает через Севастополь на пароходе «Wladimir», с капитаном которого он сдружился, постоянно пользуясь этим каналом доставки. Как уже повелось, доставкой картин занимается племянник Левон, благодаря чему Иван Константинович вновь ощущает себя человеком семейным. Сейчас племянник, а придет срок, и дочери либо вернутся в его дом, либо подарят ему долгожданных внуков, которые разделят страсть деда к рисованию. Жизнь же не может только отбирать, пройдет холодная зима и настанет полная надежд весна, а за ней знойное благодатное лето. Айвазовский будет взращивать поросль новых художников, и осенью они принесут долгожданные плоды. Главное, правильно возделывать свой сад, наблюдать за природой, и та ответит на все самые сложные вопросы. Главное — верить.

Но планы планами, а поездка в Турцию так и не состоялась. Летом Айвазовский живет и работает в имении в Шейх-Мамай, куда когда-то сразу же после венчания привозил свою очаровательную жену — Юлию. Как же давно это было. Деревья вокруг дома заметно подросли, цветущие кустарники сделались гуще, разрослись посаженные бывшей супругой розы. Каждый день прислуга ставит на стол в гостиной свежий букет цветов, в доме пахнет выпечкой, деревянные полы сверкают, натертые мастикой на воске, но… художник прекрасно понимает, что весь этот внешний лоск не скрывает, а пожалуй, делает более пронзительным и болезненным его одиночество. Он планирует очередную выставку в Петербурге, куда намеревается хотя бы ненадолго заехать зимой. В Академии с самой весны ждут его медаль и диплом Венской выставки, которые он покорнейше просит передать статскому советнику Александру Яковлевичу Коротковичу-Начевному, с которым у Айвазовского назначена

встреча, сам же не трогается с места.

Иван Константинович как обычно щедр и внимателен, теперь, после титанической работы на властелина Турции, он пишет очередную бурю, картину большого размера, которую намерен подарить Академии, приложив к подарку еще несколько небольших картин, вместе с которыми можно будет организовать выставку в Академии. При этом Айвазовский оставляет за академическим начальством право выбора: либо сделать выставку бесплатной, либо взимать плату, но затем всю собранную сумму отдать нуждающимся академистам, а также в пользу вдов художников.

В конце октября 1875 года по пути в Петербург Айвазовский заезжает в Одессу, где давно уже поселились Юлия с Жанной и две их вышедшие замуж дочери, повод более чем достойный — на сносях старшая дочь Ивана Константиновича Елена.

И вот он уже в доме зятя — врача одесской городской больницы, Пелопида Саввича Латри, где собралась уже почти вся семья. Навстречу отцу выходит Мариам с полуторагодовалой Юленькой — внучкой Айвазовского, которую тот видел еще младенцем. Как же много он упускает — живя бобылем в своей Феодосии. Словил первую улыбку малышки, а вот когда на ножки встала, и не заметил. А сколько еще пропустит?! Но Айвазовский не любит признавать свою неправоту, он же приготовил для дочерей имения — да не просто дома — дворцы персидских царевен. Отчего же те отказываются переезжать в приготовленные отцом уютные гнездышки и упорно вьют свои?

31 октября дочь Елена подарит ему первого внука Михаила.[252] Именно подарит, потому что всего через три года знаменитый дедушка увезет малыша в Феодосию, где станет учить его живописи. Михаил Пелопидович Латри, по настоянию своего деда, будет учиться в Петербургской Академии художеств в пейзажном классе профессора Архипа Куинджи, чтобы в результате сделаться известным художником по керамике. Но все это еще не скоро, с появлением внука перед Айвазовским откроются новые просторы деятельности, когда он снова будет чувствовать себя нужным, забегая вперед, скажу, что Елена родит еще двоих детей — дочь Софию[253] и сына Александра.

Александр Латри[254] — единственный внук Айвазовского, которому с благословения Николая II[255] будет позволено носить фамилию своего великого деда.

Из Одессы Айвазовский уезжает, переполненный радостными предчувствиями и надеждами. Он снова был со своей семьей, точнее со своими дочерьми, держал на руках первого внука и собственными глазами видел округлившийся стан Мариам, по

словам зятя Вильгельма Львовича Ганзена, родов можно ожидать в январе следующего года. Юлия думала, что отомстила ему, выдав дочерей замуж за иностранцев, но она не предполагала, что он поладит и с зятьями, да еще и уговорит младшую Жанну приехать погостить в Феодосию. Но тут не стоит торопиться, жизнь начала налаживаться и постепенно войдет в свою колею. Главное теперь — не дергать, не настаивать, не выказывать спесь и характер.

Сам Иван Константинович как обычно в трудах и заботах, добравшись до Петербурга, пишет картины для выставок в Вене и Мюнхене, готовится к очередному путешествию, на этот раз через Константинополь. Собирается писать автопортрет для галереи П. М. Третьякова, по его просьбе.

В декабре 1875 года Айвазовский открывает в столице выставку своих работ и весной посещает также приехавшую в Петербург Юлию. Узнав, что врач настоятельно рекомендует супруге сменить климат, Иван Константинович предлагает ей немедленно ехать вместе с ним в Феодосию, с тем, чтобы осенью отправиться во Италию. Она вынуждена принять эту более чем своевременную помощь, взяв вместе с собой младшую дочь, семнадцатилетнюю Жанну. Девочке нравится Крым, ей приятно то уважение, которое феодосийцы неизменно оказывают ее отцу, но больше всего окрыляет ее первая любовь. Друзья Айвазовского — семья армян Лазаревых, проживающая в основном в Москве и приезжающая на лето в Феодосию, принимает юную Жанну как маленькую принцессу, девочка тут же влюбляется в младшего сына Христофора Якимовича — Ивана.

В середине октября Айвазовский везет Юлию и Жанну на пароходе в Италию, сначала Флоренция, затем Ницца и оттуда как особо припасенный подарок, понятный им обоим — Франция, любимый Юлией Париж. Три месяца беззаботной жизни в мягком подходящем ей климате благотворно сказались на здоровье Юлии, но никак не повлияли на лед в их с супругом отношениях.

Давно уставший от неестественной для него холостяцкой жизни Айвазовский надеялся, что они смогут начать все заново, но ничего не получилось, Юлия с радостью посещала вместе с ним выставки и светские приемы, гордясь талантливым мужем и очаровательной дочерью, но сам Айвазовский приехал в Италию не столько для того, чтобы быть с супругой и дочерью. Для него Италия — мастерская, в которой он трудится дни и ночи напролет. Поэтому как обычно предоставив женщин самим себе, он уходил с этюдником куда-нибудь на набережную или берег моря, где с упоением рисовал. Когда же Иван Константинович все же оказывался дома, он отдавал свое свободное время всем, кто

желал встретиться с великим художником, попросив его о помощи, заказав новую картину, кто приходил взять интервью для газеты… да и просто пообщаться. Находясь во Флоренции 1876 года, например, он принимает у себя попечителей учебных заведений из Евпатории.

Дуван и Тонгур «…оба они вместе с тем являются членами Совета женской гимназии. Они имеют обе медали, а теперь желали бы получить св. Станислава 3-й степени. Так, кажется, и представлены попечителем Одесского учебного округа. Ежели они будут удостоены этой награды, то можно ожидать от них много материальной помощи для училища, так как оба они очень богаты».[256]

Как и следовало ожидать, осознав, что муженек ни на ноготь не изменился, Юлия дала Ивану Константиновичу понять, что не считает возможным вернуться к нему, чтобы жить по-старому.

Поэтому в апреле 1977 года Айвазовский вновь пишет в Эчмиадзин, прося, наконец, развести его с супругой. Через месяц Синод удовлетворит его прошение.

Хотела ли Юлия снова соединить свою жизнь с Айвазовским? Или просто рассчитывала проехаться за границу за его счет? — За границу на его деньги она ездила неоднократно. Иван Константинович зарабатывал, наверное, лучше, чем кто-либо из современных ему художников, и содержал беглую семью. Несомненно, она надеялась, что произошло чудо, и, постарев, Айвазовский сделается мягче. Ведь теперь у них были не только дети, но и внуки. Семья разрослась, и, наверное, было бы приличнее, если бы бабушка и дедушка снова жили вместе, как в добрые старые времена.

2 февраля 1876 года в Одессе у их дочери Елены появляется сын — второй внук Айвазовского российский художник-маринист Алексей Васильевич Ганзен.[257] Он получит блестящее образование в Новороссийском университете города Одесса, окончив юридический факультет.

Живописи его будут обучать К. Зальцман, П. Мейергейм в Германии, затем в Париже Э. Робер-Флёри[258] и Ж. Лефевр.[259]

А.В. Ганзен закончит Берлинскую и Дрезденскую Академии изящных искусств, войдет в Международную Ассоциацию акварелистов, Ассоциацию гравюры, Русское общество художников в Париже, станет членом общества «Товарищество художников».

Семь лет своей жизни Алексей Васильевич отдаст гражданской службе в Ведомстве учреждений императрицы Марии, унаследует за дедом должность художника Главного морского штаба России. Будет приобретать картины русских и

европейских художников и даже откроет галерею в Одессе, которая прослужит семь лет (1910–1917), и еще он будет почетным членом Попечительств детских приютов.

Всего у Ивана Константиновича Айвазовского было семь внуков и трое внучек:

Как было сказано выше, старшая дочь Айвазовского Елена, выйдя замуж за Пеолопида Латри, произвела на свет Михаила и Александра Латри (последний получит фамилию Айвазовский), а также дочь Софию Латри. София была дважды замужем, в первом замужестве ее муж носил фамилию Новосельский, в этом браке она родила дочь Ольгу, вышедшую замуж за Стефана Асфорда Сенфорда. После Новосельского Софья вышла замуж за князя Иверико Давидовича Микеладзе и родила вторую дочь — Гаяне Микеладзе, более известную как актриса кино Мики Иверия.

Мария (Мариам) Айвазовская вышла замуж за Вильгельма Львовича Ганзена. Старшая дочь Юлия — сведений относительно семьи нет. Сын Алексей Васильевич Ганзен — художник-маринист. Женился на Олимпиаде Васильевой, детей не было.

Александра, третья дочь Айвазовского, вышла за Михаила Аампси. Их дети: Николай Лампси с 1907 по 1909 год — директор Картинной галереи в Феодосии, женился на Лидии Соломе. Их дети: Михаил, Ирина, Татьяна.

Второй сын Александры Ивановны, Иван Лампси, — сведений о женах и детях нет.

И наконец, младшая дочь Айвазовского Жанна, в браке Арцеулова, родит трех детей: Елену, Николая и Константина. Константин Арцеулов появится на свет в 29.05.1891 года, до девяти лет он будет жить у своего деда в Феодосии, где получит свои первые уроки рисования. Позже мир узнает его как русского пилота и художника-иллюстратора. Он примет участие в Первой мировой войне, проведет 18 воздушных боев, в 1933 году его назовут заслуженным летчиком СССР и почти сразу же репрессируют, чтобы реабилитировать, вот ведь странности истории в 1937 году. Он будет иллюстрировать журналы «Крылья Родины», «Юный техник», «Техника — молодежи». Но все это будет многим позже. Константин Константинович Арцеулов умрет в 1980 году, а пока что у нас 1876–1877 годы, не будем же забегать вперед. И заранее открывать нашему герою то, что произойдет с ним и его семьей в грядущем.

Глава 24

«Айвазовский человек с талантом. Воду никто так хорошо здесь не пишет. Айвазовский работает скоро, но хорошо, он исключительно занимается морскими видами, и так как в этом роде нет здесь художников, то его заславили и захвалили».

А. Иванов (из письма родным)

Вот так, казалось бы, пожилой уже человек Иван Константинович Айвазовский на старости лет будет окружен наконец детьми и внуками, что может быть прекраснее? Пока же его имения в цветах и роскоши, достойной персидских дворцов, годы напролет ожидают возвращения дочерей с их малышами, казалось бы, вот-вот, еще совсем немного, но то, что кажется, очевидно, подчас неисполнимо на практике. В 1877 году начинается русско-турецкая война, которая будет длиться год. Причем на какое-то время Феодосия окажется в эпицентре военных действий. Айвазовский будет писать сражения русского и турецкого флотов, стараясь запечатлеть хронику событий. В картине «Великий князь Константин на Сухумском рейде во время минной атаки» он рисует уже современный пароход. Что показательно, наученная горьким опытом Крымской войны, Россия направила средства на укрепление своей боевой мощи в этом неспокойном регионе.

Во время одного из сражений в феодосийский дом Айвазовского попадают два снаряда, уничтожив часть фасада и разбив в гостиной мраморные бюсты Айвазовского и Пушкина. Слава богу, никого из семьи Айвазовских, согласно документам, в это время не было дома. 2 января 1878 года на съемную квартиру в Петербурге, занимаемую художником Айвазовским, пришла телеграмма командующего войсками Одесского военного округа: «В дополнение телеграммы № 5 доношу, что после $12^1/_2$ часов бомбардировка турками Феодосии не возобновлялась, а в седьмом часу броненосцы отошли на запад. В доме Айвазовского бомба пробила две стены и разорвалась в зале».

Айвазовский бессмертный — потому что он уже пережил одну смерть, решили друзья художника.

Но едва только отгремели последние залпы, Айвазовский с семьей сестры, а теперь еще и с любимицей Жанной вернулись в свой дом в Феодосии.

Влюбившаяся в Ивана Лазарева Жанна уже видела себя женой молодого человека, к которому благоволил ее отец, но неожиданно была мягко, но властно отозвана матерью в Одессу и обвенчана с морским офицером Константином Арцеуловым.

Одна только Александра вместе с мужем Михаилом Лампси и сыном Николаем поселяются в Феодосии у Айвазовского. Для их нужд художник выделяет пол своего дома, обещает в будущем отписать одно из имений в Крыму в Баран-Эли, Шейх-Мамае, Роман-Эли, Отузы — любое на усмотрение семьи Лампси.

В 1878 году с согласия дочери Елены Латри, сразу же после войны и ремонта в доме, Айвазовский привозит в Феодосию трехлетнего внука Михаила Латри, видя в мальчике свое продолжение. Впрочем, мальчика воспитывают слуги, сестра художника и Александра, сам же Айвазовский как обычно в делах и походах. При этом его никак нельзя обвинить в черствости — для Мишеньки он делает все, что возможно, и даже свыше этого, просто не дело известному художнику на склоне лет изображать из себя няньку для малолетки. Обучать своих внуков он будет, и сделает это отменно, мы еще вернемся к этой теме.

В том же 1878 году Айвазовский предпринимает путешествие в Голландию, во Францию и Германию. Во Франкфурте в течение месяца, он написал около десяти картин, из которых получилась отличная выставка. То, что не удалось продать во Франкфурте, Иван Константинович отправляет на выставку в Мюнхен, сам же держит путь в Штутгарт, где в декабре у него запланирована выставка в пользу бедных.

В феврале 1879 года, будучи в Мюнхене, Айвазовский пишет П. Ф. Исееву о молодой художнице Сперехиной, работы которые видел там: «Она уже несколько лет в Мюнхене и сделала большие успехи, заслуживает вполне, чтобы у нас обратили бы (на нее) внимание, и так как родители ее, которые живут у нас в Феодосии, люди небогатые, то было бы большим для нее счастьем, ежели бы из каких-нибудь сумм могли бы уделить ей хотя бы года на два самую незначительную сумму ежемесячно. О ней в прошлом году ходатайствовал наш здешний посланник П. Н. Озеров, но ничего им не удалось, да и неудивительно, ничего из ее трудов не прислали в Академию». Читая такие письма, лишний раз благословишь судьбу, пожелавшую, чтобы Айвазовский родился и вырос в бедной семье, что прочувствовал на собственной шкуре униженное и часто безнадежное положение человека талантливого, но не имеющего средств заявить о себе,

пробить собственную дорогу, добиться чего-то в жизни.

1879 — тяжелый год в жизни Айвазовского. Умирает брат Гавриил, с которым Иван Константинович был очень близок и часто навещал его сначала в Мхитаристском монастыре Св. Лазаря в Венеции, а затем в Париже.

Отчитываясь 30 апреля 1879 года о своей творческой деятельности во время поездки за границу П. Ф. Исееву, Айвазовский пишет: «…знаки ордена Фредерика и грамота получены были мною еще в Штутгарте. За границей я написал несколько картин. Две из них будут выставлены в Париже на обыкновенной годичной выставке, и три картины оставлены мною в Мюнхене для предстоящей международной выставки, которая откроется там 1-го июля этого года. Из заграницы вернулся я 15-го марта и в настоящее время приготовляюсь начать картину, изображающую Христофора Колумба во время открытия Америки, довольно значительной величины». Для серии картин на тему экспедиции Колумба Айвазовский специально ездил в Геную.

И вот теперь, продолжая работать как заведенный, из письма Айвазовского к В. П. Гаевскому[260] от 26 августа 1880 года мы знаем, что сразу же по приезде он занялся картиной на тему «Пушкин в Крыму». Иван Константинович воспитывает будущего художника — своего родного внука, гуляя с ним и приучая видеть красоту природы. Старый и малый — соседи то и дело видят их то возле Генуэсской крепости, то на берегу моря, а то и бродящими по узким крутым горным тропкам, на которых ни пожилых людей, ни малолеток из хороших семей днем с огнем не отыскать. Айвазовскому же хоть бы что, он словно не чувствует лет, не отставая от Миши, не мешая ему резвиться во всю мальчишескую удаль, а то и сам подначивает. Часто, забрав с собой узелок со съестным, альбомы или блокноты для рисования, они уходят на несколько часов заниматься любимым делом. Устав, устраиваются в тени, лакомясь пирогами, заботливо собранными в корзинку для пикника, матушкой Миши. Пироги отлично идут с молоком, молоко с турецкими конфетами или домашними леденцами. Впрочем, сладкое у Миши идет в любом сочетании. Вкусно!

Отдыхая от трудов праведных, дед и внук ведут неспешную беседу, мальчик рассказывает о своих друзьях, о щенке, которого Иван Константинович обещал в ближайшее время забрать для внука у соседей. Щенка уже дня три как выбрали из четырех точно таких же коричневатых комочков. Выбрали окончательно и бесповоротно, заранее решив назвать нового члена семьи Рекс. Теперь новое дело: каждый день бегать через дырку в заборе к соседям, интересоваться, насколько за ночь вырос будущий

питомец. Уточнять, большим ли вырастит пес? И насколько большим? Миша понимает, что все эти сведения архиважны для деда, и только скромность и нежелание выглядеть перед соседями как какой-то шалопай не позволяют ему тоже лазить через дырку. Поэтому Миша и старается за них обоих, то и дело исчезая из двора Айвазовских в соседские владения, там, где под крыльцом пестует своих деток здоровенная серая Сатара. Собаченция неопределенной породы, но с покладистым характером и дивно-красивой разноцветной шерстью.

Захлебываясь, Миша рассказывает о новом щенке, и дед не мешает ему, время от времени задавая вопросы, соглашаясь с необходимостью построить новую будку, выкрасить которую разными цветами обещает мальчик.

Потом они вместе валяются на траве, смотря в небо, купаются — любимое занятие старого художника, и когда уже совсем выдохлись, Миша просит дедушку рассказать ему сказку.

Дед — старый волшебник — знает множество интереснейших историй, да не каких-нибудь, а все о крымской земле. Это волшебные истории, потому что, когда дедушка рассказывает о Ялте, после ничего не стоит упросить его отвести любимого внука в эту самую Ялту, дабы повторить повесть еще раз, но теперь уже на месте. Миша так лучше запоминает. Ну и искупаться там, конечно, как без этого.

Как почувствует маленький хитрец Миша, что дед его новую историю в закутках памяти шукает, так и сам задумается, куда еще не ездили они вместе? Ну, ясное дело, чтобы было, где порезвиться, а дедуле важно ходить да на местные достопримечательности показывать. Дед — рассказчик заслушаешься. Мише же двойная польза. Ах вот, нашел. Не далее как вчерась новая служанка говорила, будто бы недалеко от ее родной деревни скала приметная возвышается — каменная кошка. Нет, не каменная, а окаменевшая. Так Сонна сказала, точно так. И будто бы даже не кошка, а дьявол, превратившийся кошкой, да и окаменевший в этом образе. Мише хочется быть кошкой, полазить по деревьям, поохотиться, а какие кошки прыгучие. Но окаменевшей кошкой, да еще и кошкой-дьяволом… Сонна баила, будто бы кошка поднимается ночью, выгибая свою каменную спину, так что лес встает дыбом. Хотя леса там давно уже нет, вычесала его старая каменная кошка, точно лишний пух. Может, про эту самую кошку дедушку расспросить. Не опасно ли будет поехать, да и Сонну свозить, с родными повидаться? Она ведь ничего — новая мамина прислужница, и не ябеда вовсе, и добрая, всегда рада с детьми поиграть да сладостями одарить. Решено. Пусть будет про кошку.

— Дедушка? — отрывает Миша Ивана Константиновича от его размышлений. — А ты знаешь про каменную кошку, что в Симеизе?

— Про кошку, деву и монаха? — оживает Айвазовский. — Конечно знаю. Хочешь послушать?

— А правда, что та кошка на самом деле дьявол? — Миша пытается было пойти на попятную, но любопытство сильнее его.

— Правда, внучек. Ну, так рассказывать?

— Рассказывай. — Мальчик поудобнее устраивается, положив голову на колено Ивана Константиновича, позволяя тому гладить курчавую головку.

— В общем, было дело в скалах Симеиза, тогда еще поросших дикими лесами. И поселился в этих местах старых престарый монах-отшельник, которого люди по незнанию считали то ли святым, то ли просто мудрым, и время от времени приносили ему свои скромные дары. Кто кувшин молока, кто кусок парного мясца, кто сыр, а кто лепешки.

Только не ведали люди, и давно забыл монах, что на самом деле черна душа его и давным-давно предана в руки нечистого. Люди, что люди… они только знали, что поселился в их горах некто. Монах же то ли от старости, то ли головой об камень сильно треснулся, но начисто позабыл о том, кто он такой, кем был прежде. А был то он кровожадным разбойником, что убивал людей, жег их дома, уводил скот и забирал все их имущество. Очень он любил воровать по селениям красивых девушек, которых либо продавал в гаремы богатым туркам, либо насиловал в своем доме. Был он жесток и мог зарезать человека только за то, что тот неправильно на него поглядел или сказал не то слово. Словом — зверь он был в человеческом обличие, и ничто другое.

Вот только забыл он это. Все забыл и вел себя вполне благопристойно, хотя в душе был все таким же черным и злым. Просто жил один, и особенно срываться ему было не на кого.

Тебе пока все понятно? — Айвазовский тряхнул мальчика за плечо, не спит ли.

— Все, все, продолжай, пожалуйста.

— Ну, так вот. Как я уже говорил, живущие рядом с отшельником люди считали его святым монахом, который молится за их души, и несли ему подарки. Прознали об этом черт с дьяволом и обиделись. С чего это их верному слуге вдруг в святые одежды рядиться, праведника из себя строить. Думали, думали, как заставить неслуха показать перед людьми свое подлинное личико, и наконец придумали. Однажды в жуткую грозу подошла к пещере отшельника кошка, ну, разумеется, это была не кошка, а дьявол. Заскреблась у шкуры, заменяющей

отшельнику дверь, замяукала жалобным голосом. Мяу-мяу…

— Мяу, мяу, — помог дедушке Миша.

— Вот-вот, — Иван Константинович погладил внучка по голове. — Плакала кошка, просилась пустить ее в тепло. Поднялся со своего ложа монах, вышел из пещеры, забрал кошку, отогрел ее, покормил. И стали они жить вместе. Только недолго жили, вскоре рассердился отшельник на свою любимицу, схватил ее за хвост и выбросил из пещеры. Улыбнулся такому делу дьявол, радостно потер лапу о лапу черт, поздравили себя с удачным началом и дальше за «праведника» принялись.

Раз пошел отшельник на море, раз закинул в воду невод, пришел невод с одной водой, во второй раз забросил в море невод и поймал водоросли и камни, в третий раз бросил он сеть в воду, потяжелела сеть. Обрадовался отшельник, тянет-потянет и вытянул девушку чуть живую. Девушка, как ты наверное догадался, была чертом.

Быстро расправил монах сеть, вынул девушку, а та вдруг улыбнулась и обняла старика за шею. Тот тотчас вспомнил былое, тоже обнял красотку, повалил ее на песок. А кошка-дьявол за этим делом тут же наблюдала, заклинания мурлыча. Очень уж хотелось нечистой силе, чтобы отшельник из святых снова сделался разбойником и кровь человеческую лил, на радость ада. Только ничего из их задумок тогда не вышло, потому что видевшее все солнце прокляло тут же и кошку-дьявола, и девушку-черта и монаха-оборотня. Ибо нельзя гневаться понапрасну, негоже блудодействовать. И уж совсем не нужно было доброму солнышку, чтобы вспомнивший свою прошлую жизнь отшельник снова принялся за старое.

Грозно дохнуло на них солнце, и окаменели они на веки вечные, в назидание живущим. Так что те, кто приезжает в Симеиз, по сей день видят стоящего монаха, лежащую перед ним в неприличной позе девушку и наблюдающую за всем этим кошку.

Глава 25

Твоею кистею волшебной
Ты Рафаэля воскресил
И дар художества, бесценный
На русской почве ты привил,
Прекрасной кистею твоею
Ты все умеешь сотворить,
Все дивно родится под нею,
Ты все умеешь оживить.

П. Е. Делло.

Грамматика (посвящение Айвазовскому) (1867 год)

В то лето Айвазовский вновь ушел с головой в строительство, решил сделать каменную пристройку к собственному дому, в которой будет размещаться художественная галерея. Все по собственному проекту и на личные средства. Когда-нибудь после его смерти эта галерея перейдет в собственность Феодосии. Когда-нибудь… Айвазовский не любит тянуть да откладывать, ему за шестьдесят, мало кто в этом возрасте может сохранять прежний темп работы, Айвазовский же делает все очень быстро. Врачи пугают перспективой дряхлости, в любой момент может произойти все что угодно, отказать сердце, мозг, и тогда… нет, он не имеет права останавливаться, нужно столько еще успеть. Зал в пятьдесят один аршин длины, восемнадцать аршин ширины и одиннадцать аршин высоты был окончен за шесть месяцев почти не прерывающейся работы. Планировка современная и удобная, через балкон из галереи можно пройти в мастерскую и жилые комнаты. Выставочный зал с яркими пурпурными стенами, которые Айвазовский украсил картинами, на заднике Иван Константинович написал вид Неаполя.

Открытие картинной галереи состоялось в 1880 году, звучала музыка. Айвазовский не поскупился, позвав лучших певцов и музыкантов, которых только смог отыскать в Крыму, после осмотра выставки гостей пригласили отобедать.

Хвалебную речь в честь Айвазовского произнес нынешний городничий Феодосии г. Алтухов. Рассуждая о вкладе своего земляка в мировое искусство и безмерной гордости Феодосии за то, что здесь живет и работает ее талантливый сын, Алтухов

зачитал постановление феодосийской городской думы — присвоить художнику Айвазовскому звание почетного гражданина города Феодосия. В честь Айвазовского улица, на которой он родился, будет теперь носить его имя, а от его дома в самом скором времени протянется бульвар Айвазовского. Когда городской Глава поднял свой бокал, произнеся: «Да здравствует славный художник и доблестный гражданин наш Иван Константинович Айвазовский на многие лета!» — гости устроили овацию.

После того как все тосты были произнесены и кушанья съедены, Айвазовский повел своих гостей на прогулку. В саду у дома, скрытые за цветущими кустами диких роз и желтой акации, устроились музыканты, которые, меняясь, играли в честь художника и его гостей день и ночь. А в небе Феодосии сверкал фейерверк. В центре сада был установлен большой фотографический портрет Айвазовского, украшенный гирляндами из цветов, и тут же полыхали огнями три сплетенные в вензель буквы «И», «К», «А» — инициалы художника.

Ночью бравурная музыка сменилась нежными итальянскими серенадами, и света от небольших развешанных по саду фонариков было столько, что можно было гулять хоть до рассвета.

После праздника Айвазовский дал в газеты объявление об открытии галереи и о том, что готов брать на обучение живописи одаренных молодых людей.

Всю зиму Иван Константинович получал письма от начинающих и уже состоявшихся художников, которые мечтали обучаться именно у него. Некоторые из будущих учеников уже сейчас учились в Петербургской Академии художеств, тем не менее они были готовы оставить обучение в столице в надежде на благосклонность феодосийского метра. Осенью залы галереи были заполнены приехавшими в Феодосию молодыми людьми. Ученики старательно копировали картины Айвазовского, вместе с ним выбирались на природу, где писали этюды. Или просто наблюдали за тем, как работал их знаменитый учитель. Но угнаться за ним было не под силу даже самым бойким и любящим свое дело художникам, потому что Айвазовский не просто быстро работал, но закончив одно дело, тут же принимался за другое, потом за третье. Никто не видел его праздным. Если Айвазовский просто сидел и смотрел на море, все понимали, что за вялой спокойной позой на самом деле скрывается напряженная работа мысли. Иван Константинович знал море в мельчайших его проявлениях, мог говорить с морем, понимая его язык. Ходили слухи, будто бы Юлия Яковлевна оттого и ушла от мужа, что не

могла мириться с его разговорами с волнами.

Айвазовский не требовал подобной самоотрешенности от своих учеников, но попробуй явиться на занятие после ночной гулянки в ближайшем кабаке, вяло переставляя ноги и думая только о том, чтобы забраться в постель, когда рядом с тобой вдохновенно пишет метр. Попробуй побездельничать, когда он в трудах и заботах? Попробуй проваляться в кровати до десяти утра, когда Айвазовский начинает работу с восьми и пишет без остановки до двух часов дня. Трудно. Воистину, даже с Брюлловым было легче, тот хоть сам отдыхал и другим не мешал. Поэтому в результате рядом с Айвазовским оставались только люди, фанатично преданные избранной профессии. После обеда Иван Константинович делает наброски для следующей картины, пишет письма, разбирает сделанные ранее этюды. А впереди лондонская выставка.

Кроме заказанных картин и работы в галерее, Айвазовский сотрудничает с журналом «Иллюстрации» — прицел на будущее — если туда будут брать работы его учеников, в Петербурге с большим пониманием отнесутся к деятельности профессора без жалования.

«…Мое искреннее желание, чтобы здание моей картинной галереи в городе Феодосии со всеми в ней картинами, статуями и другими произведениями искусства, находящимися в этой галерее, составляли полную собственность города Феодосии, и в память обо мне, Айвазовском, завещаю галерею городу Феодосии, моему родному городу…» — в трезвом уме и твердой памяти Иван Константинович составляет свое завещание.

Глава 26

Стиха не ценят моего
Ни даже четвертью червонца,
А ты даришь мне за него
Кусочек истинного солнца,
Кусочек солнца твоего!
Когда б стихи мои вливали
Такой же свет в сердца людей,
Как ты — в безбрежность этой дали
И здесь, вкруг этих кораблей
С их парусом, как жар горящим
Над зеркалом живых зыбей,
И в этом воздухе, дышащем
Так горячо и так легко
На всем пространстве необъятном, —
Как я ценил бы высоко,
Каким бы даром благодатным
Считал свой стих, гордился б им,
И мне бы пелось, вечно пелось,
Своим бы солнцем сердце грелось,
Как нынче греется твоим!

Аполлон Майков. «Айвазовскому»

Айвазовскому было 65 лет, когда он во второй раз женился. Странное дело, многие художники в возрасте начинают жаловаться на то, что хуже различают оттенки, руки предательски начинают дрожать, трудно долгое время оставаться на ногах, работать запрокинув голову. С годами Айвазовский приобретал тонкость и чувствительность, которой ему недоставало в юные и зрелые годы. И если в молодости он нередко злоупотреблял

яркими красками, к старости его мастерство истончилось, образы сделались глубокими, цветовые и композиционные решения цельными. Он по-прежнему много и с удовольствием работал, стараясь творить, пока не истает вдохновение.

Но художнику, даже очень большому профессионалу, трудно творить без любви, и вот на склоне лет, окруженный большой семьей, с ним жили дочь Александра с мужем Михаилом и сыновьями Николенькой и Иваном (Ованесом) в честь дедушки, Айвазовский снова влюбился.

Однажды, гуляя по городу в собственном экипаже, Иван Константинович был вынужден остановиться и снять шляпу, пропуская похоронную процессию. Хоронили феодосийского купца Саркизова, с которым художник был немного знаком. Айвазовский вышел из коляски и, вежливо прижимая к груди шляпу, поздоровался с кем-то из проходящих мимо соседей. За гробом Саркизова шли скорбящие родственники и друзья, лилась траурная заунывная музыка, выли приглашенные плакальщицы, все было как всегда в таких случаях, много раз Иван Константинович видел эти процессии, приходилось и самому следовать за гробами друзей и близких людей. Купец Саркизов не был из числа последних, поэтому Айвазовский хотел уже пропустить процессию и спокойно ехать дальше по своим делам, но неожиданно он был буквально поражен открывшейся ему красотой. Погруженная в свою печаль, за гробом шла прелестная молодая женщина, утонченные черты лица которой показались Ивану Константиновичу неизъяснимо притягательными. Ее лицо на фоне темного платья показалось ослепительно белым, а ресницы такими черными и густыми, что у Ивана Константиновича закружилась голова. Печальная и прекрасная, точно лебедушка, незнакомка проплыла мимо художника должно быть, не заметив его.

Айвазовский вернулся домой в замешательстве, такого с ним не было, наверное, с того самого дня, когда он впервые увидел Юлию Гревс — гордую Айше — повелительницу крепости. Он ходил по комнатам своего большого дома, не в состоянии притронуться к начатым полотнам или написать что-то новое. Все его мысли неизменно возвращались к прекрасной армянке. Кто она? Дочь Саркизова? Родственница? Вдова? Никогда прежде он не бывал в гостях у покойника и не видел этой женщины, не ведал, кто она, не знал ее имени.

На следующий день Айвазовский навел справки и узнал, что увлекся вдовой купца. Красавицу звали Анна Никитична Саркизова,[261] в девичестве Бурназян. Разумеется, Айвазовский был знаком практически со всеми жителями Феодосии и теперь с

удивлением для себя припоминал хрупкую девочку, которую видел сколько-то лет назад в доме знакомых.

Получается, что девочка незаметно превратилась в девушку, а затем в прекрасную женщину. Но двадцать пять и шестьдесят пять — не будет ли разница в возрасте непреодолимой преградой? Саркизова являлась достаточно состоятельной дамой, муж оставил ей имение, в котором били ключи и был разбит дивный сад. Что мог ей дать пожилой мужчина со своими странностями, жесткими правилами и принципами? Да, он известный художник, с именем, положением в обществе, он почетный гражданин этого города, богат, знаменит, но… не посмеется ли молодость над пытающейся приглянуться ей старостью? Над белыми бакенбардами и вечной торопливостью, над его неукротимым желанием совершенствоваться, в его-то годы? Не будут ли помехой толпы молодых учеников? А ведь он, скорее всего, не сможет дать ей главного — ребенка! Да и сколько он еще проживет? Быть может, совсем немного, хотя… об этом думать не хотелось.

Выждав положенное время траура, Айвазовский добился, чтобы его познакомили с Анной Никитичной, и вскоре сделал официальное предложение. К его удивлению, Саркизова ответила согласием. Сохранилось свидетельство о браке И. К. Айвазовского с А. Н. Саркизовой:

«1882 года января 30 дня, я, нижеподписавшийся настоятель Симферопольской армяно-григорианской св. Успенской церкви, сим удостоверяю в том, что как видно из метрической книги, хранящейся при вверенной мне церкви о бракосочетавшихся в 1882 г., состоит в записи под N 3 акт следующего содержания: 1882 г. января 30 его превосходительство действительный статский советник И. К. Айвазовский, разведенный по указу Эчмиадзинского синоида от 30 мая 1877 г. N 1361 с первою женою от законного брака, вступил вторично в законный брак с женою феодосийского купца вдовою Анной Мгртчян Сарсизовой, оба армяно-григорианского исповедания. Посаженным их отцом был карасубазарский купец Емельян Христофорович Мурзаев.

Таинство брака совершено мною. О чем удостоверяю подписью моею и приложением церковно-казенной печати.

Настоятель Симферопольской армяно-григорианской св. Успенской церкви священник Авксентий Хопчанчиянц».

Айвазовский пишет портрет своей молодой жены, собирающей в саду виноград, нежная грациозная женщина в легком наряде тянет гибкие руки к спелым гроздям, рядом с ней, точно завороженный дивной картинкой, мальчик-слуга. Еще один — самый известный портрет Анны Айвазовской — ее лицо в

тонкой газовой ткани, над которыми сияют умные выразительные глаза, нежная улыбка, спокойная грация — тихая пристань, лунная ночь над спокойной, почти зеркальной водой, мерцающая в темноте лунная дорожка… «Моя душа должна постоянно вбирать красоту, чтобы потом воспроизводить ее на картинах. Я люблю тебя, и из твоих глубоких глаз для меня мерцает целый таинственный мир, имеющий почти колдовскую власть. И когда в тишине мастерской я не могу вспомнить твой взгляд, картина у меня выходит тусклая…» — Айвазовский счастлив!

Вот как писал он спустя полгода после свадьбы своему другу фотографу и литератору Абдулле Геворку Абрамовичу (Аствацатуряну) 7/13 июля 1882 года, из Феодосии:

«Любимый и досточтимый брат Аптулла!

Ваше любезное письмо получил. Дошедшая до вас молва достоверна. Минувшим летом я вступил в брак с одной госпожой, вдовой-армянкой. Ранее с нею знаком не был, да вот о добром ее имени слышал премного. Жить теперь мне стало спокойно и счастливо. С первой женой уже 20 лет не живу и не вижусь с нею вот уже 14 лет. Пять лет тому назад Эчмиадзинский синод и католикос разрешили мне развод. Так что на новый брак права лишен не был. Только вот очень страшился связать свою жизнь с женщиной другой нации, дабы слез не лить. Сие случилось божьей милостью, и я сердечно благодарствую за поздравления».

Тем не менее он и не думает хотя бы ненадолго оторваться от дел. Да, он снова влюблен, но телом-то стар, и еще неизвестно, когда и за ним явится костлявая. Знать бы, как отсрочить роковой миг, но даже тогда он не перестал бы писать.

14 февраля 1882 года очередная выставка в Академии Петербурга. На этот раз вместе с эстонским живописцем Иваном Петровичем Келлером,[262] ныне профессором той же Академии. На этот раз все средства, полученные от продажи билетов, пошли в пользу Красного Креста и принесли в кассу комитета 1153 р. 91 коп. О чем написал обоим художникам Президент Академии художеств Великий князь Владимир Александрович, поблагодарив от себя лично и от имени покровительницы дамского комитета общества Великой княгини Марии Павловны.

Но, должно быть, не все благополучно в жизни женившегося во второй раз пожилого художника: «Вам известно, что мы (divorce (развод (фр-) не имеем и надо мною совершен обряд (exception (как исключение (фр.)», — пишет он Абдулле Геворку Абрамовичу[263]7/13 июля 1882 года. И здесь же: «Был бы очень рад, если патриарх на страницах константинопольских газет также поместил благодарственное слово Эчмиадзинскому католикосу за то, что был расторгнут мой первый брак, благодаря

чему я ближе стал к своей нации… Знаю, что католикос будет весьма обрадован, если поступит благодарственное письмо от патриарха, почитаемого армянским населением, и от газет. Это нужно сейчас».

Получается, что, несмотря на то, что со стороны Айвазовского соблюдены все бракоразводные формальности, единоверцы не готовы принять его новый брак, хотя бы до тех пор, пока на то не поступит высшего указания. Из-за этого недоразумения родилась странная легенда, согласно которой страстный и порывистый от природы художник будто бы рассылал приглашения на свою свадьбу с Саркизовой еще не будучи разведенным. Как видно из письма самого Айвазовского, на момент вступления в брак он уже пять лет как был благополучно разведен и не виделся с бывшей супругой целых четырнадцать лет. Так что эта версия не выдерживает критики.

Тем не менее Айвазовский явно чувствует себя не в своей тарелке, иначе для чего было бы намекать на то, что Абдулла Геворг должен сообщить о положении, в котором он оказался, патриарху?

Наконец он отправляется с молодой женой в Грецию, где они проводят вместе некоторое время, а Айвазовский как всегда самозабвенно рисует, радуясь тому впечатлению, какое производит эта страна на Анну. На этот раз острота его чувства не притупляется, а словно разгорается с каждым днем, проведенным подле любимой женщины.

Он ни в чем не ущемляет своих интересов, практически не меняет расписание своей жизни и по-прежнему предан родному городу, друзьям, готов прийти на помощь, сделать что-то по-настоящему хорошее. Помочь всем, чем только может. А может он действительно многое. Кто же не знает великого Айвазовского? Все его знают, и художники, и министры, и цари. А стало быть, и земля Айвазовского — богом данная Феодосия — не будет забыта и заброшена.

10 февраля 1883 года художник сообщает письмом председателю инженерного совета Министерства путей сообщения Василию Васильевичу Салову[264] о преимуществах Феодосии перед Севастополем в коммерческом отношении, с целью добиться разрешения на построения в Феодосии коммерческого порта. Последнее время судов в Феодосию приходило много, и все они не могли уже разместиться в сделавшемся тесным и давно устаревшем в техническом отношении порту.

Айвазовский понимает — портовый город просто обязан иметь удобный и комфортабельный порт с сопутствующей ему

инфраструктурой. Нет порта — не будет судов, нет судов — не станет товаров, в Феодосию откажутся приезжать купцы, жизнь, которая худо-бедно начала налаживаться, снова затухнет. И если за Феодосию не заступится он — у города не останется шанса выжить.

Впрочем, письма, просьбы — это одно, а реальное дело — совсем другое, поэтому Айвазовский совершает очередной необыкновенный поступок. Он решается подарить землякам питьевую воду, в которой те отчаянно нуждаются каждое лето:

> «Не будучи в силах далее оставаться свидетелем страшного бедствия, которое из года в год испытывает от безводья население города, я дарю ему 50 000 ведер в сутки чистой воды из принадлежащего мне Субашского источника». Субашский родник часть приданого жены Айвазовского. В августе 1888 года вода поступит в город!

В то же время Иван Константинович принимает активное участие в жизни армянской церкви. Так, 16 апреля 1883 года он обращается Г. А. Эзову[265] в связи с назревшей необходимостью замены феодосийского армянского священника.

> «… Вернувшись сюда из Петербурга, застал наше феодосийское армянское общество в ужасном возбуждении против здешнего армянского священника Тер Мартирос. Хотя он и был 20 лет в Феодосии, но всегда имел против себя все общество и несмотря на это с протекциею двух домов остается все-таки на месте. В церковь никто не ходит и это весьма достойно сожаления. Я вполне разделяю отношение общества, потому что священник, в самом деле, невозможен. Жаловались в консисторию, но священник и двое покровителей сумели вовремя материалом предупредить, послали жалобу в Эчмиадзин к Макару, но узнав об этом, покровители послали нарочного. Весьма обязали бы, ежели бы Вы написали к епархиальному и освободили бы наш город от этого урода. Не откажите в этой покорнейшей моей просьбе».

В 1884 году проходит очередная выставка Айвазовского в Доме искусств Вены, на которую он сам не поехал, оставшись в Феодосии. Как обычно, пресса весьма благосклонно встречает новые произведения великого мариниста, тем не менее Айвазовский не выглядит счастливым, не радует его и общество молодой и любимой супруги. В одной из газет, рядом с

восторженной статьей о недавно проведенной выставке он обнаружил сообщение о смерти Марии Тальони. Она умерла у себя в доме в Марселе, еще точнее, в своем палаццо на озере Комо 22 апреля 1884 года, не дожив одного дня до собственного дня рождения. Марии Тальони должно было исполниться восемьдесят.

Много лет Айвазовский не видел бывшей любимой и не имел представления, как та жила без него. Мария же прослужила на театре Петербурга до 1842 года, постепенно теряя былую популярность, танцевала в балете своего отца «Тень» во Франции, но прежнего успеха не было. Прославленную балерину теснили ее же последовательницы и ученицы, которых готовили именно для романтического балета — главный козырь Тальони.

Оставив сцену в 1847 году Мария жила для своей семьи, давая частные уроки танцев. В 1859–1870 годах преподавала в балетной школе Парижской оперы.

В 1870 году во время франко-прусской войны, Мария Тальони получила похоронку на сына. Известие сломило бывшую балерину, некогда сильная женщина утратила почву под ногами. Не спасло даже пришедшее вслед за похоронкой письмо о произошедшей ошибке, сын не умер, а тяжело ранен. Казалось бы, возблагодари Бога и лети к своему вновь обретенному ребенку, тем паче что тому, может быть, нужна помощь. Мария уже никогда не будет прежней, а после того как буквально чрез год последовал следующий страшный удар — умер ее отец Филиппе Тальони, она словно потерялась, сильно постарев и утратив вкус к жизни. Желая сменить обстановку в 1870 году, Мария поехала в Лондон, где давала какое-то время уроки танца в аристократических семьях, одним из ее любимых учеников был сын королевы Виктории принц Уэльский. Двенадцать лет она отдала этому занятию, после чего полностью оставила танец и поселилась в своем палаццо на озере Комо.

Мария Тальони умерла на руках дочери, которую выдала за князя Александра Васильевича Трубецкого. И была похоронена на парижском кладбище Пер-Лашез. Через год на ее надгробии появится надпись: «O terre ne pese pas trop sur elle, elle a si peu pese sur toi»(«Земля, не дави на нее слишком сильно, ведь она так легко ступала по тебе»).

В первое Вербное воскресенье, наставшее вскоре после смерти Марии Тальони, в дом к Айвазовским как обычно принесли цветы. Каждый праздник благодарные жители одаривали своего художника свежими, только что распустившимися цветами. Среди подарков корзинка ландышей, к которому, должно быть по забывчивости, не приложена визитка.

Айвазовский смотрит на букет, какое-то время пытаясь что-то понять, цветы явно говорят ему о чем-то. Только о чем? Он напрягает память, но ничего не получается, тем не менее сегодня его ждет серьезное дело. Необходимо совершить официальный визит к градоначальнику, так что художник, кряхтя, облачается в мундир, супруга приносит ему из другой комнаты шкатулку с орденами. В память о Тальони в этой самой шкатулке Айвазовский хранит ее розовую туфельку. Иван Константинович смотрит на выглядывающий из-за коробочек с орденами любопытный носик танцевальной туфельки, перехватив взгляд мужа, Анна Никитична отворачивается, память уже готова подсказать ему ответ, но неожиданно Айвазовского отвлекает какой-то шум за окном. Секрет ландышей остается нераскрытым. Но с тех пор каждый год в Неделю цветоносную, в Вербное воскресенье, в дом к Айвазовским среди прочих посетителей приходит высокий старик с корзиной свежих ландышей, в которой нет ни визитки, ни письма. Посланец никуда не спешит, степенно кланяется, передает подарок и медленно удаляется, не задержанный никем.

Глава 27

«Какую бы ужасную бурю ни увидели мы на его картине, в верхней части полотна сквозь скопление грозных туч всегда будет пробиваться луч света, пусть тоненький и слабый, но возвещающий спасение. Именно веру в этот Свет пронес через века породивший Айвазовского народ. Именно в нем, этом Свете, и заключен смысл всех изображенных Айвазовским бурь».

Мартирос Сарьян

В 1885 году Айвазовский занялся новым грандиозным проектом — постройкой картинной галереи в Ялте. Для этой цели, он планирует собирать деньги на собственных выставках, как обычно не прося помощи ни у Академии, ни у государя. Все, что ему нужно, предоставление залов в Академии и, соответственно, обслуживание самой выставки, так как на этот раз из-за занятости он не может поехать в Петербург лично.

«Теперь изложу Вам подробно мою цель, — пишет художник П. Ф. Исееву. — Вам хорошо известно, что Ялта сделалась лучшим сезонным городом и туда приезжает лучшее общество со всех концов России. Местность Ялты — центр лучших живописных (мест) на нашем южном берегу Крыма. Я имею намерение весною выстроить там дом для старшей моей дочери, которая поселилась в Ялте. Место самое бойкое, и дом будет доходный… третью часть дома я намерен устроить с художественною целью, а именно, кроме внешних украшений (статуями и проч.) внутри будет картинная галерея со светом сверху, затем большая мастерская и несколько комнат — все это вместе составит отдельный от другой половины художественный павильон, который может удобно служить для выставок картин всех наших молодых художников, а также мастерской для известных художников наших за умеренную плату».

Айвазовский подсчитывает, что для постройки галереи ему необходимы двадцать тысяч, сумма не маленькая, быстро собрать не получится, что называется, каждая копейка на счету, тем не менее в начале 1886 года, то есть меньше чем через год после начала строительства, он жертвует 600 рублей в пользу

ученической кассы Академии.

Приближался 70-летний юбилей Айвазовского и 50-летний юбилей его творческой деятельности. Вопрос о праздновании неоднократно поднимался многими деятелями искусства, в том числе сохранилось письмо Ивана Николаевича Крамского, который еще в 1885 году обращался с этим вопросом в редакцию журнала «Новое время»: «…К сожалению, я не знаю точного числа и месяца, но знаю, что скоро (в течение этой зимы) должно наступить его пятидесятилетие. Не конфискуя ничьих заслуг, я все-таки полагал бы, что о юбилее Айвазовского поднять вопрос следовало бы.

…Айвазовский, кто бы и что бы ни говорил, есть звезда первой величины, во всяком случае, и не только у нас, айв истории искусства вообще. Между 3–4 тысячами номеров, выпущенных Айвазовским в свет, есть вещи феноменальные и навсегда таковыми останутся…»[266]

В начале 1887 года по случаю 70-летнего юбилея Айвазовского и 50-летия Айвазовского-художника президент Академии художеств Великий князь Владимир Александрович ходатайствует перед государем о проведении праздника в честь Ивана Константиновича с торжественным чествованием и, разумеется, выставками самых известных и знаменитых работ художника. Айвазовский тут же обращается с предложением устроить выставку в пользу кассы академистов, на работы Ивана Константиновича во все времена приходило множество народа, что же говорить о юбилейной выставке, посетить которую посчитают за святую обязанность? Даже при самой скромной входной плате сбор будет достаточно велик, но Айвазовский не собирается прикасаться к этим деньгам, привычно жертвуя все до копейки более нуждающимся, нежели он сам.

Выставка открылась 25 января 1887 года в залах Академии и закрылась 22 февраля 1887 года. Плата за вход составляла всего 30 копеек, тем не менее было продано 880 билетов, разошелся 3471 каталог с работами И. К. Айвазовского. Отчего такие разные цифры? Дело в том, что Иван Константинович лично распорядился допускать на выставку бесплатно всех художников и учащихся любых учебных заведений. «Теплое, сердечное отношение к нам, еще только вступающим в область искусства, горячее сочувствие к нашим нуждам побудило нас публично выразить пред Вами наши чувства глубокого уважения, искренней любви и глубокой признательности», — напишут в подаренном Айвазовскому адресе учащиеся Академии 21 февраля 1887 года.

Вообще, на юбилеях и праздниках принято произносить заздравные речи, хваля виновника торжества, тем не менее

искренняя любовь Айвазовского и желание помочь простым студентам была встречена академистами с восторгом. И их признания были искренними. И не только потому, что Айвазовский пожертвовал деньги, великий маринист жил достаточно далеко, и ученики не имели возможности видеть его так часто, как других профессоров. А значит, если у покойного Брюллова в мастерской любимые ученики дневали и ночевали, часами разговаривали с ним, гуляли, обсуждали театральные постановки или вдруг срывались и всей компанией устремлялись к цыганам или к девицам, если профессор Андрей Иванов часто принимал у себя дома учеников, желающих поделиться с ним сокровенным, то есть с академическими профессорами ученики могли подружиться, Айвазовский при всей его открытости и доброжелательности оставался далекой звездой. Тем удивительнее, что этой звезде приходило в голову позаботиться о людях, которых он, быть может, даже никогда не видел. «Живя далеко от Петербурга, я не могу быть (так) полезен для вас, как мои товарищи по искусству, а этой скромной материальной помощью, которую я вам представил, я обязан снисходительному отношению публики к моим произведениям», — ответит академистам Айвазовский.

Итак, Айвазовский щедр, внимателен и скромен, он изливает свет и тепло на свое окружение и даже совершенно чужих людей, и лишь один человек, как кажется, люто ненавидит пожилого художника — его бывшая жена и возлюбленная — забытая всеми Юлия Гревс (прекрасная и несчастная в своей гордыне Айше). Она забрасывает гневными письмами академическое начальство и Феодосийскую городскую думу, пишет императору… После стольких лет совместной жизни и труда, после того как она родила четырех дочерей и потратила годы в ожидании своего состарившегося, но от того не менее любимого мужа, она, Пенелопа, продолжает ждать не вернувшегося к ней Одиссея, который, презрев родной порт, пирует теперь с молодой прелестницей. А ведь она — Юлия, заплатила годами ожидания, чтобы теперь наблюдать триумф человека, погубившего ее жизнь, и не иметь возможности даже приблизиться к нему.

Как же она тогда влюбилась в него, слушая романсы Глинки и думая, что он не замечает ее. Как затем его душа, слившись со звуками колдовской скрипки, коснулась ее души. Она помнит тайные свидания, когда художник давал уроки ее воспитанницам, а она сидела где-то поблизости, ловя каждое его слово, купаясь в звуках его голоса. Все было прекрасно в эти полные нежных тревог дни. И признание в любви, и согласие выйти замуж. Удивительно, обычно такая рассудительная и умная девушка, она

бросилась в новые неизведанные ею чувства, как кидаются со скалы в теплое южное море. Бросилась, еще толком не осознавая, сумеет ли выплыть. А зачем, если без него смерть?! Потом знакомые Ованеса плевали ей вслед, клевеща, будто бы гувернантка вскружила голову известному художнику в надежде на его деньги. Мало кто знает, как мало за семейную жизнь она видела этих самых денег. Да и к чему они ей? Драгоценности — его глаза — вот сокровища, на которые она могла бы смотреть вечно. Красивые платья — это среди жен рыбаков? Его объятия были для нее самыми желанными и богатыми покровами. Иногда ей казалось, что она может забеременеть от одного только его взгляда.

Дорого бы она заплатила, чтобы Ованес был только с ней, в любое время дня и ночи находился при ней, обнимал ее, рассказывал крымские истории про разбойников, турецких пленниц и, главное, ту — заветную — про хозяйку замка гордую Айше. Им обоим нравилась эта история. Пусть бы снова гладил ее по волосам, а она представляла себя Айше, а его князем, как будто бы смерть никогда не разлучала их, и они, бросив свою крепость, воздвигли новую, из белого давалинского мрамора, замок их любви. Или пусть бы просто сидел в любимом кресле. Все бы отдала ради такого счастья, еще дороже, чем уже заплатила, положила бы. Но Айвазовский в любое время дня и ночи стремился заниматься живописью. Она бродила вместе с ним по берегу, выискивая самые красивые места, а потом ждала его, пока не понимала, что уже сильно прозябла, а он не видит и не чувствует ее состояния. Тогда Юлия уходила домой, а занятый своим любимым делом Ованес кидал ей вдогонку несколько слов, просил испечь к ужину пирог с мясом, а то и вовсе не обращал внимания на ее уход. Однажды, беседуя с архитектором Кохом, Юлия узнала про находящиеся в Феодосии курганы и рассказала мужу об археологии. Тот неожиданно быстро зажегся новой идеей, после чего они трудились вместе, раскапывая страшные захоронения, беспокоя давно спящих. Быть может, это их проклятия достали теперь Юлию?

Но тогда, видя сияющее лицо Ованеса, она понимала, что ради этого можно перетерпеть и страх и проклятия. Она работала наравне с ним, а часто и больше, сортируя ночью найденные сокровища и внося их в особые учетные книги. Она, а не эта хитрая Саркизова дышала с ним пылью в раскопанных курганах, их стараниями люди увидели спрятанную под землей красоту.

Юлии решительно не в чем было упрекнуть себя. И даже когда она сама ушла от Айвазовского, забрав дочерей, ушла, в надежде, что он пустится по ее следу, что снова вспыхнут былые

чувства, и она услышит ту самую скрипку, и любящий и раскаявшийся в непрерывных изменах с художеством муж падет к ее ногам. Нет, этого не произошло, и Юлия напрасно прождала его всю жизнь у окна, когда он путешествовал, работал, встречался с людьми, наверное влюблялся, получал награды…

И тогда она начала мстить: выдала дочерей замуж за иностранцев, а не за армян, как мечтал Ованес. Захотел бы сделать по-своему, мог бы явиться и хотя бы попытаться сорвать бракосочетания. Не приехал. Молча проглатывал обиду за обидой. Даже когда Юлия увела чуть ли не просватанную в семейство Лазаревых Жанну.

Но вот дети выросли, появились внуки. А бывший муж по-прежнему не спешит к ней под белыми парусами. Не означает ли это, что он на самом деле разлюбил ее, как талдычат Мария и Александра? Если бы Ованес бросил ее, разве он подарил бы ей имение в Крыму, которое она вот уже сколько лет сдает в аренду и получает 1500 рублей в год. Он даже арендаторов ей сам подбирал понадежнее, сам первое время с них деньги собирал и ей высылал. Если бы не любил, разве стал выдавать ей еще по 2400 в год? А она — разве взяла бы от нелюбимого?

Нет, их связывают эти деньги, заставляют думать друг о друге. Кроме того, разве можно всерьез считать их брак распавшимся? Какой развод? С какой стати она — лютеранка — должна подчиняться решению какого-то Эчмиадзинского армяно-григорианского Синода? Юлия Яковлевна уже консультировалась у юристов, и ей указали на явное нарушение закона, допущенное при этом псевдоразводе. Она даже выписку для себя сделала: «ст. 816 ч. 2 X изд. 1857 г.» — все слово в слово из официального документа выписано. Но и сама не дура, может объяснить, что к чему, если уж любезный супруг вдруг непонятливым на старости лет сделался. А дело вот в чем. В статье 816 сказано, что когда люди разных христианских исповеданий в брак вступают, они венчаются в обеих церквях, получив на то благословение. Когда же разводятся, решить, должен ли брак продолжаться, или следует оный расторгнуть, должен суд того вероисповедания, той церкви, в которой произведено первое венчание (в их с Ованесом случае это его церковь), а вот решение по расторжению брака и самое расторжение или нерасторжение оного подлежит как раз суду того вероисповедания, к коему принадлежит ответчик (ее церковь). А вот теперь рассудите, люди добрые, кто спрашивал ее церковь дать согласие Ивану Константиновичу Айвазовскому и Юлии Яковлевны Гревс развестись? Никто не спрашивал. Не было такого прошения, а на нет и суда нет. Следовательно, их брак целехонек, и она права! А вот любезный Иван Константинович из-

за своей неприлично-страстной любви с молоденькой совсем свихнулся, если при живой жене живет открыто с этой самой Саркизовой и в ус не дует.

Но и это еще не все, Юлия Яковлевна сражается за свое женское счастье всеми силами, как легендарная Айше, кидает в овраг камни. Находит юристов со стороны армян, которые сообщают ей еще одну любопытную мелочь, о которой отчего-то не упоминал в письмах скромный или забывчивый супруг. Оказывается, в армянской церкви нет самого понятия развод! То есть есть «по исключению», но и тут ежели как следует покопаться, какую-никакую лазейку отыскать можно.

Юлии не приходит в голову, что, возможно, армянская церковь не обязана следовать любезно указанной ей юристами статье закона. Что есть такая инстанция, как государь, которая в силу своего личного приказа может заставить общество принять их развод. Что их брак по-настоящему распался, и только милостью бывшего мужа она все еще держится на плаву.

Она ждет появления внуков, понимая, что ее Ованес не преминет примчаться на крестины. Каждый внук или внучка — маленький мостик, по которому отчаявшаяся женщина пытается перетянуть мужа на свою сторону. Но никогда — цветущий овраг безнадежно завален камнями.

И вот теперь Юлия совсем одна. Старшая дочь переселилась в Ялту, и отец построил для нее дом-галерею, явно чтобы почаще наведываться туда. Александра давно уже живет в его доме в Феодосии. Внуки Михаил и Александр…

Все тщательно продуманные планы развалились. Удача отвернулась, сказка оказалась с печальным концом. Нет, она не смирится с решением Эчмиадзина о разводе. Их просто не могли развести, не имели морального права. В любом случае она не собирается признавать, что ее Ованес получил свободу и законно женился на этой Анне. Айвазовский влюбился в женщину младше себя на целых сорок лет! Его картины полны молодой силы. А что остается ей? Доживать, умирать, стираться из памяти…

В письме своему другу Герасиму Эзову (он же Карапет Езян) Айвазовский признается: «Эта женщина способна на все, надобно знать, какое она злое существо».

«Он ничего не понял о любви, всеобщий любимец, странный художник, — шепчет в своем унылом одиноком доме отставная супруга великого Айвазовского, — не понял, погубив и наше чувство и сказку, которая так дивно начиналась. Сказку о любви новой Айше и юного князя, которую много лет пишет на своих волнах Черное море. Они встретились и полюбили друг друга с первого взгляда, а потом она ушла, как уходит от берега волна,

оставляя влажный след с выброшенными на берег ракушками. Не смирившись с исчезновением возлюбленной, художник обошел все моря, чтобы, наконец, отыскать ее старой и всеми забытой. Тогда он пал перед ней на колени, или нет… пусть она прижалась к его груди. Двое старых возлюбленных, и ветер трепал их белые волосы в лунном свете, а потом они легли на ложе из ароматных трав, держась за руки, чтобы новорожденное солнце вдруг открыло правду — любовь отменило годы, проведенные возлюбленными в разлуке, властной рукой стерло морщинки и седину, так что, очнувшись от прекрасного сна, они смотрели друг на друга и не могли наглядеться. Юный и прекрасный Ованес и юная и безумно красивая Юлия.

Вот как должна была закончиться эта история, но Ованес разлюбил, и Юлия была бессильна в одиночестве восстановить хрупкую канву магии. Оттого они и остались старыми.

Наверное, постигнув, что волшебства больше не будет, Юлия должна была бы тихо исчезнуть из жизни своего возлюбленного, из своей жизни, но она проживет до 1899 года, не переставая ни на миг любить и ненавидеть своего Ованеса, как любила и ненавидела хозяйка крепости прекрасная Айше — любимая с детства героиня крымского мальчишки, возжелавшего однажды невозможной и всё сокрушающей любви.

Глава 28

22 июля, Феодосия. Вчера я ездил в Шах-Мамай, именье Айвазовского, за 25 верст от Феодосии. Именье роскошное, несколько сказочное; такие имения, вероятно, можно видеть в Персии. Сам Айвазовский, бодрый старик лет 75, представляет из себя помесь добродушного армяшки с заевшимся архиереем; полон собственного достоинства, руки имеет мягкие и подает их по-генеральски. Недалек, но натура сложная и достойная внимания. В себе одном он совмещает и генерала, и архиерея, и художника, и армянина, и наивного деда, и Отелло. Женат на молодой и очень красивой женщине, которую держит в ежах. Знаком с султанами, шахами и эмирами. Писал вместе с Глинкой «Руслана и Людмилу». — Был приятелем Пушкина, но Пушкина не читал. В своей жизни он не прочел ни одной книги. Когда ему предлагают читать, он говорит: «Зачем мне читать, если у меня есть свои мнения?» Я у него пробыл целый день и обедал.

А. П. Чехов.

Собрание сочинений, том 11, стр. 233.

Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1963

Разобравшись с первой выставкой, Айвазовский возвращается в Феодосию для подготовки следующих, сначала в Одессе и затем в Петербурге. Для столичных чествований заранее заказано платье для жены и офицерский мундир Ивана Константиновича, знакомые моряки готовятся почтить всемирноизвестного

мариниста обедом в его честь. Так что придется соответствовать.

Коллекционеры и заказчики Айвазовского уже отписали о своем согласии предоставить хранящиеся у них полотна для юбилейной выставки, но Иван Константинович как обычно не ищет легких путей. Поэтому он пишет новые работы. Ведь если гений художника укрепляется с годами, а не стачивается за давностью лет, как скала, постепенно истончаемая волнами, значит, каждой новой работой он должен достигать новой ступеньки в совершенстве. Но мало просто изобразить красивую воду, море или океан в его печали, гневе, созерцании звезд или любви. Некоторое время назад Белинский говорил ему о том, что пейзажная живопись скорее усыпляет сознание масс, в то время как прямая обязанность художника будить сонные слои общества, показывая жизнь такой, какая она есть. Темой для своих новых работ Айвазовский избирает недавнее восстание греков на острове Конд. Он пишет взрыв монастыря Аркадия (на острове Конд), повествует о том, как русский фрегат «Генерал-адмирал» принимает на свой борт беженцев-греков, и еще одна — как греческий пароход высаживает волонтеров. Он зол на Турцию, учинившую зверства на Конде, зол на себя самого. Сколько было писано для султана и его приближенных?! Они улыбались друг другу, восторгались одними и теми же видами. Конечно, господин Турции хорошо платил, и хорошие заказчики Айвазовскому, как и любому другому художнику, очень даже нужны. Но не получится ли так, что султан начнет считать его чем-то вроде своего подданного, придворным мазилкой, готовым хвататься за кисть, как только монарх возжелает насладиться новым видом своего города или порта? С одной стороны, искусство и политика — две разные вещи, но как же неприятно думать, что столько уже сделал для врага! Носить ордена империи, готовой потопить в крови любую неудобную им страну? Да, носить турецкие знаки отличия — это почти то же самое, что считать себя причастным к выдавшей их стране. Нет, он уже давно не вынимал из шкатулки этих наград, в обычной жизни, спокойной Феодосии они ему и вовсе не нужны. Лежат себе рядом с милыми сердцу мелочами, например танцевальной туфелькой Марии Тальони. Но все же…

Все три антитурецкие картины, согласно планам художника, пойдут в Одессу, деньги, собранные за вход, до последней копейки заранее расписаны в пользу семейств кондиотов. Что же делать с султаном? С орденами? С заказами? Об этом он подумает позже. Первым делом необходимо выполнить обещание, данное Третьякову, подготовить выставки, отправить очередные полотна…

В это же время Петербург готовится к встрече с самым известным маринистом, с Иваном Константиновичем Айвазовским.

В преддверии торжеств, президент Академии художеств Великий князь Владимир Александрович ходатайствует перед Двором:

«1.0 всемилостивейшем пожаловании Айвазовского орденом Св. Владимира 2-й степени ко дню 50-летнего юбилея.

2.0 разрешении праздновать 50-летие его художественной деятельности торжественным собранием Академии.

3. О разрешении по бывшим примерам выбить по случаю сего юбилея медаль, на которой, с одной стороны, вырежется портрет юбиляра, а на другой стороне начертана будет надпись: «От императорской Академии художеств в день 50-летнего юбилея, 26 сентября 1887 г.».[267]

Одновременно императором подготовлен еще один подарок, которого Айвазовский с трепетом в сердце ожидает. Дело в том, что, устав от постоянных жалоб Юлии Яковлевны, Иван Константинович отважился наконец обратиться за помощью к президенту Академии, умоляя его защитить старого и не очень здорового художника от нападок бывшей супруги, которая своими письмами уже почти что убедила всех и каждого, будто Айвазовский двоеженец.

И если Иван Константинович до сих пор кротко сносил обиды, считая недостойным жаловаться на явно душевнобольную женщину, теперь, в предвкушении торжеств и массового приезда именитых гостей, он не видит иного выхода, как поведать о своей участи и попросить защиты: «Айвазовский ходатайствует об испрошении высочайшего повеления о том, чтобы решение Эчмиадзинского синода по бракоразводному его делу признавалось законно состоявшимся и имеющим обязательную силу».

Изучив просьбу Айвазовского, Президент Академии составил рескрипт на имя начальника канцелярии по приему прошений на высочайшее имя Оттона Борисовича Рихтера[268] по делу о разводе И. К. Айвазовского: «Антон Берхардович! — писал Владимир Александрович. — Причисленный к императорской Академии художеств тайный советник Иван Айвазовский обратился ко мне с докладной запискою, в которой изложено: в 1847 г. тайный советник Айвазовский вступил в брак с девицею Юлиею Гревс англиканского вероисповедания, бракосочетание было совершено в армянской церкви.

Брак этот скоро оказался несчастным; при болезненнораздражительном характере в жене Айвазовского

развилось нечто вроде мании жаловаться, клеветать не только на словах и в частном быту, но и письменно в многочисленных прошениях и жалобах. Таким образом, совместное жительство сделалось далее невозможным, и последние 10 лет супруги даже почти не виделись».

Далее Владимир Александрович указал денежные средства и имущество, которое Айвазовский передал бывшей жене, отметив, что тот регулярно выплачивает ее содержание и не намерен впредь отказываться от данных обещаний.

> «Не считая себя вправе входить в какие-либо законодательные соображения, насколько ст. 816 т. X ч. 2 изд. 1857 г. применима в настоящем случае, равно как и о том, обязан ли был армяно-григорианский синод руководствоваться вышеупомянутою статьею, — продолжал великий князь, — я полагаю моею обязанностью принять участие в дальнейшей судьбе профессора Айвазовского.
>
> К этому побуждают меня:
>
> 1. Заслуги Айвазовского [перед] русским искусством, которые длятся уже полстолетия;
>
> 2. Полное обеспечение, которое он дал совершенно добровольно его первой разведенной жене, несмотря на все те неприятности, которые она старалась всеми способами наносить ему продолжительное время;
>
> 3. Преклонные лета маститого и известного художника, который жертвовал и продолжает жертвовать денежные средства подрастающему поколению художников;
>
> 4. Настоящее его семейное положение.
>
> По сим основаниям я почтительнейше прошу Ваше высокопревосходительство повергнуть и мое ходатайство о профессоре Айвазовском монаршему милосердию.
>
> *Пребываю к Вам навсегда доброжелательным. Владимир». 28 мая 1887 г.*

Вот такой серьезный оборот приняло малозначительное с виду дело о разводе, тем не менее, уже по тому, что Президент академии обращается именно к О. Б. Рихтеру, человеку, славившемуся своей способностью находить выходы из самых, казалось бы, безвыходных положений, считавшемуся чем-то вроде палочки-выручалочки на самые пиковые случае жизни, понятно, насколько протесты покинутой женщины содрогнули олимп российской власти.

Что же заставило Айвазовского жаловаться в Академию художеств? Почему беспокоится Президент Академии? Ну, подумаешь, кто-то не поверит Ивану Константиновичу и примет сторону его супруги, тоже можно понять — четыре дочери, внуки, длительное совместное проживание и вдруг… безусловно найдутся завистники, которые скажут, что-де «великим» все можно — и старую жену на молодую кралю обменять, и от детей родных отречься? Ну и что с того, что кто-то назовет Айвазовского двоеженцем? Что, он от этого хуже рисовать будет? Или не станет охотников его холсты покупать?

На самом деле вопрос более чем серьезен, и сиди Айвазовский в своей Феодосии это одно дело, но тут же в его честь собираются устраивать великие торжества с выставками, застольями, возможно, балами и пр. А на все эти праздники ожидаются гости с женами и детьми. С юными дочерями, которых никто не пустит на бал, на котором главной персоной будет выступать седовласый старик в компании молодой любовницы. И жен не пустят, да и сами вряд ли отважатся замараться. Следовательно, никаких торжеств уже не будет. И либо император своей волей прикажет считать решение армянской церкви законным, Айвазовского разведенным и вновь законно женатым, либо может замять этот юбилей, пока все газеты в карикатурах не захлебнулись.

Только после того, как Государь приказал считать Айвазовского свободным от первого брака и официально женатым во второй раз, можно было уже всерьез думать о большом празднике в его честь.

«Милостивый государь Иван Константинович! — пишет художнику Г. Ф. Исеев. — 26 сентября сего года исполняется 50 лет со времени удостоения Вашего превосходительства императорскою Академию художеств званием художника и присуждения Вам золотой медали первого достоинства.

Его императорское высочество августейший президент Академии в ознаменование 50-летней художественной Вашей деятельности на пользу русского искусства исходатайствовал всемилостивейшее государя императора соизволение праздновать предстоящий Ваш юбилей торжественным собранием Академии.

Сообщая Вашему превосходительству об изложенном по приказанию его императорского высочества президента, имею честь покорнейше просить Вас пожаловать в Петербург и почтить своим присутствием торжественное собрание Академии, имеющее быть в субботу 26 сентября сего года в Большом конференц-зале.

Примите уверения в совершенном почтении».[269]

26 сентября 1997 года отмечался юбилей 50-летней

художественной деятельности профессора живописи тайного советника И. К. Айвазовского. По этому случаю в 12 часов дня в Большом конференц-зале было открыто собрание Академии, на котором не возбранялось присутствовать и посторонним Академии лицам, если те конечно же благоволили предварительно получить входной билет в канцелярии Академии.

Кроме того, была объявлена подписка на обед в честь профессора И. К. Айвазовского. Желающие присутствовать на обеде должны были внести в кассу Академии 10 рублей с человека.[270]

Таким образом, чествование проходило целый день — сначала собрание, затем открытие юбилейной выставки и наконец обед.

Распорядителем юбилейного празднества был назначен академик Черкасов, которому из казны Академии выдали 400 рублей только на украшение залов, где будут проходить торжества. В докладной записке П. Ф. Исеева президенту Академии эту сумму предложено списать по статье сметы на содержание мозаического отделения.

Кроме этого, из канцелярии Академии художеств в Главный морской штаб поступает просьба передать 26 сентября для декорирования зала Павловой (Бывший клуб художников, Троицкий пер. д. № 15): два полных комплекта всех национальных флагов, две дюжины весел, шесть багров, два небольших якоря, несколько свертков морских веревок, полный комплект сигнальных флагов.[271]

В честь юбилея художника Санкт-Петербургское армянское общество преподнесло Ивану Константиновичу палитру, на обратной стороне которой красовался адрес.

Великий армянской артист-трагик Адамян Петрос Иеронимович[272] присылает поздравительную телеграмму следующего содержания: «Сегодняшнему венцу Вашей славы желаю столько блеска, сколько заключается жизни в волнах, созданных Вашею гениальною кистью».

Приходят поздравления от Бакинского армянского общества и московских армян, от Лазаревского института восточных языков, от армянской газеты «Мшак», от Тифлисской армянской семинарии Нерсисян, от Ново-Нахичеванского городского головы, от «Общества русских художников в Париже» за подписью известного русского художника-мариниста, с 1858 года академика Алексея Петровича Боголюбова[273] и пр, и пр. Лично посетили и приветствовали юбиляра передвижники во главе с Иваном Николаевичем Крамским.

Айвазовского поздравляли от императорского Эрмитажа

(А. И. Сомов[274] и М. А. Чижов[275]). От императорского Общества поощрения художеств (В. П. Гаевский[276] и Н. Л. Бенуа[277]). От императорского Петербургского университета (М. Н. Владиславлев и И. Н. Помяловский[278]). От императорского Русского географического общества (П. П. Семенов[279]). От Петербургской городской думы. (И. И. Медведев, П. Боткин, М. И. Семевский,[280] В. И. Жуковский). От дирекции русской прессы статский советник Семевский зачитал приветствие юбиляру. От Феодосийской городской думы (В. И. Алтухов, И. Н. Виноградов и И. Ф. Виноградов). От прихожан петербургских армянских церквей (К. К. Долуханов, М. А. Гамазов и Х. И. Гусиков). От артистов русской драматической труппы императорских театров. (И. Ф. Сазонов,[281] Н.А. Варламов и И. Ф. Горбунов[282]). От общества пособия нуждающимся сценическим деятелям (г-жа Жулева,[283] Л. Л. Леонидов[284] и П. П. Писарев). От редакции «Вестника изящных искусств» (А. И. Сомов, Б. Н. Веселовский). От рижского общества изящных искусств. (П. И. Беттикер). От Петербургского университета поздравление зачитывал сам ректор М. И. Владиславлев.

И уж конечно Айвазовского просто не могла не поздравить его родная Aima mater, присудив юбиляру звание почетного члена Академии и вручив ему медаль и диплом, подтверждающий этот высокий статус.

«…Иван Константинович еще раз подтвердил непреложную истину, что сила не в силе, а сила в любви! Богом управленный талант он в землю не зарыл, как другие, а хранил в сердце, лелеял как святыню и, отдавшись ему всею силою души, полвека трудился неустанно над своим совершенствованием.

Такую силу воли, такую энергию духа можно почерпнуть только в любви к своему делу.

Не возмечтал о себе наш уважаемый Иван Константинович от щедро расточаемой похвалы своих почитателей, не смущался и хулою, не поддался никаким новым модным влияниям и взглядам на искусство, как не возгордился он от почетных званий и наград, которых разновременно удостаивался.

Иван Константинович остался для всех все тем же великим, но доступным, скромным художником и симпатичным человеком, как и самые произведения его кисти, всегда полные художественной правды и высоковдохновенного поэтического чувства», — с выражением читал речь от имени Академии художеств И. С. Мусин-Пушкин.

9 октября в адрес Айвазовского были направлены 25 экземпляров бронзовой юбилейной медали к 50-летию его художественной деятельсности, с тем, чтобы он роздал их по

собственному усмотрению, что Иван Константинович и сделал с превеликим удовольствием.

1 ноября Айвазовского чествовали морские офицеры в одном из лучших ресторанов Петербурга. Был устроен банкет, на котором Иван Константинович появился в мундире адмирала Штаба морского флота, рядом с ним, скромно потупив взор, выплывала белой лебедушкой красавица Анна.

Айвазовский — человек, сумевший реализовать практически все свои мечты: он добился всемирной славы, его знали и любили, он имел столько денег, что мог помогать нуждающимся, рядом с ним была любимая женщина, с которой он возвращался в дом, в котором не смолкали детские голоса, слышались музыка и смех.

Самое удивительное, что при виде семидесятилетнего Айвазовского и его тридцатилетней супруги у современников редко возникало желание острословить, потому что убеленный сединами художник был бодр, жизнелюбив и легок на подъем. Супругу он страстно любил, ревновал и оберегал как величайшую драгоценность, но при этом не был смешон или жалок, как это часто случается, когда старый берет в жены молодую.

Через несколько месяцев после юбилейных чествований Айвазовского в Петербурге в Феодосию из Субашского источника начала поступать вода, и сразу же после этого, в благодарность Ивану Константиновичу и Анне Никитичне, феодосийцы соорудили фонтан с бронзовой женской фигурой — фигура напоминала Анну — жену и любимую женщину художника. Фонтан назывался «Доброму гению». В благодарность Айвазовскому феодосийцы придумали песенку, которую распевали в городе все от мала до велика:

Айвазовский поставил фонтан
Из мрамора чистого,
Айвазовский воду провел в фонтан
Из своего источника быстрого.
Посмотрите, как вода бежит,
Послушайте, как струя журчит,
Выпейте воды, пожалуйста,
Вспомните Ивана Константиновича…

Позже Иван Константинович разработает и поставит еще несколько фонтанов в Феодосии, один из них воздвигнут в городском саду, этот фонтан Айвазовский замыслил в восточном стиле. «Мы было через Министра внутренних дел просили государя императора назвать фонтан его именем, но Плеве

телеграммой сообщил, что его величество повелел назвать фонтан моим именем.

Фонтан в восточном стиле так хорош, что ни в Константинополе, нигде я не знаю такого удачного, в особенности в пропорциях[285]». На другом фонтане две серебряные чаши с выгравированными на них именами «Иван» и «Анна» придавали фонтану особенное изящество.

Глава 29

«Его искусство — искусство победы человека и человечности, отрицание деспотизма и насилия. Айвазовский — художник бурной жажды свободы и ее прославления».

Мартирос Сарьян

Самое поразительное в Айвазовском, что он никогда не останавливался, не позволял себе простоя и праздности. Он был не просто официально-почетным жителем Феодосии, его по-настоящему любили. В церковных книгах Феодосии, например, сохранились многочисленные записи о крестинах, на которых Иван Константинович выступал в роле крестного отца. По свидетельству историков, на 1888 год он был крестным отцом чуть ли не половины населения Феодосии. Его часто отрывали от работы, приглашая на свадьбы и праздники, но и когда не приглашали, он умудрялся узнавать, что такая-то девушка не имеет приданого, и успевал послать ей необходимые средства.

Присутствовал он на праздниках опять же не как свадебный генерал, он умел веселиться и развлекать общество, играя на скрипке и исполняя песни, текст которых и музыку часто сочинял сам.

И, разумеется, к Айвазовскому чуть ли не ежедневно приходили все новые и новые просители, которым художник старался не отказывать. Так, 12 апреля 1888 года он пишет Г. А. Эзову, ходатайствуя о продлении каникул гимназистов в связи с жарой. Казалось бы, какое его дело? Но, должно быть, жители города как обычно, пришли со своими чаяниями в гостеприимный дом Айвазовского и тот не посмел им отказать. Суть дела можно объяснить в нескольких словах: летние каникулы в Крыму длились 6 недель — с 15 июля по 1 августа. А август в Крыму самый жаркий месяц, из-за чего многим мальчикам делалось на занятиях дурно. Расписание каникул составляли, скорее всего, чиновники из Петербурга, не имевшие представления о крымском климате. В то же время на Кавказе каникулы длились до 25 августа. Выслушав просьбы родителей и поняв, что они обоснованы, Иван Константинович пишет прошение увеличить каникулы гимназистов. И вскоре каждый учащийся Крыма имеет основание молиться за здравие и долгие лета добрейшего на земле человека. Шутка ли сказать, почти месяц добавили!

Казалось бы — из-за такой мелочи отвлекать известного человека, именно в то время он писал портреты для Тифлисского музея, а также занимался отправкой картин на продажу к Ивану Федоровичу Шёне — владевшему магазином художественных изделий в Петербурге. Но в том-то и величие Айвазовского, что для него не было мелочей. И он реально помогал, делая то, что мог сделать, и не задумываясь о личной выгоде.

Узнав, что настоятель армянской церкви в Феодосии, литератор и переводчик Хорен Вардапет (Хорен Степанян) собрал деньги на реставрацию старинной церкви святого Саркиса, провел реставрацию и теперь готовит ее торжественное освящение, Айвазовский бросает все прочие заказы и пишет образ Спасителя, молящегося в Гефсиманском саду, которую преподносит в дар церкви.

Сохранилась правдивая легенда, что во время празднования И. К. Айвазовским своего семидесятилетия он дал обед, на котором было много почетных гостей и друзей-художников. Когда подошло время подавать десерт, Иван Константинович неожиданно поднялся со своего места и, призвав гостей к вниманию, произнес краткую речь: «Господа! Приношу свои извинения за то, что мой повар сегодня не приготовил десерт. Прошу принять блюдо, приготовленное мной лично». После этих слов слуги вынесли на подносах и тут же начали раздавать гостям маленькие пейзажи, написанные Айвазовским.

Меж тем в Турции пришел к власти новый султан Абдул Гамид II,[286] новый господин — новые законы. Айвазовский тоже надеется, что теперь Турция поведет более миролюбивую политику. Сам он уже стосковался по прекрасному Константинополю и мечтает поехать туда с Анной. Вскоре его приглашают устроить новую выставку в Константинопольском русском посольстве, для которого Айвазовский должен подготовить 20 картин. Но по политическим соображениям Иван Константинович не торопится сразу же сесть на пароход и предстать перед новым властелином Турции, на первый раз отсылая вместо себя племянника, Левон Мазиров давно уже работает с дядей и наверное сумеет представить его лучше, чем кто-либо другой. Сбор от выставки Айвазовский дарит армянскому благотворительному обществу, но это еще не все. После выставки Мазиров должен передать по одной картине турецкому, русскому и греческому обществам.

Выставка открылась 1 октября 1888 года и имела огромный успех. Газета «Аревелк» («Восток») опубликовала статью В. Малезяна, в которой тот назвал Айвазовского «богатырем армянской живописи». Множество статей вышло в турецких,

французских, армянских и английских газетах. В газете «Новое время» ее главный редактор А.С. Суворин,[287] находящийся в это время по долгу службы в Константинополе, писал: «Вся общественность Константинополя, особенно его соотечественники-армяне, как в 1874 г., так и каждый раз, когда приезжает художник в Константинополь, принимают его с особой честью». В этой статье Алексей Сергеевич Суворин допустил очень странную ошибку, скорее всего, он либо не попал на выставку и написал с чьих-то слов, либо был на ней, но не в день открытия. В противном случае он бы знал, что Иван Константинович и его супруга не приезжали в этот раз в Турцию. Впрочем, Суворин это тоже узнал, получив через некоторое время личное письмо Айвазовского из Феодосии: «Читал я статью Вашу о моей выставке в Константинополе. Жаль только, что сам я не поехал, а выставил другой. Все, судя по письмам и в газетах, полагают, что я тоже нахожусь в Константинополе».[288]

Как же необъяснимо странно все сложилось — Айвазовский не поехал в Турцию, на него и так косились после того, как заказавший тридцать картин султан устроил резню на острове Конд. Деньги конечно деньгами, у Ивана Константиновича природная коммерческая жилка и дивное чутье, но искать новые связи с Константинополем после такого — занятия мягко говоря, опасное. Тем не менее он делает невероятно рискованный шаг, вообще посылая картины и, должно быть, рассчитывая, что выставка пройдет незаметно для прессы, а Левон сумеет произвести разведку, дабы Иван Константинович мог понять, стоит связываться с Константинополем или лучше обождать. Если что, он приглашен русским посольством, следовательно, формально, выставка будет проходить на территории Российской империи. Кроме того, еще один с политической точки зрения правильный, продуманный ход. Не будет его, журналисты посмотрят картины, да и разойдутся не солоно хлебавши. Кто может дать интервью вместо художника? Да кто бы ни дал, представитель, посол, дипломаты… это уже не то. Во всяком случае, чего он никак не ожидал, так это того, что старый знакомец Суворин сваляет эдакого дурака — объявит во всеуслышание, будто бы он — Айвазовский был там с супругой. Пущенный Сувориным слух немедленно подхватили другие издания.

Но и это еще не все неприятности. Вместо себя Айвазовский посылает племянника Мазирова, скромного, делового человека, которому вполне доверяет. Аевон должен был довезти картины, помочь с развеской и проследить за тем, чтобы их после выставки отправили по указанным художником адресам. По политическим

соображениям распорядившись подарить три картины, Айвазовский, тем не менее, поостерегся сделать подарок самому султану. О такой новости журналисты раструбили бы на весь свет.

И надо же, чтобы обычно такой толковый Мазиров на этот раз сплоховал. Мало Айвазовскому сообщений в газетах о приемах, которые якобы оказывали художнику в Турции, он бы и сам с радостью поехал, если бы не опасался разговоров. Так мало ему этого, султан еще и догадался наградить Айвазовского заочно орденом Меджидие 1-й степени. В результате газетчики раструбили о новых успехах Айвазовского в Турции, намекая на его давнюю и плодотворную дружбу с правящим домом. Ну что ты тут будешь делать?! Случись подобное несколько лет назад, Айвазовский был бы рад-радешенек, но теперь получить орден Турции, корабли которой еще совсем недавно бомбили Севастополь?.. Ситуация, мягко говоря, щекотливая. И отказаться неудобно, а возьмешь или, не дай бог, наденешь — за этим делом последует и царская немилость. Айвазовский помнит, что такое монарший гнев, старому и трудолюбивому художнику совсем не хочется вдруг потерять все милости и привилегии. Сам-то он с женой, детьми и внуками как-нибудь проживет и на то, что осталось, даже если, попав в опалу, лишится разом всех своих заказчиков. Но что будет с Феодосией, которая держится, что греха таить, только тем, что живет в ней величайший художник мира Айвазовский?!

Но и орден — это еще не все испытания. По турецким обычаям после получения высокой награды султан вправе ожидать ответный подарок, по-турецки пешкеш. А это уже могут расценить как прямой заказ, которого Иван Константинович при всем уважении к новому султану брать не имеет права во всяком случае, не получив на то прямых указаний свыше.

Весь в сомнениях и тревогах 12 декабря 1888 года Айвазовский пишет письмо П. Ф. Исееву об обстоятельствах получения им заказов и ордена от турецкого султана: «Прежде чем Вы узнаете о награде, полученной мною от султана, я желаю объяснить Вам, как это случилось, — сразу же идет он в атаку. — Выставку двадцати картин устроил мой племянник Мазиров, который сам отправился туда и оставался во время выставки. Перед его выездом я многократно говорил и просил, чтобы (он) держал себя подальше от двора, особенно от султана, чтобы не подать ни малейшего повода думать, что рассчитываем на что-нибудь; выставку же затеяли потому, что картины должны были идти мимо Константинополя до Марселя, и я их должен был получить в Париже, но я отложил свою поездку за границу, и

поэтому оставшиеся картины вернулись домой в Феодосию». — Айвазовский действительно планировал парижскую выставку, впрочем, объяснения, которые он дает о самой причине устройства выставки, выглядят неубедительными. Но, судя по всему, других нет. Скорее всего, делающий все на вдохновении и по зову сердца, Айвазовский не счел нужным предуведомить свое непосредственное начальство о злополучной выставке и, соответственно, не испросил разрешения начать работать в этом направлении, и теперь пожинал плоды собственной недальновидности.

Далее он пытается объяснить все свои действия, с тем, чтобы их сочли разумными и вполне уместными. Повторюсь, Айвазовский не столько трясется за собственную шкуру, сколько переживает за свое дело, за семью, за Феодосию: «Я поручил Мазирову просить нашего посла Нелидова, которому я писал, принять большую картину «Олег», бывшую на выставке в Академии. Это доставило большое удовольствие послу, и картина — есть собственность нашего посольского дворца, затем небольшую картину отдали армянскому благотворительному обществу в пользу приютов, и третью небольшую картину в турецкое учреждение или в рисовальную школу в Константинополе». — Сами описания картин — «большую» в наше посольство, «собственность нашего посольского дворца» указывают на то, что Айвазовский делает попытки оправдаться перед Исеевым. Мол, большую-то я отдал нашим, а маленькие в армянское общество и туркам. К слову, рисовальная школа в Константинополе была основана в 1882 году в свой прошлый визит Иван Константинович посещал это заведение, директором и преподавателем которого был армянский скульптор и друг Айвазовского Ерванд Восканов.

«Эта последняя картина наделала то, чего я не желал. Виноват немного Мазиров. Вместо того, чтобы передать тихо по назначению, он при письме препроводил ее министру-паше, моему знакомому, который доложил султану под предлогом, чтобы султан указал, куда назначить — и вот вследствие этого падишаху угодно было наградить меня.

Признаюсь откровенно, я сильно сконфузился и недоволен Мазировым, о чем я уже написал ему в Петербург. Сконфужен и недоволен по той причине, что теперь каждый имеет право полагать, что выставка и пожертвование двух картин были сделаны с целью получить награду, что, согласитесь, в мои лета, в моем положении и имея наши высшие ордена, было бы непростительно, и я первый, признаюсь, окритиковал бы старого товарища, если бы он так поступил, а у меня, к несчастью, так

сложилось, несмотря на все мои меры. Я даже писал нашему послу, и он совершенно разделяет мое мнение». Айвазовский действительно выглядит в этом письме растерянным — у всякого талантливого человека найдутся завистники, что же говорить о художнике, вышедшем из нищеты и сделавшем себе имя и колоссальное состояние? Теперь каждый, кому не лень, будет показывать пальцами на старого, жадного и охочего до наград и почестей художника, который специально подстроил все так, чтобы ему вручили очередной орден. Даже если в этом утверждении есть некоторая доля правды, Айвазовский не хотел бы, чтобы о нем пошла подобная молва. Далее, Иван Константинович пишет, что-де высокопоставленные паши неоднократно намекали племяннику Мазирову, что «…раздавая две-три картины учреждениям, следовало бы поднести картину и его величеству, но в ответ на его письмо я наотрез отказался, между тем не избег этого». И вот финальный аккорд — Артим-паша (министр иностранных дел) передает благодарности султана за картину для художественной школы так, будто бы художник адресовал ее непосредственно его величеству, а, следовательно, он теперь просто обязан сделать ответный дар. Чтобы никто не посмел сказать, что Айвазовский вновь с готовностью взялся писать для султана, тот решил пожертвовать ширму с пятью картинами (медальонами), написанную пять лет тому назад в Петербурге. У этого дара есть свои преимущества перед новой картиной — с одной стороны, ширма делалась пять лет назад — уж всяко не новый заказ, с другой стороны, и султан не может чувствовать себя обиженным — не одна, а целых пять картин. Да и ширма изящной резной работы — сама по себе произведение искусства. Кроме того, посылает Айвазовский подарок на адрес посла Нелидова, с тем, чтобы тот сам решил, как правильно будет преподнести ее султану, чтобы никого не обидеть и, упаси боже, не унизить.

«Мне так совестно, что не думаю даже просить о дозволении носить орден, авось так пройдет и не узнают. Если же обнаружится, то прошу Вас покорнейше при случае рассказать его императорскому высочеству президенту, как это случилось, и ежели нужно испросить разрешение на поднесение султану вышесказанного подарка, то прошу телеграфировать, если не позволяется; ежели же не есть преступление, то посол наш представит».

Тем не менее тема ордена не оставляет Айвазовского, так, 5 мая 1889 года, он вынужден снова поднимать ее в личной переписке с Г. А. Эзовым: «…маленькая просьба: при свидании с добрейшим Матвеем Авелевичем передать мой привет и просьбу,

чтобы узнал в Азиатском департаменте, что за причина, что до сих пор не выслали мне меджидие 1-й степени, который лежит у них более двух месяцев»? Действительно, если уж его будут костерить в связи с якобы выпрошенной наградой, хорошо было бы эту самую награду, для начала, хотя бы получить».

Тем не менее он вновь вынужден пускаться в тягостные объяснения о предпосылках получения треклятого ордена: «Мазирову мною было поручено не навязываться султану с просьбою осмотреть картины во дворце или на выставке, тем более — поднести что-нибудь. Как это было, не помню в точности, но местные высокопоставленные особы заметили, что следовало бы его величеству, но я боялся подобным шагом вызвать султана на покупку картины или награды. Несмотря на это, все-таки, надо полагать, за картину в турецкое учреждение получил награду.

После этого я нашел уже нужным послать ширму с пятью медалями, вписанными мною, от которых султан был в восторге (прислал мне письмо Артим-паша), но я полагаю, что другим, не знающим подробности, не понравилось все это, хотя не имеют никаких данных». Итак, письмо Эзову очередная попытка докричаться через последнего до Двора, до знакомых, которым вся история будет передана в черном свете.

Мы не знаем, искал ли Айвазовский этой награды, нет. Тем не менее из цитируемых выше писем можно понять, что до самого Ивана Константиновича доходили нелицеприятные слухи, которые он всячески пытался опровергнуть, отстояв тем самым свое доброе имя. Айвазовский переживал случившееся, тем не менее инцидент не стал поводом для депрессии, последнее вообще было несвойственно его жизнелюбивой натуре. Он пишет «Спасителя, ходящего по водам» и передает картину в дар Православному палестинскому обществу в Таганроге для последующей передачи в странноприимный дом.

2 сентября 1889 года он строит планы выехать в Берлин, чтобы оттуда попасть на выставку в Париж. Организует морское путешествие до Батума, желая показать супруге кавказский берег, которого она еще не видела. Самому Айвазовскому эта поездка нужна для сбора материала на новую картину — поход аргонавтов в Колхиду.

В октябре 1889 года Иван Константинович участвует в строительстве выставочного зала в Ялте, о чем он пишет отцу композитора Александра Афанасьевича Спендиарова[289], Афанасию Авксентьевичу, с которыми Айвазовские состояли в родственных отношениях: «…если я спешу, то, во-первых, потому, что время много значит в мои лета, а во-вторых, т. к. весною Вы

приступите к ремонту ялтинского дома, то было бы кстати и залу устраивать дать раньше всего, дабы к лету, т. е. к сезону, была бы зала готова». От себя лично Айвазовский обещал платить по 500 рублей за сезон и еще написать огромную картину, которую можно будет продать за четыре или пять тысяч. Кроме того, еще одна картина, также безвозмездно переданная художником, должна будет оставаться для украшения ялтинского дома. Айвазовский хотел, чтобы зал был длиной 7–8 саженей и 3–4 шириной.

Будучи частым гостем в семействе Спендиаровых, или, как еще писали, Спендиарян, Айвазовский обратил внимание на Александра, когда тому было всего-то шесть лет, и никто еще не подозревал, что пройдет немного времени, и о малыше заговорят как о выдающемся армянском композиторе, одном из основоположников армянской классической музыки. Тогда же Саша Спендиарян проявлял интерес к рисованию и увлекался, как бы мы сейчас могли сказать, «аригами». «Едва ли не с трехлетнего возраста я стал выделывать из бумаги, без всяких инструментов, разных животных и птиц, и помню, что, когда мне было лет шесть, моими изделиями из бумаги очень заинтересовался посетивший нас в Симферополе художник И. К. Айвазовский, взявший с собой несколько экземпляров моих бумажных животных и птиц для демонстрирования их в Академии художеств.[290]

Позже, когда Александр начал музицировать и сочинять музыкальные произведения, судьба снова свела его с Айвазовским, но теперь уже на совместных импровизированных концертах. Внук Айвазовского, сын младшей дочери художника Жанны К. К. Арцеулов, в своих воспоминаниях пишет об этих выступлениях: «Спендиаров приносил свои последние произведения. Импровизированные концерты длились до глубокой ночи. Спендиаров играл на рояле, Айвазовский — на скрипке. Айвазовский любил музыку Бетховена, Шопена, Россини. Вкус его был очень разнообразен: одновременно с классической музыкой он очень любил народные мелодии».[291]

Общеизвестно, что уже после смерти Айвазовского композитор А. А. Спендиарян свое произведение «Крымские эскизы» посвятил памяти замечательного мариниста.

Глава 30

«Буря: г. Айвазовского: изумительно хороша, как все его бури, и здесь он мастер — без соперников: в его буре есть упоение, есть та вечная красота, которая поражает зрителя в живой, настоящей буре».

Ф. М. Достоевский

Интересная черта меценатства того времени, если сегодня художник дарит картину детскому дому или какому-то обществу, обычно имеется в виду, что произведение предназначено для одной из стенок данного учреждения, где она приобретает себе долговременную прописку. А может ли висящая на стене картина накормить голодных детей или купить им обувь? Понимая, что такой дар, как букет цветов голодному, Айвазовский обычно заранее оговаривал, что дарит картину с тем, чтобы ее продали и на вырученные деньги сделали то-то и то-то.

Так, например, в сентябре 1888 года И. К. Айвазовский и И. Е. Репин написали совместную картину «Прощание Пушкина с Черным морем» и передали ее во временное пользование «Общества для всепомоществования нуждающимся сценическим деятелям», с тем, чтобы общество несколько раз представляло ее на всевозможных выставках, сбор от которых пойдет в их же пользу, по окончании же выставок картина должна была вернуться к своим основным владельцам — картина была подарена русским драматическим артистам императорских С.-Петербургских театров. То есть продать ее общество не имело права.

Картина «Прощание Пушкина с Черным морем», находящаяся в городе Пушкине, копию можно видеть в Пушкинском доме Санкт-Петербурга — удачный эксперимент совместного творчества двух замечательных художников и друзей.

Фигуру Александра Сергеевича и лицо написал Репин, Айвазовский создал — море и скалы. «Картина, принадлежащая их кисти, представляет знаменательное явление, — писала «Всемирная иллюстрация». — Пушкин Репина — чудо живописи. Видно, что с любовью и, может быть, благоговением писал Репин фигуру поэта… а моря на картине немного, но оно кажется необъятным», — сообщил читателю журнал «Всемирная

иллюстрация», 1887, № 979. С. 323.

В феврале 1890 года Айвазовский с супругой отбывают на пароходе в Одессу, с тем, чтобы оттуда не спеша добраться к марту до Парижа. На этот раз Айвазовский задумал персональную выставку в зале «Дюран-Рюэль», на которую заранее посланы тридцать картин, самая большая «Последняя минута на океане», которую на этот период времени Айвазовский считает лучшей своей бурей. «Много исторических морских картин, две кавказских, две крымских и Исаакиевский собор в сильный морозный день».[292]

В Париже Айвазовский награжден орденом Почетного легиона.

После закрытия выставки Иван Константинович все же осуществляет свою идею поездки с супругой в Константинополь, где первым делом они посещают посольство России, после визит к армянскому патриарху. И наконец покончив с официальными встречами, зачастили по гостям к друзьям и знакомым.

Айвазовский всю жизнь спешил, отчего успевал чрезвычайно много. В старости же он старается не упускать ни единой минуты, он постоянно работает, даже обедая у друзей или присутствуя на скучном совещании. Любое общение — повод отыскать если не новые сюжеты, так новых заказчиков, не тех, кто будет заниматься устройством его выставки, так тех, кому нужна его помощь.

Времени мало, художник чувствует, как оно протекает веселой струйкой меж пальцев. Времени все меньше и меньше, да его совсем не остается, а еще столько всего не сделано! 1891 год принес новую радость — у Жанны в Ялте родился третий ребенок, названный в честь отца и прадеда Константином. По возможности Айвазовский старается обучать всех своих внуков рисованию, но способности пока что проявились только в двух из них: у Михаила Латри и Алексея Ганзена. В доме у Арцеуловых Ивана Константиновича всегда с радостью ждут Лена и Коля — семи и двух лет — оба пока рисуют одни только каляки-маляки. Но новый внук — новая надежда оставить после себя еще одного художника родной крови.

Впрочем, пока еще не время обсуждать творческий потенциал Константина Константиновича Арцеулова, говорят, будто бы на детях гениев природа милостиво отдыхает, а тогда что же говорить о внуках? Появился на свет, и на том спасибо, пусть теперь сил набирается, а там видно будет, высокого ли полета птица — Константин Арцеулов, или так-сяк.

Я бы с радостью рассказала вам, драгоценный мой художник, какого замечательного внука подарила вам Жанна, но да не стану

забегать вперед. Тем более что Константин Арцеулов вполне достоин отдельной книги.

Отвлекшись от внуков, Айвазовский пишет конференцсекретарю Академии художеств И. И. Толстому о молодом и талантливом скульпторе Романовском, соседе художника по Феодосии. Молодой человек и его юная супруга остались без копейки денег, в связи с чем Романовский вынужден искать себе работу в одном из многочисленных министерств. Работу, которая позволит заживо загубить его талант! Прекрасно понимающий это, Айвазовский ищет иных путей. Ведь он уже видел, на что способен Романовский, возьмите хотя бы бюст Айвазовского, что уже некоторое время стоит у художника в мастерской. Остается последнее — пусть добрейший граф Иван Иванович Толстой[293] представит молодого скульптора в академическом кругу, и тогда, возможно, молодой человек найдет себе на первых порах работу помощника скульптора, с тем, чтобы затем получить возможность творить самому. Казалось бы, какая малость написать письмо. Но много ли людей в возрасте Айвазовского и с его занятостью (за два месяца Айвазовский закончил 17 картин маслом, для розыгрыша в лотерею в пользу очередных голодающих), много ли людей вообще способны не просто подписать просимое, а вникнуть в суть проблемы и найти единственно верный путь ее решения?

А ведь он отлично понимает, что времени несправедливо мало, и не разумнее ли отдать его внукам, хотя бы тем, кто уже заболел художеством и теперь ловит каждое его слово? Но Айвазовский не может пройти мимо чужой беды.

В декабре 1891 года художник пишет Алексею Сергеевичу Суворину о вышеупомянутых 17 картинах в пользу голодающих: «Как весь русский люд, я тоже взялся по своим силам сделать все возможное в пользу страждущих. Последние два месяца я исключительно был занят. С этою целью написал 17 картин мас[ляными] крас[ками] и 32 рисунка акварелью. Устраиваю лотер[ею] — аллегри в Феодосии, Симферополе и в Севастополе; на каждый из этих городов по 4 карт[ины] и по 10 рисунков сепиею, как выигрыши……В Феодосии лотерея будет 8-го января, в Симферополе около 15-го января и затем в Севастополе.

Кроме этих аллегри, я вчера отправил четыре картины в Петербург к графу Воронцову-Дашкову с тем, чтобы по указанию его высочества наследника цесаревича продать их, или присоединить к их аллегри лотерее, и деньги в главный их комитет, куда будут высланы также из моих аллегри в Феодосии, Симферополе и Севастополе.

Пишу к Вам подробно потому, чтобы Вы имели понятие о

моих делах от меня, а не из местных газет, которые вероятно заговорят и не так, как следует».

Приблизительно в то же время скульптор А.А. Бернштам[294] заканчивает мраморный бюст Айвазовского, который сперва посылается на выставку и позже морем отправляется в Феодосию в качестве подарка художнику.

А Айвазовский устраивает новую выставку в Петербурге и вступает в общество акварелистов. После чего семидесятипятилетний художник с супругой решаются на путешествие в Америку через Париж. Нью-Йорк, Вашингтон, Сан-Франциско, Бостон. Выставка за выставкой — огромная работа, новые знакомства, заказчики, желающие напроситься в ученики молодые художники. Вокруг Айвазовского кружит настоящая людская буря, готовая накрыть его волной успеха и поглотить навсегда, утопив в своих великанских объятиях.

Айвазовский посещает армянские общины Америки. Кроме того, он, как обычно, изучает новые места и пишет, пишет, пишет. Дошло до того, что нервы начали сдавать даже у спокойной, как вершина горы, Анны Никитичны. И немудрено, одно дело — в свое удовольствие путешествовать с мужем, гуляя или отдыхая в покойных креслах, и совсем другое — блуждать по бесконечным скучным гостиным, слушая незнакомую речь и не имея представления, чем заняться. Оставаться же в номере гостиницы — еще одна пытка. Дома она бы живо нашла себе дело, сварила бы варенье из абрикосов или лепестков роз, занялась с внуками Ивана Константиновича, а тут… Анна тосковала по своему дому в Феодосии, по привычной тихой жизни. Там в Крыму у нее было масса знакомых, да и дома-то они никогда не жили только вдвоем.

Но, как назло, у Ивана Константиновича множество планов: «Моя главная цель — это, изучив океан, посетив Ниагару, поселиться в Вашингтоне на 4 месяца, написать коллекцию новых американских картин, и они будут выставлены отдельно в главных городах в январе, а мы переедем в Чикаго в марте», — писал он накануне путешествия Г. А. Эзову.

Наконец путешествие подошло к концу, и чета погрузила свои вещи на пассажирский пароход. «Жена ужасно тоскует, да и я тоже, пока был очень занят — не замечал, но теперь рад вернуться в Россию».

На обратном пути в Атлантическом океане начался шторм. Судно швыряло из стороны в сторону, так что невозможно было пройтись по палубе, ни за что не держась при этом. Большинство пассажиров тяжело страдали морской болезнью, и только Иван Константинович и его Анна не боялись ни бури, ни моря, не

страдали от тошноты и были вполне счастливы. Много раз пассажиры и экипаж корабля видели их держащимися за руки, точно влюбленные на первом свидании. Соленые брызги несколько раз окатывали странную пару с головы до ног, но ни Анна, ни Иван Константинович не заботились о пострадавшей одежде. Будет день, будет и что одеть. А пока… так прекрасен волнующийся океан, грех пропустить.

В 1895 году Айвазовский направляется в город Нахичевань, который в это время посещает католикос всех армян. Иван Константинович несколько раз видится с католикосом и даже присутствует на званом обеде в числе многочисленных гостей, о чем пишет Г. А. Эзову. Как обычно, никакого хвастовства и преувеличений, «в числе многочисленный гостей», а мог бы и соврать. Только зачем? В юности не красовался, а в старости уж грешно. Впрочем, Иван Константинович скорее склонен умалчивать факты, приоткрывая завесы тайны только в присутствии истинных друзей. Прощаясь с городом, он посещает семинарию, в которой оставляет очередную свою картину.

Примечательно, что в этот же год католикос посещает Айвазовского в Феодосии с ответным визитом, и даже живет у него неделю, сначала в городе, а затем в одном из имений художника, что говорит о дружеских отношениях этих людей.

В Феодосии Иван Константинович уговаривает своего высокого гостя позировать ему. В результате получился портрет во весь рост на фоне горы Арарат «Хримян Айрик в окрестностях Эчмиадзина». Ныне картина хранится в Феодосийской картинной галерее.

Куда же возил Иван Константинович своего уважаемого гостя? Что могло привлечь католикоса, кроме как обаяние самого художника? Ответ на этот вопрос мы можем найти в реферате известного армянского ученого, исследователя древних архитектурных памятников Х. Кучук-Ионнисяна, датированного августом 1896 г: «…Из Феодосии 23-го июля мы приехали в г. Старый Крым, где сохранились развалины нескольких армянских церквей. Около развалин Чархапан художник И. К. Айвазовский построил новую церковь того же имени. Новую икону! Богородицы для алтаря писал сам Айвазовский.

Внутри церкви, в правую сторону вделана найденная там же в груде развалин прекрасная мраморная доска с изображением на ней арки, трех крестов и чаши для святых даров, а внизу — следующая подпись:

> «Св. знамение на память госпожи Вард — лета И05, (от Р. Хр. 1656 г.)…».

Поскольку церковь уже была построена, находясь рядом, причем в гостях у художника и мецената, католикос просто не мог не посетить ее, а может, как раз посещение недавно выстроенной церкви и было частью его феодосийской программы.

Зимой 1896 года Айвазовские отправились в Петербург, чтобы, получив гонорар в размере 4000 рублей за картины для Зимнего дворца «Черноморская эскадра в тишине» и «Ураган», отправиться в Ниццу. Впереди, как обычно, были обширные планы, курорт Ниццы — место, куда усиленно рекомендуют Ивану Константиновичу поехать врачи. Супруга тоже настаивала на необходимости мужу подправить здоровье. Последнее время он кашлял и начал быстрее обычного утомляться.

Они выехали без приключений, но все лечение пошло насмарку, так как уже в Ницце до них дошли вести о резне армян в Турции. Всегда тяжело переживающий народные бедствия, а тут еще речь шла о его народе, Айвазовский набрасывает эскизы будущих картин: «Погром армян в Трапезунде», «Армян погружают на корабли», «Турки армян живыми бросают в Мраморное море» и пересылает в столицу для публикации в сборнике «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам». При этом его вдохновляет не только сама тема, Айвазовский получил благословение своей церкви, присланное ему в письме католикосом Мкртычяном.

«Божий помазанник! — пишет в ответном письме Иван Константинович. — Вы сделали мне весьма чувствительное и прекрасное предложение — изобразить красными красками картину армянской резни на фоне залитых кровью гор и дол и над развалинами — убитого горем Владыку армян. Будь угодно Всевышнему даровать мне жизнь и подольше, настанет день, когда я исполню сие трогательное предложение»[295].

Он не лечится, а вместо этого загоняет себя каторжной работой. Пройдет совсем немного времени, и люди увидят новые картины Айвазовского, увидят и содрогнутся, узрев открывшиеся им зверства. Россия, Англия, Франция — везде, где это только можно, посланцы Айвазовского будут нести эту весть, переезжая вместе с выставками.

Сейчас, наверное, непонятно звучит фраза — тяжело переживал бедствия — послал эскизы картин в сборник, написал картины по теме — устроил выставки. Но ведь тогда не было телевизора, а многие люди, как известно, не обладают достаточным воображением, чтобы, прочитав в газетах о том, как турки сбрасывают армян в море, где те неминуемо потонут, представить себе картину во всех ее пугающих красках. Понимая это, Айвазовский работает с рассвета до первого головокружения

или предобморочного состояния. Лишь бы не потерять связующую нить, передать весь ужас, творимый современниками.

Выставки Айвазовского той поры — это своеобразная наглядная агитация. После посещения их журналисты подняли крик в прессе, выражая свое негодование по поводу зверств турков. Армян же справедливо жалели. Открылись многочисленные подписки в пользу жертв турецких зверств, армян-беженцев готовы были принять многие города, и даже частные лица открывали перед пострадавшими свои кошельки и дома. Вот что делала кисть великого художника! Но это было еще не все. Пробыв в Ницце не больше месяца, Иван Константинович и Анна Никитична возвращаются в Феодосию, где Айвазовский совершает поступок, о котором будут долгие годы спорить журналисты.

Мы помним, что некоторое время назад художник выполнял заказы Турции и был этим более чем доволен. Ему нравилась эта страна с ее живописной природой, своеобразной архитектурой и морскими берегами. Он получил две высшие награды Турции. Теперь же, когда Айвазовский выступал с яростной критикой в адрес кровавого султана, его грудь жгли, словно отпечатанные на ней раскаленные ордена Османии. А значит, следовало сделать выбор. И этот выбор был легок для не привыкшего подчиняться кому бы то ни было художнику. Вернувшись в Феодосию, он первым делом вбежал в дом, где стояла шкатулка со всеми наградами, полученными Айвазовским и туфелькой бедной Марии, извлек оттуда драгоценные, усыпанные бриллиантами турецкие ордена и, не задумываясь более ни секунды, вышел вместе с ними во двор, где, подозвав дворового пса Рекса и приласкав его, нацепил сверкающие ордена тому на ошейник. Взяв собаку на поводок, как был в дорожном костюме, Иван Константинович отправился на демонстративную прогулку по городу.

Вслед за ним выскочило несколько слуг, напуганных выражением лица хозяина и напускной веселостью, с которой тот чуть ли не бежал за обрадованным возвращением хозяина и нежданной прогулкой псом.

На улице к странной компании примкнули пришедшие поздороваться с Иваном Константиновичем соседи. О, это было незабываемое зрелище — впереди, натягивая поводок, шел здоровенный лохматый пес непонятной породы, грудь которого украшали искрящиеся в солнечном свете ордена, за ним чуть ли не бегом следовал старый художник, лицо которого было красно настолько, что многие справедливо подумали, что того вскоре хватит удар. Седые волосы и бакенбарды Айвазовского

развевались на ветру подобно ковылю, при этом он подчеркнуто весело смеялся, приплясывая и созывая знакомых примкнуть к его прогулке. Достаточно побегав по городу, посетив рынок и пройдясь вдоль харчевен и лавок, Айвазовский, наконец, свернул к набережной, где, сняв с ошейника ордена, отпустил Рекса побегать, а сам взял первую попавшуюся рыбацкую лодку и, потребовав, чтобы сопровождающие отошли от берега на несколько шагов и никто не смел мешать или следовать за ним, с молодецкой удалью оттолкнул лодку от берега, сделав несколько шагов по воде, ловко перепрыгнул через борт и сел на весла. Проплыв достаточно далеко, Айвазовский помахал рукой озадаченным соседям, после чего поднялся, в руках его заблестели драгоценные ордена, и… давно море не принимало столь щедрого дара. Ордена Османияе и Меджидие один за другим пропали в волнах.

Не один день рыбаки и умеющие хорошо плавать мальчишки будут безрезультатно искать сокровища Айвазовского, но… море всегда было в сговоре со своим любимым художником. Не подвело оно и на этот раз.

Позже Айвазовский сообщит турецкому консулу о том, что сделал, и заявит, чтобы тот передал своему кровавому султану: «Если пожелает, пусть и он выбросит в море мои картины, их мне не жаль!»

Глава 31

Айвазовский, вероятно, обладает секретом составления красок, и даже краски сами секретные; таких ярких и чистых тонов я не видел даже на полках москательных лавок.

Из письма И. Н. Крамского П. М. Третьякову

Мало кто на месте Ивана Константиновича отважился бы на столь смелый и необдуманный поступок. Он же всегда делал, что должен был сделать, не задумываясь о том, что будет. Тем не менее последствия поступка отчаянно-смелого художника оказались более чем неожиданными.

Несмотря на обидные слова Айвазовского, брошенные им турецкому консулу и султану, полотна великого мариниста в Турции не были уничтожены. По сей день они украшают музеи страны, где экскурсоводы, вот ведь странность судьбы, с увлечением рассказывают гостям о создавшим их «великом турецком художнике Айвазовском».

Что это — шутка ли судьбы, или продуманный расчет? Мы не знаем этого, существуют два источника возникновения версии турецкого происхождения Ивана Константиновича. Это воспоминания А. Д. Блудовой (М., 1888. С. 23–25) и Н.Н. Кузьмина «Воспоминания об И. К. Айвазовском» (Санкт-Петербург: типо-лит. В. В. Комарова, 1901). Согласно версии Блудовой: «…обычай привозить с собою, после походов, спасенного от гибели турчонка или взятых в плен турчанок и дарить их своим родственникам на воспитание или в прислугу занес много примеси южной крови между нами, и в пользу нам, а не в ущерб, судя по Жуковскому, Аксаковым, Айвазовскому, которые по женской линии турецкого происхождения, и по Пушкину, который, как известно, был по матери потомок негра». Если верить Блудовой, то Константин Гайвазовский рассказывал своим детям, будто их прадед, соответственно его отец, был сыном турецкого военачальника. Во время взятия Азова русскими войсками (1696 г.), будучи ребенком, он был спасен от смерти неким армянином, который его крестил и усыновил.

Так же на турецком происхождении Айвазовского настаивает Н. Н. Кузьмин, с той, однако, разницей, что в истории фигурировал уже не дед турок, а непосредственно отец

художника: «О своём происхождении сам И. К. Айвазовский вспоминал однажды, в кругу своей семьи, следующее интересное и вполне, стало быть, достоверное предание. Приведенный здесь рассказ первоначально записан с его слов и хранится в семейных архивах художника. «Я родился в городе Феодосии в 1817 году, но настоящая родина моих близких предков, моего отца, была далеко не здесь, не в России. Кто бы мог подумать, что война — этот бич всеистребляющий, послужила к тому, что жизнь моя сохранилась и что я увидел свет и родился именно на берегу любимого мною Черного моря. А между тем это было так. В 1770 году русская армия, предводительствуемая Румянцевым, осадила Бендеры. Крепость была взята, и русские солдаты, раздраженные упорным сопротивлением и гибелью товарищей, рассеялись по городу и, внимая только чувству мщения, не щадили ни пола, ни возроста». «В числе жертв их находился и секретарь бендерского паши. Пораженный смертельно одним русским гренадером, он истекал кровью, сжимая в руках младенца, которому готовилась такая же участь. Уже русский штык был занесен над малолетним турком, когда один армянин удержал карающую руку возгласом: «Остановись! Это сын мой! Он христианин! «Благородная ложь послужила во спасенье, и ребенок был пощажен. Ребенок этот был отец мой. Добрый армянин не покончил этим своего благодеяния, он сделался вторым отцом мусульманского сироты, окрестив его под именем Константина и дал ему фамилию Гайвазовский, от слова Гайзов, что на турецком языке означает секретарь. Прожив долгое время со своим благодетелем в Галиции, Константин Айвазовский поселился, наконец, в Феодосии, в которой он женился на молодой красавице-южанке, тоже армянке, и занялся первое время удачно торговыми операциями».

Известно, что Иван Константинович был знаком и состоял в переписке с Кузьминым, последний не делал секрета из своего желания написать книгу о художнике. Тем не менее до сего дня не обнаружено документа в архиве И. К. Айвазовского, на который ссылается Н.Н. Кузьмин и который мог бы подтвердить эту версию.

Слово «гайзов» в значении «секретарь» нет в турецком языке.

Мог ли Иван Константинович придумать эту байку? Вполне. Во время потепления отношений с Турцией, когда он писал картину за картиной по заказу султана, или, возможно, желая шокировать собеседника… впрочем, ту же байку мог с успехом измыслить и сам писатель. Бесспорным остается одно: «Воспоминания» Блудовой вышли при жизни Ивана Константиновича, но неизвестно, ознакомился ли художник с ними, и если читал, то какова была реакция. Книга же Н.Н.

Кузьмина вышла через год после смерти Айвазовского. Скорее всего, он мог видеть куски рукописи, которые писатель присылал ему для сверки, но не факт, что видел все. Да и опять же, мы не имеем документа — письма от И. К. Айвазовского, которое бы могло пролить свет на этот скользкий вопрос.

Впрочем, позвольте мне представить еще одну версию-объяснение, отчего художник мог и должен был придумать свое турецкое происхождение. Мягкий и чувствительный от природы Иван Константинович всю свою жизнь слушал рассказы о зверствах, творимых турками, он написал много картин, клеймящих турецкие власти, заливающие землю кровью безвинных людей. Он принимал на своей земле беженцев и всячески помогал пострадавшим материально. Создавая свои антитурецкие произведения, он как истинный художник должен был вникать в драматургию происходящего на картине, следовательно, он был вынужден вставать то на одну, то на другую стороны, карать и быть поверженным, убивать и умирать. Десятки раз… он сливался со своими героями, привыкая жить их жизнями. Заметим, что при этом сам Иван Константинович продолжал находиться в любимой им Феодосии — многонациональном городе. Где рядом с армянскими, грузинскими, малороссскими лавочками стояли и турецкие кофейни, склады, прилавки. По улицам бегали ватаги детей самых разных национальностей. Живущие по соседству от Айвазовского турки — люди мирной профессии — купцы, строители, сапожники и портные… разве должны были они отвечать за турок-солдат? Турок-министров? Турок — военных стратегов? Своими картинами Айвазовский заставлял зрителей увидеть ужас, творимый Турцией, остро ощущая жалость к гонимым и поверженным. Но он отнюдь не желал резни у стен своего дома!

Скорее всего, понимая, каким уважением пользуется Иван Константинович среди населения и городского начальства, к нему на поклон не раз приходили феодосийские и крымские турки. Простые люди, возможно, никогда в жизни не видевшие картин Айвазовского, но знавшие его как доброго соседа и справедливого человека. Никто не хочет быть сожженным в собственном доме или забитым камнями в лавке. Отпуская жену на рынок или детей в школу, любой отец должен заботиться об их безопасности. Феодосийские турки не сделали ничего плохого своим соседям и не должны отвечать за ужасы, творимые страной, откуда они давным-давно уехали. Откуда, возможно, уехали даже не они, а их отцы или даже деды. Но если народ поднимется громить живущих по соседству турок, пострадают и женщины, и дети,

пострадают люди, рожденные в Феодосии, чьи-то родственники и друзья. Что же мог сделать художник, чтобы не допустить резни и убийства? Художник — картины которого призывали к мщению? Чувствительный, совестливый человек, по вине которого могли погибнуть невинные люди? Оставалось либо выступать перед городским собранием на главной рыночной площади с речами и разъяснениями, либо… встать живым щитом, не допустив кровопролития, объявить, что и в его жилах течет турецкая кровь. Мол, хотите резни — начинайте с меня. Хотите крови, убейте сначала старого художника, который сам безоружный выйдет навстречу беснующейся толпе. Убейте своего старого соседа, кума, крестного отца, родственника — Ованеса Айвазяна, отец которого не раз заступался за ваших отцов в судах, а если не посмеете, то не трогайте больше уже никого!

Это всего лишь версия, и возможно, она не всем понравится, но, мне кажется, что она имеет право быть высказанной и выслушанной. Тем более что сам портрет Айвазовского — человека духовно чистого и беззаветно преданного искусству, наводит на мысль о жертвенности, которая была ему свойственна на протяжении всей жизни. К слову, для чего нужна жизнь, если ею нельзя пожертвовать, спасая жизнь другого человека, других людей? Айвазовский любил жизнь, но роздал бы ее, как раздают разломанный добрыми натруженными руками каравай хлеба, не задумываясь о последствиях. В этом был весь русский художник Иван Константинович Айвазовский, армянин Ованес Айвазян.

Глава 32

«Рожденный смертным, оставил по себе бессмертную память».

Надпись на могиле И. К. Айвазовского

Весной 1900 года в Петербурге состоялась последняя выставка Ивана Константиновича Айвазовского, то есть это мы сейчас можем сказать, что она была последняя, тогда же, несмотря на преклонные лета художника, об этом было страшно подумать. Академия учредила персональные стипендии имени Айвазовского для одаренных молодых людей из Феодосии и уезда, желающих получить художественное образование. Это был еще один подарок молодым художникам. Его вечная дань Казначееву — которого Ованес всю жизнь будет почитать за второго отца.

Господь не наградил Ивана Константиновича сыновьями ни в первом, ни во втором браке. И теперь славная фамилия великого мариниста должна была исчезнуть вместе с ним, оставшись только на его картинах. Внимательный читатель, безусловно, возразит, что вся семья Ивана Константиновича, а именно все Гайвазовские изменили себе фамилию на Айвазовские. Но среди них не было художников. Не было воспитанников, которых Иван Константинович мог оставить после себя. Обидно, тем более для восточного человека, чтившего свой род и мечтавшего оставить достойных наследников.

Перед смертью Айвазовский принял непростое для себя решение: он пожелал официально усыновить своего внука Сашу Лантри, которого воспитывал с трех лет. О чем смиренно просил государя: «Не имею сыновей, но Бог наградил меня дочерьми и внуками. Желая сохранить свой род, носящий фамилию Айвазовский, я усыновил своего внука, сына старшей дочери — Александра Аантри, ребенка мужского пола доктора Аантри, о котором я уже сделал объявление. Осмелюсь просить усыновленному внуку Александру дать мою фамилию, вместе с гербом и достоинствами дворянского рода».

17 мая такое разрешение было получено. Но получила его уже Анна Никитична. Иван Константинович умер 19 апреля 1900 года в своем доме в Феодосии.

Последняя картина Айвазовского, «Взрыв турецкого корабля», осталась недописанной. Он занялся ей рано утром, в полдень

супруга зашла в мастерскую и, убедившись, что Иван Константинович не против прогуляться перед обедом, предложила пройтись по берегу. После обеда Айвазовский поспешил в мастерскую, где работал допоздна. Ночью его не стало. Говорят, любимцы богов умирают во сне.

За день до смерти Иван Константинович любовался изящным букетом свежих ароматных ландышей, поставленных в вазочку на его столе.

— Какие дивные цветы, понюхай, как пахнут-то, как пахнут! — обратился он к Анне Никитичне. — Не знаешь, от кого они?

Как обычно в праздник, дом Айвазовских буквально утопал в цветах, и их все несли и несли соседи, ученики, почитатели…

— Так их же каждый год приносят, и всегда в этот день, — мельком взглянув на букет, ответила Анна, поправляя Ивану Константиновичу подушку на кресле.

— Каждый год? — Лицо Айвазовского на несколько секунд окаменело, казалось, что он мучительно пытается что-то вспомнить.

— Ну да. Что ты так разволновался? Ну, ландыши…

— Кто приносит? От кого приносит? — Голос художника предательски срывался.

— Не знаю. — Анна простодушно пожала плечами. — Ты как-то уже интересовался, и я думала спросить прислугу, да все забываю. Но ничего. В следующий раз непременно выясню.

— Ты хотя бы видела посыльного?

— Видела. — Анна подсела на табурет поближе к мужу, мучительно хотелось взять его за руку и проверить пульс. — Старик, совсем седой, высокий… ну, не можешь же ты знать всех посыльных.

— Я тоже видел, — словно в пустоту прошептал Айвазовский, — и тоже почему-то ни разу не спросил…

— Ладно, попробую расспросить слуг, может, они его знают, раз уж тебя это так заботит. Не стоит нервничать по пустякам.

Уходя, она с подозрением посмотрела на корзинку ландышей. Надо же, чтобы какие-то цветы вдруг так разволновали его.

Айвазовский, потянувшись, взял цветы в руки, и в этот момент в ближайшей церкви зазвенел колокол…

В доме художника почти всегда было людно, последнее время народу добавилось, так как Айвазовский не только писал картины, призывающие оказать помощь армянам-беженцам, не дожидаясь, когда это сделает правительство или городская администрация, он встречал беженцев на въезде в Феодосию и

предлагал им поселиться на его земле, снабжая на первое время деньгами. «Стыдно отворачиваться от своей народности, тем более такой маленькой и угнетенной», — говорил Иван Константинович.

На свои деньги Айвазовский построил здание Археологического музея и подарил родному городу театр, точнее, это была сцена в его картинной галерее. Меленькая сцена, на которой не гнушались выступать композитор и пианист Рубинштейн,[296] польский скрипач Венявский,[297] армянский композитор Спендиаров, туда приезжали петербургские и московские актеры театров. Айвазовский создал приходскую школу и содержал ее. Феодосийские учащиеся были частыми гостями в доме великого художника. Айвазовский добился, чтобы в городе построили железную дорогу и полностью переделали порт, расширив его и сделав современным и удобным для кораблей.

До конца своих дней он хлопотал о стипендиях и пенсиях для жителей своего города, поэтому весть о смерти художника была воспринята как личное горе для тысяч феодосийцев. Смерть Айвазовского была ударом для всей Феодосии, для всего Крыма, для всей огромной России.

Но особенно скорбела, естественно, Феодосия, для которой Айвазовский был родным человеком — ведь он окрестил множество детей и выдал замуж сотни соседских девушек, которые славили художника, помня о его милостях. Во всех церквях звенели колокола, и все лавки в тот день были закрыты. Город погрузился в тяжелейший траур. За гробом художника шла безутешная Анна и члены его семьи, не было только Юлии, которая оставила этот мир за несколько месяцев до своего Ованеса и теперь, должно быть, дожидалась его за порогом жизни, чтобы наконец соединиться с ним навечно.

Айвазовского похоронили во дворе древней армянской церкви. Позже на его могиле появится надпись на армянском: «Рожденный смертным, оставил по себе бессмертную память».

Невдалеке от похоронной процессии, утирая слезы, стоял высокий старик с длинными седыми волосами, взглянув на него, Анна Никитична мгновенно узнала таинственного посыльного, но занятая своими обязанностями у гроба, так и не смогла подойти и исполнить последнюю волю покойного.

Старик же стоял, переминаясь с ноги на ногу, утирая слезы и бестолково бубня себе под нос: «Кому теперь я буду носить цветы от Трубецких? Некому, некому…»

Умирая, Мария Тальони завещала дочери — княгине Трубецкой — каждое Вербное воскресенье посылать к Ивану

Айвазовскому букет свежих ландышей, как напоминание о том дне, когда она отказала художнику, любя его всю жизнь. Год за годом старый посыльный доставлял художнику ландыши, надеясь, что тот когда-нибудь остановит его и спросит. Надеялся, оттого и вызубрил наизусть и странное имя Тальони и всю эту историю. Но Айвазовский ни разу ни о чем его так и не спросил.

Вернувшись домой, Анна Никитична сожгла розовую туфельку Марии Тальони в печке и после 25 лет не покидала дома, где была когда-то счастлива и любима. Со дня похорон она сделалась добровольной затворницей. Не принимала гостей, не давала интервью, не стремилась наладить свою вновь разбитую жизнь. В доме Айвазовского она встретила Первую мировую, пережила революцию и Гражданскую войну, как-то выдержала экспроприацию, в которую лишилась почти всех оставленных ей мужем капиталов, встретила Великую Отечественную, пропустив эвакуацию жителей. Во время оккупации она отдала свои последние драгоценности, обменяв их на хлеб и крупу. Когда же немцы оставили Феодосию, художник Николай Самокиш[298] нашел забытую всеми вдову, наверное, самого доброго и щедрого художника и забрал ее в свой дом в Симферополе.

Анна дожила до 88 лет и была похоронена рядом с мужем в сквере армянской церкви Святого Саргиса, где их когда-то венчали.

Приложения

Выставки, в которых принимал участие И. К. Айвазовский:

1835	Петербург,
1836	Петербург
1837	Петербург
1841	Рим
1842	Неаполь, Венеция
1843	Париж, Лондон
1844	Амстердам
1845	Петербург
1846	Феодосия, Одесса, Петербург, Берлин
1847	Феодосия (юбилейная), Одесса, Петербург
1848	Москва
1850	Петербург, Одесса
1851	Москва, Одесса
1853	Петербург
1854	Петербург
1857	Париж
1858	Петербург
1860	Петербург
1861	Феодосия, Петербург, Лондон
1862	Петербург
1864	Одесса
1865	Петербург, Одесса
1866	Петербург, Берлин
1867	Петербург, Одесса
1868	Тифлис, Петербург
1870	Петербург
1872	Москва
1873	Петербург, Москва, Ницца
1874	Флоренция, Рим, Вена, Ницца, Лондон
1875	Петербург
1877	Петербург, Москва, Симферополь, Одесса, Николаев, Бухарест, Рига
1878	Петербург, Франкфурт, Штутгарт, Амстердам,

	Флоренция, Генуя
1879	Париж, Мюнхен
1880	Феодосия (открытие галереи), Петербург
1881	Петербург, Москва, Лондон
1882	Петербург
1883	Петербург
1884	Петербург, Одесса, Феодосия, Киев, Вена
1885	Берлин, Варшава
1886	Петербург, Москва, Одесса, Николаев, Харьков, Рига, Берлин, Ницца, Ментона, Бухарест, Константинополь
1887	Петербург (юбилейная), Киев, Херсон, Париж, Бухарест
1888	Петербург, Киев, Константинополь
1890	Париж
1891	Петербург
1893	Нью-Йорк, Чикаго, Сан-Франциско, Вашингтон

Список картин Айвазовского по алфавиту

Название	Год создания	Место нахождения	Город
Автопортрет.	1874	Уффици	Флоренция
Автопортрет.	1880-е	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Автопортрет.	1881	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Автопортрет.	1892	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Автопортрет. За письменным столом.	1880-е	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Айл Гуниб в Дагестане. Вид с восточной	1869	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург

стороны.			
Алушта.	1878	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
А.С. Пушкин в Крыму у Гурзуфских скал.	1880	Одесский художественный музей	Одесса
А.С. Пушкин на берегу Черного моря.	1897	Одесский художественный музей	Одесса
А.С. Пушкин на вершине Ай-Петри при восходе солнца.	1899	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
А.С. Пушкин и Раевская в Гурзуфе.	н/д 1	1 Самарский художественный музей	Самара
Афинский Акрополь.	1883	Киевский государственный музей русского искусства	Киев
Аю-Даг в туманный день.	1853	Галерея Г. Басмаджяна	Париж
Баржи у морского берега.	неизвестно	Екатеринбургский музей изобразительных искусств	Екатеринбург
Башня. Кораблекрушение.	1847	Национальная галерея Армении	Ереван
Башни на скале у Босфора.	1859	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Берега Далмации.	1848	Нижегородский государственный художественный музей	Нижний Новгород
Берег моря.	1861	Киевский государственный музей русского искусства	Киев
Берег моря ночью. У маяка.	1837	Феодосийская картинная	Феодосия

		галерея	
Берег моря. Штиль.	1843	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Берег моря. Туманное утро.	1850-е	Частное собрания	Неизвестно
Берег Неаполя. Вид Везувия.	1877	Музей армянского искусства	Париж
Берег Ялты.	1885	Омский областной музей изобразительных искусств	Омск
Беспокойное море.	1877	Музей армянской конгрегации мхитаристов	Венеция
Бой парохода «Веста» с турецким броненосцем «Фехти-Буленд» в Чёрном море 11 июля 1877 года.	1877	Центральный военно-морской музей	Санкт-Петербург
Бой в Хиосском проливе 24 июня 1770 года.	1848	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Большой рейд в Кронштадте.	1836	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Босфор в лунную ночь.	1874	Музей армянской конгрегации мхитаристов	Венеция
Бриг «Меркурий» после победы над двумя турецкими судами встречается с русской эскадрой.	1848	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Бриг	1892	Феодосийская	Феодосия

«Меркурий», атакованный двумя турецкими кораблями.		картинная галерея	
Бурное море.	1844	Национальная галерея Армении	Ереван
Бурное море.	1868	Государственная Третьяковская Галерея	Москва
Бурное море.	1887	Бурятский республиканский художественный музей	Улан-Удэ
Бурное море ночью.	1853	Частные собрания	Неизвестно
Буря над Евпаторией.	1861	Государственный художественно-архитектурный дворцово-парковый музей-заповедник «Царское Село»	Пушкин
Буря на Ледовитом океане.	1864	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Буря на море.	1850	Национальная галерея Армении	Ереван
Буря на море.	1880	Национальная галерея Армении	Ереван
Буря на море.	1893	Собрание армянской церкви	Бостон
Буря на Северном море.	1875	Национальная галерея Армении	Ереван
Буря на Северном море.	1865	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Буря на море	1849	Государственный	Павловск

ночью.		художественно-архитектурный дворцово-парковый музей-заповедник «Павловск»	
Буря у берегов Ниццы.	1885	Национальная галерея Армении	Ереван
Буря.	1868	Частные собрания	
Буря.	1872	Киевский государственный музей русского искусства	Киев
Буря.	1899	Национальная галерея Армении	Ереван
Буря.	1857	Государственная Третьяковская Галерея	Москва
Буря.	1899	Омский областной музей изобразительных искусств	Омск
Буря.	1851	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Буря.	1886	Ярославский художественный музей	Ярославль
Буря.	1886	Закарпатская картинная галерея	Ужгород
Буря. Закат.	1856	Частные собрания	
Буря. Крушение иностранного корабля (Эпизод Крымской войны).	1855	Дом памяти поэта Рубена Севака (Чилингиряна)	Ницца
Буря на море.	1847	Государственный художественно-	Павловск

		архитектурный дворцово-парковый музей-заповедник «Павловск»	
Буря на Черном море.	1875	Курская государственная картинная галерея	Курск
Бушующее море.	1872	Частные собрания	
Бушующее море.	Неизвестно	Дагестанский музей изобразительных искусств	Махачкала
Буря на море.	1893	Государственный дворцово-парковый музей-заповедник Петергоф	Петергоф
Буря на море.	1873	Рыбинский историко-художественный музей-заповедник	Рыбинск
Буря на море лунной ночью.	н/д	Нижнетагильский художественный музей изобразительных искусств	Нижний Тагил
Буря на море ночью.	1895	Нижегородский государственный художественный музей	Нижний Новгород
Буря на Черном море.	1873	Омский областной музей изобразительных искусств	Омск
Буря у мыса Айя.	1875	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Бухта Золотой	После 1845	Чувашский	Чебоксары

Рог. Турция.		государственный художественный музей	
В бурю.	1872	Национальная галерея Армении	Ереван
В бурю	1899	Дагестанский музей изобразительных искусств	Махачкала
В волнах.	1893	Тюменский музей изобразительных искусств	Тюмень
В гавани.	1842	Николаевский художественный музей	Николаев
Венеция.	1870-е	Частные собрания	
Венецианская лагуна. Вид на остров Сан-Джорджо.	1844	Государственная Третьяковская Галерея	Москва
Венецианская ночь.	н/д	Государственный центральный музей музейной культуры им. М. И. Глинки	Москва
Венеция.	1842	Государственный дворцово-парковый музей-заповедник Петергоф	Петергоф
Венеция.	1844	Тверская областная картинная галерея	Тверь
Венчание поэта в Древней Греции.	1886	Национальная галерея Армении	Ереван
Ветряная мельница на берегу моря.	1837	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург

Вечер в Крыму. Ялта.	1848	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Вечер на море.	неизвестно	Волгоградский музей изобразительный искусств	Волгоград
Вечер на море.	1871	Ульяновский художественный музей	Ульяновск
Вечер. На рейде.	Неизвестно	Дагестанский музей изобразительных искусств	Махачкала
Вид Амальфи.	1865	Одесский художественный музей	Одесса
Вид Босфора.	1874	Частные собрания	
Вид Босфора.	1864 (?)	Севастопольский художественный музей	Севастополь
Вид Венеции с лагуны при закате.	1873	Частные собрания	
Вид Вико близ Неаполя.	1855	Тверская областная картинная галерея	Тверь
Вид Вико.	н/д	Тверская областная картинная галерея	Тверь
Вид в Крыму при закате солнца.	1862	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Вид Константинополя.	1851	Рязанский областной художественный музей	Рязань
Вид Константинополя при вечернем освещении.	1846	Государственный дворцово-парковый музей-	Петергоф

		заповедник Петергоф	
Вид Константинополя при лунном освещении.	1846	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Вид Одессы в лунную ночь	1846	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Вид в Ореанде.	1858	Государственный дворцово-парковый музей-заповедник Петергоф	Петергоф
Вид Амстердама.	1854	Харьковский художественный музей	Харьков
Вид Гуниба.	1868	Дагестанский музей изобразительных искусств	Махачкала
Вид Константинополя с Чамлича.	1870-е	Частные собрания	
Вид Крыма.	1851	Нижегородский государственный художественный музей	Нижний Новгород
Вид на Большой Каскад и Большой Петергофский дворец.	Петергоф	Государственный дворцово-парковый музей-заповедник Петергоф	Петергоф
Вид на Москву с Воробьевых гор.	1848	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Вид Венеции со стороны Лидо.	1855	Харьковский художественный музей	Харьков
Вид Одессы в лунную ночь.	1855	Калужский областной художественный музей	Калуга
Вид Петербурга.	1888	Национальная	Ереван

		галерея Армении	
Вид приморского города.	1877	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Вид моря ночью.	1873	Астраханская областная картинная галерея	Архангельск
Вид моря с гор. Крым.	1864	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Вид на Везувий в лунную ночь.	1858	Вологодская областная картинная галерея	Вологда
Вид на венецианскую лагуну.	1841	Государственный дворцово-парковый музей-заповедник Петергоф	Петергоф
Вид на скалистый берег со стороны моря.	1845	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Вид Константинополя.	1849	Государственный художественно-архитектурный дворцово-парковый музей-заповедник «Царское Село»	Пушкин
Вид Леандровой башни в Константинополе.	1848	Государственная Третьяковская Галерея	Москва
Вид на взморье в окрестностях Петербурга.	1835	Государственная Третьяковская Галерея	Москва
Вид на острове Капри.	1845	Киевский государственный музей русского искусства	Киев
Вид приморского	1870-е	Частные собрания	

города вечером с зажженным маяком.			
Вид Судакской бухты.	1879	Ставропольский музей изобразительных искусств	Ставрополь
Вид Тифлиса.	1869	Ставропольский музей изобразительных искусств	Ставрополь
Вид Тифлиса от Сейд-Абаза.	1868	Государственный музей искусств Грузии	Тбилиси
Взрыв Аркадионского монастыря на Крите в 1866 году.	1867	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Взрыв корабля.	1900	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Взрыв трехмачтового парохода в Сулине 27 сентября 1877 года.	1878	Центральный военно-морской музей	Санкт-Петербург
Взятие русскими матросами турецкой лодки и освобождение пленных кавказских женщин.	1880	Государственный музей искусств Грузии	Тбилиси
Взятие Севастополя.	1855	Государственный музей искусств Грузии	Тбилиси
В Ливадии.	Неизвестно	Костромской государственный объединенный художественный музей	Кострома

Во время жатвы на Украине.	1883	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Волга у Жигулевских гор.	1887	Киевский государственный музей русского искусства	Киев
Волга.	1887	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Волна.	1895	Частные собрания	
Волна.	1889	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Волы на перешейке.	1860	Рыбинский историко-художественный музей-заповедник	Рыбинск
Восточная сцена.	1846	Государственный дворцово-парковый музей-заповедник Петергоф	Петергоф
Восточная сцена (В лодке).	1846	Государственный дворцово-парковый музей-заповедник Петергоф	Петергоф
Восход луны в Феодосии.	1892	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Восход солнца в Феодосии.	1855	Национальная галерея Армении	Ереван
Восход солнца у берегов Ялты.	1878	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Всемирный потоп.	1864	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Всемирный потоп.	1864	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург

Встреча рыбаков на берегу Неаполитанского залива.	1842	Государственная Третьяковская Галерея	Москва
Вход в Севастопольскую бухту.	1852	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Выброшенный на скалы корабль.	1874	Частные собрания	
Гавань.	1850	Горловский художественный музей	Горловка
Георгиевский монастырь. Мыс Фиолент. |	1846	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Героиня Боболина с охотниками прорывается под градом выстрелов на катере сквозь турецкий флот, блокировавший Навина в 1827 году.	1880	Национальный художественный музей Республики Саха	Якутск
Генуэзская башня.	1845	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Гибель корабля (Крушение купеческого судна в открытом море).	1883	Вологодская областная картинная галерея	Вологда
Гибель корабля «Лефорт». Аллегорическое изображение.	1858	Центральный военно-морской музей	Санкт-Петербург
Гибель Помпеи.	1889	Ростовский областной музей изобразительных искусств	Ростов
Гондольер на	1843	Государственный	Казань

море ночью.		музей Республики Татарстан	
Гора Арарат.	1885	Музей армянской конгрегации мхитаристов	Венеция
Горящий корабль (эпизод русско-турецкой войны).	Неизвестно	Частные собрания	
Гурзуф.	Неизвестно	Калужский областной художественный музей	Калуга
Гурзуф.	1859	Харьковский художественный музей	Харьков
Гурзуф ночью.	1849	Всероссийский музей А.С. Пушкина	Санкт-Петербург
Данте указывает художнику на необыкновенные облака.	1883	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Дарьяльское ущелье.	1868	Национальная галерея Армении	Ереван
Дарьяльское ущелье.	1862	Государственный художественно-архитектурный дворцово-парковый музей-заповедник «Павловск»	Павловск
Дарьяльское ущелье в лунную ночь.	1868	Национальная галерея Армении	Ереван
Дарьяльское ущелье.	1891	Государственный Литературный музей	Москва
Дворец дожей в Венеции при	1878	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург

луне.			
Дворец Ка д'Ордо в Венеции при луне.	1878	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Девятый вал.	1857	Алтайский музей изобразительных искусств	Астрахань
Девятый вал.	1850	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Десант в Субаши.	1880-е	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Десант Н. Н. Раевского у Субаши.	1839	Самарский художественный музей	Самара
Дороги от Млета до Гудаура.	1868	Дагестанский музей изобразительных искусств	Махачкала
Закат на море.	1886	Костромской государственный объединенный художественный музей	Кострома
Закат на море.	1856	Национальная галерея республики Коми	Сыктывкар
Закат на море.	1853	Таганрогская картинная галерея	Таганрог
Закат на море.	1899	Государственный Литературный музей	Москва
Закат на море.	1878	Нижегородский государственный художественный музей	Нижний Новгород
Закат на море.	1848	Государственный художественный музей Латвии	Рига
Закат на море.	1848	Государственный	Рига

		художественный музей Латвии	
Закат на море.	1848	Государственный художественный музей Латвии	Рига
Закат солнца у крымских берегов.	1856	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Закат солнца. Одинокий парусник.	1853	Частные собрания	
Закат.	1866	Частные собрания	
Закат солнца в Малороссии	1863	Николаевский художественный музей	Николаев
Захват пароходом «Россия» турецкого военного транспорта «Мессина» на Чёрном море 13 декабря 1877 года.	1877	Центральный военно-морской музей	Санкт-Петербург
Заход солнца на море.	1898	Днепропетровский художественный музей	Днепропетровск
Золотой Рог.	1872	Нижегородский государственный художественный музей	Нижний Новгород
Золотой Рог.	1895	Тверская областная картинная галерея	Тверь
Золотой Рог. Босфор.	1872	Нижегородский государственный художественный музей	Нижний Новгород
И. К. Айвазовский в кругу друзей.	1893	Феодосийская картинная галерея	Феодосия

Итальянский пейзаж.	1855	Тверская областная картинная галерея	Тверь
Итальянский пейзаж. Вечер.	1858	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Кавказские горы с моря.	1899	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Камыши на Днепре.	1857	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Караван в оазисе. Египет.	1871	Частные собрания	
Католикос Хримян Айрик в окрестностях Эчмиадзина.	1895	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Керчь.	1839	Оренбургский областной музей изобразительных искусств	Оренбург
Клятва перед Аварайской битвой (полководец Вартан Мамиконян V в.).	1892	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Контрабандисты.	1890-е	Частные собрания	
Кораблекрушение	1864	Эчмиадзинский музей	Ереван
Кораблекрушение	1880-е	Музей армянской конгрегации мхитаристов	Венеция
Кораблекрушение	1894	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Кораблекрушение	1843	Феодосийская картинная галерея	Феодосия

Кораблекрушение	1876	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Кораблекрушение в Северном море.	1875	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Кораблекрушение у Афонской горы.	1856	Центральный военно-морской музей	Санкт-Петербург
Кораблекрушение у скал.	1870-е	Частные собрания	
Кораблекрушение у берегов Гурзуфа.	1898	Государственная Третьяковская Галерея	Москва
Кораблекрушение у берегов Гурзуфа.	1898	Государственная Третьяковская Галерея	Москва
Корабли Колумба.	1880-е	Частные собрания	
Корабли в бурном море. Восход солнца.	1871	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Корабли в ночной тишине.	1888	Музей армянской конгрегации мхитаристов	Венеция
Корабль в бурю.	1895	Частные собрания	
Корабль в бурю.	1891	Частные собрания	
Корабль в море.	1870-е	Дом памяти поэта Рубена Севака (Чилингиряна)	Ницца
Корабль «Двенадцать апостолов».	1897	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Корабль «Императрица Мария» во время шторма	1892	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Корабли на бушующем море.	1866	Кировский художественный музей им.	Киров

		Васнецовых	
Корабли на Феодосийском рейде. Чествование Айвазовского по случаю его 80-летия.	1897	Центральный военно-морской музей	Санкт-Петербург
Корабль в бурю.	1887	Музей армянской патриархии	Стамбул
Корабль в бурю.	1896	Томский областной художественный музей	Томск
Корабль у берега.	н/д	Саратовский художественный музей	Саратов
Конец бури на море.	1839	Государственная Третьяковская Галерея	Москва
Контрабандисты	1884	Пермская художественная галерея	Пермь
Кофейня в Крыму.	н/д	Николаевский художественный музей	Николаев
Крепость у моря.	н/д	Сумский художественный музей	Сумы
Крещение армянского народа. Григор-просветитель (IV в.).	1892	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Кронштадтский рейд.	1840	Центральный военно-морской музей	Санкт-Петербург
Кронштадт. Форт «Император Александр I».	1844	Центральный военно-морской музей	Санкт-Петербург
Крушение корабля	1876	Центральный военно-морской	Санкт-Петербург

«Ингерманланд» в Скагерраке в ночь на 30 августа 1842 года.		музей	
Крым.	1852	Государственный дворцово-парковый музей-заповедник Петергоф	Петергоф
Крымский берег.	1886	Львовская государственная картинная галерея	Львов
Крымский вид. Аю-Даг.	1865	Национальная галерея Армении	Ереван
Крымский вид.	неизвестно	Государственный музей Республики Татарстан	Казань
Крымский пейзаж с парусником.	1874	Красноярский художественный музей им. В. И. Сурикова	Красноярск
Купание овец.	1877	Иркутский художественный музей	Иркутск
Купание овец.	1878	Одесский художественный музей	Одесса
Лазоревый грот. Неаполь.	1841	Донецкий областной художественный музей	Донецк
Ледяные горы в Антарктиде.	1870	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Ливень в Судаке.	1897	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Лиссабон. Восход солнца.	1860-е	Частные собрания	

Лунная ночь в Константинополе.	1884	Частные собрания	
Лунная ночь в Константинополе.	1862	Национальная галерея Армении	Ереван
Лунная ночь в Крыму. Гурзуф.	1839	Сумский художественный музей	Сумы
Лунная ночь. Всадник.	1858	Национальная галерея Армении	Ереван
Лунная ночь у взморья.	1847	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Лунная ночь.	1870-е	Частные собрания	
Лунная ночь.	1862	Псковский музей-заповедник	Псков
Лунная ночь.	1849	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Лунная ночь.	1888	Центральный военно-морской музей	Санкт-Петербург
Лунная ночь.	1899	Таганрогская картинная галерея	Таганрог
Лунная ночь в Крыму.	1859	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Лунная ночь. Берег моря.	1885	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Лунная ночь. Купальня в Феодосии.	1853	Таганрогская картинная галерея	Таганрог
Лунная ночь на берегу моря в Крыму.	1852	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Лунная ночь на Босфоре.	1894	Государственная Третьяковская Галерея	Москва
Лунная ночь на Капри.	1841	Государственная Третьяковская Галерея	Москва
Лунная ночь на	1875	Нижегородский	Нижний

море.		государственный художественный музей	Новгород
Лунная ночь на Чёрном море.	1855	Козьмодемьянский художественно-исторический музей им. А.В. Григорьева	Козьмодемьянск
Лунная ночь на Черном море.	1873	Нижегородский государственный художественный музей	Нижний Новгород
Лунная ночь. Окрестности Ялты.	1863	Государственная Третьяковская Галерея	Москва
Лунная ночь (Разбитый корабль).	1871	Севастопольский художественный музей	Севастополь
Малага. Морской пейзаж.	1854	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Малахов курган (Место, где смертельно был ранен Корнилов).	1893	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Марина.	1892	Костромской государственный объединенный художественный музей	Кострома
Мельница на берегу моря.	1851	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Минная атака катерами парохода «Великий князь Константин» турецкого броненосца «Ассари-Шевкет» на Сухумском рейде 12	1877	Центральный военно-морской музей	Санкт-Петербург

августа 1877 года.			
Море.	1881	Государственный музей искусств Республики Казахстан	Алматы
Море.	1895	Государственный музей изобразительного искусства Кыргызстана	Бишкек
Море.	1864	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Море в лунную ночь.	1858	Национальная галерея Армении	Ереван
Море. Закат.	1896	Государственное музейное объединение «Художественная культура Русского Севера»	Архангельск
Море. Коктебель.	1853	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Море перед бурей.	1856	Киевский государственный музей русского искусства	Киев
Море. Солнечный день.	1861	Частные собрания	
Море.	неизвестно	Днепропетровский художественный музей	Днепропетровск
Море.	1898	Луганский областной художественный музей	Луганск
Море.	н/д	Музей А. С. Пушкина	Москва
Море.	н/д	Николаевский	Николаев

		художественный музей	
Море.	1882	Ростовский областной музей изобразительных искусств	Ростов
Море ночью.	1861	Новгородский государственный объединенный музей-заповедник	Новгород
Море ночью.	н/д	Оренбургский областной музей изобразительных искусств	Оренбург
Море. Скалы.	1889	Оренбургский областной музей изобразительных искусств	Оренбург
Море с кораблем.	1884	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Море с кораблем.	н/д	Бурятский республиканский художественный музей	Улан-Удэ
Море у скалистого берега.	1851	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Морское сражение при Выборге 29 июня 1790 года.	1846	Высшее военно-морское инженерноеучилище им. Ф. Э. Дзержинского	Санкт-Петербург
Морское сражение при Наварине 2 октября 1827 года.	1846	Высшее военно-морское инженерное училище им. Ф. Э. Дзержинского	Санкт-Петербург
Морское сражение при	1846	Высшее военно-морское	Санкт-Петербург

Ревеле 2 мая 1790 года.		инженерное училище им. Ф. Э. Дзержинского	
Морской берег.	1878	Частные собрания	
Морской берег.	1840	Государственная Третьяковская Галерея	Москва
Морской берег. Волна.	1880	Национальная галерея Армении	Ереван
Морской берег (Крымское побережье у Ай-Петри).	1890	Музей изобразительных искусств Республики Карелия	Петрозаводск
Морской бой.	1855	Краснодарский краевой художественный музей	Краснодар
Морской вид.	1867	Воронежский областной художественный музей	Воронеж
Морской вид.	1892	Красноярский художественный музей им. В. И. Сурикова	Красноярск
Морской вид.	1899	Нижнетагильский художественный музей изобразительных искусств	Нижний Тагил
Морской вид.	н/д	Новгородский государственный объединенный музей-заповедник	Новгород
Морской вид.	1900	Государственный дворцово-парковый музей-заповедник	Петергоф

		Петергоф	
Морской вид.	1841	Государственный дворцово-парковый музей-заповедник	Петергоф
Морской вид.	1895	Дальневосточный художественный музей	Хабаровск
Морской вид.	1855	Тверская областная картинная галерея	Тверь
Морской вид.	1865	Бурятский республиканский художественный музей	Улан-Удэ
Морской вид при луне.	1878	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Морской вид с часовней на берегу.	1845	Одесский художественный музей	Одесса
Морской залив.	1842	Музей изобразительных искусств Республики Карелия	Петрозаводск
Морской пейзаж.	1878	Частные собрания	
Морской пейзаж.	неизвестно	Дворец-музей	Гатчина
Морской пейзаж.	1870	Национальная галерея Армении	Ереван
Морской пейзаж.	н/д	Сумский художественный музей	Сумы
Морской пейзаж.	н/д	Дагестанский музей изобразительных искусств	Махачкала
Морской пейзаж.	1850-е	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург

Морской пейзаж в Крыму.	1866	Государственный музей изобразительного искусства Кыргызстана	Бишкек
Морской пейзаж. Коктебель.	1889	Донецкий областной художественный музей	Донецк
Морской пейзаж.	1871	Нижнетагильский художественный музей изобразительных искусств	Нижний Тагил
Морской пейзаж.	1898	Новгородский государственный объединенный музей-заповедник	Новгород
Морской пейзаж при луне.	1849	Государственный дворцово-парковый музей-заповедник Петергоф	Петергоф
Морской пролив с маяком.	1841	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Мхитаристы на острове св. Лазаря. Венеция.	1843	Музей М. Сарьяна	Ереван
На берегу.	1879	Частные собрания	
Набережная восточного города.	1852	Омский областной музей изобразительных искусств	Омск
На морском берегу.	н/д	Сумский художественный музей	Сумы
На рейде.	1874	Владимиро-Суздальский музей-	Владимир

		заповедник	
На острове Крит.	1867	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Наполеон на острове Святой Елены.	1897	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Неаполитанский залив.	1841	Государственный дворцово-парковый музей-заповедник Петергоф	Петергоф
Неаполитанский залив в лунную ночь.	1858	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Неаполитанский залив.	1845	Государственный дворцово-парковый музей-заповедник Петергоф	Петергоф
Неаполитанский залив в лунную ночь.	1842	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Неаполитанский залив в лунную ночь. Везувий.	Начало 1840-х	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Неаполитанский залив ночью.	1895	Государственная Третьяковская Галерея	Москва
Неаполитанский залив. Вид Везувия.	1870-е	Частные собрания	
Неаполитанский залив ранним утром.	1897	Государственная Третьяковская Галерея	Москва
Неаполитанский залив утром.	1893	Государственная Третьяковская Галерея	Москва
Неаполитанский залив утром.	1843	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Неаполитанский	1874	Национальная	Ереван

залив в туманное утро.		галерея Армении	
Неаполитанский маяк.	1842	Музей армянской конгрегации мхитаристов	Венеция
Неаполь в лунную ночь. Везувий.	1876	Частные собрания	
Нева.	н/д	Таганрогская картинная галерея	Таганрог
Ниагарский водопад.	1893	Национальная галерея Армении	Ереван
Ниагарский водопад.	1892	Национальный художественный музей Республики Беларусь	Минск
Ночной Константинополь.	1886	Региональный государственный фонд поколений Ханты-Мансийского авт. Округа	Ханты-Мансийск
Ночной пейзаж. Венеция	н/д	Нижегородский государственный художественный музей	Нижний Новгород
Ночной пейзаж. Венеция.	н/д	Нижегородский государственный художественный музей	Нижний Новгород
Ночь.	н/д	Пензенская областная картинная галерея им. К. А. Савицкого	Пенза
Ночь в Венеции.	1861	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Ночь в Крыму. Вид на Аю-Даг.	1850	Одесский художественный	Одесса

		музей	
Ночь. Голубая волна.	1897	Частные собрания	
Ночь в Амальфи.	1854	Харьковский художественный музей	Харьков
Ночь на Украине.	1871	Новгородский государственный объединенный музей-заповедник	Новгород
Ночь на море.	н/д	Рыбинский историко-художественный музей-заповедник	Рыбинск
Ночь на море.	н/д	Ярославский художественный музей	Ярославль
Ночь на Черном море.	1879	Одесский художественный музей	Одесса
Ночь. Трагедия в Мраморном море.	1861	Частные собрания	
Облака над морем. Штиль.	1889	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Облако над тихим морем.	1877	Донецкий областной художественный музей	Донецк
Обоз в степи.	неизвестно	Дворец-музей	Гатчина
Обоз чумаков.	1862	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Овцы.	1858	Омский областной музей изобразительных искусств	Омск
Одесса.	1840	Музей А.С. Пушкина	Москва
Осада Севастополя.	1859	Феодосийская картинная	Феодосия

		галерея	
Остров Иския.	1892	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Остров Крит.	1897	Самарский художественный музей	Самара
Остров Патмос.	1854	Омский областной музей изобразительных искусств	Омск
Отара овец (Стадо овец).	1857	Челябинская областная картинная галерея	Челябинск
Отара овец в бурю.	1886	Частные собрания	
От штиля к урагану.	1892	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Парусник.	1859	Одесский художественный музей	Одесса
Парусник в бурю.	1881	Частные собрания	
Парусник в море.	1884	Частные собрания	
Парусник в море.	1872	Частные собрания	
Парусник у берегов Крыма в лунную ночь.	1858	Государственное музейное объединение «Художественная культура Русского Севера»	Архангельск
Пейзаж с парусником.	неизвестно	Дворец-музей	Гатчина
Пейзаж с Везувием.	1896	Красноярский художественный музей им. В. И. Сурикова	Красноярск
Пейзаж со	1870–1880-е	Государственный	Санкт-

шхуной.		Русский музей	Петербург
Первый поезд в Феодосии.	1892	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Перед боем. Корабль «Константин».	1891	Частные собрания	
Перед Алупкой в Крыму (Лодка в море).	Самарский художественный музей	1894	Самара
Переход евреев через Красное море.	1895	Частные собрания	
Петербург. Переправа через Неву.	1870-е	Киевский государственный музей русско-1 m искусства	Киев
Петербургская биржа.	1847	Государственный дворцово-парковый 1 музей-заповедник Петергоф	Петергоф
Петр I при Красной горке, зажигающий костер для сигнала гибнущим судам своим.	1846	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Пирамиды.	1895	Ярославский художественный музей	Ярославль
Побережье в Амальфи.	1841	Государственный Русский музей	Санет-Петербург
По дороге в Ялту.	1860-е	Государственная Третьяковская Галерея	Москва
Порт ла Валетта на острове Мальта	1844	Государственный Русский музей	Санет-Петербург
Портрет бабушки художника	1858	Феодосийская картинная галерея	Феодосия

Ашхен.			
[Портрет брата художника Габриэла Айвазяна.	1883	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Портрет вице-адмирала М. П. Лазарева.	1839	Центральный военно-морской музей	Санкт-Петербург
Портрет жены художника Анны Бурназян.	1882	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Портрет И. Х. Лазарева.	1851	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Портрет Лорис-Меликова.	1888	Государственный Литературный музей	Москва
Портрет неизвестного.	1850	Одесский художественный музей	Одесса
Портрет сенатора Александра Ивановича Казначеева (1788–1880), предводителя дворянства Таврической губернии.	1848	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Портрет А. Халибяна, городской главы Нового Нахичевана.	1862	Ростовский областной музей изобразительных искусств	Ростов
Посещение Байроном мхитаристов на острове св. Лазаря в Венеции.	1899	Национальная галерея Армении	Ереван
После бури. Восход луны.	1894	Национальная галерея Армении	Ереван
После бури.	1854	Харьковский	Харьков

		художественный музей	
После бури.	н/д	Херсонский областной художественный музей им. А.А. Шовкуненко	Херсон
После кораблекрушения.	неизвестно	Горлове кий художественный музей	Горловка
Предательство Иуды.	1834	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Приближение бури.	1877	Тульский областной художественный музей	Тула
Прибой.	1895	Калужский областной художественный музей	Калуга
Прибой.	1897 I	| Псковский музей-заповедник	Псков
Прибой.	1893	Государственный музей-заповедник Ростовский Кремль	Ростов
Прибой у берегов Крыма.	1880	Ивановское объединение художественных музеев	Иваново
Прибой у крымских берегов.	1892	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Приезд Екатерины II в Феодосию.	1883	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Приезд Петра I на Неву.	1853	Музей изобразительных искусств Республики Карелия	Петрозаводск
Приморский	1866	Пензенская	Пенза

город. Вид Ялты.		областная картинная галерея им. К. А. Савицкого	
Пристань в Феодосии.	Середина 19-го века. |	Владимиро-Суздальский музей-1 заповедник	Владимир
Прощание.	1875	Частные собрания	
Прощание.	1869	1 Челябинская областная картинная галерея	Челябинск
Прощание А.С. Пушкина с морем.	1877	Всероссийский музей А.С. Пушкина	Санкт-Петербург
Путешествие Посейдона по морю.	1894	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Пушкин на берегу Черного моря.	1887	Николаевский художественный музей	Николаев
Радуга.	1873	Государственная Третьяковская Галерея	Москва
Ревель.	1844	Центральный военно-морской музей	Санкт-Петербург
Река Араке и Арарат.	1856	| Частные собрания	
Река Риони. Грузия.	1870	| Национальная галерея Армении	Ереван
1 Русская эскадра на Севастопольском рейде.	1846	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Русский и французские фрегаты.	1858	Центральный военно-морской музей	Санкт-Петербург
Рыбаки на берегу моря.	1852	Национальная галерея Армении	Ереван

Свадьба на Украине.	1892	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Свеаборг.	1844	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Севастополь.		Областной краеведческий музей	Липецк
Севастопольский рейд.	1852	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Сжатое поле. Закат.	1861	Национальная галерея Армении	Ереван
Сигнал бури.	1851	Тульский областной художественный музей	Тула
Сильный ветер.	1890	Частные собрания	
Синопский бой 18 ноября 1853 года (Ночь после боя).	1853	Центральный военно-морской музей	Санкт-Петербург
Синопский бой.	1853	Центральный военно-морской музей	Санкт-Петербург
Скалистый остров.	1855	Пермская художественная галерея	Пермь
Скалы в тумане.	1847	Частные собрания	
Смольный монастырь.	1849	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Смотр Черноморского флота в 1849 году.	1886	Центральный военно-морской музей	Санкт-Петербург
Солнечный день.	1884	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Солнечный день.	1884	Феодосийская картинная	Феодосия

		галерея	
Сотворение мира.	1864	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Сошествие Ноя с горы Арарат.	1870-е	Музей армянской патриархии	Стамбул
Смольный монастырь.	1872	Частные собрания	
Закат солнца.			
Сорренто. Морской вид.	1842	Национальная галерея Армении	Ереван
Сошествие Ноя с горы Арарат.	1889	Национальная галерея Армении	Ереван
Спасающиеся от бури.	1875	Частные собрания	
Спасающиеся от кораблекрушения.	1844	Национальная галерея Армении	Ереван
Спокойное море.	1863	Национальная галерея Армении	Ереван
Среди волн.	1898	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Старая Феодосия.	1845	Национальная галерея Армении	Ереван
Старая Феодосия.	1839	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Стычка ширванцев с мирюдами на Гунибе.	1869	Государственная Третьяковская Галерея	Москва
Суда на рейде.	1851	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Сцены из каирской жизни.	1881	Киевский государственный музей русского искусства	Киев
Тихое море.	1860-е	Национальная	Ереван

Скалистый берег.		галерея Армении	
Трапезунд с моря.	1856	Саратовский художественный музей	Саратов
Трапезунд с моря.	1875	Рязанский областной художественный музей	Рязань
Тройка в степи.	1882	Новгородский государственный объединенный музей-заповедник	Новгород
Тонущий корабль.	1854	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Туманное утро.	н/д	Национальный художественный музей Республики Беларусь	Минск
Туманное утро в Италии.	1864	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
У берегов.	1852	Частные собрания	
У берегов Ялты.	1894	Луганский областной художественный музей	Луганск
У берегов Ялты.	1864	Музей католикосата	Эчмиадзин, Армения
Украинский пейзаж с чумаками при луне.	1869	Государственная Третьяковская Галерея	Москва
У крымских берегов.	1890-е	Государственная Третьяковская Галерея	Москва
Ураган на море.	1850	Национальная галерея Армении	Ереван
Утро.	1851	Одесский художественный	Одесса

		музей	
Утро после бури.	1888	Музей католикосата	Эчмиадзин, Армения
Утро. Морской залив.	1878	Николаевский художественный музей	Николаев
Утро на море.	1883	Национальный художественный музей Республики Беларусь	Минск
Утро на море.	1849	Государственный художественно-архитектурный дворцово-парковый музей — заповедник «Павловск»	Павловск
Утро на морском берегу. Судак.	1856	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Феодосия. Восход солнца.	1852	Музей изобразительных искусств Республики Карелия	Петрозаводск
Феодосия. Закат солнца.	1865	Национальная галерея Армении	Ереван
Феодосия. Лунная ночь.	1880	Алтайский музей изобразительных искусств	Барнаул
Феодосия. Лунная ночь.	1890-е	Частные собрания	
Финский залив.	1848	Днепропетровский художественный музей	Днепропетровск
Флот в виду Севастополя.	1890	Тюменский музей изобразительных искусств	Тюмень
Фрегат на море.	1838	Луганский областной художественный	Луганск

		музей	
Фрегат под парусом.	1838	Центральный военно-морской музей	Санкт-Петербург
Цепи Кавказских гор. Вид с Каранайских гор на Темир-Хан-Шуру, на Каспийском море.	1869	Ярославский художественный музей	Ярославль
Хаос. Сотворение мира.	1841	Музей армянской конгрегации мхитаристов	Венеция
Христофор Колумб.	1880	Национальная галерея Армении	Ереван
Хождение по водам.	1885	Частные собрания	
Хождение по водам.	1888	Государственный музей истории религии	Санкт-Петербург
Часовня на берегу моря.	1847	Тверская областная картинная галерея	Тверь
Черное море (На Черном море начинает разыгрываться буря).	1881	Государственная Третьяковская Галерея	Москва
Черноморский флот в Феодосии.	1890	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Чесменский бой в ночь с 25 на 26 июня 1770 года.	1848	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Чесменское сражение.	1886	Высшее военно-морское инженерное училище им.	Санкт-Петербург

		Ф. Э. Дзержинского	
Чумаки в Малороссии.	1870–1880	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Чумаки на отдыхе.	1885	Национальный художественный музей Республики Беларусь	Минск
Штиль.	1878	Частные собрания	
Штиль.	1885	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Штиль. Вид Капри (Средиземное море).	1892	Национальная галерея Армении	Ереван
Штиль на море.	1876	Волгоградский музей изобразительный искусств	Волгоград
Штиль на море.	1879	Рязанский областной художественный музей	Рязань
Шторм.	1861	Челябинская областная картинная галерея	Челябинск
Шторм. Парусник.	Неизвестно	Львовская государственная картинная галерея	| Львов
Шхуна под парусами.	н/д	Центральный военно-морской музей	Санкт-Петербург
Эскадра Черноморского флота перед выходом на Севастопольский рейд.	1895	Центральный военно-морской музей	Санкт-Петербург
Южная ночь. Крым.	1848	Государственное музейное	Архангельск

		объединение «Художественная культура Русского Севера»	
Ялта.	1896	Государственное музейное объединение «Художественная культура Русского Севера»	Архангельск
Ялта.	1838	Феодосийская картинная галерея	Феодосия
Ялта.	1899	Тюменский музей изобразительных искусств	Тюмень
Ялта. Горы ночью.	н/д	Омский областной музей изобразительных искусств	Омск

notes

Примечания

1

Анкета, заполненная И. К. Айвазовским по предложению правления Академии от 30 июня 1869 г. Феодосия.

2

Порто-франко — порт, пользующийся правом беспошлинного ввоза-вывоза товаров.

3

Айвазовский Григорий Константинович — старший брат художника. Долгое время был начальником порта в Феодосии.

4

Айвазовский Гавриил Константинович (Габриэль Айвазян), (1812–1879) — армянский архиепископ, учёный, историк, брат художника Ивана Айвазовского.

5

Наполеон I Бонапарт (15 августа 1769 года, Аяччо, Корсика — 5 мая 1821 года, Лонгвуд, остров Святой Елены) — император Франции в 1804–1815 годах, великий французский полководец и государственный деятель, заложивший основы современного французского государства.

6

Александр Ипсилантис-младший, князь, в России Александр Константинович Ипсиланти (12 декабря 1792 года, Константинополь — 31 января 1828года, Вена) — руководитель Греческой революции, национальный герой Греции, российский генерал.

7

Иордан Фёдор Иванович (1800–1883) — русский гравёр. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона называет его «одним из лучших» гравёров. Оставил после себя книгу воспоминаний.

8

Пушкин Александр Сергеевич (6 июня (26 мая) 1799 года, Москва — 10 февраля (29 января) 1837 года, Санкт-Петербург) — великий русский поэт, драматург, журналист и прозаик. Александр Сергеевич Пушкин имеет репутацию великого или величайшего русского поэта. В филологии Пушкин рассматривается как создатель современного русского литературного языка.

9

Раевский Николай Николаевич — герой Отечественной войны 1812 г., генерал-лейтенант, начальник Черноморской прибрежной линии.

10

Н.Н. Кузьмин — автор книги «Воспоминания об Айвазовском».

11

Казначеев Александр Иванович — феодосийский градоначальник, с 1830 г. Таврический губернатор, сенатор, покровитель Айвазовского. Казначеев первым заметил способности юного Айвазовского и всячески помогал ему в дальнейшем, способствуя развитию его таланта. Айвазовский считал Казначеева своим вторым отцом. Несколько раз писал его портреты.

12

Воронцов Михаил Семенович (1782–1856) — князь, русский военный и государственный деятель. В 1823–1844 гг. был генерал-губернатором Новороссии и наместником Бессарабской области. С 1844 г. — наместник Кавказа.

13

Караимы — немногочисленная тюркская (или тюркоязычная) народность, традиционно исповедующая караизм

14

Шемес — сторож, служка в синагоге.

15

Наталья Федоровна Нарышкина, урожденная графиня Ростопчина, в 1819 г. вышла замуж за полковника Дмитрия Васильевича Нарышкина, троюродного брата Михаила Семеновича Воронцова. Д. В. Нарышкин получил блестящее аристократическое воспитание; с 1812 по 1823 год состоял на военной службе в гвардии, герой Отечественной войны 1812 года. В 1823 г. по назначению М. С. Воронцова Д. В. Нарышкин стал гражданским губернатором Тавриды (1823–1829).

16

Варвара Аркадьевна Башмакова, жена полковника Башмакова, чиновника особых поручений при графе М. С. Воронцове.

17

Волконский Петр Михайлович (25.4(6.5).1776 год, Петербург — 27.8(8.9).1852 года, там же), светлейший князь, русский сановник, генерал-фельдмаршал (1843), член Государственного совета (с 1821). Участник Отечественной войны 1812 г. Занимал пост генерал-квартирмейстера русской армии (1810–1812). Основал Петербургское военное училище (колонновожатых). В 1813–1814 гг. начальник Главного штаба Александра I. В 1815–1823 гг. возглавлял военное управление.

18

Оленин Алексей Николаевич — (28 ноября (9 декабря) 1763 года, Москва — 17 (29) апреля 1843 года, Санкт-Петербург) — российский государственный деятель, историк, археолог, художник. Государственный секретарь в 1814–1827 годах, впоследствии член Государственного совета. Действительный тайный советник. Член Российской академии (1786), почётный член Петербургской Академии наук (1809), член (с 1804) и президент (с 1817) Академии художеств. С 1811 г. директор Императорской Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге.

19

ЦГИАЛ. Ф. 789. Оп. 1. Н. II, 1833 г. Д. 1670. Л. 2–2 об. (Подлинник).

20

Кабинет его величества — дворцовое учреждение, ведавшее хозяйственными и финансовыми делами царского Двора. По приказу императора на средства кабинета содержались некоторые ученики Академии художеств.

21

Воробьев Максим Никифорович (1787–1855) — крупный русский живописец-пейзажист.

22

Донесение президента Академии художеств министру Двора о приезде И. К. Айвазовского в Петербург. (ЦГИАЛ. Ф. 789. On. 1. Ч. II. 1833 г. Д. 1670. Л. 7).

23

Де Монферран Анри Луи Огюст Рикар; (23 января 1786 года, Шайо, предместье Парижа — 28 июня (10 июля) 1858 года, Санкт-Петербург) — архитектор, строитель Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге. На русский манер его также называли Август Августович Монферран и Август (Августин) Антонович Монферран.

24

Итальянские коммерсанты XIX века — Аванцо и Дациаро. Владели магазинами художественных принадлежностей и издательскими Домами в Москве и Санкт-Петербурге, качество их продукции было настолько высоким, что у фирмы не было конкурентов, и все уважающие себя художники старались приобретать худ. принадлежности только в этих магазинах.

25

Выписка из журнала заседания Правления Академии об удовлетворении прошения И. К. Айвазовского о выдаче денежного пособия в счет ожидаемого вознаграждения за взятую у него картину. От 9 июля 1840 г.

26

Ответ президента Академии профессору А. И. Зауервейду по поводу представления И. К. Айвазовского к денежной награде. От 12 июля 1840 г.

27

Томилов Алексей Романович (1779–1848) — русский помещик, меценат, предводитель дворянства Новоладожского уезда, коллекционер картин.

28

Кипренский Орест, внебрачный сын помещика А.С. Дьяконова, родился 13 (24) марта 1782 года на мызе Нежинской (д. Нежново, где установлена мемориальная доска, а в 2012 году планируется установка памятника). Получив вольную, в 1788 г. был зачислен в Воспитательное училище при Петербургской Академии художеств под фамилией Кипренский. Учился в академии до 1803 г. Художник скончался в Риме 17 октября 1836 г. от воспаления лёгких и был погребён там же в церкви Сант-Андреа-делле-Фратте.

29

Орловский Александр Осипович (1777, Варшава — 1832 г., Петербург) — российский живописец-баталист и жанрист польского происхождения.

30

Глинка Михаил Иванович (20 мая (1 июня) 1804 года — 3(15) февраля 1857 года) — русский композитор, основоположник национальной композиторской школы. Сочинения Глинки оказали сильное влияние на последующие поколения композиторов, основоположник русской классической музыки, русского бельканто.

31

Рембрандт Харменс ван Рейн (1606–1669) — нидерландский художник, рисовальщик и гравёр, великий мастер светотени, крупнейший представитель золотого века голландской живописи.

32

Пуссен Никола (1594–1665) — выдающийся французский художник, основоположник классицизма в живописи XVII в.

33

Брюллов Карл Павлович (12 (23) декабря 1799 года, Санкт-Петербург — 11 (23) июня 1852 года, Манциана, Италия) — русский художник, живописец, монументалист, акварелист, рисовальщик, представитель академизма.

34

Щедрин Сильвестр Феодосиевич (2(13) февраля 1791 года, Санкт-Петербург — 27 октября (8 ноября) 1830 года, Сорренто) — русский художник, пейзажист.

35

Суворов Александр Аркадьевич, князь Италийский, граф Рымникский (1 (13) июня 1804–31 января (12 февраля) 1882 года) — российский государственный, общественный и военный деятель. Внук генералиссимуса Александра Васильевича Суворова.

36

Кукольник Нестор Васильевич (8 (20) сентября 1809 года, Санкт-Петербург — 8 (20) декабря 1868 года, Таганрог) — русский писатель первой половины XIX века.

37

Вильегорский Матвей Юрьевич граф, — (1794–1866), обер-гофмейстер, сын графа Юрия Михайловича, сначала польского посланника в Петербурге, а потом русского сенатора и действительного тайного советника, от брака с графиней Софьей Дмитриевной Матюшкиной. Меценат-покровитель учёных, художников и особенно музыкантов. Он и сам был талантливый музыкант: играл на виолончели, сочинял пьесы для этого инструмента и в молодости хорошо пел.

38

Орловский Борис Иванович (настоящая фамилия Смирнов) — академик и профессор скульптуры в Имп. Академии художеств; родился в 1792–1793 г. в Мценском уезде Орловской губ., в селе Большом Столобецком, умер 16 декабря 1837 г. в Петербурге.

39

Рафаэль Санти (28 марта 1483 года — 6 апреля 1520 года) — великий итальянский живописец, график и архитектор, представитель умбрийской школы.

40

Достоевский Фёдор Михайлович (30 октября [11 ноября] 1821 года, Москва, Российская империя — 28 января [9 февраля] 1881 года, Санкт-Петербург, Российская империя) — один из самых значительных и известных в мире русских писателей и мыслителей.

41

Григорович Василий Иванович (1792–1865) — искусствовед, конференц-секретарь и профессор Академии художеств, издатель «Журнала изящных искусств». Избран почетным членом РАН в 1841 году.

42

Таннер Филипп (1795–1845) — французский художник-пейзажист, приглашенный Николаем I в Петербург в 1835 г. Первоначально учился под руководством О. Берне. Пользовался значительной известностью в 1830-х и 1840-х гг., как достойный соперник Гюдена и Мозена, лучших тогдашних маринистов французской школы. Посетил Италию, 20 лет прожил в России. Был учителем И. К. Айвазовского. Т. написал очень много картин, но все они вскоре портились вследствие обильного употребления им красок-лаков, в особенности асфальта. Из-за этого сохранилось мало картин Таннера, и в настоящее время он почти забыт. Несколько его морских видов находится в Царскосельском Большом дворце.

43

Жуковский Василий Андреевич (29.1(9.2). 1783 года, с. Мишенское, ныне Тульской области — 12(24). 4.1852, Баден-Баден, Германия) — русский поэт, основоположник романтизма в русской поэзии, переводчик. Внебрачный сын помещика А. И. Бунина и пленной турчанки Сальхи.

44

Аангер Валериан Платонович (1802–1870-е) — литератор, переводчик, художник, лицейский приятель А.С. Пушкина. В конце 1830-х — цензор. С 1841 г. — вольный общник Академии художеств, автор серии литографированных портретов Царского Села (1820).

45

Баратынский Евгений Абрамович (Боратынский; 19 февраля [2 марта] 1800, село Вяжля, Кирсановский уезд, Тамбовская губерния, Российская империя — 29 июня [11 июля] 1844 года, Неаполь, Королевство Обеих Сицилий) — русский поэт, друг Пушкина, один из самых значительных русских поэтов первой половины XIX века.

46

Орлов-Давыдов Владимир Петрович (1809–1882) — писатель, камергер, тайный советник, почетный член Академии наук. Сын П. Л. Давыдова и графини Н. В. Орловой. С 20 марта 1856 года ему было высочайше разрешено принять фамилию и титул деда по матери графа В. Г. Орлова и именоваться графом В. П. Орловым-Давыдовым.

47

Гагарин Григорий Григорьевич (29.4(11.5). 1810 года, Петербург — 30.1.1893 года, Шательро, Франция) — русский живописец и рисовальщик, исследователь искусства. Брал уроки у К. П. Брюллова. Вице-президент Петербургской АХ (1859–1872).

48

Предательство Иуды. 1834. Бумага серая, итальянский карандаш, белила. 41 х 56 см: Государственный Русский музей, Санкт-Петербург.

49

Батюшков Константин Николаевич (1787–1855) — поэт, непосредственный предшественник Пушкина. Воспитывался в петербургских французских пансионах. Был связан тесными дружескими отношениями с Н. И. Гнедичем, позднее с кн. Вяземским, Жуковским и «арзамасцами». Служил на военной и гражданской службе. Участвовал в трех походах.

50

Крылов Иван Андреевич (2(13).2.1769 года (по др. данным, 1768), Москва — 9(21).11.1844 года, Петербург), — русский писатель, баснописец, журналист.

51

Семенова Екатерина Семеновна (1786–1849) — русская актриса. Мать — крепостная помещика Путяты, отец — учитель кадетского корпуса Жданова. Обучалась в Петербургской театральной школе у В. Ф. Рыкалова, И. А. Дмитревского. В 1802 г. впервые появилась на школьной сцене в пьесах А. Коцебу «Примирение двух братьев» (Софья) и «Корсиканцы» (Наталья); в феврале 1803 г. дебютировала на профессиональной сцене Александринского театра в комедии «Нанина». В 1805 г. вошла в труппу театра, сблизилась с сенатором, князем И. А. Гагариным. Переехав в Москву, Семенова согласилась обвенчаться со своим покровителем. Дом Гагариных посещали многие прежние поклонники Семеновой: Пушкин, Аксаков, Надеждин, Погодин.

52

Зауервейд Александр Иванович (1782–1844) — немецкий и русский художник-баталист живописец, профессор Академии художеств. Родом из Прибалтики, получил образование в Дрезденской академии, в 1814 г. был приглашён Александром I в Санкт-Петербург для исполнения картин военного содержания и рисунков обмундирования русских войск. При Николае I был преподавателем рисования при великих князьях. В 1827 г. Санкт-Петербургская Академия художеств избрала его в свои почётные вольные общники, вскоре после чего он получил должность руководителя класса баталической живописи, а позднее был возведен в звание профессора.

53

Картина находится в музее И. К. Айвазовского в Феодосии.

54

Николай Васильевич Гоголь (фамилия при рождении Яновский, с 1821 года — Гоголь-Яновский; 20 марта (1 апреля) 1809 года, Сорочинцы, Полтавская губерния — 21 февраля (4 марта) 1852 года, Москва) — русский прозаик, драматург, поэт, критик, публицист, широко признанный одним из классиков русской литературы.

55

Николай I Павлович Незабвенный (25 июня (6 июля) 1796 года, Царское Село — 18 февраля (2 марта) 1855 года, Петербург) — император Всероссийский с 14 декабря (26 декабря) 1825 по 18 февраля (2 марта) 1855 года, царь Польский и великий князь Финляндский.

56

Штернберг Василий Иванович (1818–1845) — художник, близкий друг Айвазовского. Сначала был вольнослушателем в Императорской Академии художеств, в 1835 году стал казённым академистом. Его педагогом в пейзажной живописи был М. Н. Воробьев. Кроме пейзажей Штернберг занимался бытовой живописью, создавал рисунки и карикатуры. В 1837 г. за акварель «Ярмарка в местечке Ичне» академия наградила Штернберга малой золотой медалью — картину приобрёл император Николай I для альбома супруги. В 1837 г., за картину «Освящение пасх в Малороссии» (также купленной императором для подарка своей дочери великой княгине Марии Николаевне) получил Большую золотую медаль и звание художника XIV класса. В 1840 г. путешествовал до Оренбурга с экспедицией графа Перовского в Хиву, а затем был отправлен в Италию в качестве пенсионера академии. Умер в Риме.

57

Мокрицкий Аполлон Николаевич — портретный живописец (1811–1871), ученик К. Брюллова и А. Венецианова. Получил от Академии художеств медали за картину «Святой Севастиан», портрет г. Эпингера и программу: «Римлянка, кормящая грудью отца в темнице». В 1849 г. за портрет новгородского митрополита Никандра получил звание академика. В музее Александра III — автопортрет художника. Написал «Воспоминание о А. Г. Венецианове и учениках его».

58

Брюллов Александр Павлович (29 ноября 1798 года, Санкт-Петербург — 9 января 1877) — русский архитектор, художник. Профессор архитектуры Императорской Академии художеств.

59

Бруни Фёдор (Фиделио) Антонович (1799–1875) — русский художник итальянского происхождения, представитель академического стиля.

60

Ставассер Петр Андреевич — скульптор, родился в Петербурге 30 октября 1816 г., умер в Риме 25 апреля 1850 г.

61

Рамазанов Николай Александрович — скульптор и писатель по истории искусства. Род. в Петербурге 24-го января 1817 г., умер в Москве 18 ноября 1867 г. Происходил из артистической семьи, так как отец и мать его были актерами Императорских театров.

62

Плюшар Евгений Александрович (1809–1880) художественное образование получил в Германии (1828–1832), с 1832 г. жил и работал в Петербурге, в 1836 г. Е. Плюшар был признан «назначенным» в академики за картину «Одалиска». В 1839 г. стал академиком. Участвовал в росписи Исаакиевского собора.

63

Воробьев Сократ Максимович — сын Максима Никифоровича Воробьева, пейзажист (1817–1888). По окончании курса в Академии художеств был послан за границу, писал виды итальянской природы.

64

Лебедев Михаил Иванович (1811–1837) — известный русский художник-пейзажист.

Юноша, полный красы, напряженья, усилия чуждый,
Строен, легок и могуч, — тешится быстрой игрой!
Вот и товарищ тебе — дискобол! Он достоин, клянуся,
Дружно обнявшись с тобой после игры отдыхать!
Юноша трижды шагнул, наклонился, рукой о колено
Бодро оперся, другой поднял меткую кость.
Вот уж прицелился… прочь! раздайся, народ любопытный.
Врозь расступись, не мешай русской удалой игре.

(Стихотворение было впервые напечатано в «Художественной газете» Н. Кукольника, рядом со статьей об И. Айвазовском).

66

Яненко Яков Федосеевич — портретный живописец, академик; сын Феодосия Ивановича Яненко, родился 8 декабря 1800 г., умер 29 марта 1852 г.

67

Виельгорский Иосиф Матвеевич (граф, 1816–1892) — обладал редким талантом исполнителя на фортепиано и много занимался композицией.

68

Иванов Александр Андреевич (1806–1858) — русский художник, создатель произведений на библейские и антично-мифологические сюжеты, представитель академизма, автор грандиозного полотна «Явление Христа народу».

69

Моллер Фёдор Антонович (при рождении Отто Фридрих Теодор Моллер; 30 мая (11 июня) 1812 года, Кронштадт — 2 августа (21 июля) 1874 года, Санкт-Петербург) — русский художник и офицер. Профессор Императорской Академии художеств. Ученик Карла Брюллова.

70

Владимир Фёдорович Одоевский (1 (13) августа 1803 года, Москва — 27 февраля (11 марта) 1869 года, там же), князь — русский писатель, философ, педагог, музыковед и теоретик музыки. Был последним представителем одной из старейших ветвей рода Рюриковичей.

Карлова близ Дерпта) — писатель, журналист, критик, издатель. Основоположник авантюрного романа, фантастического романа, фельетона и нравоописательного очерка в русской литературе, издатель первого в России театрального альманаха.

72

Дантес Жорж Шарль (точнее — д'Антее) после усыновления носил фамилию Геккерен, в российских документах — Георг Карл де Геккерен; (5 февраля 1812 года, Кольмар, Верхний Рейн, Франция — 2 ноября 1895, Зульц-Оберэльзас, Эльзас-Лотарингия, Германская империя) — французский монархист, офицер-кавалергард, по вероисповеданию католик. В 1830-е годы жил в России. Впоследствии занимался политикой, был сенатором Франции. Известен прежде всего как человек, смертельно ранивший на дуэли А.С. Пушкина.

73

Гальберг Самуил (Фридрих) Иванович (2(13).12.1787 года, мыза Каттентак, Эстония — 10(22).5.1839. Петербург) — русский скульптор. Учился в Петербургской АХ (1795–1808) у И. П. Мартоса. Пенсионер АХ в Риме (1818–1828).

74

Железное Михаил Иванович (1825–1880) вольноприходящий ученик Академии художеств. Получил медали: в 1847 г. — 2-ю серебряную; в 1851 г. — 2-ю серебряную; в 1852 г. — 2-ю серебряную за «Дамский портрет» (матери его, г. Железновой). В 1853 г. — звание художника с правом на чин XIV класса.

75

Федотов Павел Андреевич (22 июня (4 июля) 1815 года, Москва — 14 (26) ноября 1852 года, Санкт-Петербург) — русский живописец и график.

76

Кукольник Платон Васильевич — род. в начале XIX в. в Замосце, ум. в 1848 г. в Петербурге. Брат Нестора Кукольника.

77

Вазари Джорджо (прозванный Аретино, 30 июля 1511 года, Ареццо — 27 июня 1574 года, Флоренция) — итальянский живописец, архитектор и писатель. Автор знаменитых «Жизнеописаний», основоположник современного искусствознания.

78

Из дневника художника А. Мокрицкого.

79

Михайлов Григорий Карпович — живописец (1814–1867), ученик К. Брюллова. Получил золотые медали за картины «Прометей» и «Смерть Лаокоона с детьми» (эскиз — в Третьяковской галерее). Исполнил 175 иллюстраций к Священному Писанию.

80

Брюллов Александр Павлович (29 ноября 1798 года, Санкт-Петербург — 9 января 1877 года) — русский архитектор, художник. Профессор архитектуры Императорской Академии художеств, старший брат Карла Павловича Брюллова.

81

Клодт Пётр Карлович (1805–1867) — русский скульптор из баронской семьи Клодт фон Юргенсбург балтийско-немецкого происхождения.

82

Лодий (Лоди) Андрей Петрович (1812–1870) — певец (тенор). Родился в Петербурге в 1812 г. Окончил Петербургский университет (исторический факультет).

83

Пиратский Карл Карлович — русский художник. График. Баталист. Академик, профессор. Учился в Императорской Академии художеств под руководством профессора А. Зауервейда.

84

Берег моря ночью. У маяка. — 1837 год. Холст, масло. 56 * 81 см. Феодосийская картинная галерея им. И. К. Айвазовского.

85

Из стихотворения А.С. Пушкина «К морю».

86

Александр Пушкин — «Таврида. 1821 год».

87

Берег моря ночью. У маяка. — 1837 год. Холст, масло. 56 * 81 см. Феодосийская картинная галерея им. И. К. Айвазовского.

88

Море при заходящем солнце. 1,5 х 2 аршина. Не сохранилась.

89

Освещенные солнцем два корабля. 1,5 * 2 аршина. Не сохранилась.

90

Тихое море, на берегу лодка с матросом. 1,5 х 2 аршина. Не сохранилась.

К сожалению, эти картины не дошли до нас. Сохранился только список картин, приобретенных в 1838 году для Академии художеств государем.

92

Из постановления общего собрания Совета Академии художеств о присуждении И. К. Айвазовскому Золотой медали первой степени и отправке его в Крым и за границу для усовершенствования. От 26 сентября 1837 г.

93

Из официального письма президента Академии художеств профессору А. И. Зауервейду об обстоятельствах, связанных с командированием И. К. Айвазовского в Крым. Февраль 1838 г.

Lazzarone (um.) — неаполитанский бродяга, бездельник.

95

Из письма А.С. Пушкина А. Дельвигу.

96

Лунная ночь в Крыму. Гурзуф. 1839 г. Холст, масло. 101 * 136,5 см. Сумский художественный музей.

97

Сообщение конференц-секретаря Академии художеств И. К. Айвазовскому об удовлетворении правлением Академии его просьбы о выдаче денежного пособия. 26 октября 1838 г.

98

Байрон Джордж Ноэл Гордон, с 1798 г. 6-й барон Байрон, широко известный как лорд Байрон (22 января 1788 года, Дувр — 19 апреля 1824 года, Миссолунги, Османская Греция) — английский поэт-романтик.

99

Нахимов Павел Степанович (1802–1855) российский флотоводец, герой Севастопольской обороны.

100

Портрет вице-адмирала М. П. Лазарева.1839 Картон, масло. 47 * 39 см. Центральный Военно-морской музей, Санкт-Петербург. Лазарев Михаил Петрович (1788–1851) — русский адмирал, путешественник, участник трех кругосветных плаваний, губернатор Севастополя и Николаева.

101

Корнилов Владимир Алексеевич (родился в 1806 г. в селе Рясня Старицкого уезда, ныне Тверская область; погиб 17(5) октября 1854 г. в Севастополе) — начальник штаба Черноморского флота, генерал-адъютант и вице-адмирал, организатор обороны Севастополя в ходе Крымской войны.

102

Пушкин Лев Сергеевич (17 (29) апреля 1805 года, Москва — 19 (31) июля 1852 года, Одесса) — младший брат А.С. Пушкина и его литературный секретарь, боевой офицер, участник персидских войн и кавалер российских орденов.

103

Дельвиг Антон Антонович, барон (6 (17) августа 1798 года, Москва — 14 (26) января 1831 года, Санкт-Петербург) — русский поэт, издатель, друг и одноклассник А.С. Пушкина.

104

Вяземский Петр Андреевич (1792–1878) — князь, русский поэт, литературный критик.

105

Шапсуги (самоназвание: адыгэ, шэпсыгъ) — субэтнос адыгов. Проживают в Турции, Сирии, Иордании. В России живут на территории исторической Шапсугии — в Туапсинском районе и Сочи (Лазаревский район), в Краснодарском крае, а также в Адыгее. Говорят на шапсугском диалекте адыгейского языка, относящемся к абхазо-адыгской семье языков.

106

Десант Н.Н. Раевского в Субаши.1839 г. Холст, масло. 66 х 97 см. Самарский художественный музей.

107

Фредерикс Сергей Петрович (1826–1849) — лейтенант флота.

108

Белинский Виссарион Григорьевич (30 мая (11 июня) 1811 года, крепость Свеаборг, Великое княжество Финляндское — 26 мая (7 июня) 1848 года, Санкт-Петербург) — русский писатель, литературный критик, публицист, философ-западник.

109

Одоевский Александр Иванович (26 ноября (8 декабря) 1802, Санкт-Петербург —15 (27) августа 1839 года, форт Лазаревский, ныне микрорайон Лазаревское в городе Сочи) — русский поэт, декабрист.

110

Лорер Николай Иванович (1795 — май 1873 года, Полтава) — дворянин, революционер, декабрист. С 1813 г. служил в лейб-гвардии Литовском полку, в составе которого участвовал в заграничных походах 1813–1814 гг. С 1822 г. штабс-капитан лейб-гвардии Московского полка. Весной 1824 г. был принят в Северное общество декабристов. Затем перешел в южное об-во. Приговорён к 12 годам каторги (срок был сокращён до 8 лет), которую отбывал в Нерчинских рудниках, с 1832 г. на поселении в Кургане. В 1837 г. определён рядовым на Кавказ. Выйдя в отставку (1842), занимался литературной деятельностью.

111

Нарышкин Михаил Михайлович (4 (15) февраля 1798 года — 2 (14) января 1863 года) — из дворян Московской губернии, полковник Тарутинского пехотного полка. Член Союза благоденствия (1818) и Северного общества.

112

Портрет вице-адмирала М. П. Лазарева. 1839 г. Картон, масло. 47 х 39 см. Центральный военно-морской музей, Санкт-Петербург.

113

Званба (Звамба) — древний абхазский род, принадлежащий к высшему дворянству. Согласно легенде, записанной Д. З. Бакрадзе, выводят свой род от Святого Ипатия, епископа Гангрского. Владельцы земель у фамильного села Звандрипш. Не удается установить, как было имя офицера, сопровождающего И. К. Айвазовского, сам он называет только фамилию.

114

Имеется в виду картина «Вид Гурзуфа с Аю-Дагом».

115

Берхем Старший Николас (Клас) Питерс (1 октября 1620, Харлем — 18 февраля 1683 года, Амстердам) — голландский живописец, график и гравёр.

116

Десант Н.Н. Раевского у Субаши».1839 г. Холст, масло. 66 * 97 см. Самарский художественный музей.

117

Бенуа Николай Леонтьевич (1(13) июля 1813 года, Санкт-Петербург — 11(23) декабря 1898 года, Санкт-Петербург) — российский архитектор. Родился в Санкт-Петербурге в семье придворного метрдотеля Луи Жюля Бенуа (1772–1822). В 1827–1836 гг. учился в Академии художеств у В. А. Глинки, затем у Х. Ф. Майера. После окончания работал помощником архитектора Константина Андреевича Тона. В 1840–1846 гг. находился за границей вместе с А. И. Кракау и А. И. Резановым. В качестве казенного пенсионера Бенуа посетил Германию, Францию, Швейцарию, Австрию, Англию, долго жил в Италии. После возвращения в Россию был принят на службу в Кабинет Его Императорского Величества. В 1848 г. получил звание академика.

В 1850 г. становится главным архитектором Петергофа. В 1852–1862 гг. работал в Лисинском учебном лесничестве. За заслуги по возведению лисинских построек архитектор Н. Л. Бенуа получил второй орден — Св. Станислава 2-й степени. В 1863–1873 гг. — главный архитектор императорских театров. С 1872 г. становится во главе строительного отделения Городской управы Санкт-Петербурга. Н. Л. Бенуа умер 11(23) декабря 1898 г. в Санкт-Петербурге. Был похоронен в крипте сооружённого им католического храма Посещения.

118

Шурупов Михаил Арефьевич (1815–1901) — архитектор.

119

Прошение И. К. Айвазовского в Правление Академии художеств о выдаче ему денежного пособия и высылке части денег, полагающихся на содержание его за границей, родным в Феодосию ввиду их бедности. От 14 июля 1840 г.

120

Боткин Николай Петрович (1813–1869) — литератор.

121

Панов Василий Алексеевич (29 августа 1819 года, Анастасово Курмышского уезда Симбирской губернии — 2 ноября 1849 года) — историк-славист, литератор славянофильского направления. Учился на филологическом факультете Московского университета.

122

Уффици и Питти — художественный музей во Флоренции. Большую часть помещений дворца занимает картинная, т. н. Палатинская галерея (Galleria Palatina), в основу которой положена коллекция герцогов Медичи. Здесь же размещены несколько музеев: Музей серебра, Музей костюма, Музей карет, Галерея современного искусства. Галерея Питти и примыкающие к нему парки («Сады Боболи») — уникальный историко-художественный ансамбль.

123

Иванов Александр Андреевич (1806–1858) — русский художник, создатель произведений на библейские и антично-мифологические сюжеты, представитель академизма, автор грандиозного полотна «Явление Христа народу».

124

Боттичелли Сандро (1445–1510) — один из наиболее выдающихся художников эпохи Возрождения.

125

Гуго Ван дер Гус (1430/1440–1482) — нидерландский художник Северного Возрождения. Один из талантливейших и своеобразных мастеров нидерландской живописи XV века, ближе других подошедший к итальянскому Возрождению.

Сейчас эта улица называется Виа Систина.

127

Тициан Вечеллио (1489/90–1576) — итальянский живописец. Глава венецианской школы Высокого и Позднего Возрождения.).

128

Корреджо Антонио да (собственно Антонио Аллегри (около 1489 года, Корреджо, Эмилия — около 5 марта 1534 года, там же) — итальянский живописец периода Высокого Возрождения.

129

Каналь Джованни Антонио, известный также под именем Каналетто (7 октября 1697 года, Венеция — 20 апреля 1768 года, Венеция) — итальянский художник, Глава венецианской школы ведутистов.

130

Беллини Джованни (ок. 1430–1433, Венеция — 1516 года, Венеция) — итальянский художник венецианской школы живописи.

131

Неаполитанский залив в лунную ночь. Везувий — 1840 год. Холст, масло. 26,8 * 20 см. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург.

132

Скорее всего, имеется в виду картина «Неаполитанский залив в лунную ночь». 1842 г. Бумага, масло. 92 * 141 см. Находится в картинной галереи города Феодосия.

133

Хаос. Сотворение мира. 1841 г. Бумага, масло. 73 х1 08 см. Музей армянской конгрегации Мхитаристов. Остров Св. Лазаря (Венеция.

134

Григорий XVI в миру Бартоломео Альберто Капеллари, 8 сентября 1765 года, Беллуно, Италия — 1 июня 1846 года, Рим) — Папа Римский со 2 февраля 1831 по 1 июня 1846 г.

135

Гарибальди Джузеппе (1807–1883) итальянский политический деятель, служил в сардинском флоте, за участие в тайном сообществе 1884 г. приговорен к казни, бежал в 1836–1848 гг. принимал участие в войнах южно-америк. республик…

136

Горчаков А. М. (1798–1883) — князь, крупный русский дипломат.

137

Энглафштейн — граф, собиратель картин, он же купил картину Айвазовского «Сцены на Неаполитанском рейде» с выставки в Риме.

138

Из письма И. К. Айвазовского В. И. Григоровичу 30 апреля 1841 г.

139

Монигетти Ипполит Антонович (1819–1878) — Друг Айвазовского, архитектор, автор проекта здания Политехнического музея в Москве.

140

Лаццарони (ит.) — нищий, босяк, пролетарий. В письме Айвазовского допущена грамматическая ошибка, он пишет «лацарони».

141

Моллер Фёдор Антонович (при рождении Отто Фридрих Теодор Моллер; 30 мая (11 июня) 1812 года, Кронштадт — 2 августа (21 июля) 1874 года, Санкт-Петербург) — русский художник и офицер. Профессор Императорской Академии художеств. Ученик Карла Брюллова.

142

Тиранов Алексей Васильевич (1808–1859) — русский художник. С 1839 по 1842 г работал в Риме. В 1841 г. написал портрет Айвазовского, который ныне находится в экспозиции Государственной Третьяковской галереи.

143

Пименов Николай Степанович (1812–1864) — русский скульптор. Родился в Петербурге 24 ноября (6 декабря по новому стилю) 1812 г. Учился в Петербургской Академии художеств в 1824–1833 гг. у отца и С. И. Гальберга (1787–1839).

144

Братья Чернецовы — Григорий Григорьевич Чернецов (12 (24) ноября 1802 года, Лух — 8 (20) мая 1865 года, Петербург) и Никанор Григорьевич Чернецов (21 июня (2 июля) 1805 года, там же — 11 (23) января 1879 года, там же) — русские пейзажисты 1-й половины XIX века.

145

Шамшин Петр Михайлович (1811–1895) — исторический и церковный живописец академического направления, академик (с 1844 г.), профессор (с 1883 г.). Сын академика-живописца, преподававшего рисование в классах Императорской Академии художеств.

146

Из письма А. Р. Томилова к И. К. Айвазовскому с отзывами о его новых картинах (1842 г.).

147

Современное название «Лунная ночь на Капри». 1841.

148

Тёрнер Джозеф Мэллорд Уильям Тёрнер (23 апреля 1775 года, Лондон — 19 декабря 1851 года, Лондон) — британский живописец, мастер романтического пейзажа, акварелист и гравер.

149

Лоррен Клод (1600–1682) — французский живописец, рисовальщик, гравер.

150

Кривцов Павел Иванович — представитель древнего дворянского польского рода, служил по дипломатической части и в 40-х годах был уполномоченным в Риме, помимо этого, был начальником русских художников, посылаемых Императорской Академией художеств за границу.

151

Колумб Христофор (1451 год, Генуя —20.5.1506 год, Вальядолид) — мореплаватель, по происхождению генуэзец. В 1476–1484 гг. жил в Лиссабоне и на португальских островах Мадейра и Порту-Санту.

152

Панаева Авдотья Яковлевна (31 июля (12 августа) 1820 года, Санкт-Петербург — 30 марта (11 апреля) 1893 года, там же) — русская писательница, мемуаристка. В девичестве Брянская. Дочь артиста Александринского театра Я. Г. Брянского.

153

«Буря над Евпаторией». 1861 г., холст, масло, 200 х 320 см.

154

Толстой Федор Петрович (1783–1873) — русский художник, мастер скульптуры, графики и живописи русского романтизма. Родился в Петербурге 10 (21) февраля 1783 г. в семье графа П. А. Толстого, крупного сановника, в те годы начальника Кригскомиссариата. С рождения был записан сержантом в Преображенский полк. Окончив Морской корпус со званием мичмана (1802), в том же году поступил в Академию художеств в качестве «вольноприходящего». В 1804 г. окончательно оставил военную карьеру, тем самым нарушив традицию и став художником. Учился у скульптора И. П. Прокофьева. Входил в несколько масонских лож. Примыкал к движению декабристов, был членом Союза благоденствия и председателем его Коренного совета, однако отошел от движения до восстания (1824), поэтому следственное дело о нем было прекращено.

155

Из письма И. К. Айвазовского А. Р. Томилову об успехе своих картин в Париже и о своих творческих планах. 10/2 мая 1843 г., Париж.

156

Ланской Пётр Петрович (13 марта 1799 г. — 6 мая 1877 г.) — российский генерал-лейтенант, с 1844 г. был женат на Наталье Николаевне Гончаровой, вдове Пушкина.

157

Наполеон Богарне Максимилиан Иосиф Евгений Август (2 октября 1817 года, Мюнхен — 1 ноября 1852 года, Санкт-Петербург) — 3-й герцог Лейхтенбергский, князь Венецианский.

158

Мария Николаевна (18 августа 1819–21 февраля 1876) — великая княжна, дочь российского императора Николая I и сестра Александра И, первая хозяйка Мариинского дворца в Санкт-Петербурге. В браке — герцогиня Лейхтенбергская.

159

Принц Эжен Роз (Евгений) де Богарне (3 сентября 1781–21 февраля 1824) — вице-король Италии, дивизионный генерал. Пасынок Наполеона.

160

Мазиров Леонид (Левон) — сын сестры Айвазовского, часто выполнял поручения художника по подготовке выставок, продаже картин и др.

161

«Русская старина», 1878. Т. 22. С. 441–442.

162

Айвазовский в возрасте 27 лет был избран членом четырех Академий художеств: Российской, Римской, Парижской, Амстердамской.

163

Решение Совета Академии о возведении И. И. Айвазовского в звание академика. От 13 сентября 1844 г.

164

Гагарин Григорий Григорьевич (29.4(11.5). 1810 года, Петербург — 30.1.1893 года, Шательро, Франция) — русский живописец и рисовальщик, исследователь искусства. Брал уроки у К. П. Брюллова. Вице-президент петербургской АХ (1859–1872).

165

В коллекции министра юстиции графа Панина были, в частности: «Вид Неаполя с группою рыбаков, слушающих импровизатора» и «Лунная ночь в Амальфи».

166

Одоевская Ольга Степановна, урожд. Ланская, княгиня (11.1.1797 года —18.5.1872 года) — дочь Степана Сергеевича Ланского и Марии Васильевны, с 17 сент. 1826 г. жена В. Ф. Одоевского. Встречалась с Пушкиным в литературном салоне мужа (конец 1820-х гг. — 1836). 16 мая 1828 г. О. присутствовала у Лавалей на чтении Пушкиным «Бориса Годунова». Пушкин упоминает О. в дневниковой записи от 3 марта 1834.

167

Литке Федор Петрович (1797–1882) — крупный русский мореплаватель, ученый-географ, один из основателей Русского географического общества, адмирал, генерал-адъютант.

168

Константин Николаевич, Великий князь (9 сентября 1827 года, Санкт-Петербург — 13 января 1892 года, Павловск, близ Санкт-Петербурга) — генерал-адмирал, второй сын императора Николая I.

169

Из письма И. К. Айвазовского графу Зубову о своих планах и предстоящей выставке картин в Феодосии. От 16 марта 1846 г. Феодосия.

170

Национальная картинная галерея имени И. К. Айвазовского — музей маринистической живописи, находящийся в г. Феодосия (Автономная республика Крым, Украина). Состоит из двух корпусов по адресу ул. Галерейная, 2 (основная экспозиция, работы И. Айвазовского) и ул. Галерейная, 4 (Дом сестры художника: научный отдел галереи «Русская и современная марина»). Первая экспозиция из 49 работ была открыта в 1845 г. в части обширного дома, принадлежавшего самому Ивану Айвазовскому. В 1880 г. к нему был пристроен еще один спроектированный художником выставочный зал. Галерея стала первым на территории Российской империи музеем одного художника. После смерти художника в 1900 г. галерея по его завещанию была передана родному городу художника. С 1922 г. галерея стала государственным музеем. В галерее находится собрание из около 12 тысяч произведений морской тематики, в том числе принадлежит самая большая в мире коллекция произведений И. К. Айвазовского (417 работ). *(Взято из Википедии.)*

171

Сомов Андрей Иванович (1830–1909) — председатель общества русских художников в Риме. С 1886 г. — старший хранитель Эрмитажа.

172

Собственноручная приписка художника А. Мокрицкого к письму В. Штернберга 13 мая 1845 г., Рим.

173

Петр I при Красной Горке, зажигающий костер для сигнала гибнущим судам своим. 1846 г. Холст, масло. 223 * 335 см. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург.

174

В. П. Пестель происходит из немецкого семейства Пестелей, поселившегося в России в конце XVII века, брат декабриста П. Пестеля.

175

Нерсес Аштаракеци (1770–1857) — католикос всех армян в 1843–1857 гг.

176

Из письма И. К. Айвазовского католикосу Нерсесу о вредной деятельности иезуитов. От 17 мая 1846 г. Феодосия.

177

Серов Александр Николаевич (1820–1871) — выдающийся русский композитор, отец художника В. А. Серова.

178

Стасов Владимир Васильевич (1824–1906) — музыкальный и художественный критик, историк искусства, этнограф и публицист. Родился в дворянской семье. Его отец — известный петербургский архитектор Василий Петрович Стасов.

179

Александр Пеолопидович Айвазовский, сын Пеолопида Латри и Елены Латри (в девичестве Елены Ивановны Айвазовской). С благословения Николая II единственный из внуков Айвазовского Александр Латри получил разрешение носить фамилию великого живописца.

180

Эчмиадзинский синод — высший орган армяно-григорианской церкви.

181

Елена Ивановна Айвазовская, дочь И. К. Айвазовского, вышла замуж за Пеолопида Латри. Сыновья Латри, Михаил Пеолопидович — художник, Александр Пеолопидович Латри (с благословения Николая II единственный из внуков получил разрешение носить фамилию великого живописца) — поручик нижегородского драгунского полка. Дочь София Пеолопидовна Латри — первый брак с Новосельским, второй — с князем Иверико Микеладзе.

182

Объявление об открытии выставки картин И. К. Айвазовского в Москве.

183

Ермолов Алексей Петрович (24.05.1777–11.04.1861) — русский военный и государственный деятель. Начал службу в армии под начальством А.В. Суворова. Отличился в Бородинской битве. С 1817 г. — главнокомандующий на Кавказе. Им была создана линия крепостей от Грозного до Екатеринодара (ныне Краснодар). Опираясь на военные и административные методы, он умиротворил многие кавказские племена, присоединил Абхазию, ханства Ширванское и Карабахское.

184

Из отчета Совета Московского художественного общества о выставке работ И. К. Айвазовского в залах училища ваяния и живописи в Москве. (1848 г.).

185

Алексей Кондратьевич Саврасов (1830–1897) — выдающийся русский художник-пейзажист, один из членов-учредителей Товарищества передвижников, учитель Исаака Левитана.

186

Девятый вал — 1850 год. Холст, масло. 221 * 332 см. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург.

187

Мария (Мариам) Ивановна Айвазовская, вышла замуж за Вильгельма Львовича Ганзена. Дочь Юлия (судьба неизвестна), сын — известный художник Ганзен, Алексей Вильгельмович.

188

Рамазанов Николай Александрович (1815–1868) — русский скульптор. С 1849 г. академик, с 1868 г. профессор Академии художеств.

189

Погодин Михаил Петрович (1800–1875) — русский историк, писатель, публицист. С 1841 г. академик. В 1841–1856 гг. издавал журнал «Москвитянин», где поместил ряд статей об Айвазовском.

190

Закревский Арсений Андреевич (24 сентября 1786 (или 1783) — 23 января 1865) — граф, русский военный и государственный деятель, генерал-губернатор Москвы (1848–1859).

191

Боде Лев Карлович (1787–1859) — барон, обер-гофмейстер, герой Отечественной войны 1812 года.

192

Третьяков Павел Михайлович (1832–1898) — российский предприниматель, меценат, собиратель произведений русского изобразительного искусства, основатель Третьяковской галереи.

193

Отношение министра уделов президенту Академии об отказе царя ассигновать сумму, необходимую для организации художественной школы в Крыму. От 31 марта 1853 г. ЦГИАЛ. Ф. 789. Оп. 2. Д. 66. Л. 10. (Подлинник.)

194

Осада Севастополя. 1854 г. 33 х 73 Холст, масло. Феодосийская картинная галерея им. И. К. Айвазовского.

195

Малахов курган (место, где был смертельно ранен Корнилов). 1892 г. 53,5 х 71,5. Холст, масло. Феодосийская картинная галерея им. И. К. Айвазовского.

196

Из письма И. К. Айвазовского к Л. А. Перовскому о своем решении остаться в Крыму и писать картины на военные темы. 19 января 1854 г.

197

Лазарев Христофор Екимович (1789–1871) — почетный попечитель Института восточных языков — Лазаревского института в Москве. В 1853 г. Айвазовский на даче Лазарева устроил выставку своих картин на военные темы в пользу «Женского комитета помощи недостаточным семействам воинов, назначенных для защиты столицы и Прибалтийских берегов».

198

Выписка из письма опубликована в книге Н. Барсамова «И. К. Айвазовский», 1962, стр. 82–83.

199

Бутаков Григорий Иванович (27 сентября (9 октября) 1820 года, Рига — 31 мая (12 июня) 1882 года, Санкт-Петербург) — русский военно-морской деятель, флотоводец, генерал-адъютант, адмирал, основоположник тактики парового броненосного флота, исследователь Чёрного моря.

200

Морской бой. 1855. Холст, масло. 35 * 42 см. Краснодарский краевой художественный музей им. Ф. А. Коваленко.

201

Тимм Василий Федорович (1820–1895) — русский художник, книжный иллюстратор. В 1851–1862 гг. издавал «Русский художественный листок», в котором 1858 г. (№ 10) поместил статью об Айвазовском.

202

Хрулёв Степан Александрович (1807–1870) — русский генерал, участник Среднеазиатских походов, герой Крымской войны.

203

Александр II Николаевич Освободитель (17 (29) апреля 1818 года, Москва — 1 (13) марта 1881 года, Санкт-Петербург) — император всероссийский, царь польский и великий князь финляндский (1855–1881) из династии Романовых. Старший сын сначала великокняжеской, а с 1825 года императорской четы Николая Павловича и Александры Фёдоровны.

Жанна Ивановна Айвазовская, дочь И. К. Айвазовского, в браке Арцеулова. Сын Константин Константинович Арцеулов, русский пилот и художник-иллюстратор.

Александра Фёдоровна (урождённая принцесса Фридерика Шарлотта Вильгельмина, известная также как Шарлотта Прусская,

206

Светлейший князь Александр Иванович Чернышёв (10 января 1786 года — 20 июня 1857 года) — российский генерал-адъютант, генерал от кавалерии, исполнял обязанности военного министра в 1827–1832 гг., с 1832 г. — военный министр Российской империи.

207

Грузинская Бетания («Вифания», буквально «Дом смокв») в честь рождества Пресвятой Богородицы мужской монастырь Мцхета — Тбилисской епархии Грузинской Православной Церкви. Расположен в 16 км от Тбилиси, в ущелье реки Вере около села Самадло.

208

Халибов (Халибян) Артемий Павлович (1790–1871) — богатый купец, городской голова Ново-Нахичевана, уполномоченный по церковным делам.

209

Долгоруков Дмитрий Иванович — поэт, сенатор, любитель и знаток живописи.

210

«Всемирный потоп». 1864. Холст, масло. 246,5 х 369.

211

Крамской Иван Николаевич (27 мая (8 июня) 1837 года, Острогожск — 24 марта (5 апреля) 1887 года, Санкт-Петербург) — русский живописец и рисовальщик, мастер жанровой, исторической и портретной живописи; художественный критик.

212

Мясоедов Григорий Григорьевич (7 (19) апреля 1834 года, село Паньково, ныне Новодеревеньковского района Орловской области — 18 (31) декабря 1911 года, Полтава) — российский живописец.

213

Ге Николай Николаевич (15 (27 февраля) 1831 года, Воронеж — 1 (13 июня) 1894 года, хутор Ивановский, Черниговская губерния) — русский живописец, мастер портретов, исторических и религиозных полотен.

214

Перов Василий Григорьевич (фамилия, данная при рождении — Васильев; 21 декабря 1833 года (2 января 1834 года), Тобольск — 29 мая (10 июня) 1882 года, с. Кузьминки, ныне в черте г. Москвы) — русский живописец, один из членов-учредителей Товарищества передвижных художественных выставок.

215

Репин Илья Ефимович (24 июля (5 августа) 1844 года — 29 сентября 1930 года) — русский художник, живописец, мастер портретов, исторических и бытовых сцен.

216

Суриков Василий Иванович (24 января 1848 года, Красноярск — 19 марта 1916, Москва) — русский живописец, мастер масштабных исторических полотен.

217

Дубовской Николай Никанорович — (5 (17) декабря 1859 года, Новочеркасск — 28 февраля 1918 года, Петроград) — крупный русский живописец отечественной пейзажной школы рубежа XIX и XX веков, видный общественный деятель, член и впоследствии один из руководителей Товарищества передвижников.

218

Маковский Владимир Егорович (26 января (7 февраля) 1846, Москва — 21 февраля 1920 года, Петроград) — русский художник-передвижник, живописец и график, педагог, мастер жанровой сцены; академик (1873), действительный член Петербургской Академии художеств (1893). Брат К. Е. Маковского.

219

Прянишников Илларион Михайлович (1840–1894) — русский художник и педагог, мастер жанровой живописи, действительный член Петербургской Академии художеств (с 1893), один из основателей Товарищества передвижников.

220

Саврасов Алексей Кондратьевич (1830–1897) — выдающийся русский художник-пейзажист, один из членов-учредителей Товарищества передвижников, учитель Исаака Левитана.

221

Максимов Василий Максимович (17 (29) января 1844 года, деревня Лопино, близ Новой Ладоги — 18 ноября (1 декабря) 1911 года, Санкт-Петербург) — российский художник, передвижник, живописец-жанрист.

222

Савицкий Константин Аполлонович (6 июня 1844 года, Таганрог — 13 февраля 1905 года, Пенза) — российский художник, академик живописи.

223

Васнецов Аполлинарий Михайлович (25 июля (6 августа) 1856 года — 23 января 1933 года) — русский художник, мастер исторической живописи, искусствовед. Васнецов Виктор Михайлович (3 (15) мая 1848 года, село Лопьял, Вятская губерния, Российская империя — 23 июля 1926 года, Москва, СССР) — русский художник и архитектор, мастер живописи на исторические и фольклорные сюжеты.

224

Куинджи Архип Иванович 15 (27) января 1841-го (по другой версии, 1842 года), местечко Карасу (Карасёвка), ныне в черте Мариуполя, Украина — 11 (24) июля 1910 года, Санкт-Петербург, Российская империя) — русский художник, мастер пейзажной живописи.

225

Келин Пётр Иванович (1874–1946) — русский живописец. Родился 16 января 1874 года в селе Белоомут Рязанской губернии. В 1894–1904 гг. учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества.

226

Поленов Василий Дмитриевич (20 мая (1 июня) 1844 года, Санкт-Петербург — 18 июля 1927 года, усадьба Борок, Тульская область) — русский художник, мастер исторической, пейзажной и жанровой живописи, педагог. Народный художник РСФСР (1926).

227

Ярошенко Николай Александрович (1(13) декабря 1846 года, Полтава — 26 июня (7 июля) 1898 года, Кисловодск) — русский и украинский живописец и портретист.

228

Левитан Исаак Ильич (18 (30) августа 1860 года — 22 июля (4 августа) 1900 года) — русский художник, мастер «пейзажа настроения».

229

Серов Валентин Александрович (1865–1911) — русский живописец и график, мастер портрета.

230

Корин Алексей Михайлович (16 марта 1865–13 февраля 1923 года — русский художник, член Товарищества передвижных художественных выставок, профессор Московского училища живописи, ваяния и зодчества.

231

Архипов Абрам (15 (27) августа 1862 года — 25 сентября 1930 года) — русский живописец, передвижник.

232

Суренянц Вардгес Акопович (27 февраля (10.03) 1860 года, Ахалцихе, — 6 апреля 1921 года, Ялта) — армянский живописец, график, театральный художник и теоретик искусства.

233

Моравов Александр Викторович (8(20). 12.1878 года, с. Великая Мотовиловка, ныне Фастовского района Киевской обл., — 23.2.1951 года, Москва) — советский живописец, заслуженный деятель искусств РСФСР (1946), действительный член АХ СССР (1949). Учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (1897–1902) у А. Е. Архипова, Н.А. Касаткина. Преподавал в ряде художественных учебных заведений Москвы. Член Товарищества передвижных художественных выставок (с 1904; см. Передвижники) и АХРР (с 1923).

234

Шишкин Иван Иванович (1832–1898) — русский художник-пейзажист, живописец, рисовальщик и гравер-аквафортист. Академик (1865), профессор (1873), руководитель пейзажной мастерской (1894–1895) Академии художеств. Член-учредитель Товарищества передвижных художественных выставок.

Докладная записка конференц-секретаря вице-президенту Академии о намерении И. К. Айвазовского открыть в Феодосии художественную мастерскую и о зачислении его на службу в Академию. 16 февраля 1865 г., Петербург. Производитель дел В. Зворский.

235

Фесслер Адольф Иванович — родился 8 апреля 1826 года в Богемии, в Дейчброде. В 30-х гг. XIX столетия отец Фесслера вместе с семьей переехал в Крым, в Симферополь. Здесь будущий художник поступил на работу к каретному мастеру. Известный в те годы в Симферополе художник Гросс, преподаватель гимназии, заметил склонность к живописи у юного каретника, сообщил ему начальные сведения по рисунку и порекомендовал ему поехать в Феодосию — учиться у Айвазовского.

236

Краббе Николай Карлович (19 сентября 1814 года — 3 января 1876 года) — русский адмирал, устроил первые базы на Дальнем Востоке, создал боеспособные океанские эскадры и преобразовал парусный деревянный русский флот в паровой и броненосный.

237

Тамамшев Гавриил Иванович (годы жизни не установлены) — армянский меценат и благодетель, купец 1-й гильдии, почетный гражданин Тифлиса и Ставрополя, коммерции советник, кавалер ордена Станислава 3-й степени.

238

Вид Гуниба. 1868. Холст, масло. Дагестанский музей изобразительных искусств имени П. С. Гамзатовой.

239

Дарьяльское ущелье. 1868. 22 х 29,5. Холст, масло. Национальная галерея Армении.

240

«Цепи кавказских гор». 1 868 139x170 см. Холст, масло. Ярославский художественный музей.

241

Вид Тифлиса от Сейд-Абаза. 1868. Холст, масло. Национальный музей Грузии.

242

Кеворк IV, Геворг IV Костанднуполсеци (5 (17) июля 1813 года — 6 (18) декабря 1882 года) — Патриарх и Католикос всех армян, Глава Армянской Апостольской Церкви с 1865 года по 1882 год.

243

Матенадаран, архив Католикоса. П. 203. Д. 879. Л.1. (Перевод с армянского.)

244

Ответы И. К. Айвазовского взяты из сборника «Айвазовский. Документы и материалы» (Ереван. «Айастан». 1967 г.) и «Айвазовский» (Л. Вагнер, Н. Григорович. Серия «ЖВИ». Москва, 1970.

245

Пётр Степанович Котляревский (12 (23) июня 1782 года, с. Ольховатка Купянского уезда Харьковской губернии — 21 октября (2 ноября) 1852 года) — генерал от инфантерии, покоритель территории современного Азербайджана.

246

Постановление Совета Академии о представлении профессора Айвазовского к чину действительного статского советника. 23 января 1870 г.

247

Исеев Петр Федорович (р. 1831 г.) — конференц-секретарь Академии художеств с 1866 по 1889 г.

248

Абдул-Азиз (1830–1876), 32-й султан Османской империи и второй султан периода танзимата, реформ, начатых его братом султаном Абдул-Меджидом I и проводившихся министрами Али-пашой и Фуад-пашой.

249

Бальян Саркис (Палян Саркис) (1835–1899) — архитектор, строитель. Получил образование в Париже. В 1840 г. — зодчий Саркис Бальян построил по указу султана Абдулмеджида I Дворец Меджидие. Дворец

250

Готфрид Бульонский, Годфруа де Бульон (ок. 1060 года, Булонь— 18 июля 1100 года, Иерусалим) — граф Бульонский (1076–1096), герцог Нижней Лотарингии (1087–1096), был сыном Эсташа, графа Булонского и Иды, дочери Готфрида III Горбатого. Один из предводителей Первого крестового похода 1096–1099 гг. на Восток, после захвата Иерусалима был провозглашен правителем Иерусалимского королевства (с 1099). Отказавшись короноваться в городе, где Христос был коронован терновым венцом, Готфрид вместо королевского титула принял титул барона и «Защитника Гроба Господня».

251

Игнатьев Николай Павлович (1832–1908) — дипломат и государственный деятель. В 1864–1877 гг. русский посланник в Турции. В дальнейшем — министр внутренних дел.

252

Михаил Пелеопидович Латри (19 (31) октября 1875 года, Одесса — 11 февраля 1942 года, Париж) — внук И. К. Айвазовского, живописец, художник по керамике, представитель киммерийской школы живописи.

253

София Пелопидовна Латри, внучка Айвазовского. От первого брака с Новосельским имела дочь Ольгу Новосельскую, от второго с князем Иверико Микеладзе дочь Гаяне Микеладзе.

254

Латри Александр Пелопидович Айвазовский (18.19.12.1883 года, Одесса, Украина — 1958 год. Поручик Нижегородского драгунского полка.

255

Николай II Александрович (6 (18) мая 1868 года, Царское Село — 17 июля 1918 года, Екатеринбург) — император Всероссийский, царь Польский и Великий князь Финляндский, последний император Российской империи (20 октября (1 ноября) 1894 года — 2 (15) марта 1917 года).

256

Из письма И. К. Айвазовского к Г. А. Эзову с ходатайством о представлении к награде двух попечителей евпаторийских учебных заведений. 17/25 ноября 1876 г., Флоренция.

257

Ганзен Алексей Васильевич (Вильгельмович) (2 февраля 1876 года, Одесса — 19 октября 1937 года, Дубровник, Хорватия) — российский художник-маринист, профессор, коллекционер, художник Морского министерства России, надворный советник со старшинством, почётный член Попечительств детских приютов.

258

Жозеф Николя Робер-Флёри (род. 8 августа 1797 г. Кёльн — ум. 5 мая 1890 г. Париж) — французский художник.

259

Лефевр Ж. — Жюль Жозеф Лефевр (14 марта 1836 года, Турне — 24 февраля 1911 года, Париж) — французский салонный художник XIX века, специализировавшийся на изображении прекрасных девушек.

260

Гаевский Виктор Павлович (1826–1888) — литератор, историк литературы, друг Герцена, Тургенева, Некрасова.

261

Саркизова Анна Никитична (Анна Мгртчян Сарсизова) — в девичестве Бурназян, впоследствии Анна Айвазовская.

262

Келлер (Вильди) И. П. (1826–1899) — известный эстонский живописец и общественный деятель. Профессор Петербургской Академии художеств.

263

Абдулла Геворк Абрамович (Аствацатурян) (1839–1919) — близкий друг Айвазовского в Константинополе. Фотограф и литератор.

Салов Василий Васильевич — инженер, родился в 1839 г. По окончании в 1858 г. курса наук в Институте корпуса инженеров путей сообщения определен был на службу в Главное управление путями сообщения и публичными зданиями. В 1863 г. назначен для преподавания строительного искусства в институте и избран конференцией в 1867 г. экстраординарным профессором. Командированный неоднократно за границу для осмотра важнейших гидротехнических и железнодорожных сооружений Европы, С. знакомил русских инженеров с результатами своих наблюдений статьями, помещавшимися в «Журнале Главного Управления» (ныне «Журнал Министерства Путей Сообщения»).

265

Эзов Герасим Артемович (Езян Карапет) (1835–1905) — известный армянский ученый, магистр востоковедения, общественный и государственный деятель. Долгое время служил в Министерстве народного просвещения.

Крамской И. Н. Письма. М., 1937. Т. 2. С. 373, а также «Книга для чтения по истории русского искусства». Вып. IV, 1948. С. 28–29.

267

Доклад президента Академии художеств министру Двора о 50-летии художественной деятельности И. К. Айвазовского и необходимых мероприятиях в связи с юбилеем. От 20 марта 1887 г.

268

Рихтер Оттон Борисович (Антон Берхардович) — генерал-адъютант, с 1884 г. Заведовал канцелярией по принятию прошений на имя царя.

269

Сообщение И. К. Айвазовскому о решении Академии праздновать 50-летний юбилей его художественной деятельности. От 1 сентября 1887 г.

270

Объявление Академии художеств о праздновании юбилея И. К. Айвазовского. Сентябрь 1887 г.

271

Переписка канцелярии Академии художеств с Главным морским штабом о предметах, необходимых для декорирования зала по случаю юбилея И. К. Айвазовского. 29 сентября 1887 г.

272

Адамян Петрос Иеронимович (21 декабря 1849 года, г. Константинополь — 15 июня 1891года. В 1866 г. — начал сценическую деятельность в Армянском театре в Константинополе. 1870 г. — с труппой режиссёра Т. Фасуладжяна приехал в Россию, играл в Нахичеване-на-Дону. 1877–1878 гг. — в годы Русско-турецкой войны выступал с чтением патриотических стихов армянских поэтов. С 1879 г. переехал в Россию, выступал в Тифлисе, Баку, Шуше, Александрополе.

273

Боголюбов Алексей Петрович (1824–1896) — известный русский художник-маринист, с 1858 г. академик. С 1873 г. был назначен Академией художеств наблюдателем за пансионерами во Франции. «Общество русских художников», организованное им в Париже, имело целью оказать помощь молодым художникам.

27 4

Сомов Андрей Иванович (15(27) мая 1830 года, Санкт-Петербург — 30 мая (12 июня) 1909 года Санкт-Петербург) — российский искусствовед и музейный деятель. Андрей Иванович Сомов — отец художника Константина Андреевича Сомова.

275

Чижов Матвей Афанасьевич (10 (22) ноября 1838 года, деревня Пудово Подольского уезда Московской губернии — 28 мая (10 июня) 1916 года, Петроград) — российский скульптор.

Гаевский, Виктор Павлович (1826–1888) — писатель. Окончил курс в Александровском лицее, служил в комиссии прошений и Министерстве народного просвещения; должен был оставить службу из-за дружбы с Герценом. Позднее был присяжным поверенным и несколько лет членом совета присяжных поверенных округа петербургской судебной палаты.

277

Бенуа Николай Леонтьевич (1(13) июля 1813 года, Санкт-Петербург— 11(23) декабря 1898 года, Санкт-Петербург) — российский архитектор.

278

Помяловский Николай Герасимович (1835–1863) — один из первых и наиболее значительных писателей радикальной мелкой буржуазии 60-х годов.

279

Семенов (с 1906 г. Семенов-Тян-Шанский) Петр Петрович (1827–1914) — русский географ, общественный деятель, путешественник.

280

Семевский Михаил Иванович родился 4 (16) января 1837 года в селе Федорцево Великолукского уезда — русский историк, журналист, общественный деятель.

281

Сазонов Н. Ф. (1843–1902) — артист Александрийского театра.

282

Горбунов И. Ф. русский прозаик, автор сцен из быта городского мещанства и крестьянства последней трети XIX века, рассказчик и актер.

283

Жулева Екатерина Николаевна (по мужу Небольсина) (30 августа (11 сентября) 1830 года — 29 июня (12 июля) 1905 года, Петербург — русская актриса. В 1847 г. окончила Санкт-Петербургское театральное училище. С 1846 г. участвовала в спектаклях Александрийского театра.

284

Леонидов Леонид Львович (настоящая фамилия Стакилевич) (18 апреля 1821 года, Санкт-Петербург — 5 августа 1889 года) — выдающийся русский драматической артист.

285

Письмо И. К. Айвазовского к Г. А. Эзову об открытии фонтана в Феодосии и о предстоящих своих поездках. 14 сентября 1888 г.

286

Абдул-Хамид II; Абдул-Гамид (22 сентября 1842 года — 10 февраля 1918 года, Константинополь) — 34-й султан и 99-й халиф Османской империи, правил в 1876–1909 гг.

287

Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912) — русский журналист и издатель, владелец и редактор официозной газеты «Новое время».

288

Письмо И. К. Айвазовского к А.С. Суворину о ходе постройки его дома и об окончании строительства водопровода в Феодосии. 25 октября (1888 г.), Феодосия.

289

Спендиаров Александр Афанасьевич (Спендиарян) (1 ноября 1871, Каховка — 7 мая 1928 года, Ереван) — армянский композитор и дирижёр, народный артист Армении (1926). Ученик Н. Кленовского и Римского-Корсакова.

290

«Литературное наследство» № 2; А. Спендиаров. Письма. 1962, Ереван. С. 98–99.

291

Архив ФКГА. Воспоминание К. К. Арцеулова; см. также: Н. Бар-самов. И. К. Айвазовский. 1962. С. 130.

292

Из письма И. К. Айвазовского к А.С. Суворину о предполагаемой выставке своих картин в Париже. 22 февраля (1890 г.]) Феодосия.

293

Толстой Иван Иванович — граф, конференц-секретарь Академии художеств с 1889 по 1893 г., а с 1893 г. вице-президент Академии.

294

Бернштам Леонид Адольфович (1859–1939) — русский скульптор, автор мраморного бюста Айвазовского (1887). Родился в Риге в еврейской семье. Учился у профессора скульптуры Д. И. Иенсена. Посещал рисовальную школу общества поощрения художеств в СПб., классы Императорской Академии художеств (вольнослушатель с 1877 по 1883 г.) С 1885 г. жил в Париже и заведовал художественною частью в музее Гревена. В Россию приезжал для выполнения заказов.

295

Из письма И. К. Айвазовского Его святейшеству, Верховному Патриарху всех армян католикосу Мкртычу.

296

Рубинштейн Антон Григорьевич (1829–1894) — российский пианист, композитор и дирижёр.

297

Венявский Генрик, в России Генрих Иосифович Венявский (10 июля 1835 года, Люблин — 31 марта 1880 года, Москва) — знаменитый польский скрипач и композитор.

298

Самокиш Николай Семенович (13(25).10.1860 года, Нежин, — 18.1.1944 года, Симферополь) — советский живописец и рисовальщик-баталист, заслуженный деятель искусств РСФСР (1937).